

107
91
108

91
108

91
108
И. Эндзелинъ.

СЛАВЯНО-БАЛТІЙСКІЕ ЭТЮДЫ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
Донецъ-Захаржевская, с. д. № 6.

1911.

61

38

На основаніи ст. 41 § 1 п. 4 и ст. 138 Унив. Устава печатать и выпустить
въ свѣтъ разрѣшается. Мая 13 дня 1911 г.

Ректоръ Харьковскаго Университета Дм. Багалъй.

91
108
И. Эндзелинъ.

СЛАВЯНО-БАЛТІЙСКІЕ ЭТЮДЫ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
Донецъ-Захаржевская, с. д. № 6.

1911.

С. 3

С. 3

2011109979

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Начавъ писать грамматику латышскаго языка, я скоро наткнулся на необходимость выяснить себѣ родственныя отношенія балтійскихъ языковъ къ славянскимъ; и это было для меня тѣмъ болѣе необходимо, что мнѣнія языковѣдовъ объ этомъ совершенно расходятся между собою. Если бы всѣ данныя славянскихъ и балтійскихъ языковъ, которыя могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ, были незыблемо установлены и надлежащимъ образомъ освѣщены, то осталось бы только сгруппировать и сопоставить эти данныя и на ихъ основаніи сдѣлать выводы, и работа надъ этимъ могла бы вылиться въ форму журнальной статьи. Но, приступивъ къ работѣ надъ этимъ вопросомъ, я вскорѣ убѣдился въ отсутствіи указанныхъ условій по отношенію къ значительной части всего матеріала: приходилось мнѣ кое-гдѣ самому устанавливать факты и въ нерѣдкихъ случаяхъ разногласія въ объясненіи установленныхъ фактовъ, а изрѣдка также при наличности общепринятаго объясненія вырабатывать свой взглядъ на соотвѣтственный вопросъ. Такимъ образомъ, моя работа надъ вопросомъ о славяно-балтійскомъ праязыкѣ разрослась въ цѣлую книгу.

Такъ какъ она по нѣкоторымъ причинамъ печаталась по черновику, то, къ сожалѣнію, остались неустраненными нѣкоторыя (не существенныя) непослѣдовательности въ правописаніи, шереховатости слога и недосмотры въ расположеніи матеріала. Извиняюсь также за то, что вкралось нѣсколько опечатокъ. Изъ нихъ я отмѣчаю въ концѣ книги только такія, которыя могли бы ввести читателя въ заблужденіе; опечатки же вродѣ *хυλινδεῖτ* 9, 26 (вмѣсто *хυλινδεῖν*),

евр 46, 25 (вмѣсто евр.), *ainesmu* 61¹ (вмѣсто *ainesmu*), этотъ 96, 33 (вм. этотъ), *krawia* 104² (вм. *krawia*), *dialektes* 118, 22 (вм. *dialectes*) читатель самъ легко исправить. Я тутъ самъ указываю на эти формальные недостатки, чтобы они не мѣшали рецензентамъ моей книги заниматься ею по существу.

Въ другихъ формальныхъ недостаткахъ я лично менѣе виноватъ. Такъ какъ въ здѣшней типографіи не оказалось всѣхъ нужныхъ для меня знаковъ, то нѣсколько балтійскихъ, славянскихъ и санскритскихъ словъ остались безъ знаковъ ударенія. Той же причиной обусловлены нѣкоторыя особенности транскрипціи. Такъ, въ санскритскихъ словахъ *v* обозначаетъ церебральное *n*, *δ*—церебральное *d*, некурсивное (прямое) *n* (какъ и въ авестійскихъ словахъ)—задненебное *n*, *š*—церебральное *š*; *ā* въ авест. словахъ—долгое *ā*, *a*—*a* со знакомъ долготы, *t*—звукъ, получившійся изъ *t* въ концѣ слова; *o* въ арм. словахъ=*r* съ точкой вверху у Бругмана, *ths*=*c* съ точкой внизу у Бр., *ğ* (какъ и въ авест. словахъ)=аффрик. *dž*; *ĩ* въ албанскомъ=*r* со знакомъ долготы у Бр.; *ð* въ древне-исландскомъ обозначаетъ звонкій межзубный спирантъ; *u* въ литовскомъ—назализованное *u*, *i*—назализованное *i*. Въ третьемъ и четвертомъ листахъ, гдѣ приводится много литовскихъ словъ съ *š*, я отчасти долженъ былъ замѣнять это *š* черезъ *sz*; въ началѣ книги встрѣчается въ литовскихъ словахъ *ai* вмѣсто *ai*. Такъ какъ не имѣлось *ı* и *ė* со знаками интонацій, то я въ литовскихъ и латышскихъ словахъ вмѣсто *ı* и *ė* пишу *uo* и *ie*; за неимѣніемъ соотвѣтствующаго знака я не могъ въ латышскихъ словахъ отличать открытаго *e* отъ закрытаго *e* (какъ извѣстно, это различіе зависитъ отъ качества послѣдующаго слога, и поэтому этотъ недостатокъ менѣе чувствителенъ). Вслѣдствіе отсутствія курсивныхъ буквъ съ діакритическими знаками приходилось допускать антикву рядомъ съ курсивомъ.

Такъ какъ настоящій мой трудъ не имѣетъ характера справочной книги, то къ полнотѣ библіографіи я вообще не стремился, но приводилъ литературу только тамъ, гдѣ

это по той или другой причинѣ мнѣ казалось цѣлесообразнымъ. Изъ употребленныхъ мною сокращеній нуждаются въ объясненіи слѣдующія: BW.=Barons un Wissendorffs, Latwju dainas; LP.=Lerchis-Puschkaitis, Latweeschu tautas teikas un pasakas; Лхр.=Э. Вольтеръ, Литовская хрестоматія; LF.=Listy filologické; PBrB.=Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur.

Въ заключеніе приношу искреннюю благодарность Историко-Филологическому Факультету Императорскаго Харьковскаго Университета, быть членомъ котораго вмѣняю себѣ въ честь, за ассигновку средствъ на печатаніе этой книги; своему коллегѣ проф. Ст. М. Кульбакину за чтеніе корректуръ и еще болѣе за ту нравственную поддержку въ тяжелое для меня время, благодаря которой я сохранялъ свою работоспособность; своему бывшему учителю проф. Д. Н. Кудрявскому, наводившему для меня справки въ неимѣющихся здѣсь книгахъ и присылавшему мнѣ даже цѣлыя книги для справокъ; и—last, not least—своему молодому другу stud. phil. К. К. Бугѣ, снабдившему меня обильнымъ матеріаломъ по литовскому языку (гдѣ я имъ воспользовался, тамъ это въ текстѣ оговорено).

Харьковъ, 25 апрѣля 1911 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Къ вопросу о славяно-балтійскомъ праязыкѣ	1— 3
А. Изъ области фонетики	3—128
Отношеніе прабалт. <i>ur, ul, um, un</i> и праслав. <i>ur, ul, um, un</i> къ прабалт. <i>ir, il, im, in</i> и праслав. <i>ir, il, im, in</i>	3— 24
Упрощеніе «двойныхъ» согласныхъ	24— 28
Совпаденіе звонкихъ и звонкихъ придыхательныхъ взрывныхъ; переходъ <i>-m</i> въ <i>-n</i> ; отпаденіе <i>-d</i> и <i>-t</i> ; выпаденіе <i>d</i> передъ <i>m</i> и <i>v</i>	28
Судьба иде. <i>s</i> послѣ <i>r, k, i, u</i> (въ литовскомъ 29—60 [послѣ <i>r</i> 29—33; послѣ <i>k</i> 33—39; <i>ks-:sk-</i> 39—50; <i>š</i> послѣ <i>i, u</i> ? 50—60; <i>š</i> изъ <i>s</i> между <i>i</i> и <i>k</i> 54—57]; въ прусскомъ 60—68 [пр. формы творит. пад.? 61 ¹ ; судьба сочетанія <i>sj</i> 65—68]; въ славянскомъ 69—74 [<i>x</i> изъ <i>s</i> не послѣ <i>r, k, i, u</i> 70—72]; <i>z</i> изъ <i>s</i> 74—78)	28— 78
<i>jau</i> изъ <i>eu</i>	78— 84
<i>aц</i> изъ <i>eu</i> не передъ <i>e, i</i> (балт. <i>a</i> изъ <i>e</i> передъ <i>ra, la, na</i> 89—94; <i>va-</i> изъ <i>ve-</i> передъ <i>a</i> 91 ¹ ; удлиненіе гласныхъ подъ побочнымъ удареніемъ 100 ¹)	84—104
Утрата <i>ц-</i> передъ <i>r</i> и <i>l</i>	104
Совпаденіе въ переносѣ ударенія	105—106
Совпаденіе иде. <i>a</i> и <i>o</i>	106—107
Судьба иде. <i>-dd(h)-</i> въ славянскомъ (лит. <i>zd</i> изъ <i>žd</i> 110—114)	108—114
Слав. <i>x</i> изъ иде. <i>kh</i>	114—128
В. Изъ области морфологіи	128—190
Общія явленія словообразованія	128—132
Изъ именной флексіи. а) Изъ склоненія основъ на <i>-(i)o</i> (ген. s. 132—138; ном. pl. 138—152 [балт. утрата формы 3 л. множ. ч. 139—140; судьба акутованныхъ	

конечныхъ слоговъ въ литовскомъ 143—146; праслав. -i вмѣсто -ě 147—152]; dat. pl. 152—158 [праслав. -z изъ иде. -os? 155—158]; dat. s. 158—162; i. pl. въ славянскомъ 162—165 [авест. i. pl. на -uš? 162—164]; лит. voc. s. 165; i. s. 165; лит. loc. s. 166—167 [формы loc. s. на -ie и -i 166; пр. и лит. нарѣчія на -ai 166²]; a. pl. 167—170 [лит. *ai* изъ акутованнаго *a*? 170²]; 132—170; b) изъ склоненія основъ на -ā 171—172; c) изъ склоненія основъ на -i и на -u (nom. gen. pl. 172—177 [слав. *uj* изъ *ej*? 172—174; балт. nom. pl. 175—177; лат. gen. s. 175²; иде. -es въ литовскомъ 175—176; лит. nom. pl. на -ies 176¹; выпаденіе гласныхъ въ латышскомъ послѣ *j* и *v* 176—177]; loc. s. основъ на -i въ литовско-латышскомъ 177—179; loc. s. основъ на -u въ литовско-латышскомъ 179) 172—179; d) изъ склоненія основъ на согласные 179—180 . . . 132—180

Изъ мѣстоименной флексіи. а) Личныя мѣстоименія (gen., dat. s. 180—181 [*min-* 181]; acc. s. [пр. *tien*, *tien*, *sien*] 181—184; nom. pl. 184; косвенные падежи множ. чис. 184—185) 180—185; притяжательныя мѣстоименія 185—186; б) указательныя и вопросительныя мѣстоименія (gen. s. 186—189 [пр. dat. s. *maiāsmi*, *tvai(ā)smi*, *swaiāsmi* 188]; dat., loc. s. 189) 186—190 . 180—190

Изъ глагольной флексіи 190

С. Изъ области синтаксиса. . . . . 190—192

D. Сходство словарнаго состава . . . . . 192—200

Заключеніе . . . . . 200—202

Поправки и дополненія . . . . . 203—205

Указатель словъ . . . . . 206—208

Къ вопросу о славяно-балтійскомъ праязыкѣ.

Еще недавно въ лингвистической литературѣ едва ли не единогласно признавалось близкое родство славянскихъ языковъ съ балтійскими, и о «славяно-балтійскомъ праязыкѣ» говорили съ такою-же увѣренностью, какъ объ индо-иранскомъ праязыкѣ. Большинство языковѣдовъ, повидимому, и теперь еще считаетъ единство славяно-балтійскихъ языковъ настолько очевиднымъ, что гипотеза объ особомъ ихъ праязыкѣ принимается чуть не за аксіому. Такъ, на примѣръ, по мнѣнію Гирта (*Die Indogermanen* II 589) черты сходства славянскихъ языковъ съ балтійскими столь многочисленны, что всѣхъ ихъ даже перечислить нельзя. Въ новѣйшее время, однако, все это оспариваютъ такіе выдающіеся лингвисты и вмѣстѣ съ тѣмъ знатоки славянскихъ языковъ, какъ Бодуэнъ-де-Куртенэ и Мелье. По мнѣнію перваго изъ нихъ (*Ж. М. Н. Пр.* СССХХХХVI 330 сл.) въ пользу предположенія общей «эпохи литво-славянской» говорить ничуть не больше и, пожалуй, даже меньше доводовъ, нежели противъ этого предположенія, такъ что мы де имѣемъ полное право считать его ученою фикціей; и далѣе Бодуэнъ-де-Куртенэ тамъ же рѣшительно утверждаетъ, что такого славяно-балтійскаго праязыка никогда не существовало. Доводы противъ предположенія общей славяно-балтійской эпохи, однако, къ сожалѣнію имъ не приводятся. Мелье же говоритъ объ этомъ вопросѣ подробнѣе и въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Въ предисловіи къ II части своихъ *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*, которая посвящена славянскому словообразованію, Мелье говоритъ, что въ области словообразованія славянскіе языки сильно отличаются отъ балтійскихъ языковъ, и что число славянскихъ именныхъ основъ, точно соответствующихъ балтійскимъ основамъ, не велико. И вообще, по его

мнѣнію, въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ вовсе нѣтъ такого количества общихъ новообразованій, какъ часто полагаютъ, такъ что предположеніе общей славяно-балтійской эпохи ему не кажется позволительнымъ. Мелье даже сомнѣвается, чтобы сходство славянскихъ языковъ съ балтійскими было больше сходства кельтскихъ языковъ съ италійскими. Указанныя же Бругманомъ общія новообразованія славянскихъ и балтійскихъ языковъ Мелье считаетъ не существенными или даже сомнительными. Кромѣ того, продолжаетъ Мелье, два сосѣднихъ индоевропейскихъ языка, развиваясь— даже независимо другъ отъ друга—при столь одинаковыхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ и условіяхъ, какъ славянскіе и балтійскіе языки, не могутъ наконецъ не имѣть общихъ чертъ; поразительно поэтому не то, что славянскіе и балтійскіе языки представляютъ сходныя черты, но скорѣе то, что такихъ сходныхъ чертъ такъ мало, и что онѣ такъ маловажны. Въ своей *Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes* Мелье еще рѣзче высказывается противъ предположенія общей славяно-балтійской эпохи: между тѣмъ какъ онъ болѣе или менѣе рѣшительно признаетъ даже общую итало-кельтскую эпоху (ср. стр. 41 и 382), довольно многочисленныя черты сходства славянскихъ языковъ съ балтійскими по его мнѣнію обусловлены скорѣе параллельнымъ развитіемъ этихъ языковъ, чѣмъ ихъ позднимъ разъединеніемъ; новообразованія же ихъ скорѣе сходны, чѣмъ тождественны (стр. 46). Въ новѣйшемъ же своемъ трудѣ (*Les dialectes indo-européens*), гдѣ гипотеза объ эпохѣ итало-кельтскаго единства излагается съ еще большею увѣренностью, Мелье, подробнѣе разсматривая предположеніе общей славяно-балтійской эпохи, приходитъ къ заключенію, что славянскіе и балтійскіе языки являются потомками одной и той же группы говоровъ индоевропейскаго праязыка, что они развивались при одинаковыхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ и условіяхъ, и что, можетъ быть, была даже болѣе или менѣе продолжительная эпоха единства, которая, однако, не произвела никакихъ значительныхъ общихъ новообразованій. Такъ какъ я съ этими выводами Мелье не вполне согласенъ, считая, подобно большинству языковѣдовъ, предположеніе общей славяно-балтійской эпохи не только возможнымъ, но

даже правдоподобнымъ, то я тутъ подвергну этотъ вопросъ подробному разсмотрѣнію.

Въ этомъ вопросѣ съ полнымъ правомъ придаютъ общимъ новообразованіямъ больше значенія, чѣмъ такимъ общимъ чертамъ, которыя одинаково восходятъ къ эпохѣ общаго индоевропейскаго праязыка. Но указано уже также, что и сходныя новообразованія въ двухъ языкахъ могутъ быть лишь случайнымъ совпаденіемъ; такъ, напримѣръ, въ германскомъ и армянскомъ звонкіе взрывные согласные одинаково превратились въ глухіе, но одно это еще не доказываетъ болѣе близкаго родства германской и армянской вѣтвей, но является по всей вѣроятности только случайнымъ совпаденіемъ, ср. Meillet, *Les dialectes indo-européens* стр. 89 слл. Итакъ, число общихъ новообразованій должно быть болѣе или менѣе значительнымъ, чтобы имѣть доказательную силу; а съ другой стороны, значительное число общихъ чертъ, ведущихъ свое начало отъ индоевропейскаго праязыка, также врядъ ли лишено всякой доказательной силы, и поэтому на-ряду съ общими новообразованіями мною будутъ приведены также общія черты старины. При этомъ я къ числу общихъ особенностей, указанныхъ уже Ганушемъ (*Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego akademii umiejętności w Krakowie* XI 249 слл.), Бругманомъ (*Grundriss der vergleichenden Grammatik* I² 20 сл.) и Гиртомъ (*Die Indogermanen* II 589 сл.), прибавлю еще нѣсколько другихъ.

А. Изъ области фонетики.

Уже Ганушъ I. с. и Бругманъ I. с. указали на большое сходство въ дальнѣйшемъ развитіи праиндоевроп. *g, l, m, n*¹⁾ въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ: праиндоевр. *g, l, m, n* > прабалт. *ig, il, im, in* (рѣже *ur, ul, um, un*), праслав. *ьr, ъл, ъм, ън* (рѣже *ѣr, ѣл, ѣм, ѣн*; а прасл. *ь, ѣ*, какъ извѣстно, получаютъ изъ праиндоевр. *i, u*), причемъ въ прабалтійскомъ эти сочетанія сохраняются во всякомъ

¹⁾ Этими буквами я пользуюсь (по отношенію къ индоевр. праязыку) только какъ общеизвѣстными условными знаками; какъ звучали въ дѣйствительности обозначаемые ими звуки, этого мы не знаемъ (т. е. по крайней мѣрѣ, одна часть языковѣдовъ).

положеніи, между тѣмъ какъ въ праславянскомъ сочетаніи *ѣм*, *ѣи* (*ѣм*, *ѣи*) въ положеніи передъ согласными подвергаются дальнѣйшимъ измѣненіямъ¹⁾. Это сходство, правда, было бы лишено доказательной силы въ данномъ вопросѣ, если бы подтвердилось мнѣніе Вондрака (Vergl. slav. Gramm. I 327 слл.), по которому гласные передъ (и изрѣдка послѣ) *l*, *r*, *m*, *n* возникли только послѣ распада славяно-балтійскаго единства, такъ что въ праславянской и прабалтійской²⁾ языки перешли еще *l̥*, *r̥*, *m̥*, *n̥*. Но доводы Вондрака не убѣдительны. Онъ ссылается, главнымъ образомъ, на то обстоятельство, что балтійскому *i* въ этихъ сочетаніяхъ иногда соответствуетъ праслав. (не *ѣ*, но) *ѣ* и наоборотъ, напр. лит. *mirgėti*: р. *моргатъ*, лит. *suĩbti*: р. *сербатъ* и др. Но вѣдь такое разногласіе мы наблюдаемъ иногда даже между отдѣльными нарѣчіями одного и того же языка; ср. наприм. нижнелат. *tumsa* «темнота»: восточнолат. *timsa* или (съ діалектическимъ переходомъ *i* въ *y*) *tym̃sa* (наприм. у Беценбергера Lett. Dial.-Stud. 95²). Слѣдую аргументаціи Вондрака, мы должны были бы прійти къ заключенію, что *i* и *и* при *r*, *l*, *m*, *n* возникли на латышской почвѣ только послѣ діалекческаго развѣтвленія пралатышскаго языка, и что нѣтъ никакой взаимной связи не только между прабалт. *ir* (*ur*) и т. д. и праслав. *ѣр* (*ѣр*) и т. д., но также литовскимъ *ir* (*ur*) и т. д. и латышскимъ *ir* (*ur*) и т. д. и даже между восточнолат. *ir* (*ur*) и т. д. и нижнелат. *ir* (*ur*) и т. д. Невозможность этого, однако, слишкомъ очевидна. Какъ восточнолат. *timsa*, рядомъ съ нижнелат. *tumsa*, намъ не мѣшаетъ приписывать *ir* (*ur*) и т. д. (изъ праиндоевр. *ṛ* и т. д.) уже пралатышскому языку, такъ и р. *моргатъ*, рядомъ съ лит. *mirgėti*, и другіе тому подобные единичные примѣры разно-

¹⁾ Также *p*, *л*, измѣняясь въ этихъ сочетаніяхъ, въ общеславянскомъ вѣроятно сдѣлались слогообразующими, ср. статью Шахматова, Изв. отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н. VII 1, 280 слл. Дальнѣйшія же измѣненія праславянскихъ *ѣм*, *ѣи* (*ѣм*, *ѣи*) требуютъ особаго экскурса, который, можетъ быть, будетъ помѣщенъ въ концѣ этихъ изслѣдованій.

²⁾ У Вондрака I. с. 329 вмѣсто «прабалтійскаго» говорится въ данномъ случаѣ о «литовскомъ» языкѣ, но въ виду извѣстной неточности Вондрака въ выраженіяхъ надо полагать, что подъ «литовскимъ» онъ тутъ разумѣетъ прабалтійскій языкъ.

гласія еще не доказываютъ, что въ эпоху славяно-балтійскаго единства (которое признается и Вондракомъ) еще существовали г, ъ, т, п. Какъ распаденію индоевропейскаго праязыка предшествовало діалектическое развѣтвленіе его, такъ и славяно-балтійскій праязыкъ, если таковой существовалъ, мы должны себѣ представлять распавшимся на два нарѣчія, и это діалектическое развѣтвленіе и отражается въ разногласіи между лит. *mirgėti* и р. *моргамъ*. Что еще на «литовской» (т. е. прабалтійской) почвѣ существовали г, ъ, т, п, это Вондракъ далѣе пытается доказать ссылкой на гипотезу Беценбергера (ВВ. III 133 сл.), по которой *t* въ лит. *stirna*, лат. *stiřna* (но также *sirna*, ср. KZ. XLII 378), рядомъ съ црксл. *сръна*, и отсутствіе начальнаго *d-* въ лит. *ilgas*, лат. *ilgs*, прусск. *ilga*, рядомъ съ црксл. *длгъ*, и въ прусск. *insuwis*, црксл. *нззыкъ*, рядомъ съ гот. *tuggō*, объясняются существованіемъ г, ъ и т. д. еще въ прабалтійскую эпоху. Но послѣ убѣдительнаго опроверженія этой гипотезы со стороны Шмидта (Kritik 32 сл.), о которомъ Вондракъ напрасно даже не упоминаетъ, по моему мнѣнію слѣдуетъ отказаться отъ нея¹⁾. Наконецъ, по мнѣнію Вондрака (I. с. 336), существованіе п еще въ праславянскомъ языкѣ доказывается формами *кѣнѣна* и *гѣнати*, которыя онъ возводитъ къ праслав. **kǫning* (sic!) и **gǫnāti* (sic!). Если даже допустимъ²⁾, что дѣйствительно къ такимъ формамъ восходятъ *кѣнѣна* и *гѣнати*, что

¹⁾ Возраженія Беценбергера (Gött. gel. Anz. 1896 г., стр. 955 сл.) меня, по крайней мѣрѣ, не убѣждаютъ: примѣры, противорѣчащіе его гипотезѣ, не устранены. Относительно лит. *dilgynė*, *dilginti* Беценбергеръ говоритъ: «Diese Wörter kommen aber in den verwandten Sprachen nicht vor und können als litauische Neubildungen nicht den Maasstab für das aus der Grundsprache stammende *ilgas* abgeben». Родственные съ лит. *dilgynė* слова во всякомъ случаѣ имѣются (др.-прл. *delg* «шипъ» и др.), и нѣтъ никакого основанія не возводить лит. *dilg-* непосредственно къ иде. *dhǵ-*; дотадка же Фортунатова (AfsI Ph. XI 571), что *d-* отпало только передъ долгимъ ъ, не подтверждается фактами (ср. лит. *dilgti*). Далѣе противорѣчатъ гипотезѣ Беценбергера лит. *sirgti su* «заботиться о» Viltis 1908 г., № 82 (: гот. *saurga* «забота» и др.), лат. *sirpe* (: р. *сєрпъ* и др.). Правъ однако Беценбергеръ въ томъ, что, считая лит. *stirna* заимствованнымъ, мы этимъ все еще не объясняемъ его *t*. Оно столь же неясно, какъ *m* въ р. *сморожъ* (: лит. *sārgas*), а лит. *ilgas*: црксл. *длзгъ* = лит. *ašarà*, скр. *aśru*: гр. *δακρυ* и др.

²⁾ Ср. однако указанія Микколы въ Rocznik Slawistyczny I 14.

же намъ мѣшаетъ думать о переходѣ *u* въ *un* (> праслав. *ъn*) еще въ эпоху славяно-балтійскаго единства? Итакъ, мнѣніе Вондрака объ отношеніи праслав. *ъr* (*ъr*) и т. д. къ прабалт. *ir* (*ur*) и т. д. я считаю недоказаннымъ. Другіе же полагаютъ, что гласный въ этихъ сочетаніяхъ (или, по крайней мѣрѣ, извѣстная окраска сонантовъ *r* и т. д.) возникъ уже въ эпоху индоевропейскаго языка. Такъ, напр., Бругманъ, по мнѣнію котораго *ir* и т. д. изъ праиндоевр. *r* и т. д. получилось въ эпоху славяно-балтійскаго единства, говоритъ относительно происхожденія и слѣдующее (Kurze vergl. Gramm. § 185, 3): «Zum Teil... muss... schon voreinzelsprachlich die u-Farbe vorhanden gewesen sein und zwar nicht als Überbleibsel der Färbung des Vollstufenvokals, sondern als Ergebniss assimilatorischer Einwirkung von (labialen und velaren) Nachbar-konsonanten auf den bereits reduzierten Vokal». И Grdr. d. vergl. Gramm. I² 396 (ср. также стр. 410 и 453 сл. и Griech. Gramm.³ 85) онъ возводитъ наприм. греч. *μοριβρω* къ праиндоевр. **m^ur-* (съ неслоговымъ *u*). Мелье же, повидимому, склоненъ думать, что также *i* въ этихъ сочетаніяхъ возникло еще въ эпоху индоевропейскаго языка: «...il semble que le timbre de la voyelle accessoire qui se joint à la sonante voyelle ait été fixé dès l'indo-européen, et qu'il y ait là un fait dialectal de date indo-européenne» (Les dialectes indo-européens 41 сл.). И указавъ на кельтское *ri*, *li* изъ праиндоевр. *r*, *l* и германское *ur*, *ul*, *un*, *ut* изъ праиндоевр. *r*, *l*, *u*, *m* и на единичные примѣры съ *u* также въ армянскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, онъ заключаетъ: «Le parallélisme de balt. *ir* et sl. **ir*, balt. *ur* et sl. **ur*, etc. remonte donc à l'époque indo-européenne commune». Но, съ одной стороны, *i* въ кельтскомъ (и также въ албанскомъ) стоитъ *послѣ* плавнаго звука, въ славяно-балтійскомъ же обыкновенно *передъ* нимъ (о перестановкѣ же тутъ думать нельзя), причемъ здѣсь *ir*, *il* стоятъ также *передъ* гласными, между тѣмъ какъ въ кельтскомъ мы въ этомъ положеніи находимъ *ar*, *al*; а, съ другой стороны, въ славяно-балтійскомъ стоитъ *i* не только *передъ* плавными, но также *передъ* носовыми, между тѣмъ какъ въ кельтскомъ праиндоевр. *u*, *m* въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи *передъ* согласными совершенно расходятся съ праиндоевр.

г, l (ср. Pedersen, Vergl. Gramm. d. kelt. Sprachen 45 сл.). Въ виду этого я считаю недоказаннымъ это мнѣніе Мелье, по которому гласный въ балтійскомъ *ir*, *il* и въ праславянскомъ *ьр*, *ьл* восходитъ къ эпохѣ индоевропейскаго праязыка, и полагаю, что между *i* (ѣ) въ славяно-балтійскомъ и *i* въ кельтскомъ въ данномъ случаѣ нѣтъ никакой взаимной связи. Впрочемъ, Мелье пришелъ, вѣроятно, къ такому заключенію относительно древности гласнаго въ балтійскомъ *ir* и т. д. и праславянскомъ *ьр* и т. д. не столько на основаніи кельтскаго *ri*, *li*, сколько въ виду единичныхъ примѣровъ съ *и* (въ чередованіи съ *е*) при плавныхъ (и носовыхъ) также внѣ славянско-балтійскихъ (и германскихъ) языковъ, считая, — кажется, съ полнымъ правомъ, — славяно-балтійскія *ir* (*ьр*) и т. д. и *ur* (*ьр*) и т. д. (изъ праиндоевр. *ṛ* и т. д.) одинаково древними, между тѣмъ какъ по ученію Бругмана *ur* и т. д. почему-то древнѣе *ir* и т. д. Поэтому обратимся теперь къ примѣрамъ съ *и*, приводимымъ Бругманомъ (Grundriss d. vergl. Gramm. I² 453 сл. и Kurze vergl. Gramm. 123) и другими. Прежде всего тутъ слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ примѣровъ, какъ отчасти уже указано другими, *и* получилось не изъ *е*, но изъ *eu* (или *ce*). Такъ, на примѣръ, латинское *liber* «лыко» (съ *i* изъ *и*) Sommer въ своемъ Handbuch der lat. Laut-und Formenlehre 55¹ правильно сопоставляетъ съ р. *лубъ*; литовское же *lurū* «луплю» чередуется съ лит. *ap-lauryti* (у Юшкевича) «обобрать», латышск. *laupīt* «обирать», праслав. *lynumi (ср. Hirt, Ablaut 135 сл.). Рядомъ же съ греч. *ρυσσῆν* «всасывать» (рядомъ съ *ροφῆν*; ср. также *ροιβδέιν* «съ шумомъ проглатывать») и среднеирл. *srub* «рыло» стоитъ лит. *iš-sraubti* или *iš-sriaubti* «выхлебать» (у Юшкевича подъ однозначашимъ *išsruobti*), и при звукоподражательномъ характерѣ ¹⁾ этого корня нѣтъ никакого основанія думать (какъ это дѣлаетъ, на примѣръ, Walde подъ *sorbeo*) о вторичномъ происхожденіи *ai* въ лит. *sr(i)aub-* рядомъ съ *и* въ *sriubà* «соусъ, супъ» (гдѣ *í* вмѣсто *r* вѣроятно подъ вліяніемъ *sriaubti* изъ **sreubh-*). Однозначашія индоевропей-

¹⁾ Ср. еще однозначашія нидерландское *slurpen*, н. *schlürfen*, нижненѣмец. *slubberen*, норв. *slupra* «хлебать, всасывать», и лит. *sulpėti* «saugen».

скія корневыя формы *serbh-*, *srēbh-*, *sreubh-* можно было бы, пользуясь приемами Гирта, съ нѣкоторою натяжкой выводить изъ общей праформы *serēubh-*¹⁾, но тому подобныя праформы, по моему мнѣнію, во многихъ случаяхъ являются лишь праздными затѣями, вызванными предубѣжденіемъ, будто-бы подобныя другъ-другу формы отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ непременно восходятъ къ одной и той же индоевропейской праформѣ. Какъ въ области склоненія и спряженія, по крайней мѣрѣ отчасти, уже отказались отъ мысли, что всѣ флексивныя окончанія отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ восходятъ непременно къ однѣмъ и тѣмъ же праформамъ, и въ связи съ этимъ заговорили даже о «говорахъ индоевропейскаго праязыка» (ср. вышеупомянутую книгу Мелье), такъ и въ области словообразованія въ этомъ праязыкѣ было вѣроятно не меньше разнообразія, чѣмъ въ современныхъ языкахъ. Хорошимъ образчикомъ этого разнообразія является, напримѣръ, латышское слово, соотвѣтствующее по своему значенію русскому «стройный»: въ словарѣ Ульмана даются однозначашія формы *smīdrs*, *smīdrs*, *smuidrs*, *smudrs*, *smaudrs*, *šmaudrs*, *šmuodrs*, *snīdrs*, и изъ сборника народныхъ пѣсенъ, изданнаго подъ редакціею Барона и Виссендорфа, можно еще прибавить *snīdrs* 4657, *šnīdrs* 5436 вар., *šnīdrs* 5348 вар., *šmuīdrs* 5301 вар., *šmudrs* 12210 вар., *snaīdrs* 20470, 17, *šmīdrs* 20470 вар.²⁾ Позволительно думать, что впослѣдствіи бóльшая часть этихъ однозначашихъ формъ выйдетъ изъ употребленія и уцѣлѣетъ только нѣсколько формъ. А потому подобныя явленія могли встрѣчаться и въ индоевропейскомъ праязыкѣ. Самъ Бругманъ говоритъ Grdr. d. vergl. Gr. I² 547: «Man

1) Sütterlin (IF. XXV, 54¹) считаетъ возможнымъ возводить *ῥοφειν* и *ῥοφειν* къ корневой формѣ *sreuebh-*.

2) Относительно формъ съ начальнымъ *šm-*, *šn-* ср. мою статью KZ. XLII, 376 сл. Формы *smīdrs*, *smīdrs* вѣроятно родственны съ *šmaigans* «стройный» (съ *šm-* изъ *sm-*), лит. *smaigas* «колы, тычина, жердь», польск. *śmigły* «стройный, тонкій, герм. *smikra- у Фика Vergl. Wörterb. III⁴ 530; формы же *smudrs*, *smaudrs*—съ *smaugs* «стройный», о которомъ ср. Fick I. c. III⁴ 532. Форма *smuidrs* возникла, можетъ-быть, путемъ контаминаціи корневыхъ формъ *sm(a)i-* и *sm(a)u-*. Съ формами же *snīdrs*, *snīdrs*, *snaīdrs* ср. однозначашія формы *snaigs* и *snaiks* (рядомъ съ однозначашами *slaiks* и *slaid*s).

muss beachten, dass ähnlich lautende und bedeutungsähnliche und doch nicht lautgesetzlich irgendwie zu vereinigende Wurzeln auch sonst vorkommen». Въ виду этого я не вижу также никакой надобности выводить *и* непременно изъ слоговыхъ плавныхъ въ словахъ: арм. *ekul* «онъ проглотилъ» и *kur* «кормъ, ѣда» (гдѣ *и* можетъ восходить также къ *ō*) и латинск. *gula* «глотка», *gurgēs* «пучина», *gurgulio* «горло» (корень тутъ звукоподражательный¹⁾), и рядомъ съ корневыми формами *gel-*, *g^wel-* и *ger-*, *g^wer-* могли существовать формы *g^uel-*, *gul-* и *g^uer-*, *gur-*, ср. статью Гирта JF. XVII, 388 слл. и Trautmann KZ. XLII, 372 и лат. слово *guttur* «горло»); греч. *μормύρειν* «шумѣть» (относительно формы удвоенія ср. наприм. *τορθρός* «шепотъ», *γογγύλος* «круглый», *πορφύρειν* «волноваться», о которомъ ср. наприм. Zupitza KZ. XXXVI, 58, Bezzenberger BB. XXVI, 188 и этимологическій словарь Walde подъ *furere*), латинск. *murmurare* «бормотать, журчать» (корень звукоподражательный; ср. также латыш. *mauruōt*²⁾ «мычать» и скр. *murmura-s* «трещащій огонь»); греч. *ἄγυρις* «собрание» (рядомъ съ корневою формою *ger-* могло существовать *g^uer-*: *gur-*, ср. Hirt Ablaut 12); греч. *σχυρθάλιος* «юноша» (можетъ-быть, отъ корневой формы *sk^uerdh-*); греч. *πτύρειν* «пугать» (ср. греч. *πτοεῖν* «пугать», латинск. *pavere* и др. въ словарь Walde); греч. *σύρειν* «тащить» (можетъ-быть, къ корню *t^uer-*: *tur-*, ср. словарь Прельвица и Hirt Ablaut 12); греч. *γυρή* (можно думать о чередованіи корневыхъ формъ *g(^u)en-*: *gun-*, Sütterlin JF. XXV, 54, ср. отношение греч. *κύκλος*: прагерм. *hvehvula-* у Фика l. c. III⁴ 116 и также Hirt l. c. 12); греч. *κυλί(νδ)ειν* или *κυλινδεῖν* «катать, валять» (ср. латышск. *kūlis* или *kūlinš* или *kūlenis* «кувырокъ», *kūlinš mest* или *kūl'uoš lēkt*, лит. *kūli veĩsti* «sich kopfüber stürzen, ein Rad schlagen», латышск. *kūlinš iēt* «sich fortwälzen», *kūlētis* «sich unruhig hin und her legen»); греч. *πρύμνη* «корма» (сопоставленіе этого слова съ прксл. *крѣма*, р. *корма* я не считаю убѣдительнымъ уже въ виду несогласія греческаго *pu*

¹⁾ Ср. арамейское *gaggartā* «горло» изъ *gargartā.

²⁾ Считать лат. *mauruōt* заимствованнымъ изъ финскихъ языковъ, какъ это дѣлаетъ Thomsen Beröninger 269, я не вижу никакой надобности, ср. латышск. однозначая *maut* и *bauruōt*.

съ праславянскимъ *ър*; затѣмъ греч. *πρύμνη*¹⁾ очевидно представляетъ собою женскій родъ прилагательнаго *πρυμνός* «крайній»²⁾, которое по всей вѣроятности родственно съ существительнымъ *πρέμνον* «стволь, комель», см. словарь Прельвица подъ *πρύμνα*, а въ *πρέμνον* *π* восходитъ, можетъ-быть, скорѣе къ индоевропейскому *p*, чѣмъ къ индоевр. *k^w*, см. Prellwitz l. c. подъ *πρέμνον*³⁾ и Petersson JF. XXIII, 402. А что до *υ* въ *πρυμνός*, то оно, можетъ-быть, возникло путемъ контаминаціи однозначащихъ формъ **προμνός* и **πυμός*, откуда *πύματος* «крайній, послѣдній», о которомъ ср. наприм. словарь Walde подъ *purpis*. Такая контаминація была бы конечно возможна и въ томъ случаѣ, если бы **προμνός* и *πρέμνον* дѣйствительно были родственны съ прксл. *крѣма*). Остается однако еще нѣсколько греческихъ словъ съ *υ* вмѣсто ожидаемаго *α* (или *ο*), какъ наприм. *μύλη* «мельница», *φύλλον* «листъ» и др.; чаще всего такое *υλ*, *υρ* встрѣчается въ положеніи *послѣ губныхъ* (и *задненебныхъ*) *передъ гласными и j*. Можетъ-быть первоначально *υρ*, *υλ* (вмѣсто *αρ*, *αλ*) и имѣли мѣсто въ этомъ положеніи? Въ такомъ случаѣ формы въ родѣ *πλαίρειν* «барахтаться», *βαλεῖν* «бросить» и др. получили бы свое *α* вмѣсто *υ* по аналогіи съ формами съ законнымъ *α*. Или же, можетъ-быть, первоначально чередовались формы съ *α* и *υ* (наприм. **πλύρω*, *πλαίρεις*, *πλαίρει*, **πλύρομεν*, *πλαίρετε*, **πλύρομεσι* и т. д.), т. е., можетъ быть, *υ* первоначально имѣло мѣсто только передъ гласными (*j*)*ο*, (*j*)*и*; вѣдь статья Шмидта KZ. XXXII, 321 слл. показала намъ, что ассимиляція гласныхъ играла извѣстную роль и въ греческомъ языкѣ. Этими догадками я волей-неволей ограничиваюсь въ данномъ случаѣ, такъ какъ первоначальное распредѣленіе гласныхъ могло быть измѣнено до неузнаваемости подъ вліяніемъ аналогіи. Но какъ бы то ни

1) Относительно формы *πρύμνα* ср. теперь Solmsen, Beiträge z. griech. Wortforschung I 254 слл.

2) Подразумѣвается конечно существительное *ῥαῖς*; относительно ударенія ср. наприм. *λευκός* «бѣлый»: *λεύκη* «бѣлый тополь» и др., Brugmann Griech. Gram. 3 162.

3) Бругманъ, правда, сопоставляетъ это слово съ древнеирл. *crann*, новокимр. *prenn* «стволь» (Grdr. I² 375 сл.), но ср. теперь Pedersen, Vergl. Gram. der keltischen Sprachen 167 сл.

было, выводить *υρ*, *υλ* изъ *γ*, *λ* во всякомъ положеніи и думать о возникновеніи гласнаго *и* въ этихъ сочетаніяхъ еще въ эпоху индоевропейскаго праязыка и о непосредственной связи греческаго *υρ*, *υλ* съ балтійскимъ *ur*, *ul* и праславянскимъ *ър*, *ъл* я считаю неудобнымъ и потому, что вѣдь рядомъ съ *υ* въ корняхъ ряда *ε* встрѣчается иногда также не менѣе загадочное *ι*, какъ въ *ρίζα* «корень», *πινθήρ* «искра», діал. *iv*=*ev*, кипр. *πινός* «сѣрый, черноватый» (рядомъ съ *πελιός* «почернѣвшій»), *οχιρτᾶν* «прыгать» (рядомъ съ *οχερρὸν ὄντα οχιρτῶντα παῖδα* Hesych. и *οχαίρειν* «прыгать») и др. (наприм. у Кречмера KZ. XXXI, 375 слл., Г. Мейера Griech. Gramm.³ 68 и Гирта Ablaut 15).—Обратимся теперь къ даннымъ латинскаго языка. И здѣсь въ довольно многихъ словахъ *ur*, *ul* возводятся непосредственно къ индоевропейскимъ слоговымъ плавнымъ. Но тутъ я прежде всего замѣчу, что въ части этихъ формъ, такъ наприм. въ *urgere* «тѣснить», *surdus* «глухой» (если оно дѣйствительно родственно съ гот. *swarts* «черный») и др., гдѣ по господствующему мнѣнію передъ *и* отпало *u*, *и* по моему мнѣнію скорѣе представляетъ собою слабую ступень индоевропейскаго *υ*, и таково же, можетъ-быть, происхожденіе гласнаго *и* также въ нѣкоторыхъ другихъ формахъ, гдѣ родственныя съ ними формы другихъ языковъ являются безъ *υ*. Затѣмъ это *и* встрѣчается въ латинскомъ языкѣ главнымъ образомъ передъ согласными, между тѣмъ какъ въ греческомъ языкѣ *υρ*, *υλ* являются, кажется, чаще передъ гласными и *j*, чѣмъ передъ согласными, причемъ такихъ примѣровъ, гдѣ бы греческому *υ* въ данномъ положеніи соотвѣтствовало *и* также въ латинскомъ языкѣ и наоборотъ, почти вовсе нѣтъ, и что еще важнѣе, *и* въ латинскомъ языкѣ является не только въ случаѣ индоевропейскаго слогового плавнаго, но также на мѣстѣ стараго *ο*, какъ это всѣми признано. Относительно перехода *ο* въ *и* устанавливають, правда, извѣстныя правила («передъ *m* и задненебнымъ *n*»), но это—правила съ исключеніями (*domus*, *longus* и др.), и кромѣ того наблюдается переходъ *ο* въ *и* также въ другомъ положеніи, по преимуществу передъ *r*, относительно чего характерны слова Зоммера Handbuch der latein. Laut-und Formenlehre 81¹: «Wo ein Labial oder Labiovelar vorhergeht, kann man in *ur* für *or* den Reflex des

idg. *u-* Timbres der liquida sonans sehen;... Viel hilft das auch nicht, da bei weitem nicht alle Fälle damit erklärt werden können». Далѣе я считаю неудобнымъ возводить латинское *ur* (*ul*)¹⁾—рядомъ съ *or* (*ol*)—непосредственно къ индоевропейскому *ṛ* (*ḷ*) также потому, что разница по тембру между ^u*ṛ* и ^o*ṛ* (и притомъ еще въ неударяемомъ положеніи!) кажется слишкомъ незначительною для того, чтобы она могла быть сохранена. Наконецъ, какъ въ греческомъ, такъ и въ латинскомъ языкѣ въ корняхъ ряда *e* является иногда не только *u*, но и *i*, какъ наприм. въ *simpulum* «ковшикъ», *villus* «косма» и др. (гдѣ происхожденіе *i* остается неяснымъ также послѣ изслѣдованія Нидермана E und J im Lateinischen 43 сл. и 66 сл.), такъ что Миккола пришелъ ВВ. XXII, 252 (въ сноскѣ) даже къ заключенію: «Im Lat. sind nur *in*, *im*, wie auch *un*, *um*, *il*, *ir*, *ul*, *ur* als tiefstufen zu betrachten. Z. b. *quinque* ist nicht mit lit. *penkì*, sondern mit germ. (ahd.) *funf* gleichzustellen. Ich behaupte auch, dass der ablaut *e*:*i*, *o*:*u*, der besonders reichlich im Balt. und Slav. vertreten ist, aber auch in anderen idg. sprachen vorkommt, schon aus der ursprache stammt». И въ самомъ дѣлѣ, кто вѣритъ въ непосредственную связь греческаго *υρ*, *υλ* и латинскаго *ur*, *ul* съ балтійскимъ *ur*, *ul* и праславянскимъ *ṛr*, *ṛl*, долженъ бы, кажется, послѣдовательно держаться аналогичнаго мнѣнія относительно сочетанія плавныхъ и носовыхъ съ *i* въ этихъ языкахъ. А если согласиться съ этимъ, то какого происхожденія въ такомъ случаѣ греч. *αρ* (*ρα*), *αλ* (*λα*) и латинск. *or*, *ol*, *en*, *em* въ такихъ формахъ, гдѣ родственные языки указываютъ на слабую ступень? Въ виду всего этого я скорѣе полагаю, что подобно тому какъ (по господствующему мнѣнію) латинское *i* и греч. *ι* въ корняхъ ряда *e* замѣнили собою—по неизвѣстнымъ причинамъ—болѣе старое *e* (*ε*), такъ и латинск. *u* и греч. *υ* (поскольку оно не возникло при вышеупомянутыхъ особыхъ условіяхъ) въ корняхъ этого же ряда при

¹⁾ Впрочемъ, *ol* передъ согласными (за исключеніемъ *l*) въ положеніи не послѣ *v* въ латинскомъ языкѣ, какъ извѣстно, правильно переходитъ въ *ul*, и поэтому Бругманъ безъ основанія въ числѣ примѣровъ съ *u* приводитъ также *fulvos* «темножелтый», гдѣ *ul* можетъ несомнѣнно восходить къ *ol*, если только это дѣйствительно корень ряда *e*, ср. теперь Niedermann JF. XV, 121.

невыясненныхъ еще условіяхъ вытѣснили собою болѣе старое *o* (греч. *ὄξ* столь же загадочно, какъ и *ἵππος*).—Что же касается кельтскихъ языковъ, то кромѣ среднеисл. *srub*, о которомъ уже сказано выше, Педерсенъ въ своей *Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen* стр. 43 относитъ сюда ирл. *dluigim* «колю» (съ которымъ сближаютъ древнеисл. *telgia* «вырѣзывать»), ирл. *ad-tluch-* «благодарить», *to-tluch* «просить», кимр. *adolwg* «просить» (съ которыми сопоставляютъ црксл. *млѣжъ* «толкъ») и (самъ сомнѣваясь) ирл. *mruiġ* «окраина, область» (:гот. *marka* «граница» и др.), возводя въ нихъ *-lu-*, *-ru-* къ индоевропейскому *l*, *r*. Если, однако, этимологія всѣхъ этихъ словъ вообще установлена правильно, то все-таки, насколько я знаю, ничто намъ не мѣшаетъ выводить *u* въ этихъ кельтскихъ словахъ изъ болѣе стараго *o*; *dluigim*, напримѣръ, совершенно однородно съ ирл. *-tuigim* «крою» (ирл. *dluigim* и древнеисл. *telgia* можно, значить, возводить къ корневой формѣ *delegh-*), а рядомъ съ *mruiġ*, какъ Педерсенъ самъ указываетъ, стоятъ соотвѣтствующія формы другихъ кельтскихъ языковъ, сохранившія еще старое *o* (брит. *bro*, гал. *Allo-broges*), ср. также Thurneysen, *Handbuch des Alt-irischen*, § 71. Итакъ, данныя кельтскихъ языковъ, по моему мнѣнію, даютъ еще меньше основанія говорить объ особомъ *“r, “l*, въ индоевропейскомъ праязыкѣ, чѣмъ данныя греческаго и латинскаго языковъ.

Обращаясь теперь къ вопросу, при какихъ условіяхъ является гласный *u* (праслав. *ѹ*) въ сочетаніи съ плавными и носовыми въ корняхъ ряда *e*, я уже буду имѣть въ виду только формы балтійскихъ и славянскихъ языковъ, такъ какъ ихъ *u* (*ѹ*) въ данномъ случаѣ вѣроятно не имѣетъ ничего общаго съ греческимъ *υ* и латинскимъ (кельтскимъ и армянскимъ) *u*. Вопросъ этотъ тѣмъ труднѣе, что въ этомъ отношеніи, какъ уже выше указано, иногда расходятся другъ съ другомъ не только славянскіе языки съ одной стороны и балтійскіе языки съ другой стороны, но даже нарѣчія одного и того же языка (примѣры—не всѣ ¹⁾)—совпаденія балтій-

¹⁾ Можно нарим. еще прибавить: лит. *kūrpe*, латышск. *kuīpe*, пр. *kurpe* «башмакъ», серб. *крпље* «calceatus quidam per nives vadantium», н. *karpie* «лапти» и др. ср. Krček Grupy 89 слл.; лит. *būrtas* или (псалтырь 1625 г., пс. 16, 6)

скаго и съ праславянскимъ ѡ даютъ I. Шмидтъ KZ. XXXII, 384¹ и Бругманъ Grdr. d. vrgl. Gr. I² 453 сл.). Беценбергеръ пришелъ (BB. XVII, 213 сл.) къ заключенію, что балтійскія *ur*, *ul* и т. д. являются только въ двусложныхъ корняхъ. Нельзя однако этого доказать относительно всѣхъ формъ съ *ur*, *ul* и т. д.; ср. наприм. лит. *sluĩkius* «Schleicher» при *sluĩkti* «schleichen», праслав. *mьrь (рус. *морь*, серб. *mьrь* и др.), лит. *tuĩgus* «рынокъ» и др. Затѣмъ Беценбергеръ самъ признаетъ, что въ формахъ, ведущихъ свое начало отъ двусложныхъ корней, являются также *ir*, *il* и т. д. А то обстоятельство, что въ однихъ случаяхъ являются *ur*, *ul* и т. д., въ другихъ же — *ir*, *il* и т. д., онъ объясняетъ предположеніемъ, что рефлексъ плавныхъ и носовыхъ сонантовъ «von der färbung je des zweiten wurzelvocals desjenigen lautcomplexes abhängig war, aus welchem ĩ, ĩ hervorging, dass also das i von z. b. *ilgas* durch das von *δολιχός...* bedingt ist. In gleicher weise lassen sich auch z. b. *iriũ* «rudere», *irtojis* «ruderer»: гр. *ῥέτης*, лит. *kirkiũ* «kreische»: гр. *κερκιθαλίς* «reiher» (dagegen *kuĩkti*, *krokti...*: *κέρχαξ* «habicht») auffassen. Diese annahme führt freilich—da z. b. *ilgas* auf grundsprachlichem *dĩghó-s* beruht—zu der weiteren, dass bereits in der grundsprache mindestens zwei, verschieden gefärbte schwās vorhanden waren (l. c. 220 сл.). Но это предположеніе о вліяніи гласнаго втораго корневаго слога не можетъ считаться доказаннымъ приведенными тремя примѣрами, и ему противорѣчатъ формы въ родѣ лит. *grumėnti* «гремѣть» (: греч. *χρεμετίζειν* «ржать»), лит.

burta «жребій», латышск. *burtas kuòks* «бирка», р. *борть* и др. (ср. Потебня Жив. Стар. 1891 г. III 119 сл. и Mikkola Сборникъ въ честь Ягича 362); прксл. *ирѣсть*, р. *горсть*, латышск. *gurste* «связка льна» (первоначально «горсть» льна). Кромѣ того слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ славянскомъ сочетаніе *ьл* въ положеніи передъ согласными совпало въ большинствѣ случаевъ съ *ьл*, такъ что (за исключеніемъ немногихъ западно-славянскихъ формъ въ родѣ н. *wilk* «волкъ», ср. Pedersen KZ. XXXVIII, 320) качество первоначальнаго гласнаго передъ *л* обнаруживается только въ положеніи послѣ задненебныхъ: а иногда получалось ѡ изъ ѡ (и наоборотъ) подъ вліяніемъ гласнаго слѣдующаго слога (ср. наприм. указанія Фортунатова въ Извѣстіяхъ Отдѣл. русск. яз. и словесн. Имп. Ак. Н., т. XIII, кн. 2, стр. 4 сл. и Вондрака Vrgl. slav. Gramm. I 150 сл.), такъ что въ виду однозначаго лит. *grumėnti* (у Юшкевича), р. *иремьтъ* и н. *grzmieć*, напримѣръ, восходятъ, можетъ-быть, черезъ *ирьмьти* къ *ирьмьти.

kūrpē и пр. (: латинск. *carpisculum* родъ обуви, древнирл. *cairem* «сапожникъ» и др.), лит. *šuĩmai* «abgebröckelte torfstückchen, abfall von torf oder dgl.». Bezzenberger l. c. 217 и Litauische Forschungen 186 (: скр. *aśarīt* «zerbrach», авест. *sairi-* «Bruchstück», латинск. *carries* «гнилость») и друг. Въ виду всего этого гипотеза Беценбергера о происхожденіи *ur*, *ul* и т. д. не можетъ считаться правдоподобной.— Болѣе распространеннымъ (благодаря Бругману) и чуть не господствующимъ въ настоящее время, кажется, можно считать то мнѣніе, по которому балт. *ul*, *ur* и т. д. является (вмѣсто *il*, *ir* и т. д.) въ положеніи послѣ губныхъ и (лабиализованныхъ) заднебныхъ. Правда, оно не высказывается въ такой опредѣленной формѣ. Такъ, наприм., Бругманъ считаетъ (въ *Kurze vrgl. Gramm.* 123) «die u-Farbe» за «Ergebniss assimilatorischer Einwirkung von (labialen und velaren) Nachbarkonsonanten auf den bereits reduzierten Vokal»; съ большей опредѣленностью онъ говоритъ объ «u-Entwicklung bei *ɣ*, *ɮ* hinter Labialen, Velaren etc.» въ своемъ *Grdr.* I² 455 (и тутъ дѣло не обошлось безъ *etc.*). И Зоммеръ говоритъ (въ *Handbuch der lat. Laut-und Formenlehre*, стр. 54): «Bereits in der idg. Ursprache bekamen *ɣ* und *ɮ* bisweilen ein u-farbiges Timbre infolge der umgebenden Laute, namentlich nach Labialen und Labiovelaren. Das u-Timbre trat aber durchaus nicht unter allen Umständen in dieser Stellung ein: bisweilen erscheinen Formen von einer Wurzel mit *ɣ*, *ɮ* in der einen Sprache u-farbig, in der andern nicht, manchmal sind auch in einundderselben Sprache *beide* Formen vertreten». Эта неопредѣленность въ выраженіяхъ, конечно, обусловлена тѣми фактами, которые намъ представляются въ данномъ случаѣ въ отдѣльныхъ языкахъ, и сама по себѣ уже возбуждаетъ сомнѣніе въ правильности этого мнѣнія. Оно возникло, вѣроятно, подъ вліяніемъ данныхъ греческаго языка, по отношенію къ которому оно, можетъ быть, съ извѣстными ограниченіями (о которыхъ сказано выше) дѣйствительно можетъ признаваться правильнымъ. Для славяно-балтійскихъ же языковъ, какъ легко убѣдиться, оно не можетъ быть принято. Изъ 29 ¹⁾

¹⁾ Я исключая при этомъ лит. *kulkà* „пуля“, считая его съ Брюкнеромъ заимствованнымъ изъ польскаго языка, и лат. *sūnas* „мохъ“, не считая возможнымъ возводить его съ Беценбергеромъ къ **sumnās*, такъ какъ по моему мнѣ-

балтійскихъ формъ съ *ur*, *ul* и т. д., приведенныхъ Беценбергеромъ ВВ. XVII, 214 слл., только въ 14 словахъ стоитъ передъ *u* губной или задненебный согласный, и изъ 15 остальныхъ формъ только въ четырехъ сочетанія *ur*, *ul* и т. д. стоятъ передъ губнымъ и задненебнымъ. А, съ другой стороны, любой словарь славяно-балтійскихъ языковъ показываетъ, сколь многочисленны въ нихъ формы съ *ir*, *il* и т. д. и *послѣ* губныхъ и задненебныхъ и *передъ* ними. Ни къ чему тутъ не ведетъ также соображеніе Бругмана (Grdr. I² 455), что «die lautgesetzliche Entwicklung durch Analogiewirkungen durchkreuzt wurde: z. B. kann gr. γαρ- (γάρ- γαρα)... neben γερ- (γέργερα· πολλά Hes.) aufgekommen sein nach dem Verhältniss von δαρ- zu δερ- u. dgl.». Объ этомъ можно было бы думать, если бы въ большинствѣ славяно-балтійскихъ формъ съ *ur*, *ul* и т. д. передъ *u* стоялъ губной или задненебный (при дѣйствительномъ же положеніи дѣла съ такимъ же правомъ можно было бы считать новообразованіями по аналогіи славяно-балтійскія формы съ *ur*, *ul* и т. д. въ положеніи послѣ губныхъ и задненебныхъ), и если бы мнимыя новообразованія (съ точки зрѣнія Бругмана) встрѣчались только въ такихъ категоріяхъ формъ, которымъ свойственъ тотъ или другой опредѣленный корневой гласный. Можно бы, напримѣръ, себѣ представить, что рядомъ съ лит. *gemù*, лат. *dzemi* «рождаюсь» возникло «новообразование» лит. *giñti*, лат. *dzimt* «рождаться» вмѣсто **gumt(i)* по аналогіи, напримѣръ, къ лит. *dilti*, лат. *dilt* «убывать (отъ тренія), изнашиваться» рядомъ съ настоящимъ врем. лит. *delù* (въ жем. нарѣчіи), лат. *delu*, подобно тому какъ возникло, напри., лит. *braidýti* (или *bráidžioti* вмѣсто старолит. *bradžioti*, напри. у Даукши Post. 165, 1) «umherwaten» рядомъ съ *bristi* (съ наст. вр. *bredù*) «waten» по аналогіи напри. къ лит. *knaisýti* «fortgesetzt wühlen» (рядомъ съ *knìsti* «wühlen») или *snaigýti* «etwas schneien» (рядомъ съ *snìgti* «schneien»). Но какой аналогіей объяснять *i* (ь), напри., въ лит. *piřštas*, праслав. *пърстъ «палецъ», или *u* (ѣ), напри., въ лит. *dumiù*, пра-

---

нію тавтосиллабическое *m* въ латышскомъ языкѣ не подвергается вокализациі, ср. мою статью въ Извѣстіяхъ Отдѣл. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. XV, кн. 2, 198 слл.

слав. *дѣмѣ «*дую*» и др.? И если въ виду этихъ непреодолимыхъ затрудненій, съ которыми сопряжена теорія о вліяніи губныхъ и задненебныхъ, Вондракъ съ своей стороны говоритъ (Vrgl. slav. Gramm., стр. 329), что «für die Qualität der Halbvokale war offenbar die Umgebung, insbesondere wohl auch der Klang der nächsten Silbe massgebend», то это, несмотря на внушительное «*offenbar*», только похоже на какое-то объясненіе, на самомъ же дѣлѣ—головное предположеніе¹⁾; не трудно вѣдь убѣдиться, что балт. *ir* и т. д., праслав. *ьr* и т. д. съ одной стороны, и балт. *ur* и т. д., праслав. *ѣr* и т. д. съ другой стороны, встрѣчаются въ сосѣдствѣ всевозможныхъ звуковъ. Если же и Вондракъ захотѣлъ бы тутъ сослаться на дѣйствіе аналогіи, то съ одинаковою убѣдительностью онъ могъ бы доказать, напримѣръ, что *ur* и т. д. имѣло мѣсто передъ *и* (*о*) слѣдующаго слога, и противоположное этому положеніе. Въ виду всего этого я вообще считаю невозможнымъ возводить *ir* (*ьr*) и т. д. и *ur* (*ѣr*) и т. д. къ одному и тому же звуку индоевропейскаго праязыка. Значительная часть случаевъ *ur* (*ѣr*) и т. д. представляетъ собою звукоподражательныя формы, какъ наприм. лит. *gùlkščioja* «*es geht das Gerücht*»: праслав. *гължѣ, лит. *kuĩkti* «*quarren*», лат. *kunkstēt* «*стонать*» и др.; въ нихъ, вѣроятно, никогда никакого *г* и т. д. не было, но уже искони имѣлось сочетаніе *ur* и т. д. (*ur* въ лит. *kuĩkti*, напримѣръ, можетъ быть одинаково древнимъ съ *er*, наприм., въ греческомъ *κερκίωv*—родъ птицы). То же самое, можетъ-быть, слѣдуетъ сказать о нѣкоторыхъ вполне изолированныхъ словахъ съ *ur* (*ѣr*) и т. д., которыя могутъ быть сравнительно поздняго происхожденія²⁾. Что же касается

¹⁾ Также предположеніе Розвадовскаго Rocznik Slawistyczny I 224), что въ литовскихъ словахъ на *-us* корневое *-ir-* путемъ ассимиляціи перешло въ *-ur-*, мнѣ представляется сомнительнымъ: ср. наприм. латышск. *dziņus* „мельница“, *tirgus* „базарь“.

²⁾ Относительно литовско-латышскихъ словъ съ *ur* и т. д. слѣдуетъ, кромѣ того, считаться съ возможностью, что нѣкоторыя такія слова имѣютъ подобно лит. *šulnas* „Galoppirer“ (при *šuoliais* „im Galopp“), лит. *pūlti*, лат. *pult* „падать“, и изъ *uo* передъ тавтосиллабическимъ *r*, *l*, *n*, *m* (ср. также Lorentz JF. VIII, 93 сл.); такъ, можетъ-быть, наприм. лит. *stūmti* (наст. вр. *stumti*), лат. *stuīmt* (наст. в. *stumju*) „schiebend stossen“ рядомъ съ лат. *stuomītiels* „stottern“,

тѣхъ славяно-балтійскихъ словъ съ *ur* (эр) и т. д., въ которыхъ *u* (э) несомнѣнно чередуется съ гласными *e: o*, то въ виду невозможности объяснить это *u* (э) вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ, я держусь мнѣнія Микколы (JF. XVI, 99), который говоритъ (ср. также BB. XXII, 252 сл.): «Vielleicht werden wir noch *or*, *ol* als Reduktionsstufen zu *or*, *ol* ansetzen müssen, da *er* neben *ur* in einigen slavischen und *ur* neben *ir* in einigen baltischen Wörtern kaum anders zu erklären ist»; ср. также Rozwadowski, Rocznik Slawistyczny I, 223. Это мнѣніе, правда, не можетъ быть доказано, но не можетъ быть также опровергнуто, и появленіе *ur* (эр) и т. п. имъ объясняется хорошо. И слѣдуетъ отмѣтить, что въ цѣломъ рядѣ примѣровъ рядомъ съ формами съ *ur* (эр) и т. д. или исключительно извѣстны формы съ *ar* (ор) и т. д., или же ближе всего по значенію и формѣ къ формамъ съ *ur* (эр) и т. д. стоятъ именно формы съ *ar* (ор) и т. д.; ср. наприм.: лит. *ungurys* «угорь»: пр. *angurgis*, латинск. *anguilla* т.-ж. с.; лит. *kūlti*, лат. *kūlt* «колотить, молотить»: лит. *kālti*, лат. *kālt* «ковать», р. *колотъ* и др. (ср. наприм. Walde подъ *clādēs*); лит. *volungė*: лат. *vāluodze* (съ *uo* изъ прабалтійскаго *an*) «ивола»; лит. *dumti* (съ инфинитивомъ *dūmti*), црксл. *дѣмѣ* «дую»: црксл. *дѣмѣ*, серб. *дѣмѣ* и др. (ср. Mikkola BB. XXII, 251); прусск. *unds*, лат. *ūdens* (съ *ū* изъ *un*), жем. *undin-* (ср. Изв. отдѣл. р. яз. и словес. Имп. Ак. Н., т. 13, кн. 4, 189): верхнелит. *vanduiō* «вода» (если же передъ балтійскимъ *und-* «вода» никогда никакого *u* не было, то *u* получилось изъ неудар. индоевропейскаго *ue* или *uo*, а не изъ *o*); р. *кортышки*: древне-верхнен. *harti* «плечная лопатка»; р. (діал.) *колдыка*: гот. *halts* «хромой»; чешск. *krsati* «abnehmen»: лит. *kāršti*, лат. *kārst* «старѣть»; п. *karw*, пр. *kurwis* «быкъ»: лит. *kārvė*, р. *корова* и др.; лит. *gulbis*,

stammeln, stolpern“ (относительно значенія ср. лат. *stuostit* „stossen“: *stuostitiēs* „stottern“; нѣм. *stottern: stossen: mit der Zunge anstossen*; иначе смотрятъ на *stūmti* Walde подъ *stuprum*, Wood JF. XXII, 148, Bezzenberger KZ. XLII, 192 и др.). Что же касается формы *stuostit*, то она, можетъ быть, возникла изъ **stuo[m]stīt*). Въ другихъ случаяхъ, гдѣ *u* чередуется съ *ue* или *eu*, *u* иногда можетъ быть сокращено изъ *ū*, такъ, наприм., вѣроятно въ лит. *dūlkės* «Staub» (рядомъ съ *dūlis* «Räuchermasse», скр. *dhūli-* «Staub», *dhūlikā* «Nebel», латинск. *fuligo* «сажа»).

лат. *gulbis*, пр. *gulbis* «лебедь»: црксл. *голъбъ*, и каш. *kiełb* «лебедь» (у Прейса Ж. М. Н. Пр. 1840 г., окт.): латинск. *columbus* «голубь»; лит. *grumėnti* «гремѣть», пр. *grumins* «громъ»: црксл. *громъ*; лат. *tumsa* «темнота», *tumšs* «темный»: лит. *tamsà*, *tamsùs* т.-ж. с. (первоначально вѣроятно имѣлись рядомъ **tóm̃sā* и *t^omsùs*, откуда **tamsà* и **tumsùs*, причемъ **t^omsùs*, вѣроятно, новообразование—подъ вліяніемъ **tóm̃sā*—вмѣсто первоначального **tmsùs* [къ **temos*, ср. латинск. *temere* «необдуманно»], откуда восточнолат. *timss* > *tymss* «темный», наприм., у Беценбергера Lett. Dial.-Stud. 95². Основы на -и, какъ извѣстно, въ большинствѣ случаевъ имѣли удареніе на -и и слабую ступень гласнаго въ корнѣ); лит. *susti* или *suntinti*, лат. *sūtīt*: гот. *sandjan* «посылать»; црксл. *кръчи* «faber», лит. *kūrti* «строить» (тождественнымъ съ этимъ глаголомъ я, подобно Лескину Ablaut der Wurzelsilben im Lit. 317, считаю лит. *kūrti*, лат. *kuīt* «Feuer anmachen, heizen», между тѣмъ какъ обыкновенно эти глаголы возводятся къ двумъ различнымъ корнямъ: въ послѣднемъ значеніи ихъ первоначальнымъ, да и теперь еще весьма употребительнымъ дополненіемъ является слово *ūgni*, *ugini* «огонь» [ср. также црксл. *крада* «костеръ»]): скр. *karōti* «дѣлаетъ» (ср. также формы *akar*, *karati*); срб. *кpm* «durus», лат. *kuītēt* «holzig werden», можетъ-быть, къ гот. *hardus* «hart»; лит. *drumstis*: *dramstis* «хмуриться»; лит. *nuskūres* «abgelumpt»: *nuskāres* «zerlumpt»; лат. *skurbtiēs* «sich drehen», *skurbt* «schwindlig, ohnmächtig werden», *skurbināt* «in die Runde drehen bis zum Schwindligwerden» (и црксл. *скръбъ* «скорбь»?); лат. *skārbt* «ohnmächtig werden» (и р. *коробитъ*, чеш. *krabiti* «hohlrund machen, falten»?); лит. *smulkūs*: лат. *smalks* «тонкій»; праслав. **ърбъ* (ср. также литовскія и прусскія формы съ *gurb-* у Буги Aistiški Studijai I, 134): лит. (діал.) *gaĩbanà* «выпуклина» (у Юшкевича, 700), пр. *-garbs* (въ названіяхъ мѣстностей; ср. также Bezzenberger ВВ. XXVIII, 159 сл.) «гора» (и гр. *χορυφή*?); лат. (діал.) *kuorns* (наприм. въ Шлекѣ, со свойственнымъ тамошнему говору переходомъ *ur* передъ согласными въ *uor*; ср. также финск. *kuurne* или *kuurno*) или *kurls* или (восточнолат.) *kursls* (наприм. въ Лит. хрест. Вольтера 146, 5), лит. *kuĩčias* или *kurlas* (у Гейтлера Lit. Studien 93): авест. *karəna-*, новоперс. *kar*

«глухой»; црксл. *крѣнѣ*, р. *корно-*: скр. *karva-s* «stutzohrig»; пр. *kuntis* изъ **kumtis*, лит. *kùnstè* «кулакъ» (сопоставленіе этого слова съ црксл. *пѣсть*, древне-верхн. *fūst* не очень убѣдительно), лат. *kumš'is* «горсть» изъ **kumstis* (ср. мои Латышскіе предлоги I, 34), можетъ-быть (съ утратою *p* послѣ *m*), къ лат. *kampt* «хватать» (относительно значенія ср., наприм., алб. *dorë*, гр. *χερ-*, арм. *jeṙn* «рука»: скр. *hárati* «береть, держить»; гот. *handus* «рука»: *-hinþan* «ловить, хватать», и, можетъ-быть, древне-врхн. *fūst*, црксл. *пѣсть* къ гот. и древне-врхн. *fāhan* «ловить, хватать»? v. Grienberger же сопоставляетъ въ Sitzungsberichte Вѣнской академіи 142 т., VIII, 110, пр. *kuntis* и лит. *kùnstè* съ гот. *handus*); лит. *apsimuldyti* «ошибиться», лат. *muldēt* «herumirren, irre reden»: *malditiēs* «блуждать»; лат. *skulbēt* или *skulbināt* «läuten»: лит. *skalbtì* «mit dem Waschholz schlagend waschen», *skalbinti* «ein Gerücht verbreiten» (ср. этимологическій словарь Прельвица подъ *κολλάπτω*); лит. *dūlbis* «неповоротливый, непроворный»: *dálba* «неуклюжій человѣкъ»; лат. *skumt* «печалиться», можетъ-быть, къ гот. *skaman sik* «стыдиться» (ср. древне-исл. *harmr* «Kummer, Harm, Schimpf»: црксл. *срамъ*); р. *морюта* (=туманъ); чеш. *mrhůlka* «staubregen»: лат. *mārga* «sanfter regen» (ср. Torbiörnsson Gemeinslav. Liquidamet. II, 42); р. *морщитъ*, чеш. *mrštitì* и др.: чеш. *mraštiti* «runzeln»; р. *порекать* и др.: верхне-луж. *próskać* «krachen, platzen» и др., ср. Torbiörnsson l. c. II, 57 сл.; р. *скорлуна*, пол. *skarłupa* и др. (ср. Torbiörnsson l. c. II, 76 сл.): црксл. *скралуна*; р. *ворчатъ* и др. (ср. этимологическій словарь Миклошича): црксл. *врачь* «medicus»; лит. *sluñkìus*: *slañkìus* «Schleicher»; црксл. *прѣсть*, лит. *gurste* (ср. выше): греч. *ἀγοστός* «ладонь» изъ **ἀ-γορστός* (ср. Solmsen, Beiträge z. griech. Wortf. I, 1 сл.); црксл. *кѣлка* «poples», лит. *kulkšis* «лодыга»: латинск. *calx* «пята»; р. *борицъ* и др., лат. *burkšis*: лат. *bārkstes* «Fransen, Verbrämung; Warzen oder Borsten im Maule des Hornviehs», *bārstes* «Hungerzitzen im Maule des Rindviehs», латинск. *fastigium* «верхъ, верхушка», ирл. *barr* «Schopf, Gipfel», древнеисл. *barr* и др., ср. этимолог. словарь Бернекера подъ *bāršćь* ¹⁾).

¹⁾ Если въ большинствѣ (28) этихъ (37) примѣровъ передъ *и* (*ъ*) стоитъ задненебный или губной, то это объясняется не мнимымъ вліяніемъ задненебныхъ

Нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ (лит. *ungurys*, прксл. *клька*, р. *борицъ*), кажется, говорятъ въ пользу того, что *ur* (*ѣр*) и т. д. можетъ восходить также къ индоевропейскому **ar* и т. д. И тутъ можно указать, что до извѣстной степени подобную этому мысль высказываетъ проф. Богородицкій (Очерки по языковѣдѣнію³ 357): «Въ праславянскомъ иногда первоначальный полный видъ вокализма... могъ становиться въ слабое положеніе, благодаря чему развился *новый слой ослабленія*, который смѣшивается съ ослабленіемъ древняго происхожденія. Согласно съ моимъ пониманіемъ, наприм., мертвый... получило изъ аrio-европейскаго ослабленія перваго полного вида [т. е. *er*], а горбъ... изъ ослабленія въ праславянскую эпоху втораго полного вида [т. е. *or*] (рефлексъ *or* = *ръ* можетъ восходить къ ае. **ar*)». На предыдущей страницѣ однако онъ, никакъ не обосновывая этого, говоритъ, что также изъ индоевропейскаго **r* и т. д. въ балтійскомъ и славянскомъ получило—рядомъ съ *ir* и т. д.—и *ur* и т. д. Затѣмъ, какъ видно, онъ безъ всякаго основанія приписываетъ *ur* и т. д. изъ **r* и **ar* только праславянскому языку, тогда какъ связь этого славянскаго *ѣр* съ балтійскимъ *ur* едва ли подлежитъ сомнѣнію. Относительно времени возникновенія *ur* и т. д. изъ **r* и **ar* можно колебаться только между эпохами славянобалтійскою и праиндоевропейскою. Отвѣтъ на трудный (рѣшенный проф. Богородицкимъ слишкомъ поспѣшно) вопросъ о времени возникновенія *ur* (*ѣр*) и т. д. изъ **r*, **ar* зависитъ главнымъ образомъ отъ того, имѣются ли рефлексъ **r*, **ar* также въ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ или нѣтъ¹⁾. Такое

и губныхъ на возникновеніе *u* (*ѣ*), но преобладаніемъ этихъ согласныхъ надъ зубными въ положеніи передъ *or*, *ol*, какъ легко убѣдиться хотя бы по списку такихъ формъ въ извѣстномъ трудѣ Torbiörnsson'a «Die gemeinslavische Liquidametathese».

¹⁾ Бодуэнъ-де-Куртенэ говоритъ относительно этого JF. XXV. 84: «Einer von solchen Unterschieden [въ образованіи сонантовъ] hat eine ganz besondere Bedeutung. Es ist der Unterschied der mittellingualeu (palatalen) und nicht-mittelingualeu (nicht-palatalen) Mundöffnung (*rⁱ lⁱ nⁱ...* neben *r^o l^o n^o...*, wobei ^o neben dem Sonantenzeichen als ein ganz allgemeiner Ausdruck für nichtpalatale Mundöffnung zu betrachten ist). Dieser Unterschied ist in den meisten ae. (ig.) Sprachgebieten spurlos verschwunden. Er blieb erhalten nur bei den Slaven». Что это различіе сохранилось также въ балтійскихъ языкахъ, не подлежитъ со-

or, (*ar*) могло совпасть съ *or* (*ar*) или съ *r* (изъ *er*), или же, развиваясь самостоятельно, — какъ въ славяно-балтійскихъ языкахъ, — дать въ результатъ *ur*. Такъ какъ въ германскихъ языкахъ *ur* и т. д. получается уже изъ *r* (*er*) и т. д., въ кельтскомъ въ ирландской (и отчасти и въ британской) его вѣтви *u* совпадаетъ съ *o*, чередуясь съ нимъ въ зависимости отъ качества послѣдующихъ звуковъ (почти такъ же, какъ въ германскомъ старое *u* съ новымъ *o*), въ албанскомъ же количество незаимствованныхъ формъ довольно ничтожно, то для насъ въ данномъ вопросѣ имѣютъ значеніе только италійская, греческая и арійская вѣтви, да и въ армянскомъ, какъ извѣстно, *u* правильно получается и изъ *o* и передъ тавтосиллабическими носовыми также изъ всякаго *o*, и выпадаетъ въ не конечномъ слогѣ не только *u*, но и *i*. Только съ этою оговоркою о двусмысленности армянскаго вокализма можно бы, помимо вышеупомянутыхъ *ekul* «онъ проглотилъ» и *kur* «кормъ», здѣсь еще привести арм. *urġu* «пасынокъ» (по мнѣнію Bugge KZ. XXXII, 23 *u*- изъ *o*-) рядомъ съ *ordi* «сынъ»; *urd* «canalis» рядомъ съ *ord* т.-ж. с.; *slanam* «лечу, спѣшу» (по мнѣнію Шефтеловица ВВ. XXVIII, 283 *u*, бывшее между *s*- и *l*, изъ *o*) рядомъ съ скр. *salati* «поднимается, спѣшитъ»; арм. *xuġ* «хижина» (по мнѣнію Шефтеловица l. c. XXVIII, 311 *u* изъ *o*) рядомъ съ скр. *khala* «амбаръ»; арм. *-mġ* «ночь» (по мнѣнію Шефтеловица l. c. XXIX, 17 съ *u* изъ *o*) рядомъ съ гр. *μόρφος* «dunkelfarbig» (?). Затѣмъ Walde возводитъ въ своемъ этимологическомъ словарѣ подъ *cirvus* къ корню *ger-* «biegen, drehen» между прочимъ также арм. *kuṛn* «спина», алб. *kuṛis* т.-ж. с. и гр. *χυρός*, тогда какъ Шефтеловицъ l. c. XXVIII, 304 производитъ эти слова и арм. *kur* «чанъ, корыто» (и скр. *kurda* «кружка, горшокъ») и *kuṭh* «горшокъ» (по моему мнѣнію болѣе правдоподобно) отъ корня *kur-*. Мало свѣта проливаютъ на этотъ темный вопросъ также арійскіе языки. Бругманъ склоненъ думать (Grdr. I², 454), что, можетъ-быть, скр. *u* въ *ur*, *ul* въ положеніи передъ гласными тождественно съ балт. *u* (праслав. *ǫ*) передъ плавными и носовыми (ср. также статью Фортунатова KZ. мнѣнію. О происхожденіи *r*⁰ и т. д. (рядомъ съ *r*ⁱ и т. д.) Бодуэнъ-де-Куртенэ не говорить.

XXXVI, 19 слл. и 23 слл.), и нѣкоторыми учеными (ср. Wackernagel, Altindische Gram. 21) подобно объясняются скр. *mīni-* «аскетъ», *tuna-* «потомство» и др. Но появленіе санскритскаго *и*, по крайней мѣрѣ, отчасти обусловлено качествомъ предшествующаго согласнаго (послѣ губныхъ, какъ извѣстно, является исключительно *и*), и для сопоставленія его съ славяно-балтійскимъ *и* необходимо указать примѣры санскритскаго *и* также въ такихъ случаяхъ, когда за плавнымъ или носовымъ слѣдуетъ согласный звукъ. Нѣсколько такихъ примѣровъ, правда, указывается. Въ грамматикѣ Вакернагеля (стр. 30) приводятся скр. *gulma-* «Geschwulst» (ср. Zubatý AfslPh. XVI, 424 и словарь Walde подъ *glans* и *glomus*), *kulmala-* «Hals der Pfeilspitze» (ср. словарь Walde подъ *celsus*), *gulpha-* «Knöchel» (ср. этимологическій словарь Uhlenbeck'a), *kulmi-*¹⁾ «Heerde» (: гр. *τέλος* «Schar»), *kulva-* «kahl» (относительно формъ съ *-ulv-*, *-urv-* ср. впрочемъ Brugmann Grdr. I², 458), *bulva-* «schief». Педерсенъ приводитъ (Vergl. Gr. d. kelt. Spr. 175) также скр. *urvarā* «Saatland», авест. *urvarā-* «Pflanze» (: ирл. *arbar* «Getreide», гр. *ἀρουρα* «Ackerland»); и скр. *kumpra-* «lahm an der Hand» сопоставляютъ нѣкоторые, наприм., Walde (подъ *campus*, гдѣ *kumpra-* съ вопросительнымъ знакомъ возводится къ **kəmpó-*), Uhlenbeck, Prellwitz (подъ *χαμπή*; здѣсь имъ сюда относится, между прочимъ, также лит. *kuĩpti* «krumm werden», тогда какъ подъ *χύπελλον* онъ, считая *m* въ однозначащемъ латыш. *kumpt* и въ лит. *kuĩpras* «krumm» носовымъ инфиксомъ, возводитъ эти слова къ корню *kur-*), съ лит. *kuĩpras* «krumm», гр. *χαμψός* «gekrümmt», гот. *hamfs* «verstümmelt» и др. Больше примѣровъ съ *ur*, *ul* представляютъ греческій и латинскій языки, о которыхъ уже выше была рѣчь, но и въ нихъ меньше ихъ, чѣмъ въ славяно-балтійскихъ языкахъ. И то обстоятельство, что формъ съ *ur* и т. д. въ славяно-балтійскихъ языкахъ значительно больше, чѣмъ въ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ, говоритъ въ пользу болѣе близкаго сродства славянскихъ и балтійскихъ языковъ, даже если бы пришлось допустить историческую связь между славяно-балтійскимъ *ur* и т. д. съ

¹⁾ Съ *и*, вмѣсто *а*, можетъ быть, подъ вліяніемъ *kula-* «Geschlecht».

ur и т. д. въ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ. Въ виду всего выше сказаннаго я скорѣе склоненъ отрицать эту связь. Что же касается времени возникновенія славяно-балтійскаго *ur* и т. д., то можно думать, что оно произошло—въ качествѣ діалектическаго явленія—еще въ эпоху индоевропейскаго праязыка, или же во время распаденія единства индоевропейскихъ языковъ, или же послѣ распаденія этого единства.

Общею примѣтою славянскихъ и балтійскихъ языковъ Бругманъ далѣе считаетъ упрощеніе «двойныхъ» (т. е. долгихъ) согласныхъ. Такое сообща произведенное упрощеніе однако вовсе не можетъ считаться безспорнымъ фактомъ. Прежде всего тутъ позволительно сомнѣваться въ существованіи унаслѣдованныхъ изъ индоевропейскаго праязыка двойныхъ согласныхъ въ тѣхъ говорахъ, къ которымъ восходятъ современные славянскіе и балтійскіе языки. Вѣдь формы вродѣ II л. ед. ч. скр. *ási*, ав. *ahi*, гр. *εῖ* и лос. pl. скр. *a'hasu*, ав. *ažahu* (отъ основъ на -s) ясно показываютъ, что уже въ индоевропейскомъ праязыкѣ *ss* упрощалось въ *s*. Существовавшія рядомъ съ ними формы вродѣ II л. ед. ч. гр. *ἐσσι* и лос. pl. скр. *mānassu*, гр. *μένεσσι* представляютъ собою легко понятныя новообразованія (*μένεσσι*, наримѣръ, должно было возникнуть во избѣжаніе совпаденія съ тѣмъ же падежомъ единственнаго числа), а про формы съ однимъ *s* этого сказать нельзя. Попытку въ этомъ направленіи, правда, сдѣлалъ Бругманъ въ своемъ Grdr. I², 725, предполагая для индоевропейскаго праязыка формы лос. pl. вродѣ **menes* (съ упрощеніемъ *ss* въ *концѣ* слова изъ **meness* отъ основы *menes-*). Но такъ какъ тому подобныя формы лос. pl. нигдѣ не засвидѣтельствованы, то эта гипотеза Бругмана не можетъ считаться правдоподобною; да и самъ Бругманъ въ Grdr. II², 2, 247 слл. по крайней мѣрѣ больше не приводитъ формъ лос. pl. вродѣ **menes(s)*. Въ виду этого Bartholomae, наримѣръ, въ Grundr. der iran. Philol. I § 51 рѣшительно высказывается въ пользу того, что двойные свистящіе («Zischlaute») были упрощены уже въ индоевропейскомъ праязыкѣ. Но не видно причины, почему бы одно *ss* подвергалось такому упрощенію; произношеніе двойныхъ спирантовъ вѣдь даже менѣе затрудняетъ говорящаго, чѣмъ произношеніе двойныхъ

взрывныхъ согласныхъ. Правильнѣе поэтому, на мой взглядъ, говорить Wackernagel въ своей *Altindische Grammatik* I, 111: «Doppelkonsonanten scheinen der Grundsprache ganz oder fast ganz fremd gewesen zu sein». Приблизительно въ томъ же смыслѣ и также не совсѣмъ опредѣленно высказывается Meillet въ *Les dialectes indo-européens* 43, усматривая въ отсутствіи двойныхъ согласныхъ въ славяно-балтійскихъ языкахъ «le résultat d'une tendance indo-européenne commune; en baltique et en slave (продолжаетъ Meillet), cette tendance a continué d'agir et a complètement abouti... En ce qui concerne l'indo-européen, on sait que les consonnes géminées y tiennent peu de place: la plupart de celles qu' on rencontre appartiennent aux hypocoristiques et aux mots du langage enfantin... En dehors de ces cas tout particuliers (приведены были примѣры вродѣ *γύννις*, *ἄττα*, др.-врх.-н. *zocchōn* и др.), l'indo-européen tendait à éliminer les consonnes géminées... L'élimination des consonnes géminées a donc son origine en indo-européen même». Совершенно отрицать существованіе въ индоевропейскомъ праязыкѣ двойныхъ (=долгихъ) согласныхъ Wackernagel и Meillet, повидимому, не рѣшились въ виду формъ вродѣ скр. *attā*, гр. *ἄττα*, латинск и гот *atta*, др.-врх.-н. *atto*, др.-ирл. *aite* (съ *t*, а не *th*!) и др. Но справедливо говорить Walde въ своемъ этимологическомъ словарѣ, что *atta*—это «ein sich auf den verschiedensten Sprachgebieten immer von neuem bildendes Lallwort», указывая на прим. на мадыарск. *atya*, тюрк. *ata*, баск. *aita* «отецъ»; примѣры изъ малоазіатскихъ языковъ даетъ Kretschmer въ своей *Einleitung in die Geschichte der griech. Sprache* 349 слл. А если это такъ, то позволительно думать, что на индоевропейской почвѣ слова вродѣ *atta* возникли уже послѣ распадѣнія общаго праязыка; но возможно, и, пожалуй, болѣе правдоподобно, и то, что въ эпоху индоевропейскаго праязыка всѣ такіа слова произносились еще съ краткимъ (не долгимъ) согласнымъ, и лишь впослѣдствіи, уже на почвѣ (одной части) отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ, стали произноситься съ долгимъ согласнымъ, послѣ того какъ законъ о сокращеніи долгихъ согласныхъ пересталъ дѣйствовать, и когда въ силу различныхъ фонетическихъ процессовъ долгіе согласные возникли и въ другихъ

(не «дѣтскихъ») словахъ. Такъ, напимѣръ, въ санскритѣ сохранилось старое *vaśā* «(яловая) корова» съ краткимъ *ś*, а соотвѣтствующее ему латинское слово (*vassa*) стало впослѣдствіи произноситься съ долгимъ согласнымъ (ср. Meillet MSL. XV, 356) благодаря тому же психическому мотиву, который вызвалъ, напимѣръ, долгое *t* въ *atta*, вѣроятно, послѣ того какъ уже возникли формы съ долгими согласными вродѣ *hoss* «это» (съ *ss* изъ *de*) или *cassus* «паденіе» (съ *ss* изъ *dt*) и др. Если это дѣйствительно такъ, то можно сказать, что индоевропейскій праязыкъ вообще избѣгалъ долгихъ согласныхъ (за исключеніемъ, вѣроятно, долгихъ плавныхъ и носовыхъ въ положеніи между гласнымъ и согласнымъ). Сокращеніе же формъ вродѣ II л. ед. ч. **essi* въ **esi* при наличности (и сохраненіи) формъ вродѣ **atta* для меня, по крайней мѣрѣ, было бы непонятно. Послѣдняя форма вѣдь не можетъ претендовать на исключительное положеніе лишь потому, что она принадлежитъ къ «дѣтскому» языку, такъ какъ (какъ справедливо замѣчаетъ Meillet l. c. 58) «le langage enfantin est propagé par les personnes qui ont atteint leur développement linguistique complet». Что же касается того, что по мнѣнію Meillet (не всѣ, но лишь) большинство словъ съ «двойнымъ» согласнымъ представляютъ собою *hypocoristica* и формы дѣтскаго языка, то онъ, къ сожалѣнію, не указалъ ни одного не относящагося къ этой категоріи слова съ долгимъ согласнымъ; а я самъ не могу припомнить такого (унаследованнаго изъ общаго праязыка) слова. Если бы дѣйствительно долгіе согласные были употребительны въ индоевропейскомъ праязыкѣ, то они вѣроятно служили бы и словообразовательнымъ элементомъ, какъ это, напим., въ угро-финскихъ языкахъ (ср. напр. финск. *kukka* «цвѣтокъ»: род. п. *kukan*; *seppä* «кузнецъ»: множ. ч. *sepät* и др.); а между тѣмъ изъ индоевропейскихъ словъ съ долгимъ согласнымъ болѣе чѣмъ въ одномъ изъ индоевропейскихъ языковъ встрѣчаются лишь немногія слова дѣтскаго языка вродѣ *atta*, въ которыхъ, какъ выше уже указано, долгота согласнаго могла возникнуть и послѣ распадѣнія общаго праязыка¹⁾. Этому

¹⁾ То же самое слѣдуетъ сказать объ удлиненіи (въ нѣсколькихъ индоевропейскихъ языкахъ) согласнаго въ именахъ личныхъ и особенно въ ихъ сокра-

моему положенію не противорѣчатъ санскритскія формы вродѣ *atti* «ѣсть» и др. съ *tt(h)* и *ddh*. Какъ извѣстно, такое *tt(h)* и *ddh* получилось въ индоевропейскомъ праязыкѣ только при встрѣчѣ конечнаго зубнаго согласнаго корня съ начальнымъ зубнымъ согласнымъ суффикса. Если же такое *tt(h)* не упрощалось, да и не сохранялось, но черезъ переходную ступень *tst(h)* дало въ италійскихъ, кельтскихъ и германскихъ языкахъ *ss*, въ прочихъ же языкахъ *st(h)*, за исключеніемъ санскрита, гдѣ мы находимъ *tt(h)* (вѣроятно изъ болѣе древняго *tst(h)*, ср. объ этомъ Meillet l. c. 57 слл.), то это на мой взглядъ объясняется тѣмъ, что въ такихъ случаяхъ—ради большей морфологической прозрачности—произносились (не долгіе, но дѣйствительно) двойные зубные ¹⁾, между которыми, вѣроятно, уже въ эпоху праязыка возникли зародыши свистящихъ спирантовъ. Но какъ бы то ни было, безспорно то, что отсутствіе «двойныхъ» согласныхъ въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ ничего не доказываетъ въ пользу болѣе тѣснаго ихъ сродства. Не исключена вѣдь возможность, что въ славянскомъ праязыкѣ первоначально имѣлись долгіе согласные (взрывные), а потомъ были устранены одновременно съ извѣстными сочетаніями согласныхъ съ цѣлью устраненія закрытыхъ слоговъ. Мы, значитъ, вовсе не знаемъ, искони ли отсутствовали долгіе согласные на славянской почвѣ. Наконецъ, такое же отсутствіе и устраненіе долгихъ согласныхъ мы встрѣчаемъ и въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ, такъ въ армянскомъ (ср. Meillet l. c. 43), въ древне-

щенныхъ формахъ. Вѣдь и смягченіе согласнаго въ качествѣ словообразовательнаго элемента, повидимому, не восходитъ къ эпохѣ общаго индоевропейскаго языка, хотя оно встрѣчается не только въ славянскихъ языкахъ (ср. Berneker, Slav. etymol. Wrtb. подъ *gnida* и *gnusъ*, и русск. слова вродѣ *жидюкъ*), но и въ балтійскихъ и въ датскомъ языкахъ, ср. KZ. XLII, 376. И встрѣчающееся въ германскихъ языкахъ образованіе интенсивныхъ глаголовъ посредствомъ удлиненія согласнаго въ концѣ корня (ср. Trautmann, Germanische Lautgesetze 66) извѣстно также изъ семитскихъ языковъ, гдѣ въ такихъ случаяхъ удлинняется второй корневой согласный.

¹⁾ Послѣ того, какъ это было написано, вышла 1-я книжка XV тома Изв. отдѣл. р. яз. и словесн. Имп. Акад. Н., гдѣ на стр. 245 также Щерба высказываетъ мысль, что «эта группа (т. е. *tt*) произносилась съ самостоятельной эксплозіей обоихъ *t*».

иранскомъ (насколько можно судить по письму, не знающему двойныхъ согласныхъ), въ албанскомъ, новогреческомъ и др.

Точно такъ же совпаденіе 'звонкихъ и звонкихъ придыхательныхъ взрывныхъ свойственно не только славяно-балтійскимъ, но также албанскому и иранскимъ языкамъ. И также переходъ конечнаго *-m* въ *-n* знаютъ кромѣ славяно-балтійскихъ языковъ также армянскій, греческій, кельтскіе и германскіе языки (ср. также Mikkola, Rocznik I, 12).

Между тѣмъ какъ въ своемъ Grundriss I², 936 Бругманъ еще былъ склоненъ думать, что отпаденіе конечнаго *-d* и *-t* произошло въ эпоху славяно-балтійскаго единства, въ своей Kurze vergl. Gramm. 280 онъ уже отказывается отъ этого взгляда въ виду древнецерковнославянскаго окончанія (*-ъ* и *-а*) III л. множ. ч. аориста (и также Вондракъ, Vergl. slav. Gramm. I, 384, на томъ же основаніи считаетъ это отпаденіе *-d* и *-t* совершившимся послѣ распадения славяно-балтійскаго единства). Насколько упомянутыя окончанія аориста доказываютъ существованіе конечнаго *-d* и *-t* еще въ эпоху славянскаго праязыка (ср. Brückner KZ. XLIII, 369 сл.), объ этомъ можно говорить только въ связи съ остальными явлениями конца слова въ славянскомъ праязыкѣ, и потому я здѣсь ограничусь указаніемъ на то, что даже въ томъ случаѣ, если бы не оказалось въ фонетикѣ никакихъ слѣдовъ существованія *-d* и *-t* еще въ эпоху славянскаго праязыка, все-таки было бы неосторожно думать, что *-d* и *-t* сообща устранены предками славянскихъ и балтійскихъ народовъ. Вѣдь въ силу закона объ устраненіи закрытыхъ слоговъ *-d* и *-t* должны были исчезнуть на славянской почвѣ, если они еще существовали до дѣйствія этого закона. И эти звуки отпадаютъ также въ нѣкоторыхъ другихъ индоевропейскихъ языкахъ.

Въ силу того же закона объ устраненіи закрытыхъ слоговъ могло въ славянскомъ праязыкѣ исчезнуть *d* передъ *m* и *v* (ср. Brugmann, Grdr. I², 718), такъ что было бы неосторожно считать это явленіе общимъ новшествомъ эпохи славяно-балтійскаго единства.

Въ прежнія времена господствовало мнѣніе (котораго и теперь еще держится часть языковѣдовъ), что переходъ индоевропейскаго *s* въ *x*—явленіе спеціально славянское. Но послѣ того, какъ уста-

новили, что этот переход совершается приблизительно при таких же условиях, при каких въ арійскихъ языкахъ получается *š* изъ *s*, и что также въ литовскомъ языкѣ встрѣчается *š* изъ *s*, нѣкоторые языковѣды относятъ начало этого измѣненія *s* въ положеніи послѣ *i*, *u*, *r*, *k* въ эпоху славяно-балтійскаго единства (къ чему склоняется, наприм., Бругманъ въ *Kurze vrgl. Gramm.* § 297) или даже (въ качествѣ діалектическаго явленія) въ эпоху индоевропейскаго праязыка (какъ полагаетъ ¹⁾), наприм., Педерсенъ JF. V, 83 слл.). Для того, чтобы правильно рѣшить этотъ вопросъ, необходимо прежде всего выяснить нѣкоторыя его детали. При этомъ начнемъ съ литовскаго языка, который по отношенію къ этому вопросу еще недостаточно разработанъ. Педерсенъ пришелъ л. с. 77 слл. къ заключенію, что первоначально и въ литовскомъ языкѣ послѣ *i*, *u*, *r*, *k* имѣлось повсюду *š* изъ *s*, и только впоследствии въ части случаевъ это *š* перешло обратно въ *s* (и Бругманъ, *Grdr.* I² § 906, считаетъ это возможнымъ). Зубатый же, *AfslPh.* XVI, 404¹, считаетъ переходъ *s* въ *š* фонетическимъ только въ положеніи послѣ *r* и *k*, да еще послѣ *i*, *u* «als reducirten Vokalen» (но не послѣ первоначальныхъ *i*, *u*); подобно ему и Mikkola JF. XVI, 98. Обратимся къ деталямъ. Послѣ *r*—въ этомъ Зубатый и Педерсенъ, повидимому, правы—получается (изъ *s*) и сохраняется *š*, какъ показываютъ слѣдующіе примѣры:

miřšti «забывать», *mařsas* «забываніе»: скр. *marša-s* «geduldiges Ertragen».

veřšis «теленкъ» или (въ Дусятахъ) «быкъ» (*Būga, Aist. Stud.* I, 147): латинск. *verres* «кабанъ», скр. *vřša-s* «быкъ».

viršūs: црксл. *врѣхъ*, скр. *váršman-* «верхъ».

širšuõ (такое удареніе даетъ *Būga, Aist. Stud.* I, 152): црксл. *сръшень*, латинск. *crabro* «шершень».

garšvā: др.-врхн. *gers* «снить».

kařšti ²⁾ «чесать»: средне-нижнен. *harst* «грабли» и др., ср. Walde подъ *carro*.

¹⁾ Къ тому же склоняется и Meillet *Introd. à l'étude compar.* ² 67.

²⁾ Это же слово по Куршату употребляется также «als Scherzwort» въ значеніи «быстро идти». А между тѣмъ теперь, вслѣдъ за Сольмсеномъ *KZ.* XXX,

kiršlįs: норв. *harr* «хариусъ», ср. Lidén PBrV. XV, 509 сл.

mìrštu «умираю», съ *-štu*, между тѣмъ какъ обыкновенно этотъ суффиксъ имѣетъ форму *-stu*; и подѣ влияніемъ подавляющаго большинства этихъ глаголовъ говорятъ также *mùrstu* (отъ *mùrti* «мокнуть», *kiùrstu* (отъ *kiùrti* «дырнуть»), *pražiùrstu* (отъ *pražiùrti* «прозрѣть»), гдѣ *-stu* сохраняетъ свое значеніе (чего нельзя сказать про *mìrštu*), и гдѣ формы настоящаго времени рѣже употребляются.

Какъ извѣстно, есть въ литовскомъ языкѣ и слова съ *-rs-*, но позволительно (и въ виду примѣровъ съ *-rš-* изъ *-rs-* слѣдуетъ) думать, что во время перехода *-rs-* въ *-rš-* въ нихъ еще не было *-rs-* (между *r* и *s* могъ быть гласный или *d*, *t*), или что сами эти слова возникли въ литовскомъ языкѣ только послѣ перехода *-rs-* въ *-rš-*: *dìrsė* (лат. *dirši*) «костеръ» неизвѣстнаго для меня происхожденія; ср. развѣ Leskien Bild. d. Nom. 268, гдѣ оно сближается съ однозначающимъ н. *Trespe*, если въ *dìrsė* утрачено *p* между *r* и *s*.

gìrsa, ср. KZ. XLIV (лат. *dzirši*), можетъ-быть, имѣетъ *s* вмѣсто *š* подѣ влияніемъ однозначающаго съ нимъ *dìrsė*.

gaĩsas «звукъ, звонъ» сближаются съ *girdėti* «слышать».

gìrsnùoti или *gìrsnóti* «fortgesetzt ein wenig trinken» (къ *gérti* «пить») съ *s* подѣ влияніемъ формъ вродѣ *kìlsnóti* «fortgesetzt hin und her heben» (къ *kélti* «поднимать») или *kalsnóti* «fortgesetzt hämmern» (къ *kálti* «ковать», ср. Leskien Bild. d. Nom. 368.

karstas «могила» у Даукши Post. 238, 14; 239, 16, 17, 18 для меня тѣмъ менѣе ясно, что Нессельманъ даетъ (изъ рукописныхъ словарей) *karštas*; Буга, Aist. Stud. I, 139, вѣроятно правильно

601, начали сопоставлять его въ послѣднемъ значеніи съ латинск. *currere* и др., что врядъ ли правильно (ср. теперь также Lagercrantz JF. XXV, 368), такъ какъ часто употребляются въ значеніи «быстро двигаться» глаголы, которые собственно имѣютъ совсѣмъ другое значеніе, ср. наприм. лат. (*aiz*)*šautiēs* (у Ульмана отъ *šaut* «стрѣлять»), *jūbzt(iēs)* отъ *jūbzt* «поясать»), *aizpl'autiēs* «быстро отправиться» (наприм. въ Вольмарскомъ говорѣ; отъ *pl'aut* «косить»), *grūst* (у Ульмана; собственно: толкать), р. *удратъ*, н. *ausreißen* и др. Такъ же, по моему мнѣнію, не подлежитъ сомнѣнію, что р. (с)*махнутъ* «schnell hinlaufen», которое Jokl сближаетъ съ црксл. *мѣти* «мять» (AfsI Ph. XXVIII 5, XXIX 22 сл., JF XXVII, 310 сл.), тождественно съ *махнутъ* «winken».

сближаетъ это слово съ лат. *šk'īsts*¹⁾ «сундукъ, гробъ», но корень его отсюда не выясняется.

kersè «Karitzkenkraut» (ср. лат. *k'ērši* «Brunnenkresse») неизвѣстнаго для меня происхожденія.

Kirsna (названіе какой-то рѣчки) сопоставляютъ съ скр. *křšvá-s* «черный». Но первоначальнаго значенія этого имени мы вѣдь вовсе не знаемъ, и допустивъ, что оно значило «Черная», можно объяснить его *s* (ср. *kéršas* «weiss und schwarz gefleckt») или вліяніемъ другихъ названій (рѣкъ) на *-sna*, если таковыя имѣются въ окрестностяхъ Кирсны, или же тѣмъ, что литовцы, можетъ-быть, уже послѣ перехода *-rs-* въ *-rš-* переняли это названіе у другого балтійскаго племени (съ *-rs-*)²⁾.

Въ *naĩsas* «гнѣвъ» между *r* и *s* вѣроятно утрачено *t*, ср. наприм. *nartint* «гнѣвить» у Даукши Кат. 26, 22 и др. у Траутмана Altpr. Spr. 384³⁾.

purslas или (у Буги, Aist. Stud. I, 176) *puĩslos* «Schaumspeichel» скорѣе всего звукоподражательное слово (Буга I. с. даетъ цѣлую коллекцію сходныхъ по звукамъ и значенію словъ), причемъ *-s-* (вмѣсто *-š-*) вѣроятно объясняется вліяніемъ словъ съ суффиксомъ *-sla-*, ср. Leskien Bild. d. Nom. 453 (и *apsipuršlótì* 455).

skeĩsas «поперечный» является съ такимъ же *s*, какъ и прксл. *чръсъ* (при греч. *ἐπὶχρόσιος* и др.), такъ что приходится думать объ исчезновеніи зубнаго согласнаго между *r* и *s*, ср. словарь Бернекера 149. Предложенное же Бругманомъ Grdr. I², 786 объясне-

¹⁾ Обыкновенно это слово считается заимствованнымъ изъ финскихъ языковъ, какъ и р. *корета* «агса».

²⁾ Послѣ того какъ это было написано, Каз. Каз. Буга мнѣ любезно сообщила, что *Kirsna*, асс. с. *Kiĩsna* (названіе рѣчки Кальварійскаго уѣзда Сувалкской губ. и притокъ рѣки *Deimenà* въ прусской Литвѣ) онъ считаетъ прусскою по происхожденію формою въ виду лит. *Kirkšnó-upis* и *Kiĩkšnis* (рѣчки въ Ковенской губ.).

³⁾ Траутманъ пишетъ *nartinti*, слѣдую, должно быть, Куршату, который однако даетъ это слово только въ скобкахъ, не зная его изъ своего родного говора и ставя удареніе вѣроятно по аналогіи другихъ словъ. Даукша же I. с. имѣетъ удареніе на первомъ слогѣ.—Въ *niĩšti* «ergrimmen» *š*, можетъ быть, вызвано вліяніемъ однозначащаго *kiršti*; ср. *keršte ir narše* у Беценбергера Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 81.

ніе, будто-бы второе *s* въ *skeĩsas*—результатъ вліянія начального *s*-, и само по себѣ не очень убѣдительно (за неимѣніемъ аналогичныхъ примѣровъ) и совершенно непригодно для славянской формы.

smarsas «Fett, mit dem man Speisen abmacht» (i. s. *smārsu* у Даукши Кат. 28, 10) вѣроятно когда-то имѣло *t* послѣ *r*, ср. гот. *smairþr* «жиръ» (Лескинъ же, l. с. 595, сближаетъ его съ *smirdēti* «вонять»).

tursóti «mit vorgestrecktem Hintern kauern» вѣроятно произведено отъ глагола *turēti* въ значеніи «держать», которое и теперь еще извѣстно въ части литовскихъ говоровъ, наприм. Лит. хрест. 381, 18; 385, 39; 386, 4, посредствомъ довольно употребительнаго суффикса *-soti*, ср. наприм. *vypsóti* къ *vieptis*, *šypsóti* къ *šieptis*, *kniúpsoti* «dauernd gebückt dasitzen» къ *knúpoti* и др. у Куршата Gramm. § 1249, гдѣ *s* правильно сохраняется (относительно значенія ср. лат. *puòturināt bērnu* «ein Kind abhalten» scil. ad cecandum). Если это такъ¹⁾, то формы *tuĩs(l)inti*, *tursomiegis* и *tursas* (это слово не засвидѣтельствовано, но только предположено Нессельманомъ, ср. Leskien l. с. 189) созданы на основаніи глагола *tursóti*.

tvārslēs «Fahrleine beim Fuhrwerk и *versmē* «источникъ» сохраняютъ *s* подъ вліяніемъ другихъ словъ съ суффиксами *-slē* и *-smē*, ср. Leskien l. с. 426 и 459.

varsà (такое удареніе даетъ Буга Aist. Stud. I, 72) «Flocke von Wolle... am Fleisch» по мнѣнію Брюкнера Litu-slav. Stud. I, 151 заимствованіе изъ русскаго языка (*ворса*).

vèversỹs (пр. *werwirsis*) «жаворонокъ» неизвѣстнаго для меня происхожденія.

Подъ вліяніемъ формъ съ правильно сохранившимся *s* (въ положеніи не послѣ *r* и *k*) сохраняется *s* послѣ *r* далѣе въ суф-

¹⁾ Zupitza же, BB. XXV, 97 сл. (также Pedersen Vrgl. Gr. d. kelt. Spr. I 83), сближаетъ это слово съ ирл. *tarr* «спина, задъ, брюхо», др.-брет. *tar* «брюхо» и др., предполагая для этихъ кельтскихъ и литовскихъ словъ *-rs-* изъ *-rds-* на основаніи германскихъ формъ вродѣ др.-нсл. *stertr* «хвостъ» и др. Въ такомъ случаѣ пришлось бы возводить лит. *tursóti* къ незасвидѣтельствованному *tursas* «задница», причемъ я не могъ бы понять, какимъ путемъ установилось за глаголомъ *tursóti* его теперешнее значеніе.

фиксѣ будущаго времени (наприм. *gėrsiu* «буду пить»), въ производныхъ глаголахъ на *-styti* (откуда далѣе *-stinėti*), ср. наприм. *barstyti* къ *beriù* (какъ наприм. *ramstyti* къ *remiù*), или *kārstyti* и *karstinėti* къ *kariù* (сюда ли относятся *karstenys* и *pėrkarsta* «Leinwandszierrat», или же по словарю Нессельмана къ *perkartoti* «einen Strich durchnähen»?), въ суффиксахъ *-snis* (наприм. *skirsnis* «отдѣленіе» у Лескина l. c. 373), *-stas* (напр. *šarstas* «Schaum der Wellen» l. c. 532), *-stis* (наприм. *skirstis* l. c. 541), и, наконецъ, вездѣ, гдѣ *s* получилось или изъ *d*, *t* (какъ въ *kiṛsti* «рубить»), или же изъ *d*, *t+s* (какъ въ *varsmas* или *varsnà* «Pfluggewende» отъ *verčiù* «верчу»).

Относительно первоначальнаго *ks* Зубатый и Педерсенъ уже вѣрно указали, что въ литовскомъ языкѣ отсюда правильно получается *kš*¹⁾ («wenn hier *s* steht, so gehört es gewöhnlich einem Flexions- oder Wortbildungselement an, so dass Analogiebildung anzunehmen ist», Педерсенъ JF. V, 78). Но такъ какъ Бругманъ въ Grdr. I², 785 послѣ этого все еще полагаетъ, что въ литовскомъ языкѣ *s* послѣ *k* «regelmässig» сохраняется, то рассмотримъ этотъ вопросъ подробнѣе. Слово съ *-ksz-* въ литовскомъ языкѣ очень много (такъ что я не въ состояніи привести ихъ всѣхъ), и по крайней мѣрѣ въ большинствѣ ихъ *-š-* навѣрно получилось изъ *-s-*, такъ какъ изъ родственныхъ языковъ мы не знаемъ праиндоевропейскаго сочетанія *-qk-*. Къ *k* или (въ положеніи передъ глухими взрывными согласными) *ġ(h)* такое *š* послѣ *k* восходитъ только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это *k* позже вставлено, какъ наприм. въ *aĩkštas* «узкій», или въ случаяхъ смѣшенія параллельныхъ формъ съ *k* и *š* (изъ индоевр. *k*), для чего, однако, я сейчасъ несомнѣнныхъ примѣровъ не знаю; скорѣе всего такъ объясняется *kulkš(n)is* «лодыжка» (Leskien l. c. 371), ср. съ одной стороны *kulšnis* т.-же с. (у Беценбергера Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 82) и *kùlszis* или

1) Относительно словъ съ *-rkš-* со вставнымъ *k* (наприм. *šerkšnas* «иней», ср. однозначашее лат. *sērsns*) неизвѣстно, было ли въ нихъ *k* уже во время перехода *s* въ *š* (*šerkšnas*, напримѣръ, можетъ восходить и къ **šerksnas*, и къ **šeršnas* изъ **šersnas*).

*kùlszè*¹⁾ (= пр. *culezi*) «бедро», и прксл. *кѣка* «poples» и словинск. *kolk* «бедро» съ другой стороны (второе *e* въ латинскомъ *calx*, *-eis* «пята» можетъ восходить и къ палатальному и къ велярному *k*). Но конечно не исключена возможность, что въ *kulkš(n)is* мы имѣемъ дѣло съ такимъ же вставнымъ *k* какъ и въ *aĩkštas*. Есть, наконецъ, вѣроятно нѣсколько словъ (созданныхъ на литовской почвѣ) отъ корней на *-k* съ суффиксомъ, начинающимся съ *š-* (изъ *k̃*); примѣры даетъ Лескинъ I. с. 598 (слѣдуетъ только имѣть въ виду, что въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ имъ примѣровъ *š* послѣ *k* можетъ восходить къ *s*). И часть многочисленныхъ звукоподражательныхъ глаголовъ съ *-kš-* могла возникнуть на литовской почвѣ уже послѣ совпаденія *š* (изъ *s*) и *š* (изъ *k̃*). Примѣрами перехода *-ks-* въ *-ksz-* могутъ служить:

inkštiras (или *ankštira* Юшк.) «угорь» (н. Finne), со вставнымъ *k*, ср. *instiras* Лит. хр. 353, 26 «закожный червь» (у Куршата *ankštiraĩ* въ этомъ значеніи), вѣроятно съ суффиксомъ *-iras* отъ старолит. *insčios* (у Беценбергера Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 287) «внутренности», ср. р. *нутрецъ* «Eingeweidewurm» отъ *нутро*. Формы съ начальнымъ *a-*, вродѣ лит. *anksztiraĩ* (и пр. *anxdris* «ужъ»), вѣроятно возникли путемъ смѣшенія прабалтійской формы, соотвѣтствовавшей др.-врхн. *angar* «Kornmade», р. *угоръ* и друг. (ср. Trautmann Altpr. Spr. 301), и формы *inksztiras* благодаря сходству ихъ значеній. Въ пользу такого объясненія говоритъ отсутствіе суффикса *-stiras* (или *-sztiras*); если же Лескинъ I. с. 162 склоненъ считать *anksztiraĩ* за Zusammensetzung aus *anksztis* «Schote» und einer Ableitung von *irti* «sich trennen», то мнѣ это кажется совершенно немыслимымъ въ семасіологическомъ отношеніи.

¹⁾ Траутманъ Altpr. Spr. 365, правда, по примѣру Брюкнера, вынужденнаго оправдать свое предположеніе, что въ прусскомъ языкѣ заимствовано изъ польскаго языка «fast jedes fünfte Wort» (KZ. XLIII, 315), считаетъ пр. *culezi* и лит. *kùlšè* и *kùlšis* заимствованиями изъ польскаго языка (*kulsze*). Заимствование тутъ правдоподобно, но по своему звуковому составу эти слова скорѣе похожи на балтійскія, нежели на польскія формы, и поэтому я считаю п. *kulsze* заимствованнымъ изъ литовскаго языка. Брюкнеръ конечно это отрицалъ бы, такъ какъ онъ увѣренъ, что въ польскомъ языкѣ нѣтъ вовсе заимствованій изъ литовскаго языка. А когда ему указываютъ на примѣры, то онъ ихъ не признаетъ, такъ какъ де въ польскомъ языкѣ нѣтъ вовсе заимствованій изъ литовскаго языка.

áugsztas «высокій», ср. латинск. *augustus*.

bálkszvas (со вставнымъ *k*)=*balsvas* «бѣловатый» Leskien I. с. 345, ср. тамъ же другія прилагательныя на *-svas*.

drėksztinė (*lentà*) «eine gerissene (Latte)» вѣроятно съ суффиксомъ *-tinė* отъ глагола *dreskiù drėksti* «драть» (съ перестановкой *sk* передъ *t* въ *ks* и сохраненіемъ *s* подъ вліяніемъ формъ съ *-sk-*, какъ наприм. въ *mėksti* «вязать» къ *mezgù*).

krėksztas «крестъ» и *krėksztyti* «крестить» (со вставнымъ *k*, послѣ котораго славянское *s* на литовской почвѣ перешло въ *sz*).

Далѣе *s* послѣ *k* переходитъ въ *sz* въ именныхъ формахъ на *-snus* (ср. *dosnùs* «щедрый» и др. у Лескина I. с. 358), наприм., *rūgsznus* «угрюмый»; на *-sna* (ср. *liepsnà* «пламя» и др. у Лескина I. с. 368 сл.), наприм. *sziksznà* «feines zur Verfertigung von Riemenzeug gegerbtes Leder» (ср. лат. *siksna* и скр. *šikyám* «ремень»), на *-snis* (род. п. *-snies*; ср. н. pl. *kėpsnys* «печенье» и др. у Лескина I. с. 370), наприм. *brūksznis* «черта»; на *-snis* (род. п. *-snio*; ср. наприм. *laipsnis* «ступень» и др. у Лескина I. с. 373 сл.), наприм. *gūrksznis* «ein hörbarer Schluck von etwas Flüssigem»; на *-snė* (ср. *kašnė* «бѣда» и друг. у Лескина I. с. 376), наприм. *szuksznės* «Kehricht, Müll»; на *-smas* (ср. *grausmas* «громъ» и др. у Лескина I. с. 422 сл.), наприм. *trūkszmas* «Zug»; на *-smis* (ср. *ataduosmei* «Wiedergaben» у Лескина I. с. 424), наприм. *brūkszmis* «черта»; на *-smė* (ср. *eismė* «ходъ» и др. у Лескина I. с. 426), напримѣръ *szūkszmės* «Geröll»; на *-slas* (ср. *žáislas* «игрушка» и др. у Лескина I. с. 453), наприм. *raūkšlas* «морщина»; на *-slė* (ср. *kremslė* «хрящъ» и др. у Лескина I. с. 459 и 461), наприм. *raukšlė* «морщина»; на *-slus* (ср. *doslùs* «щедрый» и др. у Лескина I. с. 469), наприм. *deigszlùs* «всходный» (н. gut keimend) у Буги Aist. Stud. I, 84; на *-stas* (ср. *veĩpstas* «Spinnstuhl» и др. у Лескина I. с. 532 сл.), напримѣръ *plākštas* «Prügel»; на *-stis* (род. п. *-ščio*; ср. *raĩstis* «подпора» и др. у Лескина I. с. 539 сл.), наприм. *baigsztis* «мухогонка»; на *-sta* (ср. *szėlsta* «Wüten» и др. у Лескина I. с. 544), наприм. *laksztà* (=laktà) «наѣстокъ»; на *-stis* (род. пад. *-sties*; ср. *skĩlstis* «Klauenspalte» и др. у Лескина I. с. 547 сл.), наприм. *rakštis* «осколокъ»; на *-stė* (ср. *skiĩpstė* «rhamnus frangula» и друг.

у Лескина I. с. 547 сл.), наприм. *pokštè* «пучекъ цвѣтовъ» (вѣроятно родственно съ лат. *páksts* «струкъ»); на *-stus* (ср. *darbstus* «прилежный» и др. у Лескина I. с. 558 сл.), наприм. *baugštus* «пугливый»; въ глаголахъ на *-soti*, ср. выше стр. 32, наприм. *tekšóti* «plump daliegen», *talkšóti* «mager sein», *šmiekšóti* «in unbestimmten Umrissen dastehen», *brankšóti* «unbedeckt daliegen, dastehen»; на *-sėti* (ср. *švelpsėti* «шепелять» отъ однозначащаго *švélpti*), наприм. *klukšėti* «рыгать», *kvarkšėti* «клохтать»; на *-snoti*, ср. выше стр. 30, наприм. *vaukšnoti* «fortgesetzt ein wenig bellen»; на *-styti*, ср. выше стр. 33, наприм. *lakštýti* «летать» (къ *lėkti* «летѣть»).

Формы суффиксовъ съ *-š-* (изъ *-s-* послѣ *k* и *r*) изъ положенія послѣ *k* и *r* иногда перенесены также въ положеніе послѣ губныхъ согласныхъ (послѣ которыхъ *s* обыкновенно сохраняется); ср. наприм. *lipšnūs* «липкій» (отъ *lìpti* «липнуть»), *dabšnūs* «красивый» (ср. однозначащее *dabnūs*); *lupšnūs* (рядомъ съ правильнымъ *lupsnūs*), «geschälte Tannenrinde» (отъ *lùpti* «лупить»), *grìbšnis* «der schnelle Griff» (къ *griėbti* «хватать»), *šlāmštai* (или же съ *-sz-* путемъ ассимиляціи къ начальному *sz-*?) «Rückstände einer Überschwemmung, Kehricht» у Беценбергера Lit. Forsch. 183 (рядомъ съ правильнымъ *szlamstas* у Гейтлера Lit. Stud. 114; можетъ быть, отъ заимствованнаго *szlamas* «Schlamm»), *graĩbsztas* или *graĩbsztis* «Kratzhamen»; *lipsztus* «zuvorkommend» у Лескина I. с. 559; *rapsznóti* «ѣсть» (по сообщенію К. К. Буги въ Хвейданскомъ говорѣ; ср. *aprėpti* «обхватить» у Юшкевича и указанія Фортунатова ВВ. III, 73¹); *grabsztýti* «Diebereien begehen» (ср. *grabūs* «fingerfertig»).

А съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ весьма употребительныхъ суффиксахъ *-s-* изъ положенія не послѣ *k* (и *r*) нерѣдко переносится также въ положеніе послѣ *k*¹⁾; ср. *ũnksna* «тѣнь» и др. у Лескина I. с. 368; *degšnīs* «Brandstelle» и др. у Лескина I. с. 370 сл.; *dỹgšnīs* «уколъ» и др. у Лескина I. с. 373 сл. и 377; *vaĩksnė* «Zug» и др. у Лескина I. с. 376; *veĩksmas* «плачъ» и др. у Лес-

¹⁾ Случай колебанія между *s* и *š* послѣ *k* и *r* приводитъ Беценбергеръ Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 81.

кина I. с. 422 сл. и 429; *rèksmè* «крикъ» и др. у Лескина I. с. 426; *mókslas* «ученіе» и др. у Лескина I. с. 453; *žingslis* «шагъ» у Даукши Кат. 39, 6; *dukslus* «густой» и др. у Лескина I. с. 469; *lankstas* «Biegung» (рядомъ съ правильнымъ *lanksztas*) и др. у Лескина I. с. 532, 537 сл. и 558 сл.); *sleñkstis* «порогъ» и др. у Лескина I. с. 539; *dingstis* «Einbildung», *mākstys* (рядомъ съ *māksztys*) «ножны» и др. у Лескина I. с. 549 сл.; *smaigstè* «Stange» и др. у Лескина I. с. 550 сл.; *branksóti* (рядомъ съ правильнымъ *brankszóti*) «unbedeckt dastehen», *mirksóti* «mit halb offenen Augen dastitzen» и др.; *žegsėti* «mehrfach schluchzen», *žvelgsėti* «болтать», *duksėtis* «довѣряться, надѣяться», наприм. у Даукши Post. 309, 21 (отсюда *duksingas* «vertraulich, zuversichtlich» и *paduksis* «надежда, довѣріе», г. с. *pāduksio* у Даукши Post. 8, 27. Отношеніе латинск. *spes* къ скр. *sphāyati* «wird feist, nimmt zu» и *sphārā-s* «ausgedehnt, gross» показываетъ, ср. Leskien I. с. 596, что къ тому же корню относятся *paduksinti* «erheben, preisen» у Лескина I. с., *duksas* «beleibt, völlig», *duksinti* или *dāugsinti* «умножать», *daūg[sei]* «много», откуда *daugsingai* «reichlich» у Лескина I. с. 597. Сохраненіе *s* въ послѣднихъ формахъ вѣроятно объясняется вліяніемъ *duksėtis* съ одной стороны, и формъ вродѣ *liaupsai* «reichlich» у Лескина I. с., *liāupsinti* «хвалить» съ другой стороны. Другую этимологию для *duksėtis* и *duksas* даетъ Зубатый AfslPh. XVI, 392) и др.; *viksnóti* «den gehobenen Schwanz nach der Schnelligkeit des Laufes und in dessen Takt zittern lassen» (ср. лат. *vīkt* «schmiegen, biegen», средне-врхн. *weigen* «schwanken», или, если *k* въ *viksnóti* изъ *g*, древне-исл. *vīkja* «двигать(ся)», скр. *vēga-s* «Zittern» и др.); *lakstýti* (рядомъ съ *laksztýti*) «летать», *szlakstýti* «прыскать» и др.

Далѣе мы находимъ *s* послѣ *k* подѣ вліяніемъ формъ съ правильно сохранившимся *s* въ суффиксѣ будущаго времени (наприм. *sùksiū* «буду вертѣть») и въ формахъ настоящаго времени на *-stu* (наприм. *ilgsta* отъ *ilgti* «lang werden»; и отъ *ilgsta* далѣе произведено *ilgstinti* «lang machen»); вліяніемъ этихъ формъ на *-stu* вѣроятно объясняется *-s-* въ *túkstantis* «тысяча» (рядомъ съ нерѣдкимъ въ старолитовскихъ текстахъ *túksztantis*, ср. Bezzenberger

Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 81; кромѣ того не исключена возможность, что *-k-* въ этомъ словѣ позже вставлено). Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ *s* объясняется недавностью вставки передъ нимъ *k*: *eĩksnis* «ольха», *ĩnkstas* «почка» (если въ этомъ словѣ *k* вставлено, ср. Brugmann Grdr. I², 391¹; можно думать здѣсь и о вліяніи суффиксовъ *-snis*, *-stas*), *vaĩkstas* «лѣкарство» (рядомъ съ однозначимъ *vaistas*, наприм. у Даукши Post. 19, 23), *auksas* «золото» (при старолит. *ausas* у Беценбергера l. c. 84 и пр. *ausis*), *duksauti* и *aduksis* (вѣроятно съ долгимъ *u*) у Гейтлера Lit. Stud. 76 и 82 (рядомъ съ *dusauti* «вздохнуть» и *atdusis* «вдохъ»), *oksai* (съ *o* изъ *uo*) «kundschaftende Bienen» у Лескина l. c. 595 (ср. замѣчаніе Лескина l. c. и греч. *ὀσφραίνεσθαι*). Подъ вліяніемъ *akstis* (съ *s* подъ вліяніемъ другихъ формъ съ суффиксомъ *-stis*) «ein Stöckchen» имѣется *s* въ *akstinas* «Ochsenstecken». Формы *blakstienai* «рѣсницы» (у Куршата съ невѣрнымъ *é* вмѣсто *ie*) и *blakstienos* («вѣки»?) Лит. хр. 351, 33, можетъ-быть, предполагаютъ форму **blakstas* (съ суффиксомъ *-stas*), ср. лат. *plaksts* (и *plakstiens* или *plakstiņš*) «вѣко»; *k* въ нихъ вѣроятно входитъ въ составъ корня, ср. Bezzenberger BB. XIX, 248. Также *vĩksvā* (рядомъ съ правильнымъ *vĩkszvē*, ср. также *vĩkszris*) «Spitzgras» имѣетъ вѣроятно *s* подъ вліяніемъ другихъ словъ на *-sva*; ср. лат. *ciesva* «пырей», лит. *nausvā* «польза» (у Лескина l. c. 347) и *garszvē* (изъ **garsvā*) «снить». — Велѣдствіе перестановки имѣется *-ks-* (изъ *-sk-*) наприм. въ *mekstuvė* «Vorrichtung zum Stricken der Hewelten» (отъ *mezgù mēksti* «вязать») и вѣроятно также въ *dreksù drėksti* «царапать» (наст. время вѣроятно изъ **dreskù* подъ вліяніемъ инфинитива *drėksti*; ср. *dreskiù drėksti* «драть»). — Въ *ieleksis* (у Куршата невѣрно *é* вмѣсто *ie*) «Zochbaum» *s* вѣроятно подъ вліяніемъ однозначаго *ielekstis* или *ielakstis* (съ суффиксомъ *-stis*; рядомъ имѣются правильныя формы *ieleksztis*, *ieliksztis* и также *ielektis* у Буги Aist. Stud. I, 100; ср. восточнолат. *ielukši* «Femerstangen am Pflug» у Беценбергера Lett. Dial.-Stud. 169, рядомъ съ которымъ лат. *ĩlksis* «оглобли» вѣроятно сокращено изъ **ielksis* послѣ утраты гласнаго между *l* и *k*, ср. діал. *lils* изъ *liēls* «большой» KZ. XLIII, 3).

Итакъ, формы съ *-ks-* всѣ допускаютъ болѣе или менѣе удовлетворительное объясненіе. И что въ выше указанномъ направленіи слѣдуетъ искать ихъ объясненія, это доказываютъ формы съ *-ksz-* (изъ *-ks-*), которыя понятны только въ томъ случаѣ, если вслѣдъ за Зубатымъ и Педерсеномъ признаемъ фонетическій переходъ *-ks-* въ *-ksz-*.

Педерсенъ считаетъ возможнымъ возводить въ нѣкоторыхъ литовскихъ словахъ также *sz-* къ *s-* (съ утратою первоначально стоявшаго передъ нимъ *k-*, благодаря которому и получилось *sz-* изъ *s-*). А priori возражать нельзя, такъ какъ нѣтъ словъ съ *ksz-* (или съ *ks-*) въ литовскомъ и съ *ks-* въ латышскомъ и прусскомъ языкахъ, и такъ какъ переходъ *s* въ *sz* также послѣ начального *k-* кажется совершенно естественнымъ, если во время перехода *s* въ *sz* въ языкѣ имѣлись слова съ *ks-*. Но имѣлись ли тогда такія слова у лингвистическихъ предковъ литовскаго народа? Приводитъ ли Педерсенъ убѣдительные примѣры? Примѣры-то онъ приводитъ, но убѣдительными я ихъ не считаю. JF. V, 61 и 81 онъ сопоставляетъ лит. *szúdas* (лат. *suĩds*) «калъ, навозъ» и *sziaudaĩ* «солома» съ скр. *kšudrā-s* «малый», црксл. *худо* «*parvus*», р. *худой*, выдавая самъ это за «*das beste Beispiel*». Насколько правдоподобно взаимное родство санскритскаго и славянскаго словъ, настолько же проблематично и въ семасіологическомъ отношеніи даже невѣроятно родство съ ними упомянутыхъ балтійскихъ словъ. Сопоставляя эти слова, Педерсенъ долженъ былъ указать связь ихъ значеній и дать параллели такого развитія значенія. И отказаться отъ этой этимологіи слова *szúdas* слѣдуетъ теперь тѣмъ болѣе, что вѣрная этимологія этого слова намъ дана уже Фикомъ, Vrgl. Wrtb. I⁴, 426, сопоставляющимъ это слово съ греч. *ὄσ-χυθα* ¹⁾ «*ὄς ἀφόδευμα*» и

¹⁾ Относительно формы первой части этого слова ср. *ὄσ-πορος* (какъ *βόσ-πορος*), *ὄσ-πόλος*, *ὄσ-πέλεθος* и др. Съ другой стороны, I. Шмидтъ сопоставляетъ KZ. XXV, 165² *šúdas* съ скр. *śūdrā-s* «человѣкъ низшей касты» (и съ вопросительнымъ знакомъ также Uhlenbeck въ своемъ древнеиндійскомъ этимологическомъ словарѣ). Но это сопоставленіе остается сомнительнымъ, такъ какъ мы не знаемъ первоначальнаго значенія скр. *śūdrā-s*. Бернекеръ же сближаетъ JF. X, 160 сл. *šúdas* и *šiaudas* съ древне-врхн. *scutten* «сыпать» и средне-врхн. *schüt* «мусоръ», полагая, что первоначальнымъ значеніемъ литовскихъ словъ

χυθώδης· δύσοσμος у Гесихія (*szíáudas* же «соломина» скорѣе родственно съ латинск. *caudeus* «junceus», древне-нижнен. *skotón* «spriessen, aufschliessen» и древне-врхн. *scoz* «Schössling» отъ прагерманскаго *skut-* у Фика Vergl. Wrtb. III⁴, 467 сл.). А KZ. XXXVIII, 391 и XL, 179 сл. Педерсенъ отдѣляетъ лит. *száltas* «холодный» отъ *szalnà* (=црксл. *слана*) «иней», сопоставляя *száltas* съ црксл. *хладъ*, и такого же мнѣнія, повидимому, держится Миккола (Baltisches und Slavisches 44). Это поразительный примѣръ того, какъ иногда даже свѣдущіе лингвисты въ угоду какой-нибудь гипотезѣ насильственно расторгаютъ даже наиболѣе естественную связь словъ, рискуя этимъ скомпрометировать нашу науку въ глазахъ постороннихъ лицъ. Что Вондракъ, Vergl. slav. Gramm. I, 357, безъ всякой оговорки предлагаетъ своимъ читателямъ эту этимологию Педерсена, это меня нисколько не удивляетъ; но также Бернекеръ въ своемъ этимологическомъ словарѣ считаетъ ее только за «bedenklich». И поэтому стоитъ поговорить объ этой находкѣ. Uhlenbeck уже справедливо замѣтилъ JF. XVII, 99: «Wäre es nicht um *chladъ* unterzubringen, so würde es keinem eingefallen sein, *száltas* von *szalnà*, aksl. *slana* zu trennen und sein anlautendes *sz* aus idg. *ks* zu erklären». Педерсенъ на это возражаетъ KZ. XL, 180: «Dieser satz [т. е. только что приведенныя слова Uhlenbeck'a] ist unbedingt richtig; er kann auch so ausgedrückt werden: «Wenn man das heutige Litauisch ohne irgend einen seitenblick auf verwandte sprachen etymologisiren darf, so kann *száltas* von *szalnà* nicht getrennt werden». Dies verfahren ist nun aber einmal nicht erlaubt; man darf niemals nach wurzeln suchen, ohne auf die historische und vergleichende sprachwissenschaft rücksicht zu nehmen. *Wahnsinn* gehört nicht zu *wahn*, *wähnen*,... d. *sucht* gehört nicht zu *suchen*, *hantieren* nicht zu *hand*...» ¹⁾. Итакъ, Педерсенъ самъ при-

было «Geschüttetes»; но гр. *χυθ-* показываетъ, что *šúdas* вѣроятно уже искони значить «каль». Относительно же *šíáudas* съ увѣренностью ничего сказать нельзя.

¹⁾ Слѣдуетъ еще нѣсколько тому подобныхъ примѣровъ. Что не всегда сходныя слова восходятъ къ одному и тому же корню, это мы знали и до Педерсена. А, съ другой стороны, безъ всякой причины сходныя слова другъ отъ друга не

знаетъ, что съ точки зрѣнія литовскаго языка *száltas* нельзя отдѣлять отъ *szalnà*; да и слишкомъ очевидно это для того, чтобы можно было это отрицать. И также исторія литовскаго языка, насколько мы ее можемъ прослѣдить, не говоритъ противъ этого. Но сравнительное языковѣдѣніе? Доказываетъ ли оно *необходимость* отдѣленія *száltas* отъ *szalnà*? Если-бы Педерсенъ въ данномъ случаѣ не ограничился славянскими языками, но обратилъ бы вниманіе и на прочіе индоевропейскіе языки, то онъ нашелъ бы, что сравнительное языковѣдѣніе только подтверждаетъ связь лит. *száltas* съ *szalnà*. Безспорно вѣдь то, что наиболѣе шансовъ быть родственнымъ имѣетъ наиболѣе сходное (по формѣ и значенію) слово. И вотъ, между тѣмъ какъ прксл. *хладъ* «холодъ» отличается отъ лит. *száltas* «холодный» своимъ *d*, не говоря уже о томъ, что переходъ *ks-* въ *sz-* въ литовскомъ языкѣ не могъ еще считаться доказаннымъ,—въ Авестѣ, какъ извѣстно, мы находимъ весьма сходное и вѣроятно даже вполне тождественное съ *száltas* слово: *sarətō* «холодный» (ср. также осет. *sald* «холодъ»), показывающее, что *sz-* въ *száltas*, по всей вѣроятности, такъ же восходитъ къ иде. *k̂-*, какъ и въ *szalnà*. А въ пользу того, что *r* въ ав. *sarətō* восходитъ къ иде. *l* (а не *r*), говорить, помимо осет. *sald*¹⁾, его полное сходство съ лит. *száltas*, причастіемъ къ глаголу *szálti*²⁾ «мерзнуть». Итакъ, съ одной стороны мы имѣемъ естественную связь *száltas* съ *szálti* и *szalnà* и полное сходство его съ ав. *sarətō*, съ другой же стороны проблематичный звуковой законъ, главнымъ доказательствомъ котораго должно служить само *száltas*, и въ результатѣ его, добытомъ цѣною расторженія наиболѣе естественной связи словъ, корень *ksel- : ksol-*, который не подтверждается другими индоевропейскими языками. Выборъ, право, нетруденъ, и я

отдѣляются нами, и поэтому слѣдовало ожидать, что Педерсенъ укажетъ тѣ вѣскія причины, которыя заставляютъ отдѣлить *šáltas* отъ *šalnà*. Въмѣсто этого дается общее мѣсто о значеніи сравнительнаго языковѣдѣнія.

¹⁾ Древность *l* въ немъ сомнительна, ср. Hübschmann Persische Studien 264 и Bartholomae Grdr. d. iran. Philol. I, 23.

²⁾ Что въ *šálti* *š-* изъ *k̂-*, показываетъ латинск. *calere* «быть теплымъ» (лит. *šilti* «теплѣть»); ср. о словахъ съ противоположными значеніями Шерцль, Филол. Зап. 1883 г. V—VI вып. и 1884 г. I вып., и др.-ирл. *gair* KZ. XLIV, 58.

вовсе не остановился бы на этой совершенно невозможной «этимологии» Педерсена, если бы примѣръ Бернекера не показалъ, что она въ концѣ концовъ все-таки можетъ войти въ обиходъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ. Другихъ же примѣровъ для *sz-* изъ *ks-* Педерсенъ намъ не даетъ; предположенное ¹⁾ I. Шмидтомъ KZ. XXV, 125² родство лит. *szùsti* «прѣть» съ древне-врхн. *siodan* и др. «кипѣть» кажется правдоподобнымъ, но самъ Педерсенъ JF. V, 81¹ допускаетъ возможность, что въ началѣ этого корня было (не велярное, но) палатальное *k*, которое само всегда даетъ въ литовскомъ языкѣ *sz*. Torbiörnsson сопоставляетъ (Gemeinslav. Liquidamet. II, 29) лит. *szérti* «кормить» (обыкновенно и болѣе правдоподобно сопоставляемое съ гр. *χόρος* «насыщеніе» и др.) съ црксл. *храна* «cibus» и *хранити*, не высказываясь однако, какъ онъ себѣ представляетъ отношеніе лит. *sz-* къ слав. *x-*; и что это сопоставленіе невѣроятно и въ семазіологическомъ отношеніи, показываетъ Бернекеръ въ своемъ этимологическомъ словарѣ. Не менѣе проблематично предположенное Погодинымъ РФВ. XXXII, 274 сл. родство лит. *szel̃pti* «споспѣшествовать» (которое трудно отдѣлять отъ гот. *hilpan* «помогать») съ црксл. *хланъ* «холопъ», ср. словарь Бернекера. Числительное же *szeszi* «шесть» удовлетворительно объясняется ассимиляціею *s-* къ *-sz-*, о которой ср. Brugmann Grdr. I², 786.

Итакъ, приходится мнѣ констатировать, что не нашелъ я ни одного хоть сколько-нибудь убѣдительнаго примѣра для перехода

¹⁾ Это же предлагаютъ также Фортунатовъ ВВ. III, 71 (только что здѣсь вмѣсто *siodan* дается *swēdan* «verschwelten» и лит. *š-*, какъ и у Шмидта I. с., выводится не изъ *ks-*, но изъ *s-*), Froehde ВВ. XXI, 330 (*š-* изъ *ks-*) и Brugmann Grdr. I², 790 (*š-* изъ *k̃p-*). Возраженія же Charpentier KZ. XL, 428 сл., оспаривающаго эту этимологію только потому, что по его мнѣнію изъ *k̃p-* въ германскомъ не получается *s-*, не убѣдительны, такъ какъ онъ не приводитъ хоть сколько-нибудь достовѣрныхъ примѣровъ, которые бы противорѣчили гипотезѣ о переходѣ *k̃p-* въ *s-*. Въ указанномъ мѣстѣ (теперь ли еще, неизвѣстно) Фортунатовъ еще и въ нѣкоторыхъ другихъ литовскихъ словахъ возводитъ *š(v)-* къ *sv-*, наприм. въ *šùpti* «гнить», сближая это слово съ гр. *σῆπειν* «гноить» (это же затѣмъ предлагаетъ и Zupitza ВВ. XXV, 92 сл., возводя *σ-* въ *σῆπειν* къ *ksv-*); и здѣсь можно думать о *š-* изъ *k̃s-*, насколько эти сопоставленія правильны, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, которые приводитъ Zupitza I. с.

въ литовскомъ языкѣ *ks-* въ *sz-*. Но есть примѣры съ *sk-* вмѣсто *ks-*. Коршъ въ AfslPh. VII, 101² выставилъ гипотезу, по которой въ балтійскихъ языкахъ изъ *ks-* путемъ перестановки правильно получается *sk-*, ссылаясь на лит. *skùsti* ¹⁾ «скоблить» (*baĩzda skùsti* «брить бороду», лат. *skust* или *skuĩt* «брить»): гр. *ῥῆειν* «скоблить» (*ῥυρόν* или *ῥυρός*, скр. *kšurá-s* «Schermesser», можетъ-быть, отъ корня *ges-* «чесать»). Ср. еще скр. *kšā'uti* «чихаетъ»: лит. *skiaudėti* «чихать» (лат. *šk'aut* и *šk'aĩdĩt* или *šk'audėt* сами по себѣ могли бы имѣть *šk'-* также изъ *stj*, ср. лит. *čiāudėti* или *čiāudyti* и діал. *šćáušći* «чихаетъ» у Буги Aist. Stud. I, 42; но *šk'evas* «чихъ», кажется, говоритъ скорѣе въ пользу *šk'-* изъ *sk-*); скр. *kšúbhyati*, *kšō'bhatē* «schwankt, zittert» *kšōbhayati* «versetzt in Bewegung, regt auf»: лит. *skūbinti*, лат. *skubināt* «торопить» (гот. *-skiuban* «пихать, толкать»); скр. *kšālayati* «wäscht», *pari kš.* «spült ab» (обыкновенно этотъ глаголъ отождествляется съ скр. *kšārayati* «lässt fließen» отъ *kšāratī* «течетъ» съ иде. *r*): лит. *skalauti*, лат. *skaluót* «полоскать», ср. Zupitza, Die german. Gutturale 47 (нѣтъ достаточнаго основанія считать это балтійское слово заимствованнымъ изъ нижненѣмецкаго языка, къ чему склоненъ Leskien Bild. d. Nomina 216; но родственными—съ лишнимъ *v*—могутъ быть германскія формы, приведенныя у Фика Vrgl. Wrtb. III⁴, 477). Сюда, можетъ-быть, относится (съ чередованіемъ *v*/*o*:*u*) и лит. *skūjos*, лат. *skujas*: р. *хвоя*, *хвой* и друг. (если тутъ *x-* изъ *ks-*; ср. Uhlenbeck JF. XVII, 98). Что мы въ такихъ случаяхъ дѣйствительно имѣемъ дѣло съ перестановкою *ks-* въ *sk-*, въ пользу этого говорятъ аналогичные случаи *sp-* изъ *ps-* ²⁾, указанные Коршемъ 1. с. Изъ приведенныхъ

¹⁾ Сопоставленіе этого слова съ латинск. *securis* «сѣкира» и др. (наприм. у Фика Vrgl. Wrtb. III⁴, 471) въ семазіологическомъ отношеніи менѣе удовлетворительно.

²⁾ При наличности *ks-:sk-* и *ps-:sp-* ожидается также *ts-:st-*; признавая это, можно объяснить нѣсколько до сихъ поръ загадочныхъ случаевъ съ *s-* (изъ *ts-*): *st-*. Такое *ts-* мы еще встрѣчаемъ въ скр. *tsāratī* „schleicht“, которое Osthoff ВВ. XXII, 257 правдоподобно сопоставляетъ съ однозначимымъ лит. *selėti*. Начальное *t-* онъ выводитъ изъ префикса *(a)d-*, который находятъ также въ др.-врхн. *zagēn* (: гот. *agan* „бояться“, др.-ирл. *ad-agur* „боюсь“) и *zougen* (: гот. *at-augjan* „показывать“). По моему, это крайне сомнительно; такъ какъ *a* обыкновенно не теряется въ неударяемомъ положеніи, и префиксъ **d* слишкомъ без-

имъ примѣровъ вполне убѣдительнымъ является по крайней мѣрѣ лит. *spãkas* «капля»: гр. *ψαχάς* «капелька»; ср. также Johansson JF. XIV, 326 сл. Кречмеръ, считающій KZ. XXXI, 438 сл. примѣры вродѣ *spãkas*: *ψαχάς* за «nicht überzeugend» (мотивы не указаны; да и трудно было бы ихъ найти при полномъ тождествѣ значенія и — за исключеніемъ чередованія *sp- : ψ-* — звукового состава корня), самъ I. с. признаетъ соотвѣтствіе *sk- : κτ-* (горт. *κατα-σκένη : κτείνω*; ср. скр. *kšarōti* «ранить») и *sp- : φθ-*; но ограничиваться этими лишь соотвѣтствіями нѣтъ никакого основанія въ виду приведенныхъ выше примѣровъ вродѣ лат. *skūt*: гр. *ξύειν* и др. И поэтому по крайней мѣрѣ нѣкоторые языковѣды (наприм. Brugmann I², 867, Wackernagel Altind. Gr. I, 241) склонны думать, что уже въ индоевропейскомъ праязыкѣ чередовались *sk- : ks-* «nach bestimmten satzphonetischen Gesetzen». Съ другой стороны Кречмеръ I. с. 415 слл. полагаетъ, что уже въ общемъ праязыкѣ въ

тѣлесенъ для того, чтобы онъ могъ быть въ употребленіи. По той или другой причинѣ глаголы вродѣ *ataugjan* могли разсматриваться говорящими какъ *at-taugjan, въ данномъ случаѣ, можетъ-быть, подъ вліяніемъ *teig- : toig-*, откуда др.-врхн. *zeigōn* «показывать», — послѣ чего появился и простой глаголъ съ начальнымъ *t-* (>*z-*); ср. н. діал. *bagniē sie* изъ *ob-agniē sie* «ягниться» и друг. А въ угоду этой этимологіи *t-* (въ *tsárati*) нѣкоторые языковѣды, наприм., Uhlenbeck въ своемъ санскритскомъ этимологическомъ словарѣ, переводятъ этотъ глаголъ „schleicht heran“. Что значеніе его просто „schleicht“, показываютъ производныя формы *tsáru-* „ein schleichendes Tier“ и *tsārín-* „schleichend“; да и Böhtlingk и Roth въ своемъ словарѣ на первомъ мѣстѣ даютъ „schleichen“, только какъ переходящій глаголъ съ дополненіемъ въ вин. падежѣ переводя его „heranschleichen an, beschleichen, erschleichen“, такъ какъ н. *schleichen* при себѣ вин. падежа не можетъ имѣть. Допуская перестановку *ts-* въ *st-*, мы съ скр. *tsárati*, лит. *selėti* (съ *s-* изъ *ts-*) можемъ сопоставить гот. *stilan* „красть“ (ср. переводъ „erschleichen“ для *tsárati*) и латинск. *stellio* „кознодѣй“; „ящерица“ (ср. скр. *tsáru-* „ein schleichendes Tier“). Съ скр. *tsaru-* „рукоятка“ ср. однозначашее гр. *στελεά*, др.-англ. *stela* „стебель“ и др. Далѣе такимъ путемъ удовлетворительно объясняется отношеніе лит. *stirna*, лат. *stiŕna* къ црксл. *сръна*, старолат. *sirna* (ср. выше, стр. 5); р. *степечь*, *сторожъ* и др. къ лит. *sérgėti*, *sárgas* и др.; црксл. *стѣна* къ лит. *siena* „стѣна“; гот. *stōls* „стулъ“, англ. *stool* „скамейка“ и др. къ лит. *súolas* „скамейка“. Затѣмъ лит. *stuomiuō* „Statur, Körperlänge“ (но въ корнѣ засвидѣтельствовано, наприм., формою gen. s. *stūmenies* у Даукши Post. 169, 1) можетъ быть родственно съ гр. *σῶμα* „тѣло“, если въ греческомъ языкѣ изъ *ts-* получается *σ-*; сопоставленіе *είλι-* въ *είλίποδας* (*ἐλίκας βοῦς*) съ скр. *tsárati* слишкомъ проблематично.

нѣкоторыхъ случаяхъ—при неизвѣстныхъ намъ условіяхъ—*ks-* и *ps-* утратили *k-* и *p-*, ссылаясь при этомъ на цѣлый рядъ примѣровъ. Примѣры эти, правда, не всѣ одинаково убѣдительны. Греческія формы съ *σ-* (при *ξ-*, *ψ-*) скорѣе всего утратили начальное *k-*, *p-* (при неизвѣстныхъ намъ условіяхъ) на греческой почвѣ, такъ какъ иначе ожидалось бы вмѣсто *σ-* густое придыханіе (Кречмеръ I. с. 422 сл. напрасно оспариваетъ общепринятый законъ о греческомъ переходѣ всякаго *s-* въ *h-*). Лит. *sù* «съ», которое Кречмеръ I. с. 416 вмѣстѣ съ црксл. *съ*, *сън-* отождествляетъ съ греч. *ξύν*, *σύν*, *ύν-* (въ *ὕγ-γεμος· συλλαβή*), по моему мнѣнію скорѣе сокращено въ проклитическомъ положеніи изъ **suo* (изъ иде. **sō*, при *so*, откуда лат. и лит. діал. *sa-*, гр. *ό-*, ср. мои Латышскіе предлоги I, 196), какъ *nù* «отъ» изъ *niō*. Если же при *sù* не сохранилось **suo*, между тѣмъ какъ при *nù* имѣется *niō*, то это, во-первыхъ, можетъ быть объяснено различіемъ въ интонаціи (**suo* могло имѣть акуть); далѣе *niō* держится благодаря формѣ префикса *нио-* въ сложныхъ именныхъ формахъ, между тѣмъ какъ вмѣсто **suo-* въ этомъ положеніи употребляется *sán-*. Кромѣ того, въ литовскомъ языкѣ теперь *niō* встрѣчается почти только въ качествѣ предлога, тогда какъ въ качествѣ глагольнаго префикса извѣстно почти только (и въ большинствѣ говоровъ даже исключительно, ср. мои Латышскіе предлоги I подъ *нио*) *ни-* (изъ *нио-*); а что же до *sù*, то первоначально, кажется, это слово употреблялось только въ сложеніи съ глаголами; творительный же падежъ, при которомъ теперь въ извѣстныхъ случаяхъ ставится *sù*, вѣроятно употреблялся въ этомъ же значеніи безъ предлога «съ» (въ пользу этого говорить между прочимъ и то обстоятельство, что славяно-балтійскіе языки расходятся въ формѣ этого предлога, ср. црксл. *съ*, вѣроятно изъ **som*, лит. *sù*, лат. *ar*, пр. *sen*). Въ случаѣ же родства съ гр. *ξύν*, *σύν* вмѣсто *sù* скорѣе ожидалось бы **sũ*, ср. *ĩ* «въ» изъ *in* (акуть въ такомъ положеніи мнѣ неизвѣстенъ; интонація въ *sán-* стоитъ въ связи съ *niō-*, *príe-* при *niō*, *príẽ*). Црксл. же *съ*, *сън-* (возводитъ которыя къ **som* по крайней мѣрѣ не представляется невозможнымъ; въ префиксѣ *сън-* *ъ* вмѣсто *о* могло явиться подъ вліяніемъ предлога) трудно отдѣлять отъ *съ-*,

а послѣднее отъ лит. *sán-*. Гр. же *ξύν* (*сύν*), можетъ-быть, возникло путемъ смѣшенія ¹⁾ однозначащихъ **kom* (перешедшаго въ италійскіе и кельтскіе языки) и **sum* (ср. *ὑγ-γεμος*; на мѣстѣ первоначальнаго **som*); **sum* же, можетъ-быть, является результатомъ контаминаціи формъ **som* и **su* (скр. *su-* «хорошо»), сходныхъ иногда по значенію въ сложныхъ именныхъ формахъ (такъ относительно црксл. *съ-дравъ* нельзя достовѣрно рѣшить, тождественно ли его *съ-* съ скр. *su*, или же съ скр. *sam*; и лит. *su-*, наприм. въ *suguldus* «ordentlich», *supràstinas* «verständlich», *suvarus* «leicht verdaulich», представляя собою конечно обычный глагольный префиксъ *su-* «съ», по значенію своему очень походить на скр. *su*). Латинскія же слова съ *s-* изъ *ks-*, *ps-*, приведенныя Кречмеромъ l. c. (наприм. *super*, *sub*, если въ нихъ *s-* изъ *[e]ks-*), могли утратить свое *k-*, *p-* на италійской почвѣ. Доказательную силу имѣютъ только греческія формы съ *h-* и праарійскія формы съ *s-*, рядомъ съ которыми мы находимъ *ks-*, *ps-*, какъ гр. *ἄμαθος* (путемъ диссимиляціи изъ **ἄμαθος*, ср. Kretschmer l. c. 420): *ψάμαθος*, др.-врхн. *sant* «песокъ», и иде. **(s)cek̑s* при **qs(ṽ)ek̑s* «шесть» (откуда, вѣроятно, ав. *xšvaš*), о которомъ ср. J. Schmidt KZ. XXV, 121¹, Hübschmann KZ. XXVII, 105 сл. и de Saussure MSL. VII, 73 слл. Бругманъ же Grdr. II², 2, 17, вѣроятно подъ вліяніемъ Педерсена JF. V, 77 и 86 и KZ. XXXVIII, 229, предполагаетъ только форму безъ *q-*: «**s(ṽ)ek̑s* oder ähnlich»; при этомъ наблюдается нѣкоторая склонность объяснять *š-* въ восточно-индоевропейскихъ языкахъ вліяніемъ семитскихъ языковъ (ср. евр. *šeš* «шесть»), ср. Kretschmer KZ. XXXI, 419 и Brugmann Grdr. I², 733. Но думать тутъ о семитскомъ вліяніи я считалъ бы позволительнымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы мы иначе не могли себѣ объяснить звукового состава этого числительнаго въ индоевропей-

¹⁾ Подобнымъ образомъ, можетъ-быть, возникли црксл. *скакати* путемъ смѣшенія корней *k̑āq-* (лит. *šókti* «прыгать», ав. *sačaiti* «проходить») и *qāq-* (ср. напр. прасл. **cěva*: лит. *šeivà*, лат. *saiva* «цѣвка», и скоръ смѣшеніемъ корней *qor-* и *k̑or-* (ср. лит. *šarnus* «скорый» у Фортунатова ВВ. III, 70). Такъ, можетъ-быть, и црксл. *стнь* изъ *стнь* + *тнь*, ср. Vondrák, Vergl. slav. Gr. I, 349 и Rozwadowski, Zbornik u slavu Jagića 306 сл.

скихъ языкахъ. Признавая же возможность отпаденія *k*- передъ *s*-, мы понимаемъ всѣ формы этого числительнаго или, по крайней мѣрѣ, взаимное отношеніе согласныхъ въ его началѣ. А безъ начальнаго *k*- мы не можемъ обойтись, если бы даже начальное *š*- въ восточно-индоевропейскихъ языкахъ объяснялось семитскимъ вліяніемъ. Относительно ав. *xšvaš*, правда, нѣкоторые языковѣды, наприм. Bartholomae, полагаютъ, что *x*- въ немъ является такимъ же приставнымъ звукомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ передъ *š*-, за которымъ слѣдуетъ согласный. Но въ такомъ случаѣ приходится объяснять *š*- въ **švaš* (вмѣсто ожидаемаго **hvaš* или **x^vaš*) или семитскимъ вліяніемъ, или же путемъ ассимиляціи изъ **svaš*. А существовала ли вообще когда-либо послѣдняя форма, этого мы не знаемъ: предполагаемое Бругманомъ для арійскаго праязыка *χš* (изъ индоевропейскаго *k̑s*) могло въ иранскомъ праязыкѣ еще существовать послѣ перехода *sv*- въ *hv*-. Ассимиляція же *s*- въ **svaχš* къ конечному *-š* (послѣ *χ*), можетъ-быть, возможна, но нуждается въ подтвержденіи аналогичными примѣрами¹⁾. Что же до скр. *šat* (съ *-t* изъ *-š*, ср. Wackernagel Altind. Gr. I § 149aγ), то его начальное *š*- конечно вполне удовлетворительно объясняется и путемъ ассимиляціи *s*- (въ **saš*) къ *-š*, ср. Wackernagel l. c. § 197a; но можно думать также, какъ это дѣлаетъ de Saussure l. c. 76, о возникновеніи **šakš* путемъ диссимиляціи изъ **kšakš* (изъ иде. **qsek̑s*). Арійскія формы, значить, болѣе или менѣе двусмысленны при рѣшеніи вопроса о праиндоевропейской формѣ этого числительнаго; но за то ясно указываютъ на начальное *k*- греческія формы *ξέστης* «sextarius» и *ξέστριξ κριθή ἢ ἐξάστιχος* (гдѣ *-στριξ* сопоставляется съ латинск. *striga* «черта, полоса» и др.). Педерсенъ, правда, такъ «разъяснилъ» ихъ, что Бругманъ Grdr. II² 2, 17 сл. даже не упоминаетъ о нихъ. «Man hat ein̄idg. **ksek̑s* auf Grund des griechischen *ξέστης ξέστριξ* ansetzen wollen; aber diese Formen sind ganz unklar; wenn sie echt griechisch sind, so muss man fragen, warum sie nicht **ξέκτης *ξέκτριξ* lauten; man muss die Möglichkeit offen halten, dass sie aus **sekst...* durch einen Umsprung der

¹⁾ Въ н. діал. *šunšt* изъ *sunšt* „sonst“ (у Бругмана KVG. 239¹) нѣсколько иныя фонетическія условія.

Laute entstanden sind (falls ξ nicht griechische Wiedergabe eines fremden š sein sollte)» JF. V, 77. И нѣсколько позже онъ, уже вполнѣ увѣренный въ правильности своихъ предположеній, заключаетъ: «wir haben also als idg. *svek̂s* und *sek̂s* anzusetzen». Если ξέστης и ξέστριξ неясны для языковѣда, то это еще не можетъ служить причиною отрицать иде. **qs(ɥ)ek̂s*. Неясно же въ нихъ для Педерсена, кажется, главнымъ образомъ -στ- вмѣсто ожидаемаго имъ -κτ-. Но если вышеуказанная этимологія слова ξέστριξ правильна,—и въ семасіологическомъ отношеніи она весьма правдоподобна,—то изъ **ξέξ-στριξ* скорѣе всего и могло получиться именно ξέστριξ. Между κ и τ выпадаетъ σ, но что изъ ξστρο (которому, кромѣ того, предшествуетъ слогъ ξε-) тоже обязательно получается κτρο, не можетъ быть доказано; и въ данномъ случаѣ сверхъ того мѣшала утратѣ σ прозрачная связь второй части этого слова съ предполагаемымъ этимологіею **στριξ*. Что же до ξέστης, если въ немъ дѣйствительно заключается числительные **ξέξ*, то можно думать, что послѣ перехода κστ въ κт въ **ξέκτης* подъ вліяніемъ **ξέξ* снова было введено -ξ- вмѣсто -κ-, послѣ чего уже было утрачено -κ- передъ -στ- (ср. Osthoff JF. VIII, 13); ср. также бѣот. ἐς (=ἐξ)τῶν, ἐσκηδέκατος и др. Выводить же ξεστ- путемъ перестановки изъ **sekst-* (столь необыкновенная перестановка нуждается въ параллеляхъ), или объяснять тутъ ξ- иноязычнымъ происхожденіемъ этихъ формъ—принужденъ только тотъ, который, подобно Педерсену, не признаетъ формы **qs(ɥ)ek̂s* для индоевропейскаго праязыка. Выходитъ почти, что Педерсенъ разсуждаетъ приблизительно такъ: въ иде. праязыкѣ имѣлось только **s(ɥ)ek̂s*; гр. же ξέστριξ ничего не доказываетъ въ пользу иде. **qs(ɥ)ek̂s*, такъ какъ оно можетъ быть заимствовано; считать же эту форму заимствованіемъ позволительно въ виду того, что въ иде. праязыкѣ имѣлось только **s(ɥ)ek̂s*. А между тѣмъ, не прибѣгая къ иноязычному вліянію, также š- въ праславянскомъ **šestь* мы можемъ возводить только черезъ x- къ ks-. Педерсенъ, правда, полагаетъ JF. V, 77, что праслав. **šestь* получилось изъ **šeštь* путемъ ассимиляціи изъ **seštь* съ -š- изъ -k̂s- черезъ t. Но правило о переходѣ k̂s передъ t въ š придумано имъ исключительно на основаніи этого самаго *шесть*. И оно невѣроятно даже

само по себѣ, такъ какъ изъ *k̂s* во всѣхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ (вродѣ *-осъ*) получается въ славянскомъ только *s*. Слѣдующее же за нимъ *t* не оказываетъ въ славянскихъ языкахъ никакого вліянія на судьбу стоящаго передъ нимъ *s*; да и въ арійскихъ языкахъ и въ литовскомъ *s* передъ согласными обращается въ *š* только послѣ тѣхъ же звуковъ, которые вызываютъ переходъ *s* въ *š* передъ гласными. Педерсенъ такъ упорно высказывается противъ иде. **qs(ц)ek̂s* въ виду гр. *ῥῥ*; но въдѣ *ῥῥ* при *ῥῥῥῥῥῥ* совершенно однородно съ **ῥμαθος* при *ψῥμαθος*: оба примѣра взаимно поддерживаютъ другъ-друга. Какъ въ послѣдствіи на греческой почвѣ рядомъ съ *ῥ-*, *ψ-* появляется и *σ-*, такъ же могло имѣть мѣсто аналогичное явленіе и въ эпоху индоевропейскаго праязыка. А что уже въ иде. праязыкѣ рядомъ съ **(q)s(ц)ek̂s* появилось и *(s)цek̂s*, — должно-быть, благодаря чередованію въ цѣломъ рядѣ случаевъ формъ съ *s-* съ формами безъ *s-*, — на это указываютъ (помимо арм. *veths* «шесть» съ неяснымъ *v-*) др.-пр. *uschts* «шестой» (съ *u-* изъ иде. неударяемаго *цe*), лит. *uszės* (съ *u-* или *ū-*?) «Kindbette», *ũszininkė* «Sechswöchnerin». То, что говоритъ Педерсенъ JF. V, 86 и KZ. XXXVIII, 229 объ арм. *veths* и др.-пр. *uschts*, и само по себѣ слишкомъ проблематично, и не такъ легко можетъ быть примѣнено къ лит. *uszės*, *ũszininkė* (что эти слова заимствованы изъ древне-прусскаго языка, это недоказанная и излишняя догадка). Ср. еще указанное Кречмеромъ KZ. XXXI, 419 отношеніе ав. *xšviwra-* «быстрый»: скр. *kšiprá-s* «быстрый»: др.-исл. *svífa* «двигаться»: скр. *vēpatē* «дрожить» и др., и Solmsen Unters. z. griech. Laut- und Verslehre 209 и Charpentier JF. XXVIII, 179 сл.

Итакъ, я прихожу къ заключенію, что въ индоевропейскомъ праязыкѣ начальное *ks-*, сохраняясь въ части случаевъ, въ другихъ случаяхъ при неизвѣстныхъ намъ условіяхъ или подвергалось перестановкѣ въ *sk-*, или же упрощалось въ *s-*. При этомъ отдѣльные говоры вѣроятно расходились; на это указываетъ, повидимому, то обстоятельство, что въ арійскомъ праязыкѣ и въ греческомъ преобладаетъ *ks-* и въ латинскомъ *s-*, которое могло на италійской почвѣ образоваться изъ того же *ks-*. Въ германскихъ же языкахъ мы встрѣчаемъ одинаково и *s-*, которое можетъ восходить къ болѣе

древнему прагерманскому *ks-* (или *hs-*; наприм., въ древне-врхн. *siodan*), и *sk-* (наприм. въ гот. *-skiuban*). Что же касается славянскихъ и балтійскихъ языковъ, то было указано нѣсколько славянскихъ формъ съ *x-* и нѣсколько балтійскихъ словъ съ *sk-*, которымъ въ родственныхъ языкахъ соотвѣтствуютъ формы съ *ks-*. Но изъ этого не слѣдуетъ, что въ славянскихъ языкахъ вовсе нѣтъ словъ съ *sk-* изъ *ks-* (съ перестановкою до возникновенія *x*) и въ балтійскихъ языкахъ словъ съ *s-* изъ *ks-* (или, можетъ-быть, также съ *sz-* въ литовскомъ, если *k-* отпало въ нѣкоторыхъ словахъ только послѣ перехода *s* послѣ *k* въ *sz*): съ скр. *kšobhatē* нѣкоторые языковѣды сближаютъ между прочимъ и црксл. *скубѣ* «vello», а съ другой стороны также лат. *šau̯bītiēs* «колебаться» и (?) лит. *siaũbti* «umherrasen, toben» (Bezzenberger GGA. 1898, 551¹ и Trautmann KZ. XLIII, 109). Старое діалектическое различіе сказывается развѣ только въ томъ, что въ тѣхъ говорахъ, изъ которыхъ возникли славянскіе языки, какъ и у юго-восточныхъ индо-европейцевъ, чаще, чѣмъ у лингвистическихъ предковъ балтійскихъ племенъ, сохранялось *ks-*, если только это дѣйствительно такъ: изъ балтійскихъ языковъ мы не знаемъ формы, соотвѣтствующей црксл. *худѣ* ¹⁾, славянскіе же языки, насколько мнѣ извѣстно, не знаютъ словъ, которыя бы соотвѣтствовали лит. *skūsti*, лат. *sku̯t*, лит. *skiaudėti* и *skalauti*.

Вернемся послѣ этого отступленія къ литовскому *sz* изъ *s*. Какъ выше (стр. 29) уже сказано, Педерсенъ l. c. полагаетъ, что также послѣ *i* и *u* въ литовскомъ языкѣ первоначально получилось *sz* изъ *s*, при чемъ это *sz* сохранилось только послѣ нисходящей интонаціи, перейдя послѣ восходящей интонаціи обратно въ *s* ²⁾. А priori это не особенно правдоподобно, такъ какъ трудно было бы объяснить вліяніе интонаціи на сохраненіе или устраненіе *sz*; но рѣшающаго значенія это соображеніе конечно не имѣетъ: наше отношеніе къ гипотезѣ Педерсена должно зависѣть главнымъ образомъ отъ пред-

¹⁾ Ср. впрочемъ н. *chybaé* «sich hin und her bewegen, schwenken»: лит. *sūbóti* «schaukeln» Trautmann KZ. XLIII, 109.

²⁾ Эту гипотезу Педерсена признаютъ и другіе, наприм. Mikkola BV. XXII, 245, Trautmann Altpr. Spr. § 73.

ставленныхъ имъ примѣровъ. Въ пользу *sz* изъ *s* послѣ нисходящей интонаціи Педерсенъ приводитъ: *júsze* «уха», *máiskas* «ein aus Schnüren gestricktes Heunetz», *áiskas* «ясный», *raiskas* «явный», *jieszkan* «ищу», *rieszutas* «орѣхъ», *šieksztas*¹⁾ «колода», *kiáusze* «черепъ» (: древне-исл. *hauss* «черепъ»). Всѣ противорѣчащія этому примѣры Педерсенъ старается лишить доказательной силы. Относительно *s* въ *kláusiu* «спрашиваю» онъ ссылается на восходящую интонацію въ родственномъ *klausau* «слушаюсь», и съ этимъ можно было бы согласиться. Ошибается однако Педерсенъ, объясняя также *s* въ *júsū* «васъ» (и *músū* «насъ») и въ суффиксѣ превосходной степени *-iáusias* ссылкой на восходящую интонацію въ *jūs* «вы» и въ суффиксѣ нарѣчія сравнительной степени *-iaūs*. Въ этихъ случаяхъ нисходящая интонація несомнѣнно древнѣе, какъ относительно лит. *jūs*²⁾ показываютъ и лат. *jūs*³⁾ «вы» и пр. *iōūs*; ср. статью Фортунатова ВВ. XXII, 161; лит. *jūs* и *-iaūs* получили восходящую интонацію только благодаря литовскому правилу о переходѣ нисходящей интонаціи въ восходящую въ тѣхъ конечныхъ слогахъ, гдѣ долгота не сокращена (ср. наприм. п. *pl. tiē* «тѣ», *kuriē* «которые» при *gerieji* «хорошіе», или III л. *gaiūs* «получить», *siūs* «будетъ шить» при I л. *gáusiu* «получу», *siúsiu* «буду шить», ср. наприм. Bezzenberger ВВ. X, 202 слл.), къ чему я вернусь въ другомъ мѣстѣ. Въ виду отношенія *jūs* къ *júsū* Педерсенъ не считаетъ *lýse* «лѣха» за «unüberwindliches Hindernis» для своей теоріи; «denn auch bei diesem Wort kann ja eine Veränderung der Tonqualität statt gefunden haben». Но долгіе корневые гласные вообще, какъ извѣстно, обыкновенно являются съ акутомъ, и затѣмъ рѣшительно нельзя тутъ придумать, какимъ путемъ въ этомъ словѣ могъ появиться акутъ вмѣсто циркумфлекса. Педерсенъ ссылается на отношеніе лит. *vīlka*, скр. *vŕka-s* (съ удареніемъ на первомъ слогѣ) «волкъ» къ лит. *vīlkė*, скр. *vŕkī* (съ конечнымъ удареніемъ) «волчица»; но, во-первыхъ, нѣтъ никакого основанія считать *lýse* за первоначальное oxytonon (въ р. *лѣха*

¹⁾ Здѣсь *š* скорѣе вызвано предыдущимъ *k*, ср. лат. *siēksta* «валежина».

²⁾ Съ восходящею интонаціею.

³⁾ Съ длительною интонаціею.

другая вокализация и другое окончание, и есть вѣдь литовскія слова на -*ė* съ удареніемъ на концѣ!), и, во-вторыхъ, отношеніе лит. *diėvas*: скр. *dēvā-s* «богъ» показываетъ, что не всѣ литовскія слова, соотвѣтствующія формамъ родственныхъ языковъ съ удареніемъ на концѣ, имѣютъ акуть въ корнѣ (относящіяся сюда гипотезы Беценбергера ВВ. XXI, 296 сл., построенныя на слишкомъ недостаточномъ количествѣ примѣровъ, не могутъ считаться доказанными). И если Педерсенъ только въ угоду своей теоріи считаетъ тожество лит. *liesas* «худой (худощавый)» съ р. *лихой* за «höchst problematisch»¹⁾, самъ сопоставляя литовское слово съ древне-исл. *leidr* «unlieb, abscheulich», то это уже явное насилие надъ естественною связью словъ, и если бы мы тутъ пошли за Педерсеномъ, то (говоря его же словами JF. V, 80) «würde ...die empirische Forschung aufhören, und man würde nur die Ergebnisse gewinnen, die man gewinnen wollte». И совершенно умалчиваетъ Педерсенъ о лит. *Prúsas* «прусакъ», *vėlústas* «поздній», *miegústas* «сонливый» и др., ср. Leskien Bild. d. Nom. 582, *rústas* «недружелюбный» (:скр. *rō-šati* «сердится»), *prýsas* «eine lange Stange». Нельзя, значитъ, утверждать, что послѣ нисходящей интонаціи *s* послѣ *i*, и обращается въ *sz* (къ приведеннымъ Педерсеномъ примѣрамъ съ *sz* я вернусь ниже). А съ другой стороны есть примѣры съ *sz* также послѣ восходящей интонаціи и послѣ краткихъ гласныхъ, которые приводитъ отчасти, но не объясняетъ, самъ Педерсенъ. Имъ приведены: *kerműszé* «wilder Knoblauch» (ср. р. *черемша* и гр. *κρόμμυον* «eine Zwiebelart»), *vėtuszas*²⁾ «старый» (ср. древнер. *вѣтхыи* у Соболевскаго Лекціи⁴ 64), *kriuszą* «градъ» и *kriűszti* «раздроблять» (ср. прксл. *крушити*) и прилагательныя на *-iszkas*³⁾. И славянскому *тѣхъ* соотвѣтствуетъ по значенію и по формѣ (ср. срб. *mĭjeh*,

¹⁾ Между тѣмъ онъ самъ говоритъ л. с. 60, что значеніе «allerdings gut stimmen würde».

²⁾ Достоверно, впрочемъ, *ė* не засвидѣтельствовано, ср. Leskien Bild. der Nomina 599; п. s. fem. g. *wėtusza* у Даукши Post. 74, 11 (гдѣ *ę* обыкновенно обозначаетъ открытое *e*) скорѣе указываетъ на *e* (ср. лат. *vees* «старый») чѣмъ на *ė* (по сообщенію Каз. Каз. Буги въ Ретовѣ употребляется форма *vėtušas*).

³⁾ Объ *š* въ *vaikištis* «дитятко» ср. Zubatý AfslPh. XIII, 317.

р. п. *mījeha*) не лит. *máiszas*, но лит. *maĩszas* «большой мѣшокъ» у Шлейхера (по указанію Фортунатова ВВ. XXII, 172) и въ Дусятахъ Лхр. 369, 10, 11, 13 (по сообщенію К. К. Буги также въ Хвейданскомъ, Годлевскомъ и др. говорахъ, рядомъ съ *máiszè* «Heupetz» въ Дусятахъ), съ которымъ совпадаетъ относительно интонаціи также лат. *maĩss* съ тѣмъ же значеніемъ. Итакъ, выше изложенная теорія Педерсена о судьбѣ литовскаго *s* послѣ *i* и *u* неприемлема, такъ какъ она не согласуется съ данными языка. Я согласенъ съ Зубатымъ, по мнѣнію котораго (AfslPh. XVI, 404¹) литовскій языкъ сохраняетъ *s* послѣ *i* и *u*; только на мой взглядъ *s* сохраняется послѣ всякаго *i*, *u* (объ одномъ исключеніи будетъ рѣчь ниже), между тѣмъ какъ Зубатый полагаетъ, что послѣ *i*, *u* «als reducirten Vokalen» получается *sz* изъ *s*, ссылаясь на *triszèti* «дрожать» отъ корня *tres-*, *vètuszaz* и (l. c. 416²) *trusza* «навозъ», *triszti* «удабривать». Съ этимъ я не согласенъ. Въ *triszti sz* вѣроятно изъ иде. *k*, ср. *trèszti* «тлѣть». Затѣмъ мы имѣемъ *s* послѣ такого же «редуцированнаго» *i* въ *grìsti* «etwas überdrüssig werden», ср. *grasýtis* «sich wovon ekeln». И *u* мы имѣемъ право считать редуцированнымъ гласнымъ только въ сосѣдствѣ плавныхъ и носовыхъ согласныхъ (но не въ *vètuszaz*). Наконецъ, *sz* въ *triszèti*, *vètuszaz* и *trusza* совершенно однородно съ *sz* въ *maĩszas*, *rieszutas* и др., которыя не подходятъ подъ правило Зубатаго и оставлены имъ безъ объясненія. Итакъ, спрашивается, какъ объяснить *sz* вмѣсто ожидаемаго *s* въ положеніи послѣ *i* и *u*? Фортунатовъ, ср. JF. V, 87 и ВВ. XXII, 182, полагаетъ, что въ индоевропейскомъ праязыкѣ имѣлось два вида *s*, изъ которыхъ одинъ всегда сохраняется въ литовскомъ языкѣ, въ славянскомъ же только въ положеніи не послѣ *i*, *u* (*r*, *k*), послѣ которыхъ получается *x*, другой же всегда даетъ *sz* въ литовскомъ и (не передъ согласными)¹) *x* въ славянскихъ языкахъ. Въ этомъ сказывается та особенность московской лингвистической школы, о которой Бернекеръ AfslPh. XXV, 475 выражается слѣдующимъ образомъ: «Wenn wir alle Differenzen in der lautlichen und formalen Entwicklung der Einzelsprachen, wenn

¹) Ср. Поржезинскій, Къ исторіи формъ спряженія 101 и 111.

sie uns aus ihnen selbst nicht gleich klar werden, auf Verschiedenheiten der Grundsprache zurückführen wollen (und dazu neigt die Moskauer Schule), dann wird diese schliesslich zur grossen Rumpelkammer, in die man getrost alles das sperrt, womit man nicht gleich fertig wird, und zu einer ständigen Verführung, die Fakta, die unsere Entscheidung heischen, einfach an die Instanz zu verweisen, wo uns die Entscheidung nicht mehr zusteht». Придерживаясь этого метода, можно было бы приписывать индоевропейскому праязыку гораздо больше звуковъ, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, между прочимъ, еще и третій видъ *s* на основаніи, наприм., латинск. *nasus* «носъ» (вмѣсто ожидаемаго **narus*). Кромѣ того, какъ уже указалъ Педерсенъ JF. V, 87, гипотеза Фортунатова невѣроятна и потому, что мы находимъ *sz* вмѣсто *s* въ литовскомъ языкѣ только при опредѣленныхъ фонетическихъ условіяхъ. Уже показано, что *s* переходитъ въ *sz* послѣ *r* и *k*. Затѣмъ я полагаю ¹⁾, что такому же переходу подверглось *s* въ положеніи между *i* и *k*. Это показываютъ прежде всего прилагательныя на *-iszkas* и *jieszkan* «ищу», *sujiszko* «fing mit einem Male an zu suchen». Бругманъ Grdr. I², 784, правда, склоненъ видѣть здѣсь заимствование изъ германскихъ языковъ, но это и само по себѣ маловѣроятно, ср. Berneker AfslPh. XXV, 491, и не объясняетъ намъ *sz* на мѣстѣ *s*. Ср. далѣе *blyszkėti* «блестѣть» (при *blizgėti* съ сходнымъ значеніемъ) и слѣдующія слова, въ которыхъ происхождение *sz* изъ *s* не можетъ быть доказано за неизвѣстностью корня, но можетъ считаться болѣе или менѣе вѣроятнымъ, такъ какъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ врядъ ли встрѣчалось сочетаніе *-k̑-*: *kiszka* ²⁾ «подколѣнокъ», *kiskis* «заяцъ», *laĩszkas* ³⁾

¹⁾ Ср. сходную мысль Зубатаго KZ. XXXI, 151: Ob für den eintritt von š für urspr. s (въ сочетаніи *šk*) das vorhergehen eines i... entscheidend gewesen?

²⁾ Это слово (и тождественное съ нимъ лат. *ciska* «Sehne im Kniegelenk, grosse Muskel am Oberschenkel, Lende, Schenkel»), какъ замѣтилъ Lewy PBrB. XXXII, 140², очень похоже на скр. *kišku-š* «Oberarm», но ср. о немъ Brugmann Grdr. I², 1094.

³⁾ Лит. *laĩszkas* конечно родственно съ праслав. **listъ*, но изъ этого не слѣдуетъ, что *laĩszkas* получился изъ **laĩštka*, какъ полагаетъ Педерсенъ JF. V, 79 (также предложенная имъ этимологія этихъ словъ, по которой *š* изъ иде. *k̑*, не убѣдительна; ср. Uhlenbeck Etym. Wrtb. d. aind. Spr. подъ *lēšt(u)š*). Мы тутъ имѣемъ дѣло съ чередованіемъ *-st-* : *-sk-*, извѣстнымъ изъ цѣлаго ряда примѣровъ;

«листъ», *laĩszkus* «mit fadem, unbestimmtem, unangenehmem Geschmack» (того же происхожденія вѣроятно и *laiksztus* «widerlich»: или со вставнымъ *k*, или съ обычной перестановкой изъ **laiszktus*), *mĩszkas* «лѣсъ», *pyszķēti* «knallen», *tráĩszkyti* «mehrfach bis zum Spritzen quetschen». Если црксл. *рѣснѣ* «verus, certus» и *яснѣ* представляютъ собою собственно **рѣснѣ* и **яснѣ*, ср. Pedersen JF. V, 43 сл. и Фортунатовъ Сб. Лам. 1426, то сюда относятся также лит. *raiszkus* «явный» и *áĩszkus, iszkus* «ясный» (также **eĩszkus*, ср. нарѣчіе *éĩszkei* у Даукши Post. 27, 3); въ противномъ же случаѣ мы имѣли бы тутъ скорѣе дѣло съ *sz* изъ иде. *k̑*. Что же касается немногихъ словъ съ *-sk-* послѣ *i*, то въ *driskà* «abgeschnittene Partie Garn», *driskē* «оборванка» Svob. D. 20, 32, *-driskēs* «zerrissen» *-sk-* могло держаться подѣ влияніемъ родственныхъ формъ *dreskiũ* «деру» и *draskauĩ* «раздираю», въ *tvysķēti* «knallen» и *tvýskinti* «gewaltig anklopfen» подѣ влияніемъ *tvoskinti* «stark schlagen», въ *tviskēti* «сверкать» (Куршаты даютъ и ожидаемое *tvĩszķēti*) подѣ влияніемъ *tvoskóti* «пылать». Въ *visķēti* «дрожать» (и III л. буд. вр. *pasivĩskins* у Ширвида PS. 6, 9) *-sk-* можетъ быть сохранено или восстановлено благодаря *-zg-* въ однозначащемъ *vĩzgēti* или *vyzgóti*, въ *plėĩskanos*¹⁾ (рядомъ съ *plaskanos*!) «Schinn, feine Schuppen» и *pleĩskēs* «посконь» благодаря *pleĩzgānē* или *pleĩzgē* «посконь» (собственно: «schinniger Hanf» по Куршату), и въ *plĩskē* «Wolfsclappen» благодаря однозначащему *blĩzgē*. Прилагательное *vaĩskus* «klar, hell, offenbar, merklich, ansehnlich» вѣроятно произведено отъ корня *ceid-* «видѣть» (ср. *vaidĩntis* «sich momentan gespensterartig sehen lassen»)

ср. р. *ласка* : *ластмѣся*, *пустмѣ* : *пускамѣ*, прасл. **driskati* : **dristati* (Berneker 224), лит. *iškus* : *iščias* (вѣроятно изъ **istjas*) «ясный» (и црксл. *цетѣ* ?), иде. *posk-* : *post-*, скр. *tucchyá-s*: лит. *tũščias* «пустой» (въ формахъ вродѣ лит. *tũštinti* «порожнить» *š* вмѣсто *s* подѣ влияніемъ *tũščias* изъ **tustjas*. Црксл. же *тѣмѣ* и лат. *tukšs* могутъ восходить какъ къ иде. **tuskios*, такъ и къ **tustios*. Считать лит. *tũščias* заимствованнымъ, какъ это дѣлается, наприм., Зубатый KZ. XXXI, 13, нѣтъ, значить, никакого основанія). Параллельно съ этимъ мы находимъ чередованіе *-zd-* : *-zg-*; ср. наприм. праслав. **bъzdъ* : **bъzgъ* (у Бернекера подѣ *bъzgъ*), праслав. **drozdъ* : **drozgъ*, лит. *bruzdũs* : *bruzgũs* (у Юшкевича), лат. *lĩzds*: діал. **lĩzgs* «гнѣздо» (ср. BB. XXIX, 188).

¹⁾ Ср. р. *плѣси(ев)нѣ* и др., съ *-си-* вѣроятно изъ *-ски-*.

посредствомъ суффикса *-sku-*, какъ *ėskus* «обжорливый» отъ *ėdu* «жру». Діалектическое *(j)ýskiai* (если тутъ *s* не ошибочно вмѣсто *sz*) Viltis 1908 г. № 78 (поясняется черезъ *tíkrai*) тѣмъ болѣе странно, что рядомъ имѣются *áiszkus* и *iszkus* съ *sz*; можетъ-быть, *s* въ *(j)ýskiai* объясняется вліяніемъ слова **istjas* (>*iszčias*). Осталось бы, насколько я вижу, только *priėskas* (какъ пишетъ Куршаты) «прѣсный», которое Брюкнеръ (Litu-slav. Stud. I, 122) считаетъ заимствованнымъ изъ малорусскаго языка (прясый); но какъ мнѣ сообщаетъ К. К. Буга (ср. также указаніе Фортунатова, Составъ Остромирова Евангелія 10³), слѣдуетъ писать *prėskas*, какъ говорятъ въ Дусятахъ, ср. также Пост. Даукши 187, 2 и 250, 3. Послѣ другихъ гласныхъ *-sk-* сохраняется, какъ показываютъ, кромѣ вышеупомянутыхъ *dreskiù*, *draskau*, *tvoskinti*, *tvoskóti*, еще и слѣдующія слова: *druskà* «соль», *paskuĩ* «послѣ», *plauskà* «ein Kloben», *pluskis* «расточитель», *suskis* «scabby person» (въ словарѣ Лалиса) и др. Въ нѣкоторыхъ глагольных формахъ съ *-szk-* (если только это не литовскія новообразованія; но большей части это звукоподражательныя слова неизвѣстнаго мнѣ происхожденія) *-sz-* вмѣсто *-s-* могло возникнуть подъ вліяніемъ тѣхъ формъ, гдѣ послѣ перестановки передъ согласнымъ имѣется *-ksz-* изъ *-ks-*; ср. наприм. *bloszkiù*, *bloszkiauĩ* *blōksziù*, *blōkszti*¹⁾ «seitlich schleudern», *broszkiù*, *broszkiauĩ*, *brōksziù*, *brōkszti* «buttern», *čiauszkiù* *čiauszkiauĩ* *čiaũksziù* *čiaũkszti* «журчать», *reszkiù* *reszkiau* *reksziù* *rekszti* «рвать» (краткое *e* вѣроятно только въ наст. времени, какъ показываетъ I л. ед. ч. буд. вр. *nurėkszjù* Лхр. 397, 24; ср. наприм. *dreskiù* при *drėskiauĩ* *drėksiu* *drėksti*), *teszkiù* *tėszkiauĩ* *tėksziù* *tėkszti* «Dickflüssiges schleudern», *tróksztu* *trószkau* *tróksziù* *trókszti* (ср. Pedersen KZ. XXXVIII, 208) «жаждать» и др. Затѣмъ мы встрѣчаемъ *-szk-* еще въ звукоподражательныхъ словахъ, ср. наприм. *braszkėti*¹⁾

¹⁾ Trautmann же ВВ. XXX, 328 возводитъ *-šk-* въ *bloškiù* къ иде. *-g sk-*, сближая его съ латинск. *flagrum* «бичъ» и др.; подобнымъ образомъ онъ сопоставляетъ *braškėti* съ латинск. *fragor* «трескъ»; подобно объясняетъ *brėkšti* Walde KZ. XXXIV, 515. Полной увѣренности въ этомъ у меня нѣтъ, но возможность такого объясненія *-šk-* въ этихъ и другихъ имъ подобныхъ словахъ я признаю. Кромѣ того слѣдуетъ считаться съ возможностью перестановки *-šk-* изъ *-kš-* < *-ks-* (какъ вѣроятно въ *vāškas*).

«трещать», *treszkėti* «трещать», *tauszkėti* «стучать», *pliuszkėti* «калякать», *pliauszkinti* «плескать» и др., которые вѣроятно были созданы уже послѣ возникновенія шипящаго звука изъ иде. $k^{\wedge}$, и въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ неизвѣстнаго (вѣроятно поздняго) происхожденія, какъ къ *trėszkė* «черника», *meszkerė* «удочка» и др., и въ заимствованныхъ словахъ, какъ въ *meszkà* «медвѣдь», ср. Brückner KZ. XLIII, 307 сл. Слово же *vāszkas* (и праслав. **voskz*) вѣроятно получило путемъ перестановки изъ **vakszas* изъ **vaksas* = др.-врхн. *wahs* (считать славяно-балтійское слово ¹) заимствованнымъ нѣтъ достаточнаго основанія); слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ балтійскихъ (и вѣроятно и въ славянскихъ языкахъ) сочетание *-ks-* (> лит. *-ksz-*) было необычно, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ *-s-* входитъ съ составъ производительнаго суффикса. Крайне рѣдко въ *-szk-* *sz* восходитъ къ иде. $k^{\wedge}$ (возможна утрата гласнаго между *sz* и $k^{\wedge}$), какъ вѣроятно въ *szėszkas* «хорекъ», ср. скр. *kaśīkā* «ласица».

Въ сравнительно немногихъ случаяхъ съ *-sz-* вмѣсто *s* между гласными остается только возводить это *sz* къ иде. $sk^{\wedge}$, къ чему фонетическихъ препятствій нѣтъ, ср. Berneker AfslPh. XXV, 491. Такъ уже объясняются *aiŋszta* «свѣтаеть» (изъ болѣе древняго **aiŋsza*, ср. скр. *ucchāti*, подѣ влияніемъ глаголовъ вродѣ *brėkszta* «свѣтаеть», послѣ чего *sz* изъ наст. времени перенесено въ прочія формы глагола и въ существительное *auszrà* ²) «утренняя заря»), *gaisztù* «мѣшкаю» (изъ **gaiszù* съ *sz* изъ иде. $sk^{\wedge}$, ср. латинск. *haereo*, *haesi*, и съ перенесеніемъ *sz* изъ наст. времени въ прочія формы этого корня), ср. Pedersen JF. V, 79; *triszù* (съ такимъ же обобщеніемъ *sz*) «дрожу», ср. ав. *tərəsaiti*, др.-перс. *tarsatiy* «боится»

²) Möller же KZ. XXIV, 500 возводитъ *-škas* въ *vāškas* къ иде. $-k^{\wedge}sqos$ въ виду скр. *vaśā* «масло», рядомъ съ которымъ однако имѣется *vasā*; ср. также Osthoff Etym. Parerga I, 19 слл. По поводу перестановки *ks* ср. еще латинск. *ascia*: гр. *ἀξίνη*, латинск. *viscum*: гр. *ἰξός*, латинск. *vespa*: лит. *vapsà*, (между тѣмъ какъ въ латинск. *axis* и др. *ks* сохраняется).

²) Ср. такое же обобщеніе $-sk^{\wedge}$ - въ латинск. *porosci*, умбр. *peperscusc* «precatus erit», *perschu* «supplicatione», скр. *pr̥cchā*, арм. *harths*, др.-врхн. *forsca* «вопросъ» и др.

(ср. Brugmann Grdr. II, 1029) ¹⁾. Далѣ имѣютъ *sz* изъ иде. *sk̂* повидимому *maĩszas*, *rieszutas* и, можетъ быть, также *kr(i)uszà* и *větuszaz*; и также соотвѣтствующія славянскія формы по моему мнѣнію могутъ имѣть *x* изъ иде. *sk̂*. Педерсенъ, правда, полагаетъ JF. V, 71, что въ славянскомъ получается только *s* изъ иде. *sk̂*, но ссылается при этомъ только на црксл. *насѣ*: латинск. *rasco* и, самъ сомнѣваясь, на црксл. *тысѣмита*. Но въ *насѣ* конечно можетъ быть только *c* (а не *x*), такъ какъ передъ нимъ стоитъ *a*; что же до *тысѣмита*, то мы достовѣрно не знаемъ, что *c* въ немъ получилось изъ иде. *sk̂*, и даже допуская это, можемъ объяснять *c* (вмѣсто *x*) вліяніемъ другихъ числительныхъ съ *c*- (изъ иде. *k̂*-) того же корня **k̂emt*-. Ничто, значить, намъ не мѣшаетъ думать, что въ славянскомъ послѣ *i*, *u* изъ иде. *sk̂* получается *x*. А само по себѣ это даже вѣроятно. По весьма правдоподобной гипотезѣ Педерсена JF. V, 75 слл. какъ въ арійскихъ языкахъ и въ литовскомъ, такъ и въ праславянскомъ *s* первоначально при извѣстныхъ условіяхъ перешло въ *š* не только передъ гласными, но и передъ согласными, значить, также передъ иде. *k̂*. Когда затѣмъ изъ этого *k̂* на славянской (или на славяно-балтійской) почвѣ возникъ свистящій или шипящій звукъ (>лит. *sz*, слав. *s*), который тутъ условно обозначимъ черезъ *ś*, то въ сочетаніяхъ *-iśś-*, *-uśś-* (изъ *-išk̂-*, *-ušk̂-*) путемъ ассимиляціи *-śś-* очень легко могло далѣ перейти въ *-ś(ś)-*, откуда *-x-*. Если скр. *mēśá-s* «баранъ» и др.-исл. *meiss* «geflochtener Tragkorb» дѣйствительно родственны съ лит. *maĩszas*, црксл. *мѣхъ*, ср. Bugge KZ. XX, 1 сл. и Pedersen JF. V, 40 (по значенію ближе къ др.-исл. *meiss* стоитъ лит. *máiszas*), то можно думать, что въ части говоровъ индоевропейскаго праязыка **moisos* (или **maisos*) было измѣнено въ **moisk̂os* (или **maisk̂os*) подъ вліяніемъ, наприм., слова, давашаго гр. *ἄσχος* «мѣхъ».—Родственныхъ съ *kr(i)uszà* (ср. црксл. *крѣха* «міа») и *větuszaz* (ср. црксл. *ветѣхъ*) формъ съ *-sk̂-* мы, правда, не знаемъ, но предполагать

¹⁾ См. также Trautmann German. Lautgesetze 33 сл. относительно *káišti* «скоблить» и 1. с. 45 относительно *kr(i)ùšti* «крушить» и Persson BB. XIX, 274 относительно *rušėti* «заниматься»; ср. также *ráušyti* «рыться» рядомъ съ однозначащимъ *rausyti*.

таковыя до извѣстной степени позволяютъ (ср. выше стр. 54³ о чередованіи *-st-: -sk-*) латинск. *crusta* «кора», гр. *κρούσταλλος* «ледъ» и латинск. *vetustus*. Но *kr(i)uszà* могло бы имѣть *sz* также подъ вліяніемъ глагола *kr(i)ùszti*, о которомъ ср. выше стр. 58¹. И слова *vētuszás* (съ производнымъ *vētuszis* «alter Ochs», ср. лат. *vecis* «старикъ»), *apuszis* или *apuszé* «осина» (ср. др.-врхн. *aspa*) и *kerműszé* (ср. выше стр. 52) могли получить *sz* подъ вліяніемъ словъ вродѣ *brotuszis* «племянникъ» (*brotuszé* «племянница»), *tetűszis* «батюшка» (Leskien Bild. d. Nom. 598), *ruduszis* «язь» (*cyprinus rutilus*) съ *sz* изъ иде. *k̂*, какъ показываетъ соотвѣтствующій суффиксъ *-űzis* (*-űžé*; и славянскій суффиксъ *-uso-*, *-yso-* ? ср. Vondrák, Vrgl. slav. Gr. I, 476 сл.). *Kiűszé* же (и *kiaűszis* «яйцо», *kűszas*¹), лат. *kaűss* «ковшъ, большая разливная ложка») родственно ближе всего не съ др.-исл. *hauss*, но съ скр. *kōśa-s* «Behälter, Kufe», гр. *καυχίον* *κύλιξ*, латинск. *caucus* «кубокъ» (Büga Aist. Stud. I, 28). Возводитъ *jűszé* къ иде. **jūk̂iē* или **jűsk̂iē* (отъ глагольнаго корня, который имѣется въ скр. *yā'uti* «смѣшиваетъ», лат. *jaūt* «мѣшать тѣсто») было бы возможно въ фонетическомъ отношеніи и обязательно, если это слово не заимствовано²); но отсутствіе сходныхъ по суффиксу формъ въ родственныхъ языкахъ³) и то обстоятельство, что изъ славянскихъ языковъ заимствовано (въ болѣе позднее время) также лит. *jukà* «Blutsuppe» и вѣроятно и н. *Jauche*, располагають меня скорѣе считать *jűszé* (и вѣроятно тождественное съ нимъ др.-пр. *iuse* «juche») за старое заимствование изъ славянскихъ языковъ. Мы не знаемъ, правда, такой славянской формы (**juša*), которая бы могла служить оригиналомъ для лит. *jűszé* (что бѣлор. *юшка* не можетъ считаться таковымъ, въ этомъ я согласенъ съ Педерсеномъ JF. V, 80), но изъ этого еще не слѣдуетъ, какъ полагаетъ Педерсенъ, что *нельзя* считать лит. *jűszé* заимствован-

¹) Относительно отношенія балтійскаго слова къ славянскому правъ не Лескинъ Bild. d. Nom. 194, но Mikkoла ВВ. XXI, 120, какъ ясно показываетъ форма этихъ словъ.

²) То же самое—*mutatis mutandis*—слѣдуетъ сказать о *kr(i)áűšé* «груша».

³) Ср. развѣ шведск. діал. *üst* «сыръ», которое тоже относить сюда, см. выше стр. 54³.

нымъ. Нерѣдко вѣдь языковѣды (и въ томъ числѣ, конечно, и самъ Педерсенъ въ случаѣ надобности, ср. наприм. KZ. XXXVIII, 195) считаютъ то или другое слово заимствованіемъ, хотя не могутъ указать его оригинала; и принципиально возражать противъ этого нельзя, такъ какъ слова часто утрачиваются и измѣняются. Но какъ бы то ни было, послѣ всего предыдущаго несомнѣнно то, что *sz* въ *júszè* нельзя непосредственно возводить къ иде. *s*.—Въ *lasziszà* «лосось» ср. др.-врхн. *lahs*) второе *sz* вѣроятно путемъ ассимиляціи замѣнило собою старое *s*.

Итакъ, я пришелъ къ выводу, что въ литовскомъ языкѣ имѣется *sz* изъ иде. *s* только послѣ *r*, *k* и между *i* и *k*. Что же касается времени перехода *s* въ *sz*, то нельзя на основаніи одного лишь *krìksztas* (и *krìksztyti*) думать о сравнительно позднемъ происхожденіи этого *sz*: вновь возникшее *s* въ такомъ положеніи (между *k* и согласными) могло и впослѣдствіи переходить въ *sz*¹⁾, пока только былъ въ силѣ законъ о переходѣ *s* въ *sz* (кромѣ того не исключена возможность, что *sz* въ *krìksztyti* отражаетъ польское *rz* въ *chrzcić*). Обращаясь же за указаніями къ прочимъ балтійскимъ языкамъ, мы находимъ, что латышскій языкъ никакого свѣта не проливаетъ на этотъ вопросъ, такъ какъ въ немъ одинаково соотвѣтствуетъ *s* какъ литовскому *sz* изъ иде. *s*, такъ и литовскому *sz* изъ иде. *k*. На данныхъ же древне-пруссаго языка приходится немного приостановиться.

Въ памятникахъ пруссаго языка обыкновенно обозначается буквою *s*²⁾ какъ потомокъ иде. *s*, *z*, такъ и потомокъ иде. *k*, *g*(*h*), и поэтому принято думать, что въ прусскомъ языкѣ совпали, какъ и въ латышскомъ, иде. *s* и *k* въ *s*, иде. *z* и *g*(*h*) въ *z*. Противъ этого, насколько мнѣ извѣстно, высказался одинъ лишь Mikkoла AfslPh. XX, 149 сл., который, ссылаясь на будто бы заимствованныя изъ пруссаго языка лит. *uszès* «Kindbette» и *puszniš* «сапогъ» и на примѣры вродѣ III л. *poschwāigstinai* «erleuchte» (при *swāigstan* «Schein») и *uschts* «шестой» (при *usts*), приходитъ къ

1) Ср. Bezzenberger Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 81.

2) Глухой свистящій изрѣдка обозначается также черезъ *z*, *sz*, ср. грамматику Траутмана § 68.

заключенію, что буква *s* на мѣстѣ иде. $k^{\wedge}$ и $g^{\wedge}(h)$ вѣроятно обозначала «palatale š und ž, etwa den poln. ś und ź ähnliche Laute». А то *š*, которое получилось въ прусскомъ языкѣ изъ иде. s_i , $k^{\wedge}_i$, по мнѣнію Микколы, не было палатально, но похоже на нѣмецкое *š*, и поэтому обыкновенно передавалось черезъ *sch*, между тѣмъ какъ палатальное (не похожее на нѣм. *š*) *š* (и *ž*) въ большинствѣ случаевъ обозначается буквою *s*. Что посредствомъ *s* въ прусскихъ текстахъ въ извѣстныхъ случаяхъ передаются звуки, похожіе на п. *ś* и *ź*, это само по себѣ возможно; но въ виду довольно многочисленныхъ примѣровъ съ *s* изъ иде. $k^{\wedge}$ и $g^{\wedge}(h)$ (въ грамматикѣ Траутмана стр. 168 сл.) естественнѣе думать, что въ прусскомъ языкѣ изъ иде. $k^{\wedge}$ и $g^{\wedge}(h)$ получились тѣ же звуки, что и въ латышскомъ, т. е. *s* и *z*, восходящіе вѣроятно къ звукамъ, похожимъ на лит. *š* и *ž*, тѣмъ болѣе, что *s* имѣется вмѣсто *š* и *ž* также въ прусскихъ заимствованіяхъ изъ славянскихъ языковъ (примѣры у Траутмана стр. 169 сл.; исключить слѣдуетъ *sompisinis* «grobrot», такъ какъ считать это слово заимствованнымъ нѣтъ никакого основанія; и въ славянскихъ языкахъ вовсе нѣтъ соответствующей формы). Отказаться отъ этого господствующаго мнѣнія въ пользу гипотезы Микколы насъ могли бы заставить только вѣскіе мотивы, а считаются таковыми не могутъ выше приведенныя соображенія Микколы. Нѣтъ вѣдь ни малѣйшаго основанія (несмотря на «sicherlich» Траутмана, стр. XI) полагать, что лит. *pusznis* взято изъ прусскаго языка (представляющаго форму *pusne*); вмѣсто того, чтобы на основаніи лит. *pusznis* приписывать прусскому языку *š* (или *ś*) изъ иде. $k^{\wedge}$, естественнѣе будетъ заключать, что въ виду *sz* въ *pusznis* трудно считать это слово заимствованнымъ изъ прусскаго языка. А вмѣсто приведеннаго Микколою *poschwāigstinaī* наши тексты даютъ только *poswāigstinaī*; зато имѣются формы III л. наст. вр. *erschwāigstinaī* и прич. прош. вр. *erschwāistiuns*. Но Траутманъ въ своей грамматикѣ (стр. 172) уже вѣрно указалъ, что въ говорѣ III катехизиса *s* и *z* (если правильно сопоставленіе а. ¹⁾ *s. swāigstan* «Schein» съ лит. *žvai(g)zdė* «звѣзда») послѣ *r* пе-

¹⁾ Траутманъ считаетъ эту форму за *instr. s. fem. g.* на томъ основаніи, что она слѣдуетъ (послѣ дательнаго пад. *ai nesmi*!) за предлогомъ *sen* «съ». Но

реходятъ въ *š* и *ž*; и только что приведенныя формы ясно показываютъ, что *sch-* вмѣсто *s-* въ нихъ вызвано положеніемъ послѣ *r* (въ *ersinnat* имѣется *s* благодаря вліянію такихъ формъ, какъ *rosinnat*). Кромѣ того, этой судьбѣ подвергаются не только рефлексъ иде. *k* и *g*(*h*), но также иде. *s*, какъ показываютъ *rogirschnan* «хвалу» 79, 33 (*rogirsnan* 81, 2 и *girsnan* 27, 13; 59, 5; 63, 2 имѣютъ *s* подѣ вліяніемъ весьма многочисленныхъ формъ на *-snā* въ положеніи не послѣ *r*), *kirscha* (весьма часто) или *kērschan* 73, 14 «über» (*kirsa* 57, 10 или остатокъ старины, или скорѣе простая ошибка), *pirschdau* 51, 17; 53, 13; 59, 33 «передъ» (въ перѣдкомъ *pirsdau* и въ *sirsdau* 35, 8; 49, 28 имѣется *-rs-* подѣ вліяніемъ *pansdau* «послѣ»). Неяснымъ для меня исключеніемъ являются только а. pl. *prēipīrstans* «кольца» 67, 18 и а. s. *dīrstlan* «stattlichen» 73, 10 (ср. также *dyrsos gyntos* «from man» у Грунау). Если эти формы вѣрно переданы, то надо полагать, что во время возникновения этого памятника переходъ *-rs-* въ *-rš-* еще не былъ законченъ. Старымъ во всякомъ случаѣ, какъ замѣтилъ уже Траутманъ I. с., этотъ звуковой процессъ не можетъ считаться, такъ что о связи его съ литовскимъ переходомъ *rs* въ *rsz* нельзя и думать. Вѣдь въ наиболѣе древнемъ памятникѣ прусскаго языка—въ Эльбингскомъ словарѣ—*rs* еще сохраняется, какъ показываютъ *sirsilis* «шершень», *warsus* «губа», *werstian* «теленокъ», *werwirsis* «жаворонокъ», *kirsnan* «черный» и друг. А въ III катехизисѣ съ одной стороны въ *š* переходитъ послѣ *r* и такое *s* (въ *kirscha*), которое въ литовскомъ языкѣ сохраняется, съ другой же стороны

несомнѣнныя формы творит. падежа (да и тѣ только послѣ *sen*) мы встрѣчаемъ только въ мѣстоименной флексіи (*sēnku* «damit», *sen māim* «mit mir»), какъ и въ латышскомъ языкѣ особыя формы творит. падежа имѣются теперь въ живомъ употребленіи (въ зависимости отъ предлоговъ) только въ мѣстоименной флексіи (*manim*, *tevim*, *sevim*). Если Траутманъ считаетъ за творит. пад. всѣ произведенныя отъ основъ на *-ā* формы на *-an* послѣ предлога *sen* (что *swāigstan* происходитъ отъ основы на *-ā*, этого мы впрочемъ даже не знаемъ), то остается необъясненнымъ, почему послѣ *sen* ставится только такой творительный падежъ, форма котораго совпадаетъ съ винительнымъ падежомъ, тогда какъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ винительный падежъ отличается отъ творительнаго (какъ наприм. во множ. числѣ, и въ формахъ отъ основъ на *-(ī)o-*), послѣ *sen* ставится не творительный, но винительный (или также дательный) падежъ.

сохраняется *s* послѣ *k* и между *i* и *k*, какъ показываютъ а. s. *auckstimiskan* «Obrigkeit» 57, 8, *crixtisnālaiskas* «Taufbüchlein» 19, 19 и др. Въ виду этого я склоненъ даже думать, что въ прусскомъ переходѣ *rs* въ *rš* сказывается вліяніе нѣмецкаго языка, которому тоже извѣстенъ этотъ звуковой процессъ. Насколько онѣмечены были древніе пруссы уже въ то время, лучше всего показываютъ обороты вродѣ *stesse swintan noseilis* «des heiligen Geists» 67, 31, *steise wissemusīngin tawas* «des allmächtigen Vaters» 37, 17 и др. (если только это не ошибки), гдѣ въ значеніи родит. падежа употреблены формы винит. падежа на *-an*, *-in* вѣроятно благодаря тому, что въ нѣмецкомъ языкѣ падежныя формы прилагательныхъ на *-en* употребляются въ значеніи всѣхъ косвенныхъ падежей, ср. также грамматику Траутмана, стр. 207 слл. Вліяніемъ нѣмецкаго языка, въ которомъ *sl-* перешло въ *šl-*, я объясняю также *šl-* изъ *sl-* въ III катехизисѣ¹⁾ въ словахъ *schlūsitwei* «служить» съ производными формами (весьма часто) и *schlāit* (весьма часто) «sonder(n)» (рядомъ встрѣчается 2 раза еще старое *slāit* съ *sl-* изъ болѣе древняго *skl-*, которое тоже еще встрѣчается; затѣмъ путемъ контаминаціи формъ съ *skl-* и *šl-* получаютъ формы съ *schkl-*), подобно тому, какъ Траутманъ l. с. 173 объясняетъ нѣмецкимъ вліяніемъ *šp-* въ *auschpāndimai* «wir spannen ab» и въ *schpartina* «stärkt» (обыкновенно *sp-* сохраняется; ср. латышское діал. *špars* вмѣсто *spars* «энергія» и *špl'au't* вмѣсто *spl'au't* «плевать»). Траутманъ l. с. 172 и 422 выводитъ пр. *schlūsitwei* изъ лит. *-szlū žyti*, но было бы довольно странно, если бы это славянское слово перешло въ прусскій языкъ не непосредственно изъ польскаго языка, но черезъ посредство литовскаго языка. Кромѣ того, Траутманъ не объясняетъ, почему начальное *š-* въ этомъ словѣ сохраняется, тогда какъ вмѣсто втораго шипящаго звука мы находимъ (какъ и въ другихъ заимствованіяхъ изъ славянскихъ языковъ, ср. грамматику Траутмана, стр. 169 и 170) свистящій звукъ *-s-*. Поэтому естественнѣе примѣнять къ *schlūsitwei* то объясненіе, которое мнѣ кажется единственно возможнымъ для *schlāit* (такъ и часть латыш-

¹⁾ Въ Эльбингскомъ словариѣ мы встрѣчаемъ только *sl-*.

скихъ формъ съ *šl-*, *šn-*¹⁾, *šm-*, *šv-* вмѣсто *sl-*, *sn-*, *sm-*, *sv-*, можетъ-быть, объясняется нѣмецкимъ вліяніемъ, ср. выше *špars* и *špl'auīt*).—Что же касается лит. *uszės* и пр. *uschts*, то одно то обстоятельство, что *uszės* извѣстно только въ части литовскихъ говоровъ, тогда какъ прочіе говоры вмѣсто этого употребляютъ *szėsziōs*, еще не заставляетъ насъ непременно считать лит. *uszės* заимствованнымъ изъ прусскаго языка. Но если бы оно даже было заимствовано, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что его *sz* представляетъ собою прусскій рефлексъ индоевропейскаго *k̂*: это *sz* могло получиться изъ прапрусскаго *sj*, какъ показываютъ лит. *szėsziōs* и лат. *seši* (съ *š* изъ пралатышскаго *sj*), «шесть». И изъ числительнаго количественнаго это *š* (изъ прапрусскаго *sj*) могло быть перенесено въ соотвѣтствующее порядковое числительное²⁾, такъ что старое *usts*, которое намъ даетъ второй, «исправленный» катехизисъ (вмѣсто *wuschts* I катехизиса), было замѣнено новообразованіемъ *uschts*³⁾ (въ III катехизисѣ 3 раза). Думать здѣсь о вліяніи нѣмецкаго языка, въ говорахъ котораго встрѣчается переходъ *-st-* въ *-št-* (изъ такихъ говоровъ перешло въ литературный языкъ напр. слово *Gischt*), трудно потому, что во всѣхъ прочихъ случаяхъ *-st-* сохраняется, ср. наприм. *kailūstiskun* «здоровье» и др. Если же Траутманъ l. c. 172 объясняетъ *sch* въ *uschts* вліяніемъ предыдущаго *u*, ссылаясь на подобное явленіе въ литовскомъ языкѣ, то это совершенно невозможно, такъ какъ перехода *us* въ *uš* не знаютъ ни литовскій языкъ (какъ выше показано), ни прусскій, ср. а. pl. *āusins* «уши», а. s. *ausin* «золото», *āustin* «морду», *kailūstiskun* «здоровье», *auskandints* «утопленный», *klausiton* «слушать»

¹⁾ Откуда далѣе *šl'- šñ-*, ср. KZ. XLII, 377.

²⁾ Ср. наприм. лат. *ceturtais* «четвертый» вмѣсто **cetvirt(ai)s* (=лит. *ketviñtas*) подъ вліяніемъ формы, соотвѣтствовавшей литовскому *keturi* «четыре», или лат. *astuotais* «восьмой» вмѣсто **astūt(ai)s* (=лит. *aštuñtas*), откуда діал. *astutaš* BB. XXVII, 329, подъ вліяніемъ *astuoñi* «восемь».

³⁾ Гипотезу Педерсена JF. V, 86, по которой *uschts* возникло изъ **štas*, какъ итальянск. *istrada* изъ *strada*, я считаю неприемлемою потому, что она оставляетъ въ сторонѣ лит. *ušės*, не объясняетъ *š* въ **štas* и предполагаетъ звуковое развитіе (*uš-* изъ *š-*), для котораго мы совершенно не знаемъ аналогичныхъ примѣровъ (что однако самому Педерсену не мѣшаетъ считать его за «ganz natürlich»).

и др. Предложенное мною объяснение $\check{s}$ въ *uschts* однако нуждается въ пояснительной замѣткѣ о развитіи въ прусскомъ языкѣ сочетанія *sj* (съ *s* изъ иде. *s* и *k̃*). Дѣло въ томъ, что начальное *sj* въ прусскомъ языкѣ повсюду переходитъ въ $\check{s}$ -, тогда какъ внутри слова нерѣдко сохраняется *-sj-*; ср. съ одной стороны *schokis* «трава», *schuteno* «проволока», *schutuan* «нити», *schuwikis* «сапожникъ» (въ Эльбингскомъ словариѣ), многочисленные формы отъ мѣстоименной основы *scha-* «этотъ», *auschaiditwei* «довѣряться» съ производными формами (если Траутманъ правильно возводитъ *schaud-* къ **skjauđ-*, то *sch-* могло получиться послѣ выпаденія *k* между *s-* и *-j-*, ср. AfslPh. XXXII. 293. A. s. *ausaidisnan* 67, 17 «вѣрность» при 10 *auschaid-* вѣроятно простая ошибка; ср. также грамматику Траутмана стр. 172), а. pl. *āuschautins* ¹⁾ «долги» съ производными формами (въ катехизисахъ), а съ другой стороны *crasios* «груши» (въ Эльбингскомъ словариѣ), g. s. *stessias* 77, 16 «той», d. s. *stessiei* 73, 22 «той», сравнит. степ. *muisieson* 45, 30 «grössern» ²⁾ (въ катехизисахъ). Это различіе въ развитіи *sj* не только не объяснено грамматиками Бернекера и Траутмана, но (что весьма характерно для нихъ) даже не отмѣчено. Оно совершенно похоже на различіе въ развитіи *tj* и *dj* въ нижнелитовскомъ (ср. Berneker JF. X, 158¹) и *pj*, *bj* въ латышскомъ

¹⁾ Это слово, можетъ быть, родственно съ лит. *šauti*, лат. *šaut* «стрѣлять» и въ такомъ случаѣ предполагаетъ глаголѣ **auschautwei* «сужать», ср. н. *schliessen* «стрѣлять : *vorschiessen* «сужать».

²⁾ Траутманъ по всей вѣроятности правъ, полагая l. c. § 170, что *-i-* послѣ перваго *s* въ *muisieson* не обозначаетъ смягченіе предыдущаго *s*, но входитъ въ составъ компаративнаго суффикса *-ies-*, такъ какъ за исключеніемъ а. s. *erkieckan* «порокъ» (*k* и *g* могли быть сильнѣе смягчены, чѣмъ прочіе взрывные) смягченіе согласнаго выражается черезъ *i* только передъ такимъ *e*, которое входитъ въ составъ дифтонга *ei* или, находясь передъ тавтосиллабическимъ плавнымъ или носовымъ, удлинено при нисходящей интонаціи (вѣроятно *e* въ такомъ положеніи отличалось качественно отъ *e* въ другихъ положеніяхъ, такъ что смягченіе согласнаго передъ такимъ *e* могло быть замѣтнѣе). Но изъ этого еще не слѣдуетъ (какъ думаетъ Траутманъ), что балтійскіе языки не знаютъ звуковаго закона объ утратѣ *i* между согласнымъ и *e*. Если *e* въ *muisieson* восходитъ къ иде. *e*, то *-ies-* (вмѣсто *-es*) перенесено сюда изъ такихъ формъ, гдѣ оно стояло послѣ гласнаго; но это *-ies-* можетъ восходить также къ прабалтійскому *-ias-* (изъ иде. *-ios-*), ср. Brugmann Grdr. I², 289.

и въ части славянскихъ языковъ: въ латыш. и части слав. языковъ, какъ указалъ уже Фортунатовъ ВВ. XII, 156, *j* послѣ *начальныхъ* губныхъ переходитъ въ *l'*, тогда какъ внутри слова сохраняются сочетанія *j* съ губными. Чисто фонетическимъ я считаю въ этихъ случаяхъ только развитіе въ началѣ слова, между тѣмъ какъ внутри слова, гдѣ эти сочетанія встрѣчаются обыкновенно во флексійныхъ окончаніяхъ, правильному ихъ развитію мѣшало вліяніе другихъ формъ тѣхъ же категорій съ *j* не послѣ губныхъ и *s*. Такъ, наприм., въ латышскомъ языкѣ къ *krupis* «жаба» gen. s. не **krupl'a*, но *krupja* подѣ вліяніемъ формъ вродѣ **nazja* (откуда потомъ *naža*) къ *nazis* «ножъ» (gen. s. **krupl'a* къ **krupis* слишкомъ расходился съ прочими формами родит. падежа этого склоненія). Такъ и пр. *crausios* можетъ считаться новообразованіемъ (вмѣсто **crauschos*) къ пом. s. *crausy*¹⁾ подѣ вліяніемъ формъ вродѣ **marios* (=лит. *mārios* «das

¹⁾ Траутманъ же I. с. 227 усматриваетъ въ *crausy* основу на *-ē*, производя *crausios* отъ основы на *-jā*, что я считаю невѣроятнымъ, полагая, что *crausy* склонялось подобно литовскому *marti* «невѣста». Лит. *kr(i)āušē* «груша» этому не мѣшаетъ; ср. наприм. лит. *mārēs* при *mārios* и др. Первоначально пр. *crausy* и могло быть основой на *-ē*, но послѣ перехода конечнаго неударяемаго *-ē* въ *-i* (какъ въ части литовскихъ говоровъ) было неизбежно смѣшеніе основъ на *-ē* съ основами, склонявшимися подобно лит. *marti*. Въ Эльбингскомъ словарикѣ имѣются рядомъ слова на *-e* и на *-i* (ср. грамматику Траутмана § 136), но вѣроятно было бы ошибочно думать, что всѣ слова на *-e* имѣли удареніе на концѣ (какъ навѣрное *wosee* «коза»), и всѣ слова на *-i* не на концѣ. Вполнѣ опредѣленнаго результата мы здѣсь не можемъ добиться, не зная, каково количество гласныхъ, и представляютъ ли всѣ слова этого памятника формы одного и того же говора. Въ виду того, что на принадлежность этихъ словъ не одному и тому же говору указываютъ также нѣкоторыя фонетическія особенности (ср. *ee*, *ea*, *eu* изъ *ē*; *e* и *a* изъ *e*; *a* и *o* изъ *a*; *ai*, *o(a)u* и *oa* изъ *ai*, и въ виду того, что довольно многимъ словамъ на *-e* соответствуютъ литовскія формы съ удареніемъ не на концѣ, я склоненъ думать, что формы на *-e* не всѣ имѣли удареніе на концѣ, при чемъ формы на *-i* (гдѣ это *-i* восходитъ къ неударяемому *-ē*) взяты изъ какого-нибудь другого говора. Часть же словъ на *-i* вѣроятно склонялась подобно лит. *marti* (ср. наприм. *sansy* «гусь»: скр. *hasī*; *ludini* «хозяйка»: црксл. *богъи* и, гот. *Saurini*, на что указалъ J. Schmidt, Neutra 45 сл.). Въ катехизисахъ же (II и III; въ I к., сохраняющемъ *ē*, не встрѣчается пом. s. основъ на *-ē*), гдѣ всякое *ē* переходитъ въ *ī* (но не въ дифтонгъ *ēi*, ср. Trautmann I. с. § 24), конечно и всѣ основы на *-ē* въ пом. s. оканчиваются на *-i*, совпадая такимъ образомъ съ основами типа лит. *marti*. Что же до *semmē* 65, 33 (*tou asse semmē* «du bist Erde») и *aulausē* 61, 23 (*sta ast givāntei aulausē* «die ist lebendig todt»), которыя Бецценбергеръ KZ. XLI 78 сл. счи-

kurische Haff») къ пом. s. *mary* «Haff». Въ мѣстоименныхъ формахъ вродѣ g. s. *stessias* или d. s. *stessiei* сохраненіе -sj- объясняется вѣроятно тѣмъ, что въ цѣломъ рядѣ падежей мѣстоименная основа была расширена общимъ элементомъ -s-, за которымъ слѣдовали разныя падежныя окончанія (ср. наприм. санскритскія формы *tas-ya*, *tas-yās*, *tas-māi*, *tas-yāi*, *tas-māt*, *tas-min*, *tas-yām*); такъ, наприм., въ d. s. *stessiei* (изъ **k̃tesjāi*) сохраненіе -sj- обусловлено

таеъ за i. s., принимая ихъ -ē за -en, то такому толкованію не противорѣчитъ (какъ думаетъ Траутманъ l. c. § 140) a. s. *semmen*. Такъ какъ въ окончаніи a. s. (ср. лит. *žemė*) была нисходящая интонація (благодаря которой при извѣстныхъ условіяхъ въ послѣдствіи удлиняются также краткіе гласные), тогда какъ въ окончаніи i. s. (ср. лит. *žemė*)—восходящая интонація (при которой въ прусскомъ языкѣ удлиненія не находимъ), то въ i. s. *zemēn могло бы произойти сокращеніе ē передъ -n (т. е. переходъ акутованнаго -ēn въ -eñ) еще до перехода ē въ ī (между тѣмъ какъ въ положеніи не передъ -n акутованныя конечныя долготы подъ удареніемъ сохраняются). Но тѣмъ не менѣе я затрудняюсь считать эти формы за i. s., такъ какъ появленіе (чуждаго нѣм. языку) предикативнаго творит. падежа было бы весьма странно въ столь сильно онѣмеченномъ языкѣ III катехизиса, дающаго въ общемъ переводъ отдѣльныхъ словъ, а не цѣлыхъ фразъ, и не знающаго въ общемъ творит. падежа даже послѣ предлога *sen*, ср. выше стр. 61¹. Поэтому я вывожу -ē въ *semmē* и *aulausē* изъ -ēi, считая ихъ за такія же формы пом. s., каковы *giwei* 49, 20 «жизнь», *peisālei* 55, 33 «писаніе», *warei (предполагается формою a. s. *warein* «власть» 31, 25 и 57, 9, Trautmann l. c. 232) и, можетъ-быть, *giwāntei* «vivens» 61, 23 (по мнѣнію же Траутмана l. c. § 192 это—дѣепричастіе). Формы вродѣ *giwei* могли возникнуть рядомъ съ *gīvē по примѣру формъ n. s. вродѣ *mensai* рядомъ съ *mensā*; кромѣ того получалось -ei (изъ ударяемаго -ī) въ n. s. старыхъ основъ на -ī: -īā. А потомъ (послѣ перехода ē въ ī) изъ такого -ei (въ n. s.) могло получиться снова -ē; ср. -ā рядомъ съ -ai въ n. s. основъ на -ā; g. s. *stesse* «того» рядомъ съ *stessei*, d. s. *tebbe* «тебѣ» рядомъ съ *tebbēi*, II л. *asse* «es» рядомъ съ *assei*, III л. *druwē* «вѣрить» изъ **druwēi(a)*, *boūse* «sit» рядомъ съ *boūsei*, be «erat» рядомъ съ *bēi*.—Предполагая смѣшеніе основъ на -ē и на -ī: -īā (благодаря общему n. s. на -i), мы лучше всего можемъ объяснить формы a. s. вродѣ *mūtien* «мать» (рядомъ съ *mūtīn*), *semmien* «землю» (рядомъ съ *semmīn*): формы на -ien (изъ -īām) собственно были свойственны основамъ на -ī: -īā (объясненіе же, предложенное Траутманомъ l. c. 232 для формъ на -ien, я считаю слишкомъ механическимъ и возможнымъ только на бумагѣ). Этому не противорѣчатъ формы a. s. *mārtin* «невѣсту» (1×), *waispattin* «жену» (2×): какъ рядомъ съ *semmīn* встрѣчается *semmien*, такъ и рядомъ съ *mārtin*, *waispattin* по всей вѣроятности встрѣчались формы *mārtien, *waispattien. Кромѣ того ср. наприм. a. s. *noseilien* рядомъ съ *noseilīn* отъ *nosēilis* «духъ».

морфологическимъ разложениемъ на *stes-jai* (въ противоположность къ формѣ мужескаго рода *stes-mu*). И въ *muieson* сохраненіе *-sj-* объясняется вліяніемъ прочихъ формъ сравнительной степени съ *-ies-* не послѣ *s*. Что *-sj-* дѣйствительно также внутри слова переходило въ *-š-*, это доказываютъ формы г. с. *tawischas*, *tawwyschies* или *tawischis* «des Nächsten», а. с. *tawischan* или *tawischen*. Траутманъ I. с. 172 возводитъ *tawisch-* къ **tawiskj-*; если это дѣйствительно такъ, то все-таки *sch* могло получиться изъ *skj* только послѣ утраты *k* между *s* и *j*. Но въ виду значенія этого слова естественнѣе считать *tawisch-* за основу сравнительной степени (изъ *taw-is-j-*, ср. прскл. *болъиш-* вмѣсто **болъиш-* изъ **bol-is-j-*), и въ пользу этого говорить форма а. с. *tawisen* 61, 25 (если это не ошибка вмѣсто *tawischen*), гдѣ *-en* можетъ представлять собою дѣйствительное *-in* (изъ *-и*; ср. грамматику Траутмана стр. 102), такъ что **tawisin* въ окончаніи походило бы на а. с. *-gimmusin* 71, 12 «родившагося». Можно еще привести н. с. *kasschis* 57, 24 «Schoss» (при а. с. *kassin* 57, 22, 24) и а. с. *teischin* 37, 16 «честь» (при частомъ *teisi-*); если въ нихъ *sch* не ошибочно вмѣсто *s* или не обозначаетъ смягченія *s* передъ *i* (какъ думаетъ Траутманъ I. с. 172), то *sch* въ нихъ перенесено изъ такихъ падежей, гдѣ оно возникло изъ *-sj-* (но противъ этого говорить, можетъ-быть, а. с. *scrij-sien* 51, 30 «крестъ» съ сохраненнымъ *-sj-*), ср. лат. діал. *puīšis* (наприм. въ Крутенѣ) вмѣсто *puīsis* «парень» съ *-š-* (изъ *-sj-*) изъ косвенныхъ падежей (въ г. пл. *menschon* 7, 2 «des Fleisches» — въ значеніи «людей» — отъ *mensā -sch-* объясняется, можетъ-быть, тѣмъ, что переводчикъ, услышавъ отъ своего толмача *mens-*, припомнилъ н. *Menschen*). Значить, въ прусскомъ языкѣ могло существовать числительное *uš-* «шесть» съ *š* изъ *sj*, ср. лат. *seši* съ *š* изъ *sj*; здѣсь (за неимѣніемъ единств. числа) во всѣхъ падежахъ имѣлось *-sj-*, такъ что рядомъ не было формъ съ простымъ *-s-*, которыя бы мѣшали переходу *-sj-* въ *-š-*, ср. лат. *piècas* (fem. g. = лит. *peñkios*) «пять» и *rudzi* «рожь» при *lāči* «медвѣди» и *vadži* «клинья», см. ВВ. XXIX, 179.

Итакъ, также прусскій языкъ не даетъ намъ никакихъ указаній относительно древности литовскаго *š* изъ *s*. Обратимся теперь

къ славянскому *x* изъ иде. *s*. Послѣ появленія статьи Педерсена JF. V, 33 слл. можно считать установленнымъ, что въ славянскомъ получилось *x* изъ иде. *s* въ положеніи послѣ гласныхъ ряда *i* и *u* и послѣ согласныхъ *r* и *k*. Брюкнеръ, правда, оспариваетъ KZ. XLIII, 302 переходъ *ks* въ *x*, считая аористъ *рѣхъ* (къ *рѣхъ*) новообразованиемъ. Но держаться такого мнѣнія объ этой формѣ (рядомъ съ *ирѣсъ* къ *ирѣсъ*!) мы имѣли бы основаніе лишь въ томъ случаѣ, если бы Брюкнеръ могъ привести примѣры съ сохранившимся *s* послѣ *k* (если бы *s* въ этомъ положеніи сохранялось, то ожидалась бы форма аориста **рѣсъ* вмѣсто *рѣхъ*; а такое **рѣсъ*, судя по *ирѣсъ*, вѣроятно и сохранилось бы неизмѣненнымъ). А такъ какъ такихъ примѣровъ (съ *s* изъ *ks*) мы не знаемъ, то намъ остается только думать, что *x* въ *рѣхъ* получилось непосредственно изъ *ks*, и въ пользу этого говорятъ также формы вродѣ *худъ*, *шесть* и др., о которыхъ была уже рѣчь выше. Если же Uhlenbeck AfslPh. XVI, 373 сл. предполагаетъ переходъ *s* въ *x* также послѣ (пра-слав.) *a*, и Соболевскій 1. с. XXVI, 559 сл.—также послѣ *e*, то они должны были бы объяснить случаи сохраненія *s* послѣ *a* и *e*. А такъ какъ они этого не сдѣлали (да и не могли сдѣлать), то приходится считать фонетически правильнымъ послѣ *a* и *e* только *s*, формы же съ *x* (изъ *s*) въ этомъ положеніи—новообразованиями съ перенесеніемъ *x* изъ положенія послѣ *i*, *u*, *r*, *k*. Что въ славянскомъ возникли производительные суффиксы, начинающіеся съ *x* (которое получилось въ только-что указанномъ положеніи), это уже отмѣтили Педерсенъ JF. V, 51 слл., Вондракъ Vergl. slav. Gr. I, 354 сл., Брюкнеръ KZ. XLIII, 303 слл. Благодаря распространенію суффиксовъ съ *x* изрѣдка вытѣсняется новыми *x* также *s* изъ иде. *k*¹⁾, какъ наприм. въ р. *прохатъ* (при *проситъ*). Нѣкоторые

¹⁾ Совершенно неприемлемымъ я считаю мнѣніе Вондрака Vergl. slav. Gr. I, 260 сл. и 350, по которому въ нѣкоторыхъ случаяхъ (въ црксл. *рѣшати*, *храна*, *вѣсъ* отъ основы **вѣхо-*) къ *s* изъ иде. *k* восходитъ также праслав. *x* (къ тому же иде. *k* по его мнѣнію восходитъ *-s-* въ лит. *vīsas* «весь»!). Если Вондракъ вообще признаетъ звуковые законы, то они обязательны для него и въ данномъ случаѣ. Црксл. *рѣшати* и я считаю тождественнымъ съ лит. *raišyti* (относительно значенія ср. Pedersen JF. V, 79, Vondrák Vergl. slav. Gr. I, 260 и словарь Ульмана подъ *raisīt*), но возвожу *рѣш-* изъ **рѣх-* къ иде. *croisk-*

случаи съ неправильнымъ *x* однако нуждаются въ нѣскольکو иномъ объясненіи. Въ малор. *жахъ* (=ужась) напрім. могло возникнуть *x* вмѣсто *s* подѣ вліяніемъ однозначащаго *страхъ*, но откуда послѣднее слово имѣетъ свое *x*? Брюкнеръ KZ. XLIII, 309 считаетъ его за «Kurzform» къ *страсть* (вродѣ п. *Stach* къ *Stanisław*, *gocha* къ *gorzałka* «водка» и др.). Но *страхъ* по своему значенію не подходитъ подѣ категорію тѣхъ Kurzformen съ *x*, про которыя самъ Брюкнеръ говоритъ l. c. 304: «Es sind Vertraulichkeits- (Kose-) und Grobheitsformen, Formen mit augmentativem oder pejorativem Nebensinn». Поэтому я предпочитаю возводить *x* въ *страхъ* къ *ks*. Объ этомъ думалъ уже Педерсенъ JF. V, 49, сближая *страхъ* съ латинск. *strages* «низверженіе». Но по значенію это слово слишкомъ расходится съ *страхъ*; гораздо ближе подходитъ лат. *struōstīt* или *struostēt* «bedrängen, scharf verwarnen» (ср. р. *стращать*), которое однако не имѣетъ никакого *k* передъ *s*. Тѣмъ не менѣе это латышское слово можетъ считаться родственнымъ съ *страхъ*. Что же до *k* въ **strōksos* (>*страхъ*), то можно думать, что въ праславянскомъ иногда вставлялось передъ *s* такое же *k*, какое столь часто вставляется передъ свистящими и шипящими въ балтійскихъ языкахъ. Это явленіе еще нуждается въ подробномъ изслѣдованіи, но не желая прервать хода изложенія, я намѣренъ заняться этимъ вопросомъ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же я ограничусь указаніемъ, что по всей вѣроятности такое вставное *k* встрѣчалось уже въ балтійскомъ праязыкѣ. А если это такъ, то не исключена далѣе возможность, что оно вставлялось уже въ эпоху болѣе или менѣе тѣснаго единства славянскихъ и балтійскихъ племенъ. Нѣтъ, насколько я вижу, никакихъ данныхъ, которыя бы мѣшали этому предположенію ¹⁾, и оно удовлетворительно объясняетъ загадочное до сихъ

(ср. выше стр. 58) изъ болѣе древняго *цроикъ sk̃-*, ср. иде. *misk̃-* (въ латинск. *miscere* и др.) изъ *mik̃sk̃-* (ср. скр. *miśrā-s* «смѣшанный», црксл. *мѣсими*). О словѣ *храна* см. выше стр. 42; относительно же **съхо-* показываетъ лит. *visas*: что *x* можетъ тутъ восходить только къ иде. *s*.

¹⁾ Само это *k* въ славянскомъ не могло сохраниться: *ks* передъ гласнымъ перешло въ *x*, а *ks* передъ согласными было упрощено въ *s* въ силу закона объ открытыхъ слогахъ.

поръ *х* въ *страхъ* и нѣкоторыхъ другихъ словахъ.—Что же касается начального *s-*, то довольно многіе примѣры показываютъ, что *s* въ этомъ положеніи собственно сохраняется. Есть однако нѣсколько болѣе или менѣе убѣдительныхъ примѣровъ съ *х-* изъ иде. *s-*. Изъ нихъ *ходити* вполне удовлетворительно объяснено Педерсеномъ JF. V, 62 сл. (*х-* обобщено изъ сложныхъ *приходити* и *уходити*). Что касается случаевъ вродѣ прксл. *хулити* «blasphémare»: гот. *bisauljan* ¹⁾ «запятнать», то въ крайнемъ случаѣ можно ихъ *х-* (герм. *s-*) возводить къ иде. *ks-*, ср. Pedersen l. c. V, 64. Но слишкомъ сомнительно, по крайней мѣрѣ, такое происхожденіе славянскаго *х-* въ прксл. *хромъ*: скр. *srāmá-s* «хромой» (ср. Pedersen l. c. V, 70 сл.). И ссылки на формы вродѣ р. *прихрамывать* или праслав. **ноу-хромъ* «krank an den Füßen» (Pedersen l. c. V, 70, съ вопросительнымъ знакомъ) и праслав. **объхрѣмѣти* > прксл. *охрѣмѣти* (Uhlenbeck AfslPh. XVI, 383) не выясняютъ тутъ перехода *s-* въ *х-*: что вообще когда-либо или, по крайней мѣрѣ, во время возникновенія *х* изъ *s* существовала форма **объхрѣмѣти* (съ *ѣ* послѣ *б*), это далеко не безспорно (ср. Rozwadowski Roczn. Slawist. II, 87 слл. и Фортунатовъ, Сборникъ Лам. 1439 слл.); и переходъ фонетически правильнаго **сромъ* въ *хромъ* подъ вліяніемъ только-что приведенныхъ сложныхъ формъ могъ бы казаться возможнымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы послѣднія употреблялись гораздо чаще, чѣмъ само прилагательное **сромъ*, а утверждать это я не рѣшился бы. По этой же причинѣ при рѣшеніи вопроса о происхожденіи начального *х-* не имѣютъ никакого значенія ссылки Uhlenbeck'a l. c. XVI, 382 на сложныя формы *съхранити*, **възъхотѣти*, **възъхулити*, **възъхытити*, **безъхыбѣнь*, **объхоль*, **объхлѣдати*, **възъхвалити*, *съхвалити* и др. Кромѣ того, во время перехода *s* въ *х* префиксы въ этихъ формахъ по всей вѣроятности вовсе не оканчивались на *й* (или *ѣ*). И если Вондракъ Vergl. slav. Gr. I, 360 склоненъ думать, что «ein nachfolgender dunkler Vokal» вызывалъ переходъ *s-* въ *х-*, то какъ же онъ объясняетъ р. *смурый* (рядомъ съ *хмурить*) и другія формы съ *с-* передъ *о*, *у*? При объ-

¹⁾ Другую этимологію для *хулити* предлагаетъ Бернекеръ въ своемъ этимологическомъ словарѣ.

ясненіи *x-* въ *хромъ* и въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что *s* перешло въ *x* вѣроятно черезъ переходную ступень *š*, ср. JF. V, 74. Далѣе уже указано (ср. KZ. XLII, 376 и словарь Бернекера подъ *gnida*), что въ нѣкоторыхъ индоевропейскихъ языкахъ въ словахъ, обозначающихъ нѣчто, къ чему относятся съ презрѣніемъ или съ отвращеніемъ, смягчаютъ одинъ изъ корневыхъ согласныхъ, свистящіе же звуки замѣняютъ также соотвѣтствующими шипящими, ср. наприм. лат. *šmaulis* рядомъ съ *maulis* «неряха». Итакъ, я считаю возможнымъ, что по этому же мотиву также въ праславянскомъ кое-гдѣ фонетически правильное *s* было замѣнено шипящимъ *š* (перешедшимъ впослѣдствіи, одновременно съ *š* изъ *s* послѣ *i*, *u*, *r*, *k*, въ *x*); такъ скорѣе всего объясняется *x-* (изъ *š-*) въ *хромъ*, *хворъ* (: др.-врхн. *svĕro* «боль, болѣзнь»); говоря о происхожденіи *x-* въ *хворъ*, также Педерсенъ JF. V, 81 указываетъ, что это—Bezeichnung der kränklichen Schwerfälligkeit», *хламъ*, *хмура* (ср. р. *похмура*, *хмыра*), *хныкати* (ср. однозначающее лат. *šnikstet*) и, можетъ быть, также въ *хула* (если въ этомъ словѣ *x-* получилось изъ *š-*, то подъ вліяніемъ этого *šula вѣроятно въ противоположномъ по значенію словѣ *švala > *xvala* возникло *š-* вмѣсто закономѣрнаго *s-*) и въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ. И послѣ перехода *š* въ *x* еще изрѣдка возникаетъ *š* вмѣсто *s*, и это болѣе позднее *š* уже сохраняется, такъ, наприм., въ ч. *štouřiti se*, р. *нашмуриться* (рядомъ съ *нашмуриться* и *смурѣть*) и р. *шкура* (рядомъ съ бѣлор. и ч. *skura*; ср. гр. *oxūtōs* «кожа» и др.).

Если въ славянскихъ языкахъ на мѣстѣ иде. *s* мы находимъ спирантъ *x* приблизительно при такихъ же условіяхъ, при какихъ въ арійскихъ языкахъ старое *s* было замѣнено шипящимъ *š* (ср. Pedersen JF. V, 75), то невольно приходитъ въ голову мысль о связи славянскаго *x* (изъ иде. *s*) съ арійскимъ *š*. Слав. *x* можетъ, какъ полагаетъ Педерсенъ, восходить къ болѣе древнему *š* (и если мои соображенія о возникновеніи *x* въ формахъ вродѣ *орѣхъ* и *хромъ* правильны, то между *s* и *x* обязательно была переходная ступень *š*)¹⁾,

¹⁾ Данныя же, приведенныя Педерсеномъ l. c. V, 76 въ пользу *š*, мнѣ кажутся неубѣдительными: *шу-* въ *шумъ* и *шустрый* могло бы восходить къ *sjou-*

и переходъ *s* въ *š* именно послѣ *i* и *u* вовсе не является настолько обычнымъ звуковымъ процессомъ, чтобы можно было безъ важныхъ причинъ думать о случайномъ совпаденіи въ этомъ отношеніи арійскихъ и славянскихъ языковъ. Педерсенъ, поэтому и приходитъ I. с. V, 86 къ заключенію, что это *š* изъ *s* возникло еще до окончательнаго распадена индоевропейскаго праязыка. Если же это такъ, то спрашивается далѣе, какъ относится къ славянскому и арійскому *š* литовское *š* изъ *s* послѣ *r* и *k*? Педерсенъ, полагая, что первоначально въ литовскомъ имѣлось *š* изъ *s* при тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ славянскихъ и арійскихъ языкахъ, конечно возводитъ также лит. *š* (изъ *s*) къ эпохѣ индоевропейскаго праязыка; мало того, онъ склоненъ даже думать (I. с. V, 86), что также въ тѣхъ говорахъ иде. праязыка, отъ которыхъ ведутъ свое начало прочіе индоевропейскіе языки (или по крайней мѣрѣ въ восточныхъ говорахъ иде. праязыка), имѣлъ мѣсто переходъ *s* въ *š* послѣ *i*, *u*, *r*, *k*. Но то, что въ пользу этого положенія онъ приводитъ изъ албанскаго и греческаго языковъ, не можетъ считаться убѣдительнымъ; и въ литовскомъ мы нашли *š* (изъ *s*) только послѣ *r* и *k* (и между *i* и *k*). Предполагать же, что первоначально и въ балтійскихъ языкахъ имѣлось *š* (изъ *s*) также послѣ *i* и *u*, у насъ нѣтъ достаточнаго основанія. Если бы мы тѣмъ не менѣе рѣшились думать о связи литовскаго *š* (изъ *s*) со славянскимъ *x* (изъ *s*), то намъ пришлось бы допустить, что возникшая среди лингвистическихъ предковъ арійцевъ и славянъ тенденція къ замѣнѣ *s* шипящимъ *š* охватила также зачатки теперешнихъ балтійскихъ языковъ, проявляясь однако тутъ въ менѣе широкахъ размѣрахъ (только послѣ *r* и *k*). Это было бы похоже на извѣстное явленіе славянской фонетики: между тѣмъ какъ въ прочихъ славянскихъ язы-

(изъ *sen-*), а *ш-* въ *шерахъ* (и *шерсть*?) замѣнило собою правильное *с-* (ср. црксл. *сръхъ* «asper» и *сръсть* «pili») вѣроятно подъ вліяніемъ формъ вроде *шершавый*, гдѣ произошла ассимиляція начальнаго *с-* съ шипящимъ слѣдующаго слога; ἀπαξ εἰρηένον црксл. *хухота*, можетъ быть, простая описка вмѣсто *сухота* (въ противномъ случаѣ мы вѣроятно имѣли бы большее количество славянскихъ формъ этого корня съ *х-*), и что *ш-* въ р. *шесть* восходитъ къ старому *s-*, не можетъ быть доказано.

кахъ иде. сочетанія *or, ar, ol, al, er, el* среди согласныхъ развиваются совершенно параллельно и одинаково даютъ въ концѣ этого развитія открытые слоги, въ полабскомъ и кашубскомъ только иде. *ol, al, er, el* подвергаются перестановкѣ, тогда какъ иде. *or* и *ar*, совпавши въ *or*, сохраняются въ полабскомъ, въ кашубскомъ же гласный передъ *r* подвергся удлинению (ср. Сборникъ статей, посвящ. Ф. Θ. Фортунатову, 539 сл.). Допуская, значитъ, даже связь литовскаго *š* со славянскимъ *x*, все-таки приходится констатировать старое діалектическое различіе среди тѣхъ говоровъ индоевропейскаго праязыка, къ которымъ восходятъ славянскіе и балтійскіе языки. Но переходъ *s* въ *š* послѣ *r* мы встрѣчаемъ также въ нѣмецкомъ языкѣ, а между нѣмецкимъ *š* и тѣмъ же звукомъ въ праславянскомъ и арійскомъ конечно нѣтъ никакой связи. Поэтому я считаю по крайней мѣрѣ очень возможнымъ, что также лит. *š* изъ *s* только случайно (да и то лишь частично) совпадаетъ съ аналогичнымъ звукомъ арійскихъ и славянскихъ языковъ. Что же касается древности этого литовскаго *š*, то мы не располагаемъ никакими данными для рѣшенія вопроса, восходитъ ли это *š* къ эпохѣ прабалтійской или къ эпохѣ литовско-латышской, или же возникло оно только на литовской почвѣ.

Не было бы никакого стараго различія по отношенію къ иде. *s* между славянскими и балтійскими языками лишь въ томъ случаѣ, если бы старое *s* только на славянской почвѣ стало измѣняться въ *x*. И есть языковѣды, которые дѣйствительно держатся того мнѣнія, что переходъ *s* въ *x*—явленіе спеціально славянское. Такъ, наприм., Uhlenbeck KZ. XXXIX, 599 сл. и PBrV. XXX, 301 сл., сопоставляя по примѣру другихъ црксл. *дръзати* и др. съ гот. *gaddars* «дерзаю» и др. и црксл. *мръзѣти* и др. съ гот. *marzjan* «ärgern, Anstoss geben» и др. и выводя въ виду этого сопоставленія слав. *з* въ этихъ словахъ изъ иде. *s*, приходитъ къ заключенію, что *s* перешло въ *з* раньше перехода *s* въ *x*, такъ какъ де въ противномъ случаѣ въ приведенныхъ слав. словахъ имѣлось бы *x* вмѣсто *з*. А поэтому, заключаетъ Uhlenbeck, нельзя также думать о связи славянскаго *x* изъ *s* съ арійскимъ *š* изъ *s*. Возражающій

ему Педерсенъ, не оспаривая ¹⁾ перехода *s* въ *z* (о которомъ ср. Zupitza KZ. XXXVII, 397 сл.), предполагаетъ KZ. XL, 179 также переходъ *š* (изъ иде. *s*) въ *ž*, причемъ ему приходится допустить, что во время перехода *š* (изъ *s*) въ *x* соотвѣтствующій звонкій спирантъ *ž* (изъ *š*) сохранялся и только впоследствии, одновременно съ переходомъ уцѣлѣвшаго передъ взрывными *š* (изъ *s*) въ *s*, перешелъ въ *z*. Несмотря на заключительныя слова Педерсена, что «anders könnte man es überhaupt nicht erwarten», дѣло на мой взглядъ не такъ просто. Если бы дѣйствительно когда-то имѣлъ мѣсто переходъ *š* (изъ *s*) въ *ž*, то мы ожидали бы видѣть также, наприм., праслав. **blžá* вмѣсто **blžá* и **južá* вмѣсто **južá*; кромѣ того, сохраненіе *ž* (изъ *š*) во время перехода *š* въ *x* едва ли такъ естественно, какъ это представляется Педерсену: рядомъ съ *x* скорѣе ожидается соотвѣтствующій звонкій спирантъ. Поэтому я считаю предполагавшійся Педерсеномъ переходъ *š* въ *ž*, по крайней мѣрѣ, довольно сомнительнымъ. Переходъ же праслав. *s* въ *z* передъ удареніемъ доказывается, по моему мнѣнію, по крайней мѣрѣ, словами р. *ноздря́* и *мяздрá*. Но если Zupitza l. c. въ виду слова *сестра́* полагаетъ, что передъ удареніемъ *s* перешло въ *z* только послѣ предшествующаго *n*, *m* или звонкаго взрывнаго *+r*, *l*, то въ этомъ онъ врядъ ли правъ (почему бы звонкость вызывалась только согласными *n*, *m*, а не *r*, *v* и др.?). Сочетаніе *-сѣр-* (вмѣсто *-зѣр-*) въ *сестра́* ²⁾ объясняется или вліяніемъ со стороны тѣхъ формъ (какъ вос. *s*. и пом. *pl.*) этого слова, которыя имѣли удареніе на начальномъ слогѣ, или же вліяніемъ слова *братръ*. Такъ и въ р.

¹⁾ Впоследствии, однако, JF. XXVI, 294 онъ уже отрицаетъ этотъ переходъ, причемъ ему приходится выводить *o* въ *гроза* изъ *ṃ*!

²⁾ Сочетаніе *-сѣр-* имѣется также въ праславянскомъ **(j)ustro* «утро», откуда црксл. *за уѣтра* въ Син. пс и староп. *justrzenka* «stella matutina» въ словарѣ Бернекера 462. Но въ этомъ словѣ *-сѣр-* могло бы фонетически возникнуть изъ *-sr-* лишь въ томъ случаѣ, если бы переходъ *sr* въ *str* былъ старше перехода *s* въ *š*, такъ какъ (какъ показываетъ црксл. *хромъ* съ *xp-* изъ *šr-*, см. выше стр. 72) между *š* и *r* не вставлялось *t*. Но само это *хромъ* показываетъ, что старше былъ переходъ *s* въ *š*. Ожидается, значитъ, не **(j)ustro*, но **(j)uxro* изъ **(j)ušro*. Я полагаю поэтому, что въ **(j)ušro* было вставлено *t* между *š* и *r* подъ вліяніемъ однозначаго *(j)utro*.

чесать, коса, гасить и др. сохранение *s* можетъ быть обусловлено вліяніемъ тѣхъ формъ этихъ же корней, въ которыхъ *s* находилось передъ неударяемымъ слогомъ; то же относится и къ *весна* (ср. р. вин. п. *вѣсну* и множ. ч. *вѣсны*) и *роса* (ср. серб. вин. п. *рѣсу* и прилагательное *рѣсан* или *рѣснат* «*roscidus*»), при чемъ нѣкоторыя формы съ *s* не передъ удареніемъ могутъ быть утрачены, ср. наприм. латинск. *ros* «роса». Бругманъ, правда, говоритъ Grdr. II², 1, 381, что такое объясненіе звонкаго *z* въ *ноздри* и *маздра* «*unrichtig*», и находитъ въ этихъ словахъ иде. суффиксъ *-dhro-*. Но это могло бы казаться правдоподобнымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы мы находили на славянской почвѣ это *-dhro-* (какъ секундарный суффиксъ) не только послѣ корневаго *s*, но и послѣ другихъ звуковъ, чего не видимъ. И въ пользу перехода *s* въ *z* непосредственно передъ удареніемъ говорятъ еще и другія слова. Изъ тѣхъ примѣровъ, которые привелъ Zupitza l. c., особенно убѣдительными я считаю малор. *мязнути* «толстѣть» (: *мясо*) и праслав. *grozá* (: лит. *grasà* «отвращеніе; угроза, строгость, страхъ»), *groziti* (: лат. *grasitiēs* «грозить»). А если это такъ, то проще всего и естественнѣе возводитъ также *-zdr-* въ *nozdrі* и *mezdra* къ старому *-sr-* (передъ удареніемъ), сохранившемуся въ лит. *nasrai* «насть» и др.-ирл. *mír* «кусокъ» (съ *r* изъ *sr*). И что такой переходъ *s* въ *z* (непосредственно передъ удареніемъ) самъ по себѣ не можетъ считаться невѣроятнымъ, показываютъ намъ аналогичныя явленія въ родственныхъ языкахъ: такъ наприм. въ англійскомъ языкѣ, ср. KZ. XXXIX, 245, въ словахъ *absolútion* и *philósophy* и др. *s* сохраняется въ произношеніи, между тѣмъ какъ въ словахъ *absólve* и *philosóphical* и др. буква *s* произносится какъ *z*; и также въ лат. *pusuòtra* (съ удареніемъ на второмъ слогѣ) «полтора» *s* часто въ произношеніи переходитъ въ *z*. Затѣмъ, по моему мнѣнію, такой же переходъ *s* въ *z* вѣроятно имѣлъ мѣсто также въ части литовскихъ говоровъ, гдѣ впрочемъ дѣло осложняется возможностью возводить *z* къ *zd*. Наиболѣе убѣдительнымъ примѣромъ я считаю восточнолит. *juozmiõ* (у Юшкевича и Явниса, Понев. гов. II, 24) = *juosmiõ* «поясъ», гдѣ я даже не нашелъ бы возможнымъ выводить *z* изъ *zd*. Далѣе ср. восточнолит. *krimzlẽ* (въ Ду-

сятахъ) ¹⁾ = *kremslė* «хрящъ»; *gaĩzdras* (у Юшкевича; *d* можетъ быть вставлено) «заревъ» = *gaĩsras* (п. пл. *gaĩsraĩ*) или *gaĩstras* (въ Тельшахъ); *žiezdrà*, -*õs* «Grandkorn» и *žizdrà* (въ Янишкахъ) «крупный песокъ»: средневрхн. *kis* «дресва»; *kiĩzras* (у Юшкевича подъ *grũbas*): *kĩmsas* (въ Дусятахъ, съ *ĩm* изъ *ẽm*) «кочка». Если въ послѣднихъ словахъ *z(d)* дѣйствительно восходитъ къ *s*, то сохраненіе *s*, напримѣръ, въ *nasraĩ* «ноздри» (въ Дусятахъ) я объяснялъ бы вліяніемъ родственныхъ формъ съ *s* послѣ ударенія (наприм. *nõsis* «носъ»); но не исключена возможность, что въ этихъ словахъ -*z(d)ra-*, -*zdrã-* восходятъ къ иде. -*sdhro-*, -*sdhrã-*, ср. Brugmann Grdr. II², 1, 378 слл. Для болѣе опредѣленнаго рѣшенія этого вопроса было бы необходимо знать весь словарный составъ тѣхъ говоровъ, изъ которыхъ взяты вышеприведенныя слова съ *z*. Между тѣмъ какъ для перехода *s* въ *z* (передъ удареніемъ) въ положеніи передъ *m*, *n*, *r*, *l* по крайней мѣрѣ *juoztmiõ* можетъ служить довольно надежнымъ примѣромъ, столь же хорошаго примѣра для такого же перехода *s* въ *z* непосредственно передъ гласнымъ я не знаю: существованіе рядомъ съ *mosiõti* «махать» и *mozĩõti* по крайней мѣрѣ сомнительно (ср. Leskien JF. XIX, 209); и въ *vaikẽzas* (Bezzenberger, Lit. Forsch. 194) или *vaikẽzas* (Mitt. d. lit. litter. Ges. II, 14) «подростокъ» (при однозначащемъ *vaikẽsas* въ Хвейданахъ, у Юшкевича подъ *atjõti* и др., ср. Leskien, Bild. d. Nomina 594) *z*, можетъ быть, восходитъ къ *zd*, ср. *vaĩkesčiai* «молодая дѣти» и также *vaikiĩzas* «Bube» у Куршата и Беценбергера l. c. 59.

Какъ бы то ни было съ литовскимъ *z* изъ *s*, для славянскихъ языковъ переходъ *s* въ *z* непосредственно передъ ударяемымъ слогомъ на мой взглядъ можетъ считаться доказаннымъ. Что же до црксл. *мръзѣти* и *дръзати*, то относительно *мръзѣти* уже Миклошичъ въ своемъ этимологическомъ словарѣ былъ склоненъ думать о тождествѣ *мръзнѣти* «abominari» съ *мръзнѣти* «congelari». И въ виду семасіологическихъ параллелей вродѣ слав. *stud-*: *styd-* (напр. ч. *ostuditi* «abkühlen, ekelhaft machen»), латинск. *horrere* «содро-

¹⁾ Литовскія формы, приведенныя мною не изъ печатнаго источника, сообщены мнѣ Каз. Каз. Бугою.

гаться отъ холода, отъ страха» или нѣм. *Schauder* «ознобъ, ужасъ» я считаю эту догадку Миклошича въ высшей степени правдоподобной. А если *мрѣзнѣти* первоначально значило «мёрзнуть», то оно уже по своему значенію вѣроятно не имѣетъ ничего общаго съ прагерм. *marējan «препятствовать» (у Фика, *Vrgl. Wrtb.* III⁴, 313); кромѣ того, въ слишкомъ многихъ формахъ отъ этого славянскаго корня удареніе на первомъ слогѣ, такъ что и по этой причинѣ едва ли позволительно возводить тутъ *з* къ *s*. Рѣшительно, наконецъ, это опровергается албанскимъ *marð-* «fröstle, schauere», ср. Meyer, *Etym. Wrtb. d. alban.* Spr. 260. Црксл. же *дрѣзь* по своему значенію совершенно сходится съ гр. *θρασύς* и др.; и хотя далеко не во всѣхъ славянскихъ формахъ этого корня мы находимъ *з* непосредственно передъ ударяемымъ слогомъ, въ крайнемъ случаѣ можно было бы думать объ обобщеніи *з* изъ *s* и объяснять *з* въ р. *дѣрзкій* и *дѣрзость* вліяніемъ формъ *дерзѣти* и *дерзнѣти*. Но отрицать связь славянскаго *х* (изъ *s*) съ арійскимъ *š* (изъ *s*) только изъ-за одного этого слова я рѣшился бы лишь въ томъ случаѣ, если бы я не зналъ никакого другого объясненія для *з* въ црксл. *дрѣзь* и др. А между тѣмъ ничто намъ не мѣшаетъ думать вслѣдъ за Meillet (*JF.* V, 333), что на славянской почвѣ въ корнѣ *derš-* (изъ иде. *dhers-*) «audere» *š* было замѣнено звонкимъ *ž* (откуда потомъ *з*) подъ вліяніемъ корня *derž-* (изъ иде. *dhergʰ-*), который встрѣчается наприм. въ латинск. *fortis* (при старолатинск. *forctis* «bonus») и ав. *dərəzra-* «крѣпкій». Если же это такъ, то не остается никакихъ данныхъ, заставляющихъ насъ думать, что только на славянской почвѣ (а не раньше) *s* стало переходить въ *х*. А въ такомъ случаѣ связь славянскаго *х* съ арійскимъ *š* мнѣ представляется весьма правдоподобной. Въмѣсто мнимаго совпаденія славянскихъ и балтійскихъ языковъ, мы, значитъ, тутъ скорѣе находимъ старое различіе между ними.

За то мы находимъ полное совпаденіе славянскихъ и балтійскихъ языковъ въ судьбахъ гласнаго *e* передъ *ц*. Относительно дифтонга *ei* когда-то раньше было принято думать, что въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ онъ вполне совпалъ съ дифтонгами *oi* и *ai*. Но послѣ того, что писали объ этомъ І. Шмидтъ

KZ. XXIII, 348 слл., Крушевскій РФВ. V, 70 сл., Ульяновъ Основы настоящ. времени 36 слл., 64¹ и 100 сл., Zupitza Germ. Gutt. 145¹ (ср. также KZ. XL, 254 сл.), и особенно послѣ статьи Бернекера JF. X, 145 слл. (ср. также AfslPh. XXV, 488 сл.) начинаетъ преобладать мнѣніе, по которому изъ *ei* получается въ славянскомъ *ji* и въ балтійскомъ *jai*. Безусловно или съ нѣкоторыми оговорками съ этимъ соглашаются, наприм., Ильинскій AfslPh. XXIX, 481 слл., Поржезинскій Къ исторіи формъ спряж. 78 слл. и 89 сл., Vondrák Vrgl. slav. Gr. I, 15 сл., Trautmann Altpr. Spr. 147 сл., Кульбакинъ, Древне-церк.-слов. яз. I § 20 и Meillet JF. X, 68, MSL. XIV, 354 сл. и Introd. à l'étude compar.² 84; и къ тому же склоняются Brugmann KVG. 87 сл. и Leskien Gramm. d. altb. Spr. 13 сл. Противъ этого возражали Bezzenberger BB. II, 141 слл., Osthoff Etymol. Par. I, 261 слл., Brückner KZ. XLIII, 324 слл. (тогда какъ JF. XXIII 218 онъ по крайней мѣрѣ для *нѣкоторыхъ* славянскихъ словъ допускаетъ возможность, что ихъ *ji* восходитъ къ иде. *ei*), Wiedemann Lit. Präter. 17 сл. и 184 слл. и Mikkola JF. XVI, 95 слл. и Roczn. Slaw. I, 9 сл., причемъ Видеманъ, Миккола (отказываясь отъ своего прежняго мнѣнія, что слав. *ji* и балт. *jai* восходятъ къ иде. «*эи*») и Johansson JF. VIII, 172¹ возводятъ слав. *ji* и балт. *jai* къ иде. *ēi*. Zubatý же, AfslPh. XX, 396 сл. и Коршъ (Сборн. статей, посвящ. Ф. Θ. Фортунатову 313 сл.) склонны думать, что изъ *ei* получалось слав. *ji* (балт. *jai*) только передъ гласными передняго ряда, тогда какъ передъ гласными задняго ряда *ei* совпало съ *ai*, *oi*. Безспорнымъ послѣ всей этой литературы я считаю происхожденіе праслав. *ji* и балт. *jai* отъ иде. *ei* и *ēi* за исключеніемъ тѣхъ словъ, которыя заимствованы (если ихъ подлинникъ не заключалъ въ себѣ дифтонга *ei*), или въ которыхъ *j* передъ слав. *и* и балт. *ai* восходитъ къ иде. *i* (какъ вѣроятно, наприм., въ црксл. *плюѣ* и лит. *spīaijū* «плюю»), или въ которыхъ это *j* не является чисто фонетическимъ (путемъ обобщенія *j* изъ формъ со слав. *ji* и балт. *jai* изъ иде. *ei* и *ēi* можетъ иногда переходить также въ формы того же корня со слав. *и* и балт. *ai* изъ иде. *ai* и *oi*; и *j* можетъ вставляться для видоизмѣненія значенія, о чемъ ср. выше стр. 72). Иначе никакъ нельзя

объяснить слав. *ju* и балт. *jaui*, наприм., въ црксл. *людѣ*, лат. *l'audis*, лит. п. с. *liaudis* (наприм. d. с. *lâudii* ¹⁾) «людямъ» у Даукши Post. 54, 3; g. с. *lâudies* l. с. 32, 27) при древневрхн. *liut*; црксл. *любити* при гот. *liufs*; црксл. *блюсти* при гр. *πεύθομαι*; лит. *šićaurė* «сѣверъ» при црксл. *сѣверъ*; пр. *reuse* (гдѣ *reu-* вѣроятно изъ прабалт. *pjaui-*, ср. Trautmann Altpr. Spr. 148 сл.) «сосна» при гр. *πεύκη* и др. Считать эти слова заимствованіями нѣтъ никакого основанія, и даже допуская возможность заимствования хотя бы для перваго изъ только что приведенныхъ славянскихъ и балтійскихъ словъ, мы все равно не избавляемся отъ необходимости признать для славянскихъ и балтійскихъ языковъ переходъ *ei* въ *jaui* (или *jou*), такъ какъ изъ германскаго *leu-* > *liu-* не могло непосредственно получиться балт. *l'au-* (слав. *l'u-*). Даже въ заимствованномъ, по всей вѣроятности, праслав. **bl'udo bju-* (откуда *bl'u-*) восходитъ не къ германскому *biu-* (изъ болѣе древняго *beu-*), но черезъ *bjou-* къ болѣе древнему слав.-балт. *beu-* (изъ герм. *b(h)eu-*); это намъ показываетъ заимствованное изъ славянскихъ языковъ лат. *bl'uidā*, изъ котораго, кажется, не могло получиться изъ праслав. *ū* (>*u*), но только изъ дифтонга *ou* или же изъ гласнаго (получившагося изъ *ou*), средняго между *ō* и *ū*. Что же касается гипотезы, по которой только *ēu* (а не *ei*) переходитъ въ слав. *ju* и балт. *jaui*, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ (какъ несомнѣнно въ литовско-латышскомъ окончаніи I л. ед. ч. прош. вр. основъ на *-ē* и вѣроятно также въ лит. *šićaurė* и др.), правда, эти сочетанія восходятъ къ старому *ēu*, но изъ этого, конечно, еще не слѣдуетъ, что всякое балт. *jaui* (и слав. *ju*) получилось именно изъ *ēu* (а не *ei*). Въ словахъ вродѣ црксл. *людѣ*, *любити*, *блюсти*, лат. *l'audis* и пр. *reuse* происхожденіе слав. *ju* и балт. *jaui* изъ *ēu* не только ничѣмъ не можетъ быть доказано, но даже не кажется правдоподобнымъ. Мало того, я считаю очень вѣроятнымъ или по крайней мѣрѣ возможнымъ, что *ēu* еще до своего перехода въ *jaui* было сокращено въ *ei*, такъ какъ я полагаю, что изъ *ei* легче могло возникнуть *jaui*, чѣмъ изъ *ēu*. Процессъ возникновенія этого *jaui*

¹⁾ *l* у Даукши обозначаетъ смягченное *l*.

скорѣе всего происходилъ именно такимъ путемъ, что тотъ переходный гласный, который непременно развивается въ дифтонгъ *eu* между *e*¹⁾ и *u*, съ теченіемъ времени (вслѣдствіе того, что *e*, ассимилируясь слѣдующему за нимъ *u*, стало измѣняться въ направленіи къ гласному задняго ряда, подвергаясь при этомъ нѣкоторому излому) сталъ все сильнѣе и сильнѣе, пока наконецъ не возобладалъ настолько надъ *e*, что это *e*, становясь неслоговымъ, дало въ концѣ концовъ *j* (ср. съ этимъ итальян. *piaccia* изъ латинск. *placeat*, атт. *στεροός* изъ *στερεός* «твердый» и древнесакс. *hōrean* при *hōrian* = гот. *hausjan* «слушать»). Съ краткимъ же *e* скорѣе могло произойти такое измѣненіе (въ дифтонгъ *eu*), чѣмъ съ долгимъ *e*, такъ какъ надъ долгимъ *e* переходному звуку труднѣе было бы возобладать. И въ литовско-латышскихъ формахъ I л. ед. ч. прош. врем. основъ на -*ē* окончаніе -*ēu*, не сократившись въ -*eu*, врядъ ли перешло бы въ -*jan*, такъ какъ -*ēu* держалось бы вліяніемъ окончаній прочихъ лицъ (-*ēi*, -*ē(t)*, -*ēme*, -*ēte*) съ одной стороны и благодаря аналогичному отношенію (въ основахъ на -*ā*) окончанія -*āu* къ окончаніямъ -*āi*, -*ā(t)*, -*āme*, -*āte* съ другой стороны. А послѣ сокращенія *ē* въ -*ēu*

1) На основаніи литовскаго и прусскаго языковъ (ср. также арійское *a* изъ *e*) можно думать, что это *e* было весьма открытымъ гласнымъ (*ä*), произносившимся при низкомъ положеніи языка, и данныя славянскихъ языковъ этому не противорѣчатъ (первоначальное произношеніе *e* могло измѣниться на славянской почвѣ); въ такомъ случаѣ переходнымъ гласнымъ (въ *äi*) могъ быть соответствовавшій этому *ä* гласный задняго ряда, т. е. *a* (откуда праслав. *o*).—Иначе, но на мой взглядъ невѣрно, смотреть на возникновеніе *jan* Поржезинскій I. с. 80, утверждая, что *e* въ «литовскославянскомъ» *eu* стало приближаться къ *u* по отношенію къ степени поднятія языка, т. е. стало болѣе верхнимъ гласнымъ, а въ связи съ этимъ будто бы происходило и измѣненіе въ условіяхъ образованія предшествовавшаго согласнаго, получавшаго нѣкоторое смягченіе. Но въ эту эпоху даже *i*, наиболѣе верхній гласный передняго ряда, не оказывалъ еще никакого смягчающаго вліянія на предшествующій согласный; такъ почему бы *e* передъ *u* оказывало такое вліяніе? И откуда въ такомъ случаѣ получилось *j* въ начальномъ *jan*— изъ *eu*— (какъ вѣроятно въ лит. *jaura* «топкое болото», ср. Trautmann Apr. Spr. 466 подъ *wurs*)? И если Поржезинскій далѣе говоритъ, что *eu* послѣ несмягченнаго согласнаго (явившагося сюда взамѣнъ смягченнаго согласнаго изъ родственныхъ формъ не съ *eu*) въ общебалтійскомъ языкѣ обратилось въ *ai* (а не *jan*), то откуда же получилось литовско-латышское -*jan* въ I л. ед. ч. прош. врем. основъ на -*ē* вмѣсто ожидаемаго согласно теоріи Поржезинскаго -*ai*? Въ литовско-латышскомъ праязыкѣ согласные (кромѣ *k* и *g*) вѣдь вовсе не смягчались передъ *e*!

(и -ēi) и сопряженного съ этимъ качественного измѣненія *e* связь окончанія -*ei* съ прочими окончаніями была уже слабѣе, такъ что могъ состояться переходъ -*ei* въ -*jai* (> лат. -*ji*). Этому предположенію о предварительномъ сокращеніи *ēi* въ *ei* до перехода въ *jai* нисколько не мѣшаетъ литовское окончаніе dat. s. основъ на -*o*, хотя и я (къ чему я вернусь еще въ другомъ мѣстѣ) вывожу это -*ui* черезъ -*uoī* изъ иде. -*ōi*. Внутри слова сокращеніе «долгихъ» дифтонговъ могло произойти раньше (еще въ «славяно-балтійскую эпоху»), чѣмъ на концѣ слова. Въ пользу этого говоритъ отношеніе лит. i. pl. *vilkaĩs* (=скр. *vŕ'kāiš*) къ dat. s. *tāmai* (:скр. *tāsmāi*); данныхъ же, которыя бы противорѣчили такому предположенію, я не знаю (литовско-латышское *uo* повсюду можетъ восходить не къ иде. *ōu*, но къ иде. *ō*; а литовско-латышскія формы съ *ui* вродѣ лит. *rūišis* «хромецъ» при *rāišas* «хромой» и др., ср. Bezzenberger Zbornik Jagića 279, правда, еще не объяснены, но возводитъ ихъ -*ui*- къ иде. -*ōi*- я не рѣшился бы уже въ виду окончанія i. pl. -*ais*).

Если, такимъ образомъ, слав. *ji* и балт. *jai* (за исключеніемъ вышеупомянутыхъ случаевъ) восходятъ къ иде. *ei* и *ēi*, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что всякое иде. *ei* и *ēi* обратилось въ слав. *ji* и балт. *jai*, или что всякое слав. *и* и балт. *ai* восходитъ не къ иде. *ei*, но къ иде. *ai* и *oi*. Опровергнуть, правда, нельзя мнѣнія тѣхъ, которые увѣрены въ правильности этой гипотезы о судьбѣ иде. *ei* и *ēi*. Въ противорѣчащихъ этому случаяхъ вродѣ прабалт. **tautā'*: гот. *þiuda* или литовско-латышскомъ **laiṯkas*: гр. *λευκός* можно въ крайнемъ случаѣ думать о такомъ же чередованіи гласныхъ, какое мы находимъ на прим. въ гр. *ταῦρος*: древнеисл. *þiórr* или лат. *vaina*, старолит. *vaina*: прксл. *вина* и др.¹⁾ Но, можетъ быть, все-таки правильнѣе мнѣніе Зубатаго и Корша, по которому *ei* обратилось въ слав. *ji* и балт. *jai* только передъ гласными передняго ряда, тогда какъ передъ гласными задняго ряда получается слав. *и* и балт. *ai*. Въ пользу этого говоритъ прежде всего то

¹⁾ Что до гот. *þiuda*, то de Saussure (Mémoire sur le système prim. des voyelles 77) даже находитъ, что его *i* (изъ *e*) вмѣсто ожидаемаго имъ *a* (изъ *o*) «est surprenant».

обстоятельство, что словъ съ балт. *jai* и слав. *ji* (изъ иде. *ei* и *ēi*), кажется, меньше, чѣмъ можно было бы ожидать, если бы всякое *ei* и *ēi* обратилось въ слав. *ji* и балт. *jai*. Затѣмъ формъ съ балт. *jai* (и слав. *ji*) передъ гласными задняго ряда я нахожу меньше, чѣмъ формъ съ этимъ дифтонгомъ передъ гласными передняго ряда, и къ послѣдней категоріи относятся какъ разъ наиболѣе убѣдительные (для перехода *ei* и *ēi* въ *jai*) примѣры: лат. *l'audis*, црксл. *людыѣ* (подъ вліяніемъ этой формы могло бы имѣть свое *ю* слово *люды*); црксл. *любити* (отсюда, можетъ быть, съ *ю* *любъ* и *любы*), лит. *liaupsė* «хвала»; црксл. *блюсти*, *чутти*; лит. *kiáunė* «куница», *kiáušė* «черепъ», *šiáurė*, *liáutis* «прекращаться»; лат. *šaut* «стрѣлять»; пр. *peuse* «сосна». И наоборотъ: правилу о переходѣ всякаго иде. *ei* и *ēi* въ *jai* больше всего противорѣчатъ лит. *tautà* и *laũkas*, т. е. формы съ *ai* передъ гласнымъ задняго ряда. Такъ, можетъ быть, объяснялось бы по указанію Корша 1. с. и р. *кудесникъ* (съ обобщеніемъ *ку-* изъ **кудо* съ *ку-* изъ иде. *ken-*, вытѣсненнаго впослѣдствіи новообразованіемъ *чудо* подъ вліяніемъ формъ съ *чудес-*) при *чудес-*. Что же до формъ съ *jai* передъ гласными задняго ряда (лит. *piaulaĩ*, лат. *praūli*¹⁾ «гнилухи»; лит. *kiautaĩ* «Getreideschalen», пр. *keuto* «кожа»; лат. *šaur̃s* «узкій»; р. *чубъ* или *чупъ*, *брюхо* и др.), то *j* въ нихъ могло бы быть объясняемо вліяніемъ родственныхъ формъ съ *jai* передъ гласными передняго ряда (если теперь мы вездѣ таковыхъ не находимъ, то это еще не значитъ, что и прежде ихъ не было). Но не исключена также возможность, что *ei* перешло въ *ai* (>праслав. *oi* > *и*) только передъ ударяемыми гласными задняго ряда, ср. прабалт. **tautā'*: гот. *riuda* и лит. *laũkas*: гр. *λευρός*. Если дѣйствительно передъ (всѣми или же только ударяемыми) гласными задняго ряда изъ *ei* получилось балт. *ai* (слав. *и*), то это произошло вѣроятно раньше перехода *ei* въ *jai* и, можетъ быть, одновременно съ переходомъ *e* въ *a* (>прасл. *o*) передъ *ц*, за которымъ слѣдовалъ гласный задняго ряда. Въ процессѣ *ei* > *ai* я усматриваю (ассимиляціонную) замѣну звука (Lautwechsel), тогда какъ переходъ *ei*

¹⁾ Съ *r* изъ *l'* путемъ диссимиляціи.

въ *jan* является измѣненіемъ звука (Lautwandel). Иначе я не понималъ бы вліянія послѣдующаго гласнаго (если дѣйствительно такое имѣло мѣсто).

Что же касается времени возникновенія *jan* изъ *ei*, то этотъ процессъ повторялся нѣсколько разъ. Еще на латышской почвѣ мы находимъ его въ словѣ *čaula*¹⁾ «шелуха» (при лит. *kēvalas*, ср. мою статью ВВ. XXIX, 193). А къ литовско-латышской эпохѣ относится возникновеніе *-jan* изъ *-ei* въ I л. ед. ч. прош. вр. основъ на *-ē*. Въ словахъ же вродѣ црксл. *людѣ* и лат. *l'aidis jan* могло возникнуть въ славяно-балтійскую эпоху. Это не можетъ быть ни доказано, ни опровергнуто, но представляется мнѣ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ отнесеніе этого явленія къ общеславянской и общебалтійской эпохамъ: возникновеніе *jan* изъ *ei* все-таки не столь обычное явленіе, чтобы безъ надобности отрицать связь славянского *ji* съ балтійскимъ *jan*.

Какъ въ италійскихъ и кельтскихъ языкахъ изъ *eu* передъ гласными получается *ou*, такъ и въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ мы находимъ въ томъ же положеніи *au* (>слав. *ou*) на мѣстѣ стараго *eu*, какъ наприм. вѣроятно²⁾ въ лит. *tāvas*, лат. *tavs*: гр. *τέος* и црксл. *новъ*³⁾: гр. *νέος*. Но между тѣмъ какъ прежде было общепринято думать, что всякое иде. *eu* обращалось въ *au* (>праслав. *ou*), теперь начинаютъ держаться мнѣнія, что въ (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ) славянскихъ и балтійскихъ языкахъ этотъ переходъ имѣлъ мѣсто только передъ гласными задняго ряда. Въ пользу старой теоріи высказались, наприм., Mahlow Die langen Vocale AEO. 7 сл., Ульяновъ Основы наст. времени 55 сл.,

¹⁾ Рядомъ съ *čaula* мы находимъ gen. s. *caula* (отъ n. s. *cauls*) BW. 2172 вар. (въ текстѣ восточнолатышскаго Крейцбургскаго говора). Это *cauls* или восходитъ къ иде. **keulos* (лит. **kiaulas*), или же скорѣе тождественно съ лит. *kēvalas*: изъ **ceval(a)s* должно было получиться (съ восточнолатышскимъ переходомъ открытаго *e* въ *a*) **caval(a)s* и отсюда (съ утратою *a* между *v* и *l*) *cauls*.

²⁾ Несомнѣнный примѣръ перехода *eu* въ *av* представляетъ лат. *nav(a)* «нѣтъ» изъ *ne-va(id)*; ср. *ne tai vaid(i) vilka baid, nei...* (Magazin der lett.-liter. Ges. VIII, стр. 16, № 196) «она не боится ни волка, ни...».

³⁾ Относительно *Nevo-* въ нѣкоторыхъ чешскихъ собственныхъ именахъ ср. Zubatý AfsIPh. XVI, 405.

Leskien Bildung d. Nomina 242 и Gramm. d. altb. Spr. 5, Mikkola JF. XVI, 95 (между тѣмъ какъ прежде AfslPh. XX, 149, онъ полагалъ, что *eu* сохраняется передъ гласными передняго ряда), Brugmann KVG. 214, Wiedemann BB. XXVII, 217 и XXIX, 312 и Vondrák Vergl. slav. Gr. I, 84. Сохраненіе же *eu* передъ гласными передняго ряда предполагали Беценбергеръ BB. IX, 261, Фортунатовъ (у Шахматова Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. I, 708), Meillet Recherches sur l'emploi du gén.-accus. 86 сл. (впоследствии же, MSL. XIV, 354, онъ въ этомъ меньше увѣренъ), Zubatý AfslPh. XX, 396 сл. (нѣсколько сомнѣваясь), Ильинскій I. с. XXVIII, 456 сл., Коршъ Сборн. статей, посвящ. Ф. О. Фортунатову 313, Trautmann Altpr. Spr. 146 сл. и Поржезинскій Возвратн. форма глаг. 91; между тѣмъ какъ Бернекеръ JF. X, 164 сл. склоненъ думать, что только въ латышскомъ языкѣ *eu* сохраняется. Впервые же, но слишкомъ неопредѣленно, указалъ на сохраненіе *eu* Prusík KZ. XXXIII, 160 сл. Что въ латышскомъ языкѣ *eu* сохраняется передъ *e* и *i*, это не подлежитъ сомнѣнію. Бернекеръ I. с. уже привелъ слѣдующіе примѣры: *dreve* «бортъ» (при однозначемъ *drava*: гот. *triu* «дерево»); *kreve* (или *krevelis*) «струпъ» (: гр. *κρέας*); а. с. *tevi* «тебя», i. s. *tevim*, d. s. *tev*, gen. s. *tevis* (при *tavs* «твой») и а. с. *sevi* «себя», i. s. *sevim*, d. s. *sev*, gen. s. *sevis* (при *savs* «свой»). Къ нимъ можно прибавить: *plevinât* «шелыхать» BW. 10204, 3 и 24889, 2 вар.: гр. *πλέω* (ср. однозначащіе варианты *plēvinât* и *plivinât*¹⁾), которые Ульманъ переводитъ:

¹⁾ Корневое *i* въ новообразованіи *plivinât* (вмѣсто *plevinât*), какъ и въ *vizinât* «прокатывать» (: лит. *vežù* «везу»), *ticinât* «заставлять бѣжать» BW. 10287, 2 (: *tėku*), *dribinât* (при *drebinât*) «заставлять трястись», *stribinât* BW. 19324, 23276, 26407 (при *strebinât*) «давать хлебать», *smidzinât* «колотить» BW. 10857, 5 (: лит. *smagóti*), *plidinât* BW. 24889, 3 вар. (при *pledinât* 24889, 2) «взмахивать крыльями» (съ нимъ вѣроятно тождественно *plidinât* «sich baden», von Gänsen und Enten, у Ульмана, которое Беценбергеръ BB. XXVII, 175 сближаетъ съ гр. *πλάδος* «влага»; я же сопоставляю это слово съ древневрхн. *fledarón* «flattern» и др. у Фика Vrgl. Wrtb. III⁴, 251), возникло подъ вліяніемъ глаголовъ на *-(d)inât* съ корневымъ *i* (чередующимся съ *e*) передъ *r*, *l*, *m*, *n* вродѣ *pirinât* BW. 25789 вар. и 19543, 5 (при *perinât* и *perét*) «высиживать», *cilinât* (при *celt*) «часто поднимать», *pildinât* (при *peldinât*) BW. 21988, 17 «купать», *dzir-dinât* «поить» (при *dzert* «пить») и др.

«aufdem Wasser schwimmend bewegen; hin und her treiben; flattern»); *revēt* (при однозначащемъ *ravēt*) BW. 5855 var., Zbiór wiadomości XVI, 147 и у Ульмана «полоть»; *deviñi* «девять» и *devitàis* «девятый». Бернекеръ I. с. ссылается также на *devu* «я далъ» и *šk'ėvas* «чихъ», но эти слова не доказываютъ сохраненія иде. *eu* передъ *i*, *e*. Въ *šk'ėvas* мы находимъ во второмъ слогѣ гласный задняго ряда. Если въ этомъ словѣ дѣйствительно старое *e*, то сохраненіе его вѣроятно (какъ и въ лит. *kėvalas*, если тутъ *-eva-* не восходитъ къ болѣе древнему *-eve-*) объясняется вліяніемъ предшествующаго смягченнаго согласнаго, ср. Zupitza KZ. XL, 251. Но рядомъ съ *šk'ėvas* извѣстна также форма *šk'avas* (наприм. Etnograf. žiņas par latw. II, 111), и не исключена возможность, что въ *šk'ėvas* мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ случаевъ сравнительно поздняго перехода *a* въ *e*, о которыхъ ср. мои Латышскіе предл. I, 54; что же до *šk'avas*, то его *šk'-* еще не доказываетъ происхожденія *-av-* изъ иде. *eu*, такъ какъ это *šk'-* можетъ восходить тутъ также къ иде. *skj-* или *stj-* (ср. выше стр. 43) или же быть вызвано (вмѣсто стараго *sk-*) вліяніемъ глагола *šk'au(di)t*. Отношеніе же лат. (діал.) *deve* и лит. (діал.) *dėvė* «dedit» (ср. KZ. XLIII, 19) къ лит. *dāvė* объясняется такъ, что первоначально рядомъ съ основою изъявительнаго наклоненія *davē-* (съ *a* изъ иде. *o*, ср. гр. арк. part. aor. ἀπυδόας и кипр. inf. aor. δοῦεσαι, и лит. III л. прош. вр. *šlāvė* отъ *šlioti* «мести») употреблялось причастіе прош. вр. **devens*¹⁾ съ *dev-* изъ *de[d]v-*, ср. скр. *dadvas-* (съ долгимъ *a*) «дав-

¹⁾ Пр. же *dāuns*, црксл. *давъ*, гр. бэот. δεδωώς и скр. *dadāvas-* по отношенію къ вокализму представляютъ собою новообразования подъ вліяніемъ корневыхъ формъ съ гласнымъ (иде.) *ō*. Такого же рода новообразованиями я считаю пр. *boūns* (съ *oū* изъ *ū*), црксл. *бывъ* и скр. *babhūvas-* рядомъ съ фонетически правильнымъ литовскимъ *būvės*. Какъ старое *devės* въ большинствѣ литовскихъ говоровъ было подъ вліяніемъ изъяв. наклоненія вытѣснено новообразованиемъ *dāvės*, такая же участь постигла лат. причастіе **buvis*. Въ латышскихъ текстахъ XVI вѣка еще извѣстно, кажется, только причастіе *būvis* (съ *ū* вмѣсто *u* изъ формъ съ *bū-* или же путемъ фонетическаго развитія, о которомъ и о правописаніи *ue* или *ū=ū* ср. KZ. XLIII, 40 сл.; примѣры даются въ изданіи Undeutsche Psalmen на стр. 73 и въ изданіи катехизиса 1586 г. на стр. XIII; такое же *buewis=būvis* употребляется и въ евангеліи 1587 г.) рядомъ съ основою изъяв. наклоненія *bijā-* (>*bījā-*, ср. KZ. XLIII, 38 сл.; имѣли ли

шій», и относительно утраты *d* передъ *v* Leskien Bild. d. Nom. 347. Что когда-то въ латышскомъ языкѣ существовала глагольная основа *davē-*, въ пользу этого говоритъ произведенное вѣроятно отъ этого *davē- dāvāt* «предлагать, дарить». А такъ какъ вокализмъ изъявительнаго наклоненія обыкновенно совпадалъ съ вокализмомъ соответствующаго причастія, то въ латышскомъ языкѣ и въ части литовскихъ говоровъ былъ обобщенъ вокализмъ причастія, въ большинствѣ же литовскихъ говоровъ—вокализмъ изъявительнаго наклоненія, какъ уже указано Явнисомъ (Описание Россіенскаго у. 54). Предположеніе Малова Die langen Vocale AEO. 83 и Видемана ВВ. XXIX, 312, что въ *devis* «давши» (какъ и въ *tevi* «тебя» и *svek'i* «смола») *e* получилось изъ *a* благодаря вліянію гласнаго *i* послѣдующаго слога, совершенно невозможно: переходъ *a* въ *e* передъ *vi* (при сохраненіи *a* передъ сочетаніями другихъ согласныхъ съ *i*) и самъ по себѣ въ высшей степени невѣроятенъ, и рѣшительно опровергается формами *gavilēt* «ликовать» и *avins* «баранъ» ВВ. 11587 и 7202 (сохраненіе же *a* передъ *k'i* мы видимъ въ *zak'is* «заяцъ», *kak'is* «кошка» и *krak'is* «станокъ»).

эти тексты *i* или *ī*, изъ ихъ графики не видно), которая вѣроятно представляетъ собою видоизмѣненіе старой нетематической основы (прабалт.) **bī-*, въ пользу чего говоритъ лит. *bīt* Mitt. d. lit. litter. Ges. IV, 170 сл. или *bit(i)* «erat» (у Видемана Lit. Präter. 137; ср. тамъ же 141 о количествѣ корневого *i*), црксл. *би* и др. (у Бругмана KVG. 502 сл.; ср. также Johansson JF. III, 225 сл. и Bartholomae Studien z. indog. Sprachgesch. II, 190 сл.); съ прабалт. **bī* (а не съ црксл. *бѣ*), можетъ быть тождественно также пр. *bēi* (*bei* и *be*), если его *ē(i)* восходитъ къ *ī*. А затѣмъ въ большинствѣ говоровъ старое **buvis* (>*būvis*) подъ вліяніемъ изъясн. наклоненія вытѣсняется новообразованиемъ *bijis*, между тѣмъ какъ въ части говоровъ западной Курляндіи (по указанію Биленштейна Lett. Spr. II, 258 въ Сакенгаузенѣ и по моимъ наблюденіямъ, наприм., въ Дубеналькенѣ, Таргельнѣ, Зурсѣ, Шлекѣ, Сарнатенѣ и Попенѣ) путемъ контаминаціи *bijā-* и **buvis*, какъ указалъ уже Osthoff Zur Gesch. d. Perf. 433, возникли новообразования *bijā-* и *bujis* (по сообщенію латышской грамматики Стерсте 54 *buiju* «я былъ» встрѣчается также въ восточнолатышскихъ говорахъ около Мариенбурга). Подъ вліяніемъ же причастія вѣроятно возникло лит. *buvai* и восточнолат. *buvu* «я былъ» въ Dispositio Imperfecti (Königsberger Studien I. 207; изъ этого же памятника, можетъ быть, взято и восточнолат. *buvu* у Биленштейна I. с.: мнѣ самому извѣстны изъ современнаго восточнолатышскаго нарѣчія только формы, восходящія къ *bijā-* и *bijis*).

Въ виду сохраненія *eu* передъ *e*, *i* въ латышскомъ языкѣ уже *a priori* вѣроятно, что также въ литовскомъ языкѣ сохраняется *eu* въ этомъ положеніи, и это подтверждается слѣдующими примѣрами: *drevē* «дупло; бортъ» и *drevėti* «дуплѣть; вынимать (часть меду)» у Юшкевича и Лескина Bild. d. Nom. 236; *devyni* «девять» и *deviñtas* «девятый»; gen. s. *tėvės* «тебя», а. s. *tėvi*, l. s. *tevė* и gen. s. *sėvės* «себя», а. s. *sėvi*, l. s. *sevė* (въ Мемельскомъ нарѣчіи, у Куршата Grmm. § 854a и Беценбергера Lett. Dial.-Stud. 90); *keven-tis* «sich herum balgen» и *kėvetas* «скорлупа» (въ Водактахъ Вилкомирск. у.), *kėvelas* у Буги Aist. Stud. I, 69 или *kėvalas* (если оно восходитъ къ **kevelas*¹⁾); въ противномъ же случаѣ сохраненіе *eu* объясняется, вѣроятно, вліяніемъ предшествующаго смягченнаго *k*, ср. выше лат. *škēvas*: послѣ смягченнаго согласнаго въ литовскомъ языкѣ *a* совпадаетъ съ *e*!); отъ того же глагольнаго корня вѣроятно произведено и *kevekštys* «Hurenkind» (ср. въ семасіологическомъ отношеніи н. *Balg* «шкура; распутная женщина»). Спѣшу оговориться, что доказательная сила этихъ литовскихъ формъ съ *eu* нѣсколько уступаетъ по значенію вышеупомянутымъ латышскимъ примѣрамъ. Мѣстоименныя формы съ *eu*, извѣстныя мнѣ пока только изъ сѣвернолитовскихъ говоровъ, можетъ быть, возникли подъ вліяніемъ латышскаго языка, ср. впрочемъ Bezzenberger l. c. Формы же *drevē* и *drevėti*, которыя, можетъ быть, тоже извѣстны только на сѣверѣ литовской территоріи (откуда ихъ взялъ Юшкевичъ, этого мы впрочемъ не знаемъ), я не рѣшился бы считать заимствованіями, такъ какъ *drevē* въ своемъ значеніи нѣсколько расходится съ лат. *dreve*, глаголѣ же **drevēt* намъ вовсе не извѣстенъ въ латышскомъ языкѣ. Что же до *devyni*, *deviñtas* (лат. *deviņi*, *devītais*, пр. *newīnts* и црксл. *девятъ*, *девятъ*), то ихъ *e* и начальное *d*- (вмѣсто *n*-) объясняли и объясняютъ вліяніемъ числительнаго 10. Но послѣ правдоподобной замѣтки Schulze KZ. XLII, 27, что *d*- тутъ получилось изъ *n*- путемъ диссимиляціи передъ *n* въ послѣдующемъ слогѣ (у него же и другіе примѣры такой диссимиляціи), сохране-

¹⁾ К. К. Буга сообщаетъ мнѣ еще III л. прош. вр. *kieweno* (= *kevėno*) «лучила» изъ книги Ramokslaj iszminties ir tejsibes, стр. 133 (эта книга вышла въ 1851 г.).

ніе *e* трудно уже объяснять вліяніемъ слѣдующаго за нимъ числительнаго: если бы дѣйствительно въ числительномъ 9 *e* черезъ *v* перешло въ *a(o)*, то это числительное уже мало походило бы на числительное 10, такъ что послѣднее врядъ ли смогло бы оказать вліяніе на первое.—Формы, наконецъ, съ *kev-* имѣли бы тутъ доказательную силу лишь въ томъ случаѣ, если бы можно было установить, что предшествующее *k* или *g* (не будучи еще смягченнымъ) не мѣшало переходу *e* въ *a*. А это (т. е. независимость перехода *e* въ *a* отъ предшествующаго *k* или *g*) могло бы считаться доказаннымъ, если бы дѣйствительно, какъ принято думать, лит. *vākaras* (лат. *vakars*) восходило къ *cekeros = прксл. *вечеръ*. Этотъ вопросъ объ ассимиляціонномъ переходѣ *e* (не передъ *v*) въ *a* въ балтійскихъ языкахъ намъ тутъ и приходится рассмотреть.

По мнѣнію I. Шмидта KZ. XXII, 343 и Neutra 197, съ которымъ соглашаются Brugmann Grdr. I², 838 и Wiedemann Handb. 29, въ балтійскихъ языкахъ неударяемое (суффиксальное) *e* передъ *ra*, *la*, *na*, *rā*, *lā*, *nā* (съ прабалт. *a* и *ā*) путемъ ассимиляціи переходитъ въ *a*. Есть дѣйствительно данныя, говорящія въ пользу этого. Такъ, въ Вольмарскомъ говорѣ латышскаго языка рядомъ съ *vēdars* «брюхо» употребляются уменьшительное *vēderis* (g. s. *-ina*; *vēdaris неизвѣстно) и *pa vēdere* «подбрюшина», рядомъ съ *ežars* «озеро» — уменьшительное *ežeris*, рядомъ съ *vesals* «здоровый» — *veselība* «здоровье» и *veselīgs* «здоровый», и не только въ Вольмарскомъ, но и во многихъ другихъ говорахъ, вовсе не знающихъ перехода *a* въ *e* передъ гласными передняго ряда. Первоначально это чередованіе *a* и *e* въ приведенныхъ формахъ могло быть свойственно всѣмъ говорамъ: *vēders* и *vesels* (въ словарѣ Ульмана) могли возникнуть подъ вліяніемъ формъ съ *e* передъ гласными передняго ряда. Далѣе ср. лат. *smaganas* при *smadzenes* «мозгъ», *kupana* при *kupene* (напр. въ Вольмарѣ) или *kupenis* «сугробъ», *katana* (наприм. въ Вольмарѣ) при *katene* «кошка (самка)», *birztala* при *birztele* «березнякъ», *spindala* при *spindele* «eine kleine Bremse», *bēzdals* «бздехъ» (напр. въ *bēzdaļu maiss* «Stänkerer») при *bēzdelis* «бздунъ», *dējala* (наприм. въ Вольмарѣ) при *dējele* «дуплистое дерево съ ульемъ», *vasara*, лит. *vasarà* «лѣто»

при лит. *pavāseris* «весна» у Буги Aist. Stud. I, 69 и Лескина Bild. d. Nom. 447, лит. *stāgaras* при *stegerỹs* «ein dürrer Krautstengel» (ср. прксл. *смежеръ* «cardo»), *vaivaras*¹⁾ при *vaĩveris* «хорекъ (самецъ)», *vākaras*¹⁾, лат. *vakars* при прксл. *вечеръ*, лит. *vābalas*¹⁾ «жукъ» при древневрхн. *wibil* «Art Käfer», лит. *álkanas*¹⁾ «голодный» при *alkenỹbė* «голодь», лит. *pāstaras* (ср. KZ. XLIV, 50¹⁾), лат. *pastars* «последній» при латинск. *posterus* (ср. Brugmann Grdr. II², 1, 323), лит. *stēbaras* «ein dürrer, vertrockneter, dicker, langer Pflanzenstengel» у Буги l. c. 73 при лат. *stebere* «Ziemer, Kuhschwanz; Binse», лит. *kepanos* при *kēpens* (n. pl.) «печень» у Лескина Bild. d. Nom. 381, лат. *laĩdars*, лит. *laĩdaras* «скотный дворъ» при лат. *laideris* BW. 28902 вар., лит. *laideris* (ср. Leskien l. c. 446). Наконецъ, не лишено тутъ нѣкотораго значенія и то обстоятельство, что рядомъ съ весьма употребительными суффиксами (балт.) *-anā* (у Лескина l. c. 387 сл.): *-enē*, *-enis* (у Биленштейна Lett. Spr. § 215) и *-alas* (у Лескина l. c. 472 сл.), *-alā* l. c. 476 сл.: *-elis*, *-elē* l. c. 479 сл., суффиксы *-anē* l. c. 388 и *-alē*, *-alis* l. c. 476 сл. встрѣчаются сравнительно рѣдко (ср. также *-aras* l. c. 445 сл. при *-eris*, *-erē* l. c. 444 сл.). Изъ прусскаго языка можно было бы привести *assaran* «озеро», *glosano* «мѣдяница» (вѣроятно = *glodano*: лит. *gluodenā*), *pelanno* «очагъ»: лит. *pelēnē*, и *penpalo*²⁾ «перепелъ», но слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ прусскихъ текстахъ *a* нерѣдко является вмѣсто *e* также въ другихъ положеніяхъ, указывая на весьма открытое произношеніе прусскаго *e*, ср. Trautmann Altpr. Spr. 105. Но, во всякомъ случаѣ, извѣстныя намъ данныя прусскаго языка не мѣшаютъ намъ считать этотъ переходъ *e* въ *a* прабалтійскимъ, въ пользу чего говорить и лат. *vakars*, такъ какъ потомъ на латышской почвѣ *k* передъ *e*, *i* обращается въ *s*. Есть, правда, въ немъ исключенія вродѣ *musgeno* (какъ правдоподобно читаютъ вмѣсто *mulgeno*)

¹⁾ Приводится уже I. Шмидтомъ.

²⁾ Читать *perpalo* вмѣсто *penpalo* (ср. Trautmann Altpr. Spr. 393) нѣтъ надобности, ср. лат. *skangals* изъ *skalgalis* «лучина»; а *g* въ нѣмецкомъ провинціализмѣ *perpelitze* (въ восточной Пруссіи) могло возникнуть подъ славянскимъ вліяніемъ, на которое указываетъ и суффиксъ этого слова (*-ица*).

«мозгъ» или *weders* «брюхо», но имѣются также наприм. лат. *vēders* (при *vēdars*) и лит. *vėderas* Лит. хрест. 377, 40 и 378, 42 (при *vėdaras*) и др. (у Лескина I. с. 382 сл. и 443 сл.). I. Шмидтъ I. с. и Видеманъ I. с. пытаются устранить эти исключенія предположеніемъ, что *e* сохранялось послѣ *e* и *ē* въ предшествующемъ слогѣ. Противорѣчащія этому лит. *vākaras*, *vābalas* и *vasarà* I. Шмидтъ устраняетъ гипотезою, что законъ о переходѣ *ve-* передъ *a* въ *va-* и законъ о переходѣ *-e-* передъ *ra*, *la*, *na*, *rā*, *lā*, *nā* въ *-a-* дѣйствовали одновременно. Какъ это было бы возможно, я по крайней мѣрѣ не могу себѣ представить. И рѣшительно опровергается эта гипотеза словами лат. *vesals* (что это слово заимствовано изъ славянскихъ языковъ, въ виду его значенія по крайней мѣрѣ сомнительно), лит. *vėlenas* «валъ въ машинахъ молотильныхъ и др.» у Буги Aist. Stud. I, 66 и *vėselas* «особое приспособленіе на жердяхъ для сушки дровъ около печки» въ Новоалександр. уѣздѣ. Предположеніе же о сохраняющемъ вліяніи *e* и *ē* на послѣдующее *e*, съ одной стороны, не объясняетъ намъ исключеній вродѣ лит. *gluodenà*, *riėtenos* «eine Schlingpflanze», лат. *gaudens* «изувѣченный», *gurdens* (при *guĩdans*) «усталый», *irdens* (при *iĩdans*) «рыхлый», *lĩdzens* (при *lĩgans*) «ровный» и др., а съ другой стороны опровергается формами вродѣ лит. *vėdaras*, *kepanos*, *kėvalas*, *stėbaras*, лат. *vēdars*, *vesals*, *ežars*, *beždals*, *dėjala* и вѣроятно и словами *vasarà*, *vākaras*, *vābalas* и лат. *vasara*, *vakars*. Мнѣніе Бругмана JF. XIII, 158, что наприм. лит. *vākaras* получилось изъ **vakeras* изъ **vekeras*, совершенно невозможно (раньше, Grdr. I², 838, онъ держался болѣе правильнаго взгляда на это). Какъ указалъ I. Шмидтъ Neutra 196 сл. (ср. также de Saussure Mémoire 68), *ve* въ балтійскихъ языкахъ только передъ *a* и *ā* переходитъ въ *va*¹⁾. Это намъ показываютъ,

¹⁾ Что до *vėblas* «wer undeutlich spricht» у Буги I. с. 70, то его *e* легко можетъ быть объяснено вліяніемъ однозначащаго *veblỹs* и соотвѣтствующаго глагола *veblėnti*. А при *vālas* (pl. *valai*) «ein Pferdeschweifhaar» имѣется однозначашее *vėlas* у Буги I. с., *e* котораго, можетъ быть, объясняется вліяніемъ родственныхъ формъ не съ *a* за *el*, ср. напр. *valinis* «von Pferdehaar». Но не исключена возможность, что переходъ *ve-* въ *va-* имѣлъ мѣсто только въ томъ случаѣ, если за нимъ слѣдовало (не одинъ только, но) два слога съ *a*. Приводятся, правда, лит. *vaĩdas* «ня» (: латинск. *verbum*) I. Шмидтомъ I. с. и *sāpnas* «снони-

наприм., слова лит. *vėtušas*, лат. *vęcs*, лит. *vedegà*, пр. *wedigo* «особый родъ топора» и друг. Указанныя исключенія вродѣ прабалт. **vėderas* могли бы объясняться вліяніемъ родственныхъ формъ съ гласными передняго ряда въ конечномъ слогѣ, ср. вышеупомянутыя лат. *vėderic* и *pavėdere*. Но, можетъ быть, судьба *e* зависѣла также отъ темпа рѣчи и отъ положенія *e* за или же передъ ударяемымъ слогомъ; provato же это* быть не можетъ вслѣдствіе различныхъ измѣненій въ положеніи ударенія и возможности обобщенія гласнаго *a* или же *e*. Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду еще и то, что, подобно тому какъ ассимиляція согласныхъ (вродѣ франц. *chercher* и др., ср. Brugmann Grdr. I², 847 слл.) далеко не всегда проявляется въ видѣ звукового закона (ср. Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. XV, 2, 214 сл.), такъ и ассимиляція гласныхъ (примѣры у Бругмана I. с. 835 слл.) не вездѣ, кажется, производится закономѣрно. Для окончательнаго же рѣшенія вопроса о томъ, насколько ассимиляціи несмежныхъ и иногда и смежныхъ звуковъ

дѣніе» (: древнеисл. *svefn* «сонъ») Видеманомъ Handb. 9 сл., но доказательная сила ихъ слишкомъ ничтожна. Уже Solmsen Stud. z. lat. Lautgesch. 25, ссылаясь на лит. *vėrgas* «рабъ», высказалъ предположеніе, что переходъ *ve-* въ *va-* имѣлъ мѣсто только въ открытыхъ слогахъ, объясняя при этомъ *a* въ *vaĩdas* (въ виду пр. *wīrds* и гот. *vaird*) столь обычнымъ чередованіемъ гласныхъ. Что это вполне возможно, едва ли подлежитъ сомнѣнію; лит. *vaĩdas* можетъ относиться къ латинск. *verbum* и пр. *wīrds* совершенно такъ же, какъ напр. црксл. *злато* къ лат. *zēlts* и гот. *gulþ*. Гиртъ, правда, JF. X, 50¹ самоувѣренно заявляетъ по этому поводу, что «der Widerspruch Solmsens ist hinfällig», объясняя сохраненіе *e* въ *vėrgas* его нисходящею интонаціею. Но этимъ, разумѣется, нисколько не доказано, что первое *a* въ *vaĩdas* восходитъ къ *e*. Это, вѣдь, единственный (и притомъ не убѣдительный) примѣръ перехода *ve-* въ *va-* въ такомъ положеніи! И сохранено *ve* въ *šveĩntas* «святой», *skveĩnas* «лоскутъ», *šveĩndrai* «eine Art Schilf» и *švelnas* «мягкій» у Даукши Post. 26, 1 и 2 (ср. корневой циркумфлексъ въ однозначащемъ *švelnūs* въ словарѣ Куршата). — А что до *sāpnas*, то я не рѣшился бы только изъ-за *e* въ соответствующемъ ему германскомъ словѣ возводить его первое *a* къ *e*, тѣмъ менѣе, что тутъ болѣе нѣтъ никакого *v* между *s-* и *a*. Когда-то, конечно, тамъ имѣлось *v*, но такъ какъ въ балтійскихъ (и славянскихъ) языкахъ *v* обыкновенно сохраняется въ этомъ положеніи, отдѣльныя же и столь же неясныя формы безъ ожидаемаго *v* извѣстны также въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ, то по моему вѣрнѣе относить утрату ѱ въ такихъ случаяхъ къ эпохѣ иде. праязыка. Кромѣ того, *ve* встрѣчается въ лит. *skvėtas* «заплата» у Буги I. с. 70 и лат. *svēki* «смола» (при *svakas*, ср. Wiedemann BB. XXIX, 311 слл. и выше стр. 87).

присущъ характеръ звукового закона, необходимы многолѣтнія наблюденія надъ живыми говорами различныхъ языковъ.—Прабалтійскимъ вѣроятно можно считать ассимиляціонный переходъ суффиксальнаго *e* въ *a* только передъ *n*, *r*, *l*, такъ какъ передъ другими звуками аналогичное явленіе наблюдается рѣже и почти только въ латышскомъ языкѣ. Въ немъ вмѣсто суффиксовъ *-ekls*, *-ekla* мы встрѣчаемъ также *-akls*, *-akla*: (*kuĩmja*) *bēdaklis* (g. s. *-la*) «вырытая кротомъ земля» (у Ульмана также *bedeklis*, гдѣ качество *e* не обозначено), *pinaklis* (g. s. *-la*) «путы» (при *pinekls* у Ульмана), *aūdaklis* (g. s. *-la*) «полотно» (при *aūdekls* у Ульмана), *vedakla* «невѣстка» (при *vedekle* у Ульмана и *vedekla*), наприм., въ Вольмарскомъ говорѣ; *smērdakli* «калъ» и *bēzdakli* «Afterwinde» (при *bezdekli* у Ульмана) въ Линденѣ Mag. d. lett.-liter. Ges. XIV, 1, 156; *vētakli* «блевотина» I. c. XIV, 2, 209. Что *a* изъ *e* передъ *k* меньше распространено, чѣмъ *a* изъ *e* передъ *r*, *l*, *n*, показываетъ намъ, наприм., *aūdekli* (g. s. *-la*) рядомъ съ *ezars* и *vēdars* въ Нейенбургскомъ говорѣ. Далѣе ср. (рядомъ съ лат. *līdeka* напр. въ Кабилленѣ или *līdeks* у Ульмана и лит. *lydekà*) лат. *līdaka* ¹⁾ и лит. *lydāk'* «щука» у Бецценбергера GGA. 1885 г., стр. 915, и пр. *melato*, лит. *małatà* (у Юшкевича подъ *genj's*) рядомъ съ лит. *meletà* «зеленый дятель» (но тутъ можно думать также о старомъ *a* изъ иде. *o*, ср. славянскій суффиксъ *-ota*).—Передъ *va* и *vā* суффиксальное (какъ и корневое) *e* вѣроятно правильно переходило въ *a*; въ пользу этого можно указать на латышскій суффиксъ *-tava*, *-tavs* (лит. *-tavas*, ср. Leskien Bild. d. Nom. 566 сл.) рядомъ съ *-teve*, наприм. въ *malteve* (при *maltava* и *maltuva* у Ульмана и *maltuve* BW. 29) «Mahlkammer», *kāstevē* BB. XVII, 282 (при *kāstava*) «цѣдилка», (инфлянтск.) *slaukt'ev'a* Zbiór wiadomości XVI, 203 ²⁾ «дойникъ», ср. греч. отглагольные прилагательныя на *-τέος* у Бругмана Grdr. II², 1, 448 (это *-teve* при *-tava* говорить не въ

¹⁾ Благодаря чередованію формы *līdaka* съ уменьшительнымъ *līdeciņa* (наприм., BW. 30807, 3) вѣроятно возникло рядомъ съ заимствованнымъ *pātaga* «плеть» (<р. *батога*) уменьшительное *pātedziņa* BW. 21771, 1, 3 и отсюда далѣе *pātega* BW. 3048, 1.

²⁾ Этотъ говоръ не знаетъ перехода *a* въ *e* передъ гласными передняго ряда!

пользу Мюленбаха, по которому JF. XVII, 430 *-tava* возникло путем смѣшенія *-tuva* и *-ava*, Лескина l. с. 244 и Бругмана Grdr. I², 838, по мнѣнію которыхъ *-tava* путемъ ассимиляціи получилось изъ *-tuva*, I. Шмидта Neutra 67, Видемана Handb. 31 и Прельвитца BV. XXIV, 103¹, полагающихъ, что неударяемое суффиксальное *-ev-* въ балтійскихъ языкахъ обращалось въ *-uv-*. Суффиксальное *-ev-* мы находимъ также въ лат. инфлянтск. *vard'ev'a* «жаба» Zbiór wiadomości XV, 222 съ *-ev'a* изъ *-eve*¹⁾. Балт. *-tevē*, *-tavā* относится къ *-tuvē*, *-tuvā* и *-tvē*, *-tvā* такъ же относительно вокализма, какъ греч. *-τέος*, скр. *-tavyas* къ скр. *-t(u)vas*, ср. Brugmann Grdr. II², 1, 448).

Возвращаясь послѣ этого досаднаго, но неизбѣжнаго отступленія къ лит. *vākaras* и *kēvalas*, я нахожу, что тожество *vākaras* съ црксл. *вечеръ* дѣйствительно возможно и даже вѣроятно. А если въ *vākaras* *-ka-* могло получиться изъ *-ke-*, то и въ литовскихъ формахъ съ *kev-* *k-* не мѣшало переходу *-ev-* въ *-av-*, тѣмъ менѣе, что славяно-балтійскій переходъ *-ev-* въ *-av-* древнѣе балтійскаго перехода *-era-* въ *-ara-* и, значитъ, относится къ эпохѣ, когда *k* передъ *e* было еще менѣе смягчено. Итакъ, есть и въ литовскомъ языкѣ формы, доказывающія сохраненіе *ev* передъ гласными передняго ряда. Въ формахъ же gen. s. *tavęs* «тебя», *savęs* «себя», acc. s. *tavę*, *savę*, i. s. *tavimì*, *savimì* и l. s. *tavyjė*, *savyjė* а вмѣсто *e* объясняется вліяніемъ формъ *tāvas* «твой», *sāvas* «свой» и dat. s. *táv* «тебѣ», *sáv* «себѣ» = лат. діал. *tau*, *sau*, ср. Bezenberger Lettische Dial.-Stud. 90, Zubatý LF. XIII, 369 слл. и Meillet Recherches 86 сл. Передъ гласными же задняго ряда мы находимъ *ev* въ *klēvas* «кленъ» и *pūsevaitė* «среда» (удареніе по Бугѣ Aist. Stud. I, 72). Но вмѣсто *klēvas* правильнѣе пишутъ *kliāvas* (=лат. *kl'avs*, наприм. BW. 23932 вар. и 26027, рядомъ съ *kl'ava*) съ *av* изъ *ev*, ср. Berneker JF. X, 165. *Pūsevaitė* же считается заимствованнымъ изъ прусскаго языка (<пр. *possisawaitė* = *pusisawaitė), ср. Trautmann Altpr. Spr. XI и 406. А въ этомъ прусскомъ словѣ первое *s*, должно быть, было смягчено, ср. Berneker Preuss. Spr. 164. За-

¹⁾ Ср. относительно суффикса пр. *gabawo* «жаба», лат. *ciēlava* «трясогузка» и др.

тѣмъ на литовской почвѣ могла произойти утрата *i* между двумя *s*, какъ въ латинск. *semodius* изъ *semimodius* и др. (ср. Brugmann Grdr. I², 857 слл.), и изъ *śs* путемъ ассимиляціи и упрощенія могло получиться *ś*, такъ что вмѣсто *pūsevaitė* вѣроятно правильнѣе было бы писать *pūsiavaite*.

Есть и въ прусскомъ языкѣ примѣры сохраненія *ev* передъ гласными передняго ряда: *newīnts* «девятый»; *brewinnimai* «wir fördern» и *brewingi* «förderlich» (достоверно этимологія этого слова не можетъ быть установлена, такъ какъ мы не знаемъ настоящаго его значенія и происхожденія его начальнаго *b-*, которое тутъ можетъ восходить и къ иде. *b(h)* и къ иде. *m*, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что это не старое слово: можно думать, наприим., о родствѣ съ гр. *βρῦειν* «изобилловать жизненными соками», о которомъ ср. словарь Boisacq'a 136, или по Беценбергеру ВВ. XXIII, 300 съ лит. *briautis* «лѣзть насильно», о которомъ ср. далѣе словарь Бернекера подъ *bruja* и *būchz*. Безспорно только то, что это слово не имѣетъ ничего общаго съ лат. *brīvs* «свободный», съ которымъ его, и самъ сомнѣваясь, сближаетъ Бернекеръ Preuss. Spr. 135: лат. *brīvs* произведено отъ существительнаго *brīve* ВВ. 32062 или **brīva* «свобода», ср. обороты *atlaist brīvā* «отпустить», *par brīvi* «даромъ» и др. въ словарѣ Ульмана; а это *brīve* или **brīva*— заимствованіе, восходящее къ нѣм. (*Frei*)*brief* «вольная». Значеніе «свобода» могло возникнуть въ оборотахъ вродѣ *dabūt brīvi* «получить вольную > свободу»); *gewinna* (2×) «работаютъ» и *gewineis* «работникъ» по Беценбергеру ¹⁾ ВВ. XXIII, 299: старолит. *geventi* «жить» у Беценбергера Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 57 и 284, ср. лат. *dzīvāt* или *dzievāt* «жить, работать» (сопоставленіе это однако возможно лишь въ томъ случаѣ, если, къ чему фонетическихъ препятствій нѣтъ, пр. и лит. *gew-* въ этомъ словѣ восходитъ къ прабалтійскому *gjev-*, которое относится къ лат. *dziev-* изъ *geiv-* приблизительно такъ же, какъ скр. I. s. *dyávi* къ *dēvá-s*, или латинск. *hiems* къ гр. *χεῖμα* и др.). Примѣрами могутъ служить

¹⁾ Беценбергеръ, однако, на мой взглядъ тутъ неправильно отождествляетъ пр. *e* съ литовско-латышскимъ *ie*, ср. Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. XII, 1, 58 слл.

также довольно многочисленные формы съ *-ewing-* (произведенныя посредствомъ *-ing-* отъ основъ съ суффиксомъ *-eцо-*, ср. Brugmann Grdr. II², 1, 204 сл.) вродѣ *enimmetewingi* «angenehm» и др. (въ грамматикѣ Траутмана 147, гдѣ однако не всѣ) и слова (съ тѣмъ же *-eцо-*) *mukinewis* «lehrhaftig», а. s. *swītewiskan* «свѣтскій» (полагать, какъ это дѣлаетъ Траутманъ 1. с., что *e* тутъ получило изъ неударяемаго *a* передъ *i*, и сомнительно, ср. AfslPh. XXXII, 285, и излишне: формы съ *-awi-* вродѣ *smonenawins* «человѣкъ», а. s. *drūcktawingiskan* «строгій», а. s. *stūrṇawiskan* «Ernst» и др. могутъ быть произведены отъ основъ на *-awa-* изъ иде. *-eцо-*). Сюда же относилась бы форма а. s. *nādewisin* «Seufzen» отъ основы *dheцēs-*; но это слово встрѣчается всего одинъ разъ, такъ что не знаемъ, правильно ли оно намъ передано.—Что же до *seweynis* «свинарня», то Burda KSB. VI, 399, которому слѣдуетъ Бернекеръ Pr. Spr. 247 и 320, сопоставилъ его *sew-* съ *siv-* въ лат. *sivēns* «поросенокъ»; встрѣчаются вѣдь въ нашихъ памятникахъ нѣкоторыя формы съ *e* вмѣсто ожидаемаго *i*¹⁾, указывая на открытое произношеніе пр. *i*. Траутманъ же Altpr. Spr. 425 сл., ссылаясь на мою статью ВВ. XXVII, 320, по которой лат. *sivēns* восходитъ къ *su-vēns*, отрицаетъ тожество пр. *sew-* съ лат. *siv-* и предлагаетъ читать вмѣсто *seweynis*—*suweynis* или возводить его къ **sweynis*; но то и другое представляется одинаково рискованнымъ. Лат. *sivēns*, правда, восходитъ къ *su-vēns*, но что намъ мѣшаетъ возводить къ *suw-* также пр. *sew-* (= *siv-*)? Есть, правда, нѣсколько прусскихъ формъ съ *-uw-*: *insuwis* «языкъ», *kruwis* «паденіе» отъ *krūt* «пасть» (можетъ быть съ долгимъ *u*, ср. лит. *bu̯vis* «пребываніе» отъ *būti* «быть») и *schuwikis* (можетъ быть, съ *ū*) «сапожникъ». Въ Эльбингскомъ словарикѣ (откуда взято и *seweynis*) я нашелъ только эти формы съ *-uw-*; изъ катехизисовъ же, говоръ которыхъ отличается отъ говора словарика, можно еще прибавить: *buwinaiti* (какъ вѣроятно слѣдуетъ читать вмѣсто *buwinanti*) «живите» (можетъ быть, съ *ū*), *druwis* «вѣра» и *druwīt* «вѣрить» съ производными формами (3 раза со знакомъ долготы надъ *u*; если этотъ знакъ

¹⁾ Бернекеръ и Траутманъ однако относятъ сюда также нѣсколько формъ, въ которыхъ, можетъ быть, имѣется старое *e*.

правильно поставленъ, то можно думать о фонетическомъ удлинении *u* передъ *w*, о которомъ ср. KZ. XLIII, 40 сл.; если же это такъ, то формы съ *drow-* могутъ имѣть *-ow-* не вмѣсто *-uw-*, но изъ *-ouuw-* изъ *-ūw-*, ср. причастіе *taukowuns* съ *-ow-* изъ *-ouuw-* изъ *-ūw-*). Но и въ латышскомъ языкѣ, какъ я указалъ ВВ. XXVII, 319 слл., въ однихъ и тѣхъ же говорахъ рядомъ съ формами съ *iv* изъ *uw* являются формы съ *uw*! Относительно пр. *insuwis* еще слѣдуетъ имѣть въ виду, что оно восходитъ къ старой основѣ *inzu-*, такъ что сохраненіе *uw* не было бы удивительно. И въ пользу того, что по крайней мѣрѣ въ части прусскихъ говоровъ *uw* дѣйствительно перешло въ *iv*, говоритъ еще и слѣдующее обстоятельство. Въ литовскомъ говорѣ Слонимскаго уѣзда, гдѣ согласно свидѣтельству лѣтописца (ср. Wolter Mitt. d. lit. litter. Ges. IV, 166 слл.) въ 1276 г. поселились изгнанные нѣмцами пруссы, мы находимъ (I. с. 168) *iv* вмѣсто *uw* въ словахъ *brivai* «брови» и *žives* «рыбы» (прусское вліяніе вѣроятно сказывается также въ *z* вмѣсто лит. *ž* въ словѣ *zāsis* «гусь», какъ вѣроятно слѣдуетъ читать вмѣсто *zasis*), тогда какъ изъ прочихъ литовскихъ говоровъ я пока не знаю перехода *uw* въ *iv*. — Передъ гласными задняго ряда мы находимъ *ew* въ *widdewū* (1×) «вдова» съ dat. pl. *widdewūmans* (1×), гдѣ *e* считается передачею неударяемаго *a* (ср. Trautmann I. с. 101), но, можетъ быть, въ этомъ *e* сказывается нѣмецкое вліяніе, ср. средневрхн. *witewe*. Въ словѣ же *weware* «бѣлка» передъ *w* вѣроятно было долгое *ē*, ср. однозначашія лит. *voverė*, лат. *vāvere* и црксл. *въверица*. Во второмъ катехизисѣ, наконецъ, имѣется *neuwene* «новое» (при *nawans* въ I катехизисѣ), но въ этомъ памятникѣ мы находимъ *e* вмѣсто ожидаемаго *a* еще и въ другихъ положеніяхъ, ср. Trautmann I. с.

Что касается славянскихъ языковъ, то Фортунатовъ (ср. Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. I, 708) доказывалъ сохраненіе въ нихъ *ev* передъ гласными передняго ряда словами праслав. **devęti* (и **devęti*), **revęti* и **nevęsta*. Но вмѣсто **revęti* въ праславянскомъ существовало, можетъ быть (ср. црксл. *рѣвѣ*), только **řevęti*; а въ **nevęsta*, какова бы ни была этимологія этого слова, начальное *ne-* могло казаться тождественнымъ съ отрицаніемъ **ne*, такъ что до-

казательная сила его не велика. Немного важнѣе въ данномъ вопросѣ указанное Прусиномъ KZ. XXXIII, 160 сл. ч. *nevěsil* (рядомъ съ *devětsil*) и серб. *nevěsil* (при *devěsil*), «herba quaedam»; если признавалась связь *-sil* (*-sil'*) съ существительнымъ *sila* (*sīla*), то первая часть, можетъ быть, менѣе напоминала отрицаніе. Затѣмъ Погодинъ (Слѣды корней — основъ 219 сл.) указалъ на р. олон. *нѣвенный* «худой». Но больше всего значенія я придаю формамъ црксл. *древлѣ* (формѣ сравнительной степени) «прежде» и *древнѣ* или (подъ вліяніемъ *древлѣ*) *древнѣнѣ* «древній». Тѣ ученые, которые не признаютъ сохраненія *ev* передъ гласными передняго ряда (какъ, наприм., Вондракъ), устраняютъ свидѣтельство этого слова ссылкой на неизвѣстность его происхожденія или предположеніемъ, что вмѣсто *древ-* правильнѣе было бы писать *дрѣев-*. Я бы предложилъ слѣдующую этимологію. Значеніе «древній», вѣроятно, получилось изъ значенія «старый»; ср. наприм. лит. *sėnas* «старый», *sėnis* «старикъ»: лат. *senes* «древній». Понятіе же «старый» иногда развивается изъ понятія «крѣпкій, твердый»: ср. съ црксл. *старъ* лит. *stóras* «толстый», пражерм. *stōr(i)a-* «gross, stark» (у Фика Vergl. Wrtb. III⁴, 479). «Старыми» первоначально, очевидно, назывались взрослые въ противоположность слабымъ дѣтямъ, ср. еще гот. *alþeis* «старый» (: латинск. *altus* «высокій»): *alan* «взрастать». Имѣя въ виду эти параллели, я считаю возможнымъ производить формы *древлѣ* и *древнѣ* изъ иде. *dreǵos «крѣпкій, твердый», откуда гот. *triggvs* «вѣрный» и др., ср. гр. *δρῶν· ἰσχυρόν* у Гесихія и Osthoff Etymol. Par. I, 138 слл. Но правильна ли моя этимологія или нѣтъ, отъ этого доказательная сила самого слова не мѣняется: нельзя съ нимъ не считаться только на томъ основаніи, что его этимологія неизвѣстна. Предположеніе же, что вмѣсто *древ-* слѣдуетъ писать *дрѣев-* и само по себѣ не очень заманчиво, пока мы изъ текстовъ знаемъ только *древ-*, и кромѣ того невѣроятно и потому еще, что сочетаніе *drjo-* не походитъ на прочія предполагаемые нами звуко сочетанія индоевропейскаго праязыка. Рѣшительно было бы доказано, что мы тутъ имѣемъ дѣло съ *drev-*, а не съ *dřev-*, если бы дѣйствительно рядомъ имѣлись славянскія формы, восходящія къ праслав. *drěv-*,

ср. словарь Бернекера ¹⁾); вѣдь *ѣ* чередуется съ *е*, а не съ *іо*.—Окончаніе црксл. *-евъ* для I л. двойств. ч. наст. вр. тутъ не можетъ служить доказательствомъ (ср. Основы Ульянова 20 сл. и Brugmann Grdr. II, 1356), такъ какъ это *-евъ* замѣнило собою старое *-овъ* (съ *ов* изъ иде. *оц*), сохранившееся въ формахъ прошедшихъ временъ. Но за то косвенно подтверждается правило о сохраненіи *ev* передъ *е*, *і* славянскимъ склоненіемъ личнаго мѣстоименія II лица ед. числа и личнаго возвратнаго мѣстоименія, какъ показали Meillet въ Recherches 85 слл. Предположеніе же Вондрака Vrgl. sl. Gr. I, 84, что *ev* сохранилось кое-гдѣ только «unter dem Systemzwange», можетъ быть примѣнено пожалуй къ формамъ вродѣ праслав. gen. s. **teve* (>*tebe*) или **devetъ*, но не къ изолированному црксл. *древѣ* и къ вышеупомянутымъ балтійскимъ глагольнымъ и именнымъ формамъ. И совершенно безпочвенно недоумѣніе Вондрака, «wie so die palatalen Vokale schon im Urbaltischslav. diese Wirkung hätten ausüben können»: активное вліяніе на судьбу *ev* оказывали гласные не передняго, но задняго ряда, такъ какъ передъ *а*, *о* имѣлъ мѣсто ассимиляціонный переходъ *ev* въ *av* (*ov*), между тѣмъ какъ передъ *е*, *і* старое *ev* просто сохранялось.—Я охотно признаю, что славянскихъ примѣровъ сохраненія *ev* передъ *е*, *і* очень мало; но въ ихъ числѣ мы нашли вполне изолированное и поэтому и весьма доказательное црксл. *древѣ*, между тѣмъ какъ въ пользу теоріи о переходѣ всякаго *ev* въ *ov* можно въ сущности привести только окончаніе пом. рл. основъ на *-и*. Обобщеніе гласнаго *о* въ црксл. глаголахъ вродѣ *пловѣ* (: гр. *πλέω*) нисколько не болѣе поразительно, чѣмъ обобщеніе того же гласнаго въ латинск. *voto* (: гр. *ἐμέω*) и *colo* или обобщеніе согласнаго *π* въ гр. *λείπω*. И въ основахъ на *-es* (вродѣ црксл. *словес-*) *ov*, фонетически возникши въ

¹⁾ Относительно значенія словинскаго *drèvi* «сегодня вечеромъ» укажу на слов. *dàvi* «сегодня утромъ» и старор. *давѣ* «вчера»; можетъ быть и слов. *drèvi* значило когда-то «вчера», а потомъ, подъ вліяніемъ также оканчивающейся на *-vi* формы *dàvi* «сегодня утромъ», получило теперешнее значеніе (ср. сочетаніе *drevi in davi* «immerdar» у Плетершника). Не заключается ли *ѣ* также въ сербохорв. *staròdrèvan* (если оно изъ говоровъ съ *ѣ* изъ *ѣ*) «старинный» и ч. *dřive* (староч. *drzyewe*), словацк. *driev* «раньше»? Со слав. *drěv-* ср. лит. *drėvis* (у Куршата въ скобкахъ) «бортъ».

пом., асс. и voc. s., могло быть обобщено такъ же, какъ обобщено изъ тѣхъ же падежей то же *o* въ латинск. *holus* «зелень». Другихъ же примѣровъ для перехода *ev* въ *ov* передъ гласными передняго ряда я не знаю, за исключеніемъ уже упомянутаго окончанія *-ove* для пом. pl. основъ на *-u*, которое въ виду гр. *-εες* и гот. *-jus* скорѣе восходитъ къ иде. *-eues*, нежели къ *-oues*, хотя не можемъ быть вполне увѣрены въ этомъ (столь же двусмысленны ар. *-avas*¹⁾ и галльск. *-oves*). Но это *-ove* легко могло возникнуть

¹⁾ Краткость перваго *a* въ ар. *-avas* не доказываетъ, что оно восходитъ къ иде. *e*, а не *o*. Послѣ обширной литературы, посвященной „закону Бругмана“, я не вижу надобности тутъ о немъ распространяться и поэтому ограничусь краткой замѣткой по этому поводу. Что иде. *o* перешло въ открытыхъ слогахъ въ ар. *ā*, это было невѣроятно а priori потому, что такое удлиненіе краткаго гласнаго тутъ трудно объяснить; и еще болѣе можно было убѣдиться въ неправомерности гипотезы Бругмана, когда счастливо было устранено то *ā*, которое нѣкоторое время (рядомъ съ *o*) приписывалось иде. праязыку. Да и самъ Бругманъ, какъ можно судить по его новѣйшимъ трудамъ (ср., наприм., JF. XXIV, 166), все болѣе сомнѣвается въ существованіи своего „закона“. Къ этому прибавлю еще нѣсколько данныхъ изъ балтійскихъ языковъ, которыя могутъ пролить свѣтъ на возникновеніе скр. *tvátpitāras* „имѣющие тебя отцомъ“ рядомъ съ *pitāras* „отцы“. Въ балтійскихъ языкахъ мы находимъ иногда удлиненіе краткаго гласнаго подъ побочнымъ удареніемъ, особенно въ сложныхъ словахъ: лит. *išolis* (по Юшкевичу *išolis*) и *pašolys* „Frost in der Erde“ при *šālo* „морозило“; *gėrėris* „лучшая вещь“ при *gėras* „хорошій“; *māžmožiai* „мелочи“ при *māžas* „малый“; *skānskoniai* „лакомства“ при *skanus* „вкусный“; *atūdogiai* „яровая рожь“ (ср. Bezenberger GGA. 1885 г., стр. 913) при пр. *dagis* „лѣто“; *arkli-gonė* „пастыба лошадей“ и *naktigonė* „ночная пастыба“ при *ganyti* „пасти“; *ištoka* „истокъ“ и *itoka* „устье“ при *tākas* „стежа“; *prāmonė* „небылица“ и *išmonė* „разумѣніе“ при *manyti*; *sanošai* „zusammengetragenes Geröll“ при *našta* „ноша“; лат. *sētmālis* „мѣсто около самаго забора“ (напр. въ Вольмарѣ, Жукстѣ, Лестенѣ, Старо-Аутцѣ, Роннебургѣ), а. s. *ezarmāli* „побережье (озера)“ наприм. въ Буртнекѣ, *upmālis* „порѣчье“ напр. въ Вольмарѣ и Готтардсбергѣ, *žuogmāla* (= *sētmālis*) BW. 23619, 10 вар., л. s. *cel'mālē* BW. 29556, 1 вар., *siēnmālis* „подстѣнное мѣсто“ BW. 8603, 13 вар. и Zemkopis 1903 г., стр. 310, loc. s. *ežmālē* BW. 28320 вар., *druvmālē* л. s. 28321, 1 вар., при *mala* „край“; *sudmālas* „мельница“, напр. въ Ливенберзенѣ, Вюрцавѣ, Эллеѣ, Фокенгофѣ и Грюнгофѣ, при *malu* „я мололъ“ (относительно *sud* см. Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. XIII, 4, 210); *kaigāle* „изножье“ и *skangāls* BB. XIV, 149 или (съ перестановкою) *skalgāns* BW. 23475, 1 „лучина“ при *gals* „конецъ“; *niopīle* „was abträufelt“ при *pilēt* „капать“; *paērglis* „можжевельникъ“, наприм. въ Вольмарѣ (о вставномъ *r* см. KZ. XLIV, 60), при *egle* „ель“ (ср. однако также лит. *ėglius* „можжевельникъ“, съ долготой изъ сложныхъ

на мѣстѣ стараго *-eve(s)* рядомъ съ *-ovz* (вѣроятно изъ иде. *-eṓm*) въ gen. pl., такъ какъ въ цѣломъ рядѣ словъ окончаніямъ *-e* (въ

формѣ?). Въ суффиксальныхъ слогахъ мы находимъ удлиненіе подъ побочнымъ удареніемъ въ лат. *vakār* „вчера“, напр. въ Жукстѣ, Руцавѣ, Гофцумбергѣ, Грюнгофѣ и Сессавѣ, при *vakars* „вечеръ“; *citūr* „alibi“ и *visūr* „вездѣ“ (при *tur* „тамъ“), напр. въ Удзенѣ, Жукстѣ, Вайноденѣ, Грезенѣ, Гроссъ-Эзернѣ, Нейенбургѣ, Ваненѣ, Грюнгофѣ, Вюрцавѣ, Руцавѣ, Ворменѣ, Старо-Аутцѣ и Абгунстѣ; въ суффиксѣ *-us-* причастія прош. времени, наприм. п. pl. *dzimūši* во многихъ говорахъ средней Курляндіи (напр. въ Удзенѣ, Берсгофѣ, Жукстѣ, Шмарденѣ, Олаѣ, Замитенѣ, Ремтенѣ, Струттельнѣ, Нейенбургѣ, Старо-Аутцѣ и Бененѣ); а. s. *lāidēri* (съ откр. ē) „скотный дворъ“ въ Гульбернѣ (при лит. *laidaris*, см. выше стр. 90); *ābēle* (напр. въ Зербигалѣ и Нейгутѣ), *ābēle* съ открытымъ ē (напр. въ Адлененѣ); *ābēls* (основа на *-i*, съ откр. ē; напр. въ Марценѣ) или *ābēls* (въ Эрлаа, съ откр. ē; см. также форму уменьшительнаго съ долгимъ гласнымъ передъ *l* въ Зельзау ВВ. XVI, 325) „яблоня“ при *ābele* и лит. *obelis*; инфл. *dzagiuse* (съ *iu* изъ *ū*) „кукушка“, Smelters, Tautas dzišmu... wocelteite 6 и ВВ. 32070, при *dzeguze* и лит. *gegužė*; *pulvērs* „порохъ“, напр. въ Вольмарѣ, изъ н. *Pulver*; *pīrāgs* изъ р. *nipovz*; *bīskāps* „епископъ“; *gliēmēzis* „улитка“ (П. Шмидтъ, Троякая долгота 20) при лит. *gliemežys* въ словарѣ Lalis'a; *pēlūde* (ср. ВВ. XXV, 276 сл. и KZ. XLIV, 50² и 132) „плевница“ при лит. *pelūdė*. Что рядомъ съ долготою сохраняется и краткость (напр. *ābele* рядомъ съ *ābēle*), неудивительно, такъ какъ въ надежныхъ формахъ съ долгимъ окончаніемъ побочное удареніе переходитъ съ предпоследняго слога на послѣдній, а во второй части сложныхъ словъ можетъ сказываться вліяніе соответствующаго корня внѣ сложныхъ формъ. Ср. съ этимъ еще замѣтку Явниса (Поневѣжскій уѣздъ 114), что въ Хвейданскомъ литовскомъ говорѣ подъ побочнымъ удареніемъ „первоначально краткіе *a* и *e* переходятъ не въ долговатые, какъ подъ главнымъ, а въ долгиѣ сильносрединные“ (долгота эта, значить, восходитъ тутъ по крайней мѣрѣ къ пралитовской эпохѣ), указаніе Муки (Laut-und Formenlehre der niedersorb. Spr. 146), что въ нижнелужицкомъ предпоследній слогъ удлинняется подъ побочнымъ удареніемъ, гот. *ahtaudōgs* „восьмидневный“ и *fidurdōgs* „четырехдневный“ при *dags* „день“, *sibuntēhund* „70“, *ahtautēhund* „80“, *niuntēhund* „90“, *taihuntēhund* „100“ при *taihun* „10“, гр. εἰρηνοφ (главное удареніе могло первоначально падать на первый слогъ) при ἀνίρ и др., скр. *bhādrajāni-* и др. (у Вакернагеля, Altind. Gr. II, 1, 100 сл.) при *jāni-* „жена“ (въ гот. *qēns* долгота, можетъ быть, возникла въ сложныхъ формахъ). Приведенные мною случаи удлиненія, конечно, относятся къ различнымъ эпохамъ, причемъ удлиненіе во второй части сложныхъ словъ можетъ восходить къ иде. праязыку. Послѣ всего этого я считаю возможнымъ, что также въ скр. *tvātpitāras* удлиненіе *a* было вызвано побочнымъ его удареніемъ. Съ этимъ сходится мнѣніе Uhlenbeck'a PBrV. XXII, 546, по которому скр. *jajā'na* возникло изъ *jajāna* (ср. гр. γέγονα) въ энклитическомъ положеніи; но, въ противоположность Uhlenbeck'у, я не вижу надобности выводить *jajā'na* изъ **gégōne*, полагая, что по отношенію къ ударенію также въ энклитическомъ положеніи преобладалъ именно второй слогъ этого слова, уступая однако главному ударенію предыдущаго слова.

пот. pl.) и -ѣ (въ gen. pl.) предшествовалъ одинъ и тотъ же слогъ, ср. наприм. пот. pl. црксл. *пѣтъѣ, камене, дѣне, граждане, дѣлателе, боларе* рядомъ съ gen. р. *пѣтъи, каменъ, дѣнъ, гражданъ, дѣлатель, боларъ*. Кромѣ того, въ склоненіи основъ на -и имѣлось -ov- еще въ gen., loc. du. (въ положеніи передъ -и) и въ dat. s. (въ положеніи передъ -i, которое тутъ можетъ восходить къ иде. -ai) и дифтонгъ *oi* (откуда потомъ получается *и*) въ gen., loc., voc. s. Послѣ всего этого сохраненіе -eve было бы, пожалуй, болѣе удивительно, чѣмъ замѣна его черезъ -ove.

Установивъ, что передъ гласными передняго ряда *ev* сохраняется какъ въ балтійскихъ, такъ и въ славянскихъ языкахъ, мы тутъ еще должны разсмотрѣть вопросъ о времени свойственнаго балтійскимъ и славянскимъ языкамъ перехода *ev* въ *av* (*ov*) передъ гласными задняго ряда. Есть ли данныя, мѣшающія намъ относить этотъ переходъ къ эпохѣ предполагаемаго славяно-балтійскаго единства? Утвердительно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ Zupitza KZ. XL, 250 сл. и вслѣдъ за нимъ Trautmann Altpr. Spr. 146 сл. Zupitza полагаетъ, что *ev* перешло въ (слав.) *ov* только послѣ палатализаціи задненебныхъ *k* и *g*, ссылаясь при этомъ на староч. *vščeviji* «навѣщаю», гдѣ *č* (изъ *k'*) будто бы мѣшало переходу *ev* въ *ov*. Въ выноскѣ къ этому мѣсту онъ, впрочемъ, самъ заявляетъ, что «die sprachchronologische folgerung daraus ist nicht sicher», но по видимому только потому, что онъ сомнѣвается въ правильности сопоставленія этого *vščeviji* съ прасл. *čujō. Сопоставленіе это однако можетъ быть правильно, но только оно ничего не доказываетъ относительно времени перехода *ev* въ *ov*. Рядомъ мы находимъ староч. *(na)vščieviti* > новоч. *navštiviti* «навѣститъ», гдѣ (ср. словарь Бернекера подъ *čujō*) староч. *ie* считается удлиненіемъ прасл. *e*. Если это дѣйствительно такъ, то въ только-что приведенной формѣ *ev*, находясь передъ *i*, вовсе не могло перейти въ *ov*, независимо отъ того, какой звукъ находился передъ *ev*, а изъ *vžčeviti *ev* могло быть перенесено въ формы съ гласнымъ задняго ряда за *ev*, или же въ эпоху праславянскую *k'* (откуда потомъ *č*) изъ положенія передъ *e* могло быть перенесено также передъ *o* (взамѣнъ *k*), послѣ чего изъ *k'o* должно было получиться опять

k'e > če, ср. съ этимъ напр. лат. *šk'aidīt* «мотать» съ *šk'* вмѣсто *sk* подѣ вліяніемъ родственнаго *šk'iest* «разсыпать» ВВ. XXIX, 188. Но какъ бы то ни было, изъ предыдущаго видно, что эти чешскія слова намъ ничего не говорятъ относительно времени перехода *ev* въ *ov*. Далѣе Zupitza I. с. ссылается на отношеніе црксл. *шун* (=скр. *savyá-s* «лѣвый») къ лит. *nai̯jas* «новый» (=скр. *návya-s*, гот. *nīujis*), заключая отсюда, что литовскій переходъ *ev* въ *av* не находится въ связи со славянскимъ *ov* изъ иде. *eu*. Это заключеніе однако не можетъ считаться обязательнымъ, такъ какъ отношеніе црксл. *шун* къ лит. *nai̯jas* допускаетъ нѣсколько объясненій даже въ томъ случаѣ, если лит. *nai̯jas* дѣйствительно восходитъ къ иде. **neujos*. Очень возможно, что Zupitza правъ, полагая, что въ праславянскую эпоху **se-ujos* измѣнилось въ **seu-jos* еще до перехода *e-uj* въ *o-uj*, но навѣрно мы этого не можемъ знать. Мы вѣдь не знаемъ, получалось ли въ праславянскомъ *o-v* изъ *e-v* также передъ послѣдующимъ *-jos*, причемъ не исключена также возможность, что рядомъ съ *-jo* въ основѣ *seujō-* имѣлось *-i* въ пом., асс. с. (**seujis*, **seujim*), а въ такомъ случаѣ *e-uj* въ другихъ словахъ могло перейти въ *o-uj* еще до перехода *se-ujō-* въ *seu-jo-*. А допуская, что Zupitza правъ относительно црксл. *шун*, мы все-таки еще не лишаемся возможности думать о связи балтійскаго *av* изъ *eu* съ славянскимъ *ov* изъ *eu*: стоитъ только предположить, что въ праславянскихъ говорахъ *-e/o-ujō-* перешло въ *-e/o-u-jo-* раньше, чѣмъ въ балтійскихъ говорахъ. Въ этомъ отношеніи, вѣдь, расходятся другъ съ другомъ, на что указалъ самъ Zupitza I. с., не только отдѣльные балтійскіе языки, но даже отдѣльныя прусскія нарѣчія: рядомъ съ литовско-латышскимъ *-ai-ja-* мы находимъ въ прусскихъ говорахъ II и III катехизисовъ повидимому *-a-ujā-* (скорѣе всего это доказывается формою *kraewīeu* «крови» II катехизиса, ср. однако также *naunap* въ III кат.), тогда какъ въ Эльбингскомъ словарикѣ и въ I катехизисѣ уже имѣется *-ai-ja-*. Мы впрочемъ навѣрно не знаемъ, какова была судьба сочетанія *-e-ujā-* въ прабалтійскихъ говорахъ. Лит. *nai̯jas* не можетъ быть признано несомнѣннымъ доказательствомъ того, что изъ упомянутаго сочетанія получалось непременно *-a-ujā-*. Смягченное *n* въ формѣ **nīai̯jas* (которая должна была

получиться, если *e* передъ -*ciā*- не перешло въ *a*) могло быть замѣнено несмягченнымъ подѣ вліяніемъ родственнаго *navas* «новый» (у Куршата въ скобкахъ; пр. *nawans* въ I катехизисѣ Траутманъ Altpr. Spr. 382 предлагаетъ исправить въ *nawns*, что врядъ ли правильно: что-нибудь въ сочетаніи *sta nawans testamentan*, вѣроятно, ошибочно, но *sta *nawns testamentan* нисколько не лучше, и *nawa*-¹⁾ мы находимъ также въ *neuweneu* II катехизиса), ср. напр. црксл. *плутѣ* (вмѣсто *плутѣ) съ твердымъ *л* подѣ вліяніемъ *пловж*. Но ничто намъ не мѣшаетъ думать, что лит. *naĩjas* дѣйствительно восходитъ къ прабалтійскому *na-vias съ *a-v* изъ *e-ц*, такъ какъ гипотеза объ ассимиляціонномъ переходѣ *e-ц* въ *a-ц* также передъ послѣдующимъ *ja* въ прабалтійскомъ не можетъ быть опровергнута данными языка. И въ пользу этого говоритъ также лит. *kraĩjas*, пр. *craujo* или *krawia*²⁾ «кровь» (ср. лат. *kreve* «струнѣ» и гр. *κρέας* «мясо»).—Нѣтъ, значитъ, никакихъ препятствій считать балтійскій переходъ *ец* въ *av* и славянскій переходъ *ец* въ *ov* (вѣроятно изъ *av*) одновременно происшедшими, но доказана быть не можетъ эта одновременность: не исключена возможность случайнаго совпаденія въ результатахъ.

Столь же неопредѣленно я долженъ высказаться объ утратѣ въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ начального *ц*- передъ *r* и *l*, которую рядомъ примѣровъ доказалъ Lidén, Ein balt.-slav. Anlautgesetz (впервые же на это указалъ, насколько мнѣ извѣстно, v. Sabler KZ. XXXI, 283, а потомъ и Froehde BB. XXI, 205, Zupitza, German. Gutt. 170¹; Rozwadowski, Quaestionum gram. atque etym. ser. II, 8 сл. и Гиртъ PBrV. XXII, 235). Ту же утрату мы встрѣчаемъ также въ латинскомъ и древне-верхненѣмецкомъ языкахъ, такъ что это отпаденіе начального *ц*- легко можетъ быть случайнымъ совпаденіемъ славянскихъ и балтійскихъ языковъ.

¹⁾ Относительно же *nawns* ср. Leskien Bild. d. Nom. 359.

²⁾ Траутманъ l. c. 147 съ одобреніемъ указываетъ, будто Zupitza l. c. считаетъ форму *krawia* трехсложной (!), имѣя при этомъ, должно быть, въ виду KZ. XL, 252, гдѣ (строка 6 сверху) даются прусскіе примѣры сочетанія «*a*ciā**». Но весь контекстъ ясно показываетъ, что *i* тутъ опечатка вмѣсто *j*. И едва ли подлежитъ сомнѣнію, что *j* въ *krawia* обозначаетъ неслоговой звукъ, ср. напр. *ioūs* «вы», *iaukint* «упражнять», *iūrin* «морѣ», *dāian* «даръ», *twaiā* «твоя» и др. у Траутмана l. c. 154 сл.

За то весьма поразительно известное совпадение по отноше-
нію къ ударенію литовскихъ формъ вродѣ п. s. *rankà*: а. s. *raĩka*
съ р. *рукá*: *ру́ку* и срб. *rúka*: *rũki*, обусловленное известнымъ
закономъ о переносѣ ударенія съ циркумфлексированнаго слога
на послѣдующій слогъ, если тотъ произносился съ акутомъ. Это
совпадение настолько необычайно, что сама собою напрашивается
мысль о взаимной связи этого явленія въ славянскихъ и бал-
тійскихъ языкахъ. И въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые языковѣды от-
носятъ дѣйствіе только что упомянутаго закона къ «славяно-бал-
тійской» эпохѣ. Другіе, правда, это оспаривали, но ихъ дово-
ды, кажется, могутъ быть опровергнуты, ср. статью Кульбакина
Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н., т. XI, 4, 245 слл. (съ указа-
ніями литературы ¹⁾ по этому вопросу). Въ нѣкоторыхъ подробно-
стяхъ я, правда, не согласенъ со своимъ многоуважаемымъ колле-
гою, и на интересующій насъ сейчасъ вопросъ о славяно-балтій-
скомъ праязыкѣ, можетъ быть, проливали бы нѣкоторый свѣтъ так-
же другія особенности ударенія славянскихъ и балтійскихъ язы-
ковъ. Но тѣмъ не менѣе я сейчасъ не рѣшаюсь вдаваться въ тем-
ныя во многихъ мѣстахъ еще дебри славяно-балтійской акценти-
логіи. Сказать въ этой области что-нибудь новое почти невозможно
безъ предварительнаго детальнаго изученія въ этомъ отношеніи
всѣхъ славянскихъ и балтійскихъ языковъ. Пришлось бы собрать
по первоисточникамъ и привести въ порядокъ матерьялъ и на осно-
ваніи этого матерьяла по мѣрѣ возможности установить удареніе
праславянское и прабалтійское. Такого рода работа была бы весьма
желательна и навѣрно увѣнчалась бы новыми результатами; такъ,
наприм., весьма важнымъ дополненіемъ къ Куршату, Барановскому
и Явнису по отношенію къ литовскому ударенію являются данныя,
которые находимъ у Даукши и въ современныхъ литовскихъ говорахъ,
ср. KZ. XLIV, 49 слл. Но работа надъ этимъ разрослась бы въ цѣлую
книгу и вышла бы такимъ образомъ изъ рамокъ этихъ этюдовъ.
И въ концѣ концовъ можно было бы только въ весьма скромныхъ
размѣрахъ возстановить праславянское и особенно же прабалтій-

¹⁾ Ср. послѣ этого еще Pedersen KZ. XL, 213 слл., Meillet (который отно-
сится къ этому отрицательно) JFA. XXVII, 140 (Bull. de la Soc. de ling. не
имѣется въ моемъ распоряженіи) и Les dialectes 45 сл. и Hujer, Slov. dekl. jm. 97 сл.

ское удареніе: вѣдь наши свѣдѣнія о прусскомъ удареніи слишкомъ отрывочны; въ латышскомъ, гдѣ теперь господствуетъ нанаціальное удареніе, прерывистая интонація слова, правда, указываетъ, что по крайней мѣрѣ въ части формъ этого слова удареніе когда-то падало на окончаніе, а въ какихъ именно формахъ, этого намъ данныя самого латышскаго языка не показываютъ; въ литовскомъ же языкѣ по отношенію къ ударенію произошло очень много измѣненій еще въ доисторическую эпоху этого языка, какъ показываетъ хотя бы то обстоятельство, что всѣ литовскіе первичные глаголы съ акутованнымъ корнемъ имѣютъ теперь во всѣхъ формахъ удареніе на первомъ слогѣ, между тѣмъ какъ латышская прерывистая интонація въ части этихъ глаголовъ еще указываетъ, что когда-то они имѣли подвижное удареніе, ср. ВВ. XXV, 270 и KZ. XLIV 57.

Закончивъ обзоръ сходныхъ явленій въ области славяно-балтійской фонетики, перейдемъ къ вопросу о старыхъ различіяхъ въ этой области между славянскими и балтійскими языками (помимо вышеупомянутаго различія въ судьбѣ индоевропейскаго *s*).

На мѣстѣ праиндоевропейскихъ *a* и *o* мы находимъ въ славянскихъ языкахъ *o*, въ балтійскихъ же языкахъ—*a*; нѣтъ однако никакой надобности усматривать въ этомъ очень старое различіе. Когда-то прежде господствовало мнѣніе (узаконенное Бругманомъ Grdr. I², 146; и теперь еще его придерживаются многіе въ силу традиціи), что въ славянскихъ языкахъ иде. *o* сохранилось безъ измѣненій (причемъ еще въ «славяно-балтійскую эпоху» получилась новая *o* изъ иде. *a*), балтійское же *a* восходитъ черезъ «славяно-балтійское *o* къ иде. *a* и *o*. Научныхъ основаній эта гипотеза не имѣла никакихъ; если же она тѣмъ не менѣе смогла пріобрѣсти такую популярность, то только потому, что многіе изъ славистовъ находили возможнымъ при изученіи исторіи славянскихъ языковъ не считаться съ близко родственными балтійскими языками. А такъ какъ по извѣстнымъ причинамъ нѣтъ никакой «балтійской филологіи», которая бы могла указывать на односторонность этого мнѣнія славистовъ, то оно временно сдѣлалось господствующимъ. Опровергнуть собственно и нельзя его: совпаденіе иде. *a* и *o* въ слав.-балт. *o* само по себѣ столь же возможно, какъ совпаденіе ихъ въ

слав.-балт. *a*. Но если вспомнимъ, что иде. *o* перешло въ *a* также въ сосѣднихъ германскихъ, арійскихъ и въ албанскомъ языкахъ, то совпаденіе иде. *a* и *o* въ слав.-балт. *a*, пожалуй, станетъ правдоподобнѣе¹⁾, такъ какъ это звуковое явленіе, можетъ быть, представляетъ собою «волну», охватившую всѣ сѣверо-восточные индоевропейскіе языки. И въ пользу послѣдней альтернативы, кажется, говорить еще и то обстоятельство, что вмѣсто теперешняго славянскаго *o* мы находимъ *a* въ греческихъ (ср. Kretschmer AfslPh. XXVII, 228 слл.) и финскихъ (ср. ВВ. XX, 147 сл.) заимствованіяхъ изъ славянскихъ языковъ. Возражаютъ, правда, что финское и греческое *o* произносились болѣе закрыто, чѣмъ славянское *o*, и что только поэтому слав. открытое *o* финнами и греками передавалось черезъ *a* (*a* не *o*). Но *o*, хотя бы закрытое, кажется, по крайней мѣрѣ столь же близко къ открытому *o*²⁾, какъ гласный *a*; и что во время заимствованія финское *o* было закрыто, этого мы даже не знаемъ. Поэтому теперь начинаетъ распространяться мнѣніе, что иде. *a* и *o* совпали въ слав.-балт. *a*, которое въ балтійскихъ языкахъ сохранилось, въ славянскихъ же перешло въ *o*, ср. Mahlow, Die langen Vocale AEO. 2, Kretschmer AfslPh. XXVII, 228 слл., Charpentier I, с. XXIX, 1, van Wijk PBrB. XXVIII, 250¹, Meillet, Introduction² 380 и мою замѣтку въ Сборн. статей, посвящ. Ф. Θ. Фортунатову, 557. Если же другіе механически возводятъ слав. *o* и балт. *a* къ славяно-балтійскому *ā* (или *a^o*), то это само по себѣ вполне возможно и также не можетъ быть опровергнуто. Это ихъ мнѣніе однако нисколько не обязательно: какъ изъ иде. *a* съ теченіемъ времени могло развиваться слав. *o*, такъ же и изъ «славяно-балтійскаго» *a* могло получиться это же *o*. И арійское, германское и албанское *a* изъ иде. *o* говорить не въ пользу такого «славяно-балтійскаго» *ā*.

¹⁾ Если Фасмеръ KZ. XLI, 161 находитъ, что старое ученіе вѣроятнѣе, потому что оно «проще», то при этомъ онъ не считается съ балтійскими языками, ссылаясь на Бругмана Grdr. I², 146, который самъ однако KVG. 75 болѣе не высказывается въ прежнемъ смыслѣ.

²⁾ Фасмеръ, отстаивая старую теорію, все-таки признаетъ KZ. XLI, 160¹, что слав. *o* «dem germ.-lat.-griech. *a* näher stand als dem *o*». Если же это такъ, то это слав. «*o*», кажется, скорѣе гласный типа *a*, чѣмъ типа *o*.

Старое различіе въ развитіи иде. *-dd(h)-* между славянскими и балтійскими языками устанавливаетъ Педерсенъ JF. XXVI, 293, утверждая, что изъ иде. *-dd(h)-* получается въ славянскихъ языкахъ *-z-*, въ балтійскихъ же *-zd-*. А до него полагали, что также въ славянскомъ иде. *-dd(h)-* давало *-zd-*, и я думаю, что и впредь можно спокойно придерживаться этого стараго взгляда. Прежде всего врядъ ли правильно полагать съ Педерсеномъ, что въ славянскихъ языкахъ мы вовсе не находимъ *-zd-* изъ иде. *-dd(h)-*: какъ же иначе намъ объяснить *-zd-* въ ч. *hyzditi* (при малор. *uid*; Walde KZ. XXXIV, 509), црксл. *грудити* (при *груда*, ср. Walde KZ. XXXIV, 509) и въ р. *громоздъ* и *громоздитъ*¹⁾ при *ромада*? Главнымъ же примѣромъ для слав. *-z-* изъ иде. *-dd(h)-* у Педерсена является црксл. *пазуха*, которое онъ разлагаетъ на **nad-духа*. Но для этого слова возможно и другое объясненіе. Можно допустить, что существовали рядомъ однозначашія **pa-духа* (ср. лат. *raduse*) и форма, соотвѣтствовавшая литовскому *pažastis*, и что затѣмъ путемъ контаминаціи обѣихъ формъ возникло *разуха* (какъ въ восточно-латышскихъ говорахъ *razuse* путемъ смѣшенія однозначашихъ формъ *raduse* и заимствованнаго *разика*) и далѣе *раздуха* смѣшеніемъ формъ *разуха* и **радуха*. Далѣе Педерсенъ, вслѣдъ за Jokl'емъ, сопоставляетъ р. *лазъ* съ црксл. *ладѣти* и црксл. *бланиъ* съ црксл. *бладъ*, подчеркивая, что это дѣлается «mit vollem Recht», но вмѣстѣ съ тѣмъ заявляя, что должно иначе формулировать²⁾ «законъ» Jokl'я. Утрата носового согласнаго передъ свистящимъ, можетъ быть, имѣла въ славянскомъ мѣсто послѣ вторично возникшей долготы, въ пользу чего говорилъ бы староч. l. pl. *polás* (Brugmann Grdr. II², 2, 250¹⁾), если возникновеніе этой формы не обусловлено вліяніемъ соотвѣтствующихъ формъ dat., instr. pl., ср. Brugmann Grdr. I², 387 и 783. Что же до «закона» Jokl'я, то всю невѣро-

¹⁾ На послѣдній примѣръ мнѣ указалъ мой бывшій коллега, проф. Гр. А. Ильинскій.

²⁾ Эта новая формулировка сообщается JF. XXVII, 324: *n* исчезаетъ въ праславянскомъ между долгимъ гласнымъ и *s, z*. Но это уже мало похоже на гипотезу Jokl'я и предполагалось еще и раньше другими языковѣдами, ср. Zubatý AfslPh. XV, 498.

ятность его надлежащимъ образомъ уже освѣтилъ Брюкнеръ JF. XXIII, 207 слл. Поэтому неудивительно, что изъ языковѣдовъ въ пользу этой гипотезы Jokl'я пока высказался, насколько я знаю, только Педерсенъ, признавая однако ее только въ другой формулировкѣ. Слова же *глазъ* и *блазнъ* допускаютъ и другія объясненія. Относительно *глазъ* ср. словарь Бернекера 301 (можно прибавить, что родственныя формы, корневой гласный которыхъ, подобно славянскому *a*, восходитъ къ иде. *ō*, сохранились и въ литовскомъ языкѣ, см. Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. XV, 2, 220). Менѣе убѣдительно пока объясняется *блазнъ* (ср. словарь Бернекера 59); этимологія же, предлагаемая Педерсеномъ, и сама по себѣ не очень соблазнительна (приходится выводить *-zn-* изъ иде. *-dhtn-*, что пока не подтверждается другими примѣрами славянскихъ языковъ; и также въ родственныхъ языкахъ, насколько я вижу, получается *-ddh-* изъ *-dht-* только передъ гласными), и ей противорѣчатъ вышеупомянутыя р. *проморозѣ*, црксл. *пруздиѣ* и ч. *hyzditi*. А что въ р. *(на)слузѣ*, рядомъ съ *(на)слудѣ*, *-з-* восходитъ къ *-dd(h)-*, это невѣроятно еще и потому, что эти слова, кажется, произведены отъ того же корня, который мы находимъ въ црксл. (сербск. изв.) *хлужати* и р. *хлынуть* (если тутъ *x-* изъ иде. *s-*; при иде. *sreц-* могло существовать *sleц-*); а если это такъ, то *-д-* въ словѣ *(на)слудѣ* входитъ въ составъ суффикса, а не корня¹⁾, такъ что *-з-* въ *(на)слузѣ* или восходитъ къ иде. *ǵ(h)*, или же возникло (взамѣнъ *-д-*) подъ вліяніемъ какого-нибудь другого слова, ср. наприм. црксл. *слузѣ* «*pituīta*». Далѣе Педерсенъ сопоставляетъ словинск. *lâz* съ однозначающимъ р. *ляд(ин)а*, а возможность этого сопоставленія всецѣло зависитъ отъ правильности гипотезы Jokl'я. А что до префикса *раз-*, то даже въ томъ случаѣ, если оно дѣйствительно родственно съ лит. *ardýti* «пороть», его з вѣроятно стоитъ въ связи съ *-з* въ *без*, *из*, *въз* (ср. также Mikkola, Baltisches u. Slavisches 36 сл.). Наконецъ, Педерсенъ въ пользу своей гипотезы приводитъ

¹⁾ Миклошичъ же въ своемъ этимологическомъ словарѣ (стр. 308) сопоставляетъ р. *наслудѣ* съ црксл. *слуды* «*locus praeruptus*», которое однако по своему значенію слишкомъ расходится съ русскимъ словомъ и можетъ быть родственно скорѣе съ лат. *šl'aubims* «отлогость».

нѣсколько славянскихъ словъ съ *z*, которому въ литовскомъ будто бы соотвѣтствуетъ *zd*: прксл. *лоза*: лит. *lazdà* «палка»; праслав. **bъrзъ*: лит. *burzdùs* «подвижной»; р. *прязнуть, прузить*: лит. *gramzdinti* «погружать» (относительно послѣдняго слова ср. однако словарь Бернекера 350 и относительно **bъrзъ* этимологию Ильинскаго РФВ. LXIII, 322 слл., указывающаго на праслав. **bъrздъ* при **bъrзъ*!). При этомъ Педерсенъ вовсе не считается съ мнѣніемъ Бругмана Grdr. I², 569, по которому въ литовскомъ языкѣ изъ *-žd-* (кромѣ положенія послѣ *g*) получается *-zd-*. Если до сихъ поръ обращали мало вниманія на это мнѣніе Бругмана, то это, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что приведенные имъ примѣры не очень убѣдительны. Бругманъ приводитъ въ пользу своей теоріи только лит. *gramzdýti* «погружать» (но *z* въ немъ и соотвѣтствующемъ ему славянскомъ словѣ можно было бы съ Бернекеромъ выводить изъ иде. *s*), *lazdà* и *lįzdas* «гнѣздо» (: пр. *lasint* «класть», *listis* «ложе»). Но вмѣсто пр. *listis* теперь читаютъ *liscis* (ср. Trautmann Apr. Spr. 371; считать это слово заимствованнымъ изъ п. *leżyisko* трудно въ виду лат. **lizgs* ВВ. XXIX, 188 и большаго формальнаго различія между пр. *liscis* и п. *leżyisko*), а пр. *lasi-*, можетъ быть, дѣйстви-тельно заимствовано изъ п. *łóżyć*. И такъ какъ лит. *lįzdas*, каково бы ни было происхожденіе его начальнаго *l-* (ср. Lidén JF. XVIII, 488¹), по всей вѣроятности стоитъ въ связи съ иде. **nisdos* и рядомъ съ нимъ мы находимъ лат. **lizgs*¹), то не подлежитъ сомнѣнію, что *-z-* въ немъ въ положеніи передъ звонкимъ согласнымъ восходитъ къ иде. *s*. Таково же могло бы быть происхожденіе *-z-* также въ лит. *lazdà* «палка, орѣшина» (лат. *lazda*, *lazds*, *ležds*, *lagzda*, *lagzds*, *legzda*, *legzds*²) «орѣшина», пр. *laxde* «орѣшина»). И непременно *-z-* тутъ восходило бы къ иде. *-s-*, если дѣйстви-тельно рядомъ имѣется лат. *leši* (съ *š* вѣроятно изъ иде. *s*) *kuòks* (съ тѣмъ же значеніемъ), какъ это читаемъ въ словарѣ Ульмана,

¹) Форма *ligzds* (или *ligzda*), можетъ быть, получилась изъ **lizgd(a)s*, возникшаго путемъ смѣшенія формъ **lįzdas* и **lizgas*, ср. наприм. лит. *mėksti* «вязать» изъ **mezgti*.

²) Сочетаніе *-gzd-*, можетъ быть, восходитъ къ *-zgd-*, получившемуся путемъ смѣшенія *-zd-* и **-zg-*, съ которымъ ср. р. *роза*; ср. Kirste AfslPh. XII, 309.

или если дѣйствительно съ этими балтійскими словами родственно ¹⁾ арм. *last* «плоть, лодка», *lasteni* «ольха» (латышское *e* могло бы тутъ восходить къ старому *a*, ср. *šk'ēvas* выше на стр. 86), ср. Lidén JF. XVIII, 487 слл., Lewy KZ. XL, 422¹. Въ такомъ случаѣ слово *лоза́* было бы родственно съ *lazdà* лишь при томъ условіи, если бы его *z* получилось изъ иде. *s*, о чемъ ср. выше стр. 75 сл. Но есть возможность возводить его къ иде. *ġ(h)*, ср. Штрекель AfslPh. XXVII, 52 слл. и Lidén JF. XVIII, 488. Примѣры, приведенные Бругманомъ, какъ видно изъ предыдущаго, не могутъ доказать литовскаго перехода *-žd-* въ *-zd-*. Но есть нѣсколько другихъ литовскихъ словъ, которыя скорѣе могли бы доказать такой переходъ. Наболѣе убѣдительными являются *laizdýti* (при *laižýti* «лизать») «пышать (о пламени), пылатъ» или (по Куршату, ссылающемуся на Нессельмана) «lecken» (von der Flamme; ср. у Куршата: *liepsnà laizdo prõ stógą* «die Flamme leckt zum Dache heraus»; *ugnīs sulaizdo vandeni* «die Flamme verzehrt das Wasser») съ *z* не только у Нессельмана, но также у Виллента (Lit. u. lett. Drucke III, 92, 9) и Даукши (Post. 51, 10; 112, 5; 117, 7; 313, 4; 358, 7 и др.; встрѣчающееся рядомъ съ *z—ž*, наприм. 331, 21; 361, 29; 363, 3, или опечатка, ср. наприм. *weįždėkime* 149, 7; *teweįzd'* 143, 34; *paŭaįzda* 140, 2; *maįgõio* 150, 4; *weįzdi* Katech. 24, 27,— *meįdamas* 47, 31, или вызвано вліяніемъ глагола *laižýti*), и *vėzdas* «дубина» Лхр. 333, 18; 378, 40, Даукша Post. 205, 23, Willent Lit. u. lett. Drucke. III, 163, 2, словарь Юшкевича подъ *irandũ'ti*, *inagis* и др. (ср. также Leskien Bild. d. Nom. 166), рядомъ съ лат. *vēzda*, *vēza* «дубина», *vēzināt* «колотить», *atvēzētiēs* «die Hand zum Schlagen aufheben», *izvēztiēs* «den Unterleib vorstrecken», ав. *vazra-* «палица», скр. *vájra-s* «перунъ». Далѣе мы въ словарь Куршата находимъ въ скобкахъ *grįždo rātas* «большая медвѣдица», но по письменному сообщенію мнѣнію К. К. Буги это—ошибочное

¹⁾ Meyer, Etym. Wrtb. d. alban. Spr. 234, сопоставляетъ съ ними также алб. *l'aiðī* «орѣшина», возводя его черезъ *l'akði* къ основѣ *laks-*, чего я не могу провѣрить; если это такъ, то такое *laks-* могло бы быть родственно съ *lazdà* лишь въ томъ случаѣ, если его *-ks-* получилось путемъ перестановки изъ *-sk-* (до измѣненія сочетанія *-sk-* по направленію къ *h*) или изъ *-zg(h)-*.

чтеніе вмѣсто *grījžalo r.*, ср. словарь Юшкевича подъ *grinžóratas*. Простая же опечатка по всей вѣроятности *izdas* «ein noch verborgener Schatz» (у Куршата въ скобкахъ), ср. у Ширвида *iždas* (Lit. u. lett. Drucke IV, 21, 5; 145, 3). Скорѣе еще можно сослаться на *graznà* (у Юшкевича подъ *grāžnà*) «краса» и *grāžnas* (тамъ же подъ *grāžnas*) «прекрасный» (если это не заимствование изъ лат. *grazns*), гдѣ *-z-* можетъ восходить къ *-zd-*, рядомъ съ *grāžūs* «красивый»; *kuziúoti* «итти» (у Юшкевича подъ *eīti* и *dujūti* и у Ивинскаго, по сообщенію К. К. Буги, которому я обязанъ значительною частью матерьяла по этому вопросу) рядомъ съ лат. *kužņiúotiēs* «sich schwerfällig bewegen»; *kuzdēti* «дрожать (отъ холода)» у Куршата, Беценбергера Lit. Forsch. 131 и въ Хвейданскомъ говорѣ рядомъ съ *kušēti* и лат. *kužņiúot* «sich regen» (но возможно, что правъ К. К. Буга, сопоставляющій *kuzdēti* съ однозначнымъ нижнен. *huden* у Фика Vrgl. Wrtb. III⁴, 92); *gruzdinti* (у Юшкевича подъ *grāužinti*) = *grūžinti* «давать грызть, выпасать» (въ однозначномъ *grāuždinti* *ž* можетъ быть восстановлено изъ *grāužti* «грызть»); *glūmzdyt* «мять» (изъ Вилкомир. говора у Юшкевича) рядомъ съ однозначнымъ *glāmžyti*; *gleiznóti* «пачкать, марать», *gleizavóti* «обмазывать» рядомъ съ *gleižioti* «мазать», *gleižūs* «покрытый слизью» (но, какъ мнѣ указываетъ К. К. Буга, можно думать также о родствѣ съ *glāistýti* «помазывать» и средне-врхн. *klīster*); *aržēti* Ю. «шумѣть, кричать» рядомъ съ однозначнымъ *aržóti* у Беценбергера Lit. Forsch. 97; *grūzdis* К. «wer oder was klein und verkümmert ist» рядомъ съ *grūžas* Ю. «огрызанный, короткій». Есть, правда, и литовскія слова съ *-žd-*. Какъ замѣтилъ уже Бругманъ l. c., *-žd-* правильно сохраняется послѣ *g*. И не только старое *-žd-* сохраняется въ этомъ положеніи, но подобно переходу *s* послѣ *k* въ *š* также *z* изъ *s* (передъ *d*) переходитъ въ *ž* въ положеніи послѣ *g*¹⁾, ср. наприм. *žiegždras* или *žigždras* у Ю. подъ

¹⁾ Послѣ *r* однако мы находимъ не *ž(d)*, но *z(d)*, ср. наприм. *barzdà* «борода», *burzdēti* «шевелиться», *érzinti* «дразнить», *žviřzdai* «дресва» у Буги Aist. Stud. I, 165 (рядомъ съ однозначнымъ *žviřgždai* и возникшимъ путемъ контаминаціи обѣихъ формъ *žvirždai* наприм. у Ширвида, см. Lit. u. lett. Drucke IV, стр. XLI). Въ *garždas* у Межиниса *ž*, можетъ быть, обусловлено вліяніемъ

išpustyti (со вставнымъ *g*) «крупный песокъ» (у Межиниса и Лалиса) рядомъ съ *žiēgdros* или *žizdrà* въ Янишкахъ и средне-врхн. *kis* (въ *žiēgdros* же *g* можетъ быть вставлено послѣ перехода *gzd* въ *gžd*, или же оно возникло смѣшеніемъ формъ *žiegždras* и *žiēgdros*); *užgrāgždina* (со вставнымъ *g*) «запретила» у Юшкевича подѣ *gérti*, на что мнѣ указалъ К. К. Буга (= *ažūgrēsē* въ Дусятахъ). Тутъ я приведу еще и *žvaigždē* «звѣзда» при *žvaizdē* и *žvaigždē*, относительно котораго см. выше *žiēgdros* (лит. *žvaig-*, лат. *zvaigzne*, которое можетъ восходить къ **zvaigzdnē*, и пр. а. s. *swāigstan* «Schein» указываютъ на прабалтійское *žvaig-*, которое мы находимъ еще и въ лат. *zvaigal'a* «Kuh mit weissem Sterne auf der Stirn» и инфл. п. pl. *zvaidžeņis* «звѣздочки» *Zbiór wiadomości* XVIII, 350. Что до отношенія этого *žvaig-* къ праславянскому *gvěz-* въ **gvězda*, то я съ Бернекеромъ считаю возможнымъ думать о перестановкѣ, причемъ латышскій вариантъ этого корня безъ *v* въ *zaiguotiēs* «сіять» говорить, можетъ быть, въ пользу перестановки на славянской почвѣ, ср. также еще лат. *zviņgul'uot* «сіять». Лит. же *žvaizdē* и лат. i. pl. *zvaiznims* въ Евангеліяхъ 1615 г., стр. 2b, и *zvaižņuot* «mit Sternen besetzen» или произведены отъ корневого варианта иде. *g(h)uoiġ(h)-*, или же скорѣе утратили свое *g* вслѣдствіе колебанія между формами вродѣ лит. *žviġgždai*, лат. *lagzda* и формами вродѣ лит. *žviġzdai*, лат. *lazda*). Тамъ, гдѣ мы еще находимъ *zd* послѣ *g*, это *g* можетъ быть вставлено уже послѣ перехода *gzd* въ *gžd*: *mėgzdyti* «дразнить» у Межиниса (ср. однозначное лат. *mēdit*). Какъ *š* (изъ иде. *s*) изъ положенія послѣ *k* иногда переносится также въ положеніе послѣ губныхъ (см. выше стр. 36), такъ и *ž(d)* мы находимъ и послѣ *b*: *k(r)ibždėti* «кишѣть», *krebždėti* или *šnabždėti* «leise rascheln», *šnibždėti* «шептать на ухо», *vebždėti* «кишѣть» и др., ср. напр. *gvogždėti* «щекотать», *gvagždėti*

слова *gaġgždas* Ю. «дресва» или (въ Шавляхъ) «шлакъ». Съ *berždyñē* «телка» ср. *bergždinē* Ю. или *berždžià* «яловая», гдѣ *ž* могло развиться изъ *z* передъ *dž*, какъ и въ п. pl. (*žirniai*) *berždì* «зрѣлые» (въ Поневѣжскомъ уѣздѣ), если п. s. къ нему **berždžias*, ср. также (*žirniai*) *pabeġgžde* «artì piovimò» въ Вилкомирскомъ у. и *javai beršt(a)* «das Getreide fängt an weiss zu werden, zu reifen». Не ясно для меня *ž* только въ *gerždókle* «chaerophyllum silvestre» у Беценбергера Lit. Forsch. 113.

«хуѣть», *gvargždėti* «хрипѣть», *gurgždėti* «хрустѣть», *girgždėti* «скрипѣть», *kugždėti* «шептать на ухо» около Тельшъ (рядомъ съ *kuzdėti* у Нессельмана и контаминаціоннымъ *kuždėti*, наприм. во Владиславовскомъ уѣздѣ, и *kuštėti*) и др. Это же *-ždėti* мы находимъ также послѣ *m* въ *grumždėti* «ѣсть съ хрустомъ». Въ *gramždė* «пескарь» (у Нессельмана) *ž*, можетъ быть, опечатка вмѣсто *z*, ср. однозначашее *grumzdis* у Буги Aist. Stud. I, 184; въ *grémždu* «скребу» *ž* можетъ быть обусловлено вліяніемъ однозначашаго *grém-žiu*, какъ и въ *glemšti* Ю. (III л. прош. вр. *glemždė*) вліяніемъ *glemžti* «сгребать». Въ *prieždà* Лхр. 359, 22 «шестокъ» между *ž* и *d* утраченъ гласный, какъ показываетъ *pryžeda* «Baskofenloch» у Куршата. Остается еще совершенно неясное для меня *leiždinti*¹⁾ «ein Haus abbinden» (у Куршата въ скобкахъ), *graždas* «дресва» (у К. въ скобкахъ; съ *ž* подъ вліяніемъ однозначашаго *gaigždas*? или изъ **gragždas*, какъ полагаетъ Буга Aist. Stud. I, 135, ср. выше замѣтку о *žraizdė*) и *kemšti* «коченѣть» (наст. вр. *kemštù*, прош. вр. *kemždaũ*) въ Хвейданахъ и Ретовѣ (рядомъ, можетъ быть, существовали формы съ *kemž-* не передъ *d*). Совершенно же естественно, что предлоги *ùž* и *iš* въ сложныхъ словахъ сохраняютъ *ž* передъ *d*, и что *ž* сохраняется въ концѣ глагольныхъ корней въ образованіяхъ на *-davaũ*, *-dinu*, *-damas*. Въ виду всего этого я склоненъ думать, что Бругманъ былъ правъ въ своемъ предположеніи о переходѣ литовскаго *žd* (не послѣ *g*) въ *zd*, хотя такой фонетическій процессъ самъ по себѣ для меня неясенъ (*š* передъ *t* сохраняется!). Если же это такъ, то естественноѣе возводитъ *z* въ лит. *gramzdýti* и соотвѣтствующемъ ему славянскомъ словѣ къ иде. *ǵ(h)*, ср. словарь Бернекера полъ *gręznq*. Гипотеза же Педерсена о возникновеніи слав. *z* въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ *dd(h)* лишилась бы въ такомъ случаѣ и послѣдней своей опоры.

Старое, вѣроятно, различіе имѣлось бы между славянскими и балтійскими языками въ томъ случаѣ, если бы дѣйствительно балтійскому *k* соотвѣтствовало въ славянскомъ не только *k*, но и *x*,

¹⁾ Оно напоминаетъ наприм. *vėždinu* отъ *vėžù* «везу»; по мнѣнію К. К. Буги *leiždinti* опечатка вмѣсто **leizdinti* отъ *léidžiu*.

т. е., если бы слав. *x* восходило не только къ иде. *s*, но и къ иде. *kh*, какъ полагаетъ Педерсенъ JF. V, 50 сл., KZ. XXXVIII, 391 слл. и XL, 173 слл., къ которому присоединяются Meillet MSL. IX, 153, Études sur l'étymologie 174, Introduction² 62, и Berneker (ср. его словарь подъ *choldz*), тогда какъ Uhlenbeck JF. XVII, 93 слл. высказался противъ этого. Педерсенъ самъ, правда, считаетъ KZ. XXXVIII, 391 возможнымъ предположить «ein urbaltisch-slavisches» *x*, сохранившееся въ славянскомъ, на балтійской же почвѣ перешедшее въ *k*; и опровергнуть я не могу этого предположенія. Но оно высказано только въ угоду теоріи о славяно-балтійскомъ праязыкѣ, а эта теорія сама еще не доказана. И если вспомнимъ, что въ исторіи индоевропейскихъ языковъ преобладаетъ тенденція къ замѣнѣ затворныхъ согласныхъ ффрикативными, то упомянутое предположеніе Педерсена о переходѣ прабалтійскаго спиранта *x* въ затворный *k* покажется маловѣроятнымъ. Что же до гипотезы о переходѣ иде. *kh* въ праслав. *x*, то а priori она, правда, не очень убѣдительна, но все-таки вполне возможна. Что изъ *kh* получается *x*, тогда какъ на мѣстѣ *th* и *ph* мы находимъ *t* и *p*, это было бы понятно: стоило бы только предположить, какъ указалъ Педерсенъ, что *x* возникло изъ *kh* еще до перехода *th*, *ph* въ *t*, *p*. Въдѣ изъ задненебныхъ затворныхъ, на что тоже самъ Педерсенъ обратилъ вниманіе, легче развиваются спиранты, чѣмъ изъ зубныхъ и губныхъ затворныхъ, какъ показываютъ приведенныя Педерсеномъ параллели изъ армянскаго (*ph*, *th* рядомъ съ *x* изъ *kh*), малорусскаго и чешскаго (*b*, *d* рядомъ съ звонкимъ *h* изъ *g*) и другихъ языковъ. Но при *x* изъ *kh* мы ожидали бы также *γ* изъ *gh*, тѣмъ болѣе, что звонкіе затворные обыкновенно производятся съ меньшею силою, чѣмъ глухіе затворные, такъ что *γ* изъ *gh* даже легче могло бы получиться, чѣмъ *x* изъ *kh* (ср. чешск. *h* изъ *g* при *k*!). Пришлось бы, значить, далѣе предположить, что на славянской почвѣ mediae aspiratae утратили свое придыханіе уже раньше, такъ что въ извѣстную эпоху существовали одновременно *g*, *d*, *b* (изъ иде. *gh*, *dh*, *bh*) и *kh*, *th*, *ph*, а это было бы нѣсколько странно. Но спѣшу тутъ же оговориться, что невозможнымъ это не можетъ считаться, такъ какъ нѣчто тому подобное мы находимъ

въ армянскомъ, гдѣ рядомъ съ *ph*, *th*, *x* мы находимъ (изъ иде. *bh*, *dh*, *gh*) *b*, *d*, *g* или же, какъ не безъ основанія полагаетъ Педерсенъ KZ. XXXIX, 337, *bh*, *dh*, *gh*. Разница только въ томъ, что въ армянскомъ *mediae aspiratae* не совпали съ *mediae*. Можно было бы тутъ еще сослаться и на иранскіе языки, гдѣ *tenues aspiratae* перешли въ глухіе спиранты, между тѣмъ какъ *mediae aspiratae*, по господствующему мнѣнію, утративъ свое придыханіе, совпали съ *mediae* въ *b*, *d*, *g*. Но что это дѣйствительно такъ было, не можетъ быть доказано. Не исключена возможность, что одновременно съ *tenues aspiratae* также *mediae aspiratae* (а потомъ и *mediae*) перешли въ спиранты, послѣ чего изъ звонкихъ спирантовъ при извѣстныхъ условіяхъ въ отдѣльныхъ иранскихъ говорахъ развиваются звонкіе затворные. Это было бы очень похоже на развитіе звонкихъ прагерманскихъ спирантовъ въ отдѣльныхъ германскихъ языкахъ, гдѣ тоже и почти при тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ иранскомъ, изъ звонкихъ спирантовъ получаютъ звонкіе затворные, ср. объ этомъ Brugmann Grdr. I² §§ 719—721, 792, 799, 806.—Но, спрашивается теперь, дѣйствительно ли, какъ принято думать, *tenues aspiratae* были свойственны *всѣмъ* говорамъ индоевропейскаго праязыка? Вѣдь при утвердительномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ мы съ большой увѣренностью могли бы искать слѣдовъ этихъ *tenues aspiratae* также въ славянскихъ языкахъ. А сомнѣваться въ правильности господствующаго мнѣнія прежде всего заставляютъ данныя греческаго языка. Извѣстно, что не *всѣмъ* арійскимъ и армянскимъ звукамъ, восходящимъ къ иде. *tenues aspiratae*, соотвѣтствуютъ въ греческомъ языкѣ *φ*, *θ*, *χ*: вмѣсто нихъ находимъ и *tenues*, по крайней мѣрѣ *τ* вмѣсто *θ*, какъ, наприм., въ *πάτος* при скр. *path-*, ав. *paθ(ā)-* «стезя», или *πλατός*¹⁾ при

¹⁾ Въ *πλάθωνον* «Kuchenbrett» *θ*, можетъ быть, восходить къ иде. *dh*, ср. Meillet, Les dialectes 81. Если Зубатый KZ. XXXI, 3 сл. сомнѣвается въ родствѣ *πλατός* и лит. *platus* (которое относительно коренного гласнаго можетъ соотвѣтствовать скр. *práthīyas-* «шире») съ скр. *pr̥thū-*, то это сомнѣніе могло быть вызвано только предубѣжденіемъ, будто бы всякому скр. *th* непременно соотвѣтствуетъ гр. *θ*. А если Meillet l. с. 80 слл. склоненъ думать, что всякое иде. *th* фонетически перешло въ гр. *τ* (а не *θ*, которое будто бы восходить только къ звонкой *aspirata*), то это не совсѣмъ согласуется съ данными греческаго языка,

скр. *pr̥thú-*, ав. *prəθu-* «широкій», рядомъ съ *oīθa*: скр. *vē'ttha* «знаешь» и др., ср. Zubatý KZ. XXXI, 3 слл.; при этомъ развѣ только отчасти могутъ быть установлены опредѣленные условія для *τ* вмѣсто *θ*, какъ наглядно показываетъ только что упомянутая статья Зубатаго. Есть, правда, въ индоевропейскихъ языкахъ также случаи колебанія между *media aspirata* и *media*, но это колебаніе отличается отъ колебанія между *tenuis aspirata* и *tenuis* тѣмъ, что *mediae* вмѣсто *mediae aspiratae* встрѣчаются въ различныхъ индоевропейскихъ языкахъ и между прочимъ также въ санскритѣ (ср. наприм. Brugmann Grdr. I² § 704 и Wackernagel Ai. Gr. I, 129), тогда какъ *tenuis* вмѣсто *tenuis aspiratae* въ санскритѣ, кажется, не встрѣчаются (ср. Wackernagel l. c. I, 130), но только на западѣ отъ индусовъ, чѣмъ дальше отъ нихъ, тѣмъ больше. Изрѣдка вѣдь также въ иранскихъ языкахъ санскритской *tenuis aspirata* соотвѣтствуетъ *tenuis*, какъ въ ав. и древнеперс. *kan-*: скр. *khánati* «копаетъ» (слишкомъ проблематично объясняютъ это иранское *k* v. Fierlinger KZ. XXVII, 335 и Bartholomae Grdr. d. iran. Phil. I, 1 § 13). И гр. *φ*, *θ*, *χ* изъ иде. *ph*, *th*, *kh*, можетъ быть, еще нѣсколько рѣже, чѣмъ принято думать: есть вѣдь случаи колебанія между *tenuis aspirata* и *media aspirata* (ср. Brugmann Grdr. I², § 702), такъ что въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ гр. *φ*, *θ*, *χ* возводятъ къ иде. *ph*, *th*, *kh*, эти греческіе звуки могутъ восходить къ иде. *bh*, *dh*, *gh*, какъ, наприм., въ *γρόνθος* «кулакъ» (которое Бругманъ KVG. § 223 сопоставляетъ съ скр. *granthi-* «узелъ»; ср. однако этимологическій словарь Boisacq'a, стр. 156) или въ *κόγχος* «раковина» (по Бругману KVG. § 248 съ *χ* изъ иде. *kh*, какъ въ скр. *śankhá-s*; ср. однако Uhlenbeck JF. XIII, 217). Такого рода колебаніе между *tenuis aspiratae* и *tenuis* я могу понять только какъ отраженіе діалектической «волны» индоевропейскаго праязыка, имѣвшей исходную точку на крайнемъ востокѣ и осла-

и такое различіе въ развитіи между *th* и *ph*, *kh* само по себѣ, для меня по крайней мѣрѣ, было бы непонятно. По моему мнѣнію, только случайно мы не знаемъ совершенно безспорныхъ примѣровъ для гр. *π*, *κ* изъ иде. *ph*, *kh*, такъ какъ эти звуки вообще встрѣчались сравнительно рѣдко.

бывавшей по направленію къ западу ¹⁾). Если это дѣйствительно такъ, то возникаетъ дальнѣйшій вопросъ, распространились ли *tenues aspiratae* еще дальше греческой области на западъ? Рѣшеніе этого вопроса всецѣло зависитъ отъ данныхъ латинскаго языка, такъ какъ въ кельтскихъ (какъ и въ славяно-балтійскихъ) языкахъ при совпаденіи *mediae aspiratae* съ *mediae* могло произойти и совпаденіе *ph, th, kh* съ *p, t, k*, въ германскихъ же языкахъ, гдѣ иде. *p, t, k* (можетъ быть, черезъ переходную ступень *ph, th, kh*) перешли въ соотвѣтствующіе глухіе спиранты, эти же звуки могли получиться и изъ иде. *ph, th, kh*. Въ италійскихъ же языкахъ, гдѣ (въ ихъ общемъ праязыкѣ) изъ *mediae aspiratae* получились *tenues aspiratae*, иде. *ph, th, kh* должны были, казалось бы, совпасть съ *bh, dh, gh*, если бы изъ индоевропейскаго праязыка вообще перешли *tenues aspiratae* въ италійскій праязыкъ (съ этой оговоркой я согласенъ съ Педерсеномъ KZ. XL, 178). Весь матеріалъ и литературу по этому вопросу излагаетъ Uhlenbeck JF. XIII, 213 слл., приходя къ заключенію, что въ италійскомъ *tenues aspiratae*, если таковыя вообще имѣлись въ индоевропейскомъ праязыкѣ, *впрямую* совпали съ *tenues*, лишившись своего придыханія. А такой осмотрительный языковѣдъ, каковъ Meillet (притомъ полагающій, что первоначально во всѣхъ индоевропейскихъ говорахъ имѣлись *tenues aspiratae*!), въ *Les dialectes* 80, и Walde въ своемъ этимологическомъ словарѣ вполне увѣрены въ совпаденіи на италійской почвѣ *ph, th, kh* съ *p, t, k*. Бругманъ же KVG. § 267 и Зоммеръ, *Handbuch* § 111 учатъ, что въ италійскомъ *tenues aspiratae* совпали съ *mediae aspiratae* въ *ph, th, kh*, причемъ Зоммеръ это дѣлаетъ съ оговоркою, что примѣры для иде. *ph, th, kh* въ италійскомъ «*äusserst spärlich sind*». А Педерсенъ KZ. XL, 178 съ завидной увѣ-

¹⁾ Противоположнаго этому взгляда держится Meillet (*Les dialectes* 78 слл.), полагая, что съ запада на востокъ двинулась «волна», ведущая къ совпаденію *tenues aspiratae* съ *tenues*. Но въ такомъ случаѣ я ожидалъ бы совпаденія (въ тѣхъ же говорахъ) также *bh, dh, gh* съ *b, d, g*, тѣмъ болѣе, что вѣдь *tenues aspiratae* легче произносить, чѣмъ *mediae aspiratae*; ср. сохраненіе *ph, th* въ армянскомъ, тогда какъ *mediae aspiratae* тамъ утратили свое придыханіе. по крайней мѣрѣ, въ современныхъ восточно-армянскихъ говорахъ.

ренностью ¹⁾ считает даже за «absolut sicher», что въ италійскомъ *tenues aspiratae* совпадаютъ не съ *tenues*, но съ *mediae aspiratae*! Это съ перваго взгляда странное разногласіе объясняется тѣмъ, что рядомъ съ нѣсколькими безукоризненными примѣрами съ *p, t, k* (: *ph, th, kh* на востокѣ) вродѣ *pumex, rota, pons, cento, caedo* въ латинскомъ языкѣ есть нѣсколько словъ, которыя можно использовать въ пользу теоріи о совпаденіи *tenues aspiratae* съ *mediae aspiratae* въ *ph, th, kh*. Но Uhlenbeck въ упомянутой своей статьѣ и Walde въ своемъ словарѣ показываютъ, что доказательная сила послѣдняго рода примѣровъ нѣсколько сомнительна и значеніе ихъ двусмысленно. При такихъ данныхъ вообще признающіе праиталійское *ph, th, kh* изъ иде. *tenues aspiratae* должны съ Зоммеромъ признать, что примѣровъ для этихъ звуковъ въ латинскомъ крайне мало, значить, еще меньше, чѣмъ въ греческомъ. Но если моя гипотеза о распространеніи *tenues aspiratae* въ индоевропейскомъ праязыкѣ правильна, то скорѣе правы Meillet и Walde, по мнѣнію которыхъ восточно-индоевропейскимъ *ph, th, kh* въ латинскомъ соотвѣтствуютъ *p, t, k*. Увѣреніе же, что то или другое «absolut sicher», не имѣло бы, по крайней мѣрѣ съ моей стороны, абсолютно никакого смысла.— Что же до албанскаго языка, то съ легкой руки Педерсена JF. V, 50 и въ немъ оказалось *h* изъ иде. *kh* въ *hā* «я ѣмъ»: скр. *khā'dāmi*. Родство этихъ словъ возможно, но, какъ уже указалъ G. Meyer въ своемъ этимологическомъ словарѣ, это албанское слово можетъ восходить къ индоевропейскому варианту съ «подвижнымъ» *s*, такъ какъ албанское *h* получается, между прочимъ, изъ иде. *sk(h)*. И если G. Meyer правильно сопоставляетъ (съ вопросительнымъ знакомъ) l. c. 88 алб. *ḡekḡ* «Franse, Zipfel, Ader» (гдѣ *e* можетъ восходить къ иде. *ō*) съ скр. *śā'khā* «вѣтвь», то это доказало бы, что въ албанскомъ соотвѣтствуетъ *k* санскритскому *kh* (ср. еще и алб. *kam* «имѣю» у Мейера l. c. 171). Въ виду всего этого я считаю, по крайней мѣрѣ, возможнымъ, что *tenues aspiratae* существовали только въ восточныхъ говорахъ индоевропейскаго праязыка. Но, даже допустивъ, что это дѣйстви-

¹⁾ Послѣ того, что изложено выше на стр. 75, мы однако къ сожалѣнію не можемъ быть увѣрены въ прочности этого убѣжденія Педерсена.

тельно такъ было, позволительно далѣе думать, что также лингвистическіе предки славянъ знали *tenuēs aspiratae*, тѣмъ болѣе, что и въ развитіи индоевропейскаго *s* (послѣ *i*, *u*, *r*, *k*) славяне вѣроятно сходились съ арійцами, см. выше стр. 69 и сл.—Итакъ, послѣ этихъ апріорныхъ соображеній приходится признать, что рѣшеніе вопроса о славянскомъ *x* изъ иде. *kh* всецѣло зависитъ отъ качества этимологій, приведенныхъ въ пользу мнѣнія Педерсена. Къ ихъ разсмотрѣнію, значить, намъ теперь волей-неволей приходится перейти.

Главнымъ примѣромъ самъ Педерсенъ считаетъ прасл. **soxa*: скр. *śā'khā*, арм. *thsax*, лит. *šakà* «вѣтвь» (лат. *Saka*¹⁾ «der linke Nebenarm der Düna bei Holmhof», *sakas* или *seḱumī* «навозныя вилы»), гот. *hōha* «плугъ». Это сопоставленіе дѣйствительно само по себѣ очень заманчиво, и я вполне согласился бы съ мнѣніемъ Педерсена, что одно это слово уже доказываетъ слав. *x* изъ иде. *kh*, если бы не было и другихъ этимологій для этого слова. А между тѣмъ Мерингеръ JF. XVII, 116 сл., указывая на др.-верхн. *seh* «плужный рѣзакъ», фр. *soc*, ново-ирл. *soc*, кимр. *swch* «сошникъ», полагаетъ, что прасл. **soxa* «Pflock» заимствовано изъ др.-врхн. **sacha*. Но Штрекель AfslPh. XXVIII, 493 и Педерсенъ KZ. XL, 177 сл. оспариваютъ это на томъ основаніи, что слово **sacha* не засвидѣтельствовано въ германскихъ языкахъ. Самъ же Штрекель, какъ и до него уже Zupitza German. Gutt. 138 и Uhlenbeck JF. XVII, 99, возводитъ *x* въ праслав. **soxa* къ *ks*, производя это слово, какъ и др.-врхн. *sahs* «ножъ», отъ глагольнаго корня, который имѣется въ црксл. *сѣжѣ* и латинск. *secare*, и полагая, что оно первоначально значило «das schneidende (Ackergerät); > Gabel(holz); Pfahl, Pflock», подтверждая возможность такого развитія значенія многими параллелями l. c. 489 сл. И что Штрекель въ этомъ неправъ, еще никѣмъ не доказано, да и едва ли можетъ быть доказано.

Не менѣе убѣдительнымъ въ пользу *x* изъ *kh*, чѣмъ *soxa*, Meillet, Les dialectes 80 сл., считаетъ праслав. *xoxotati*: скр. *ká-khati* «хохочетъ», арм. *xaxankh* «хохотъ», гр. *χα(χ)αῖζω* (относи-

¹⁾ Cp. Bielenstein, Die Grenzen des lettischen Volksstammes 282.

тельно *ch* въ латинск. *cachinnare* ср. Sommer, Handbuch § 159). Педерсенъ же самъ не ссылается на это слово, вѣроятно не признавая за нимъ никакой доказательной силы въ данномъ вопросѣ. И въ самомъ дѣлѣ: въ виду сходныхъ формъ словинск. *hehetáti se*, р. *хихикатъ*, врхлуж. *khakhaś*, др.-врхн. *kachazzen*, тур. *kahkaha* и др., приведенныхъ въ словарь Бернекера, я не могу не признать, что это звукоподражательное слово могло быть создано на славянской почвѣ послѣ того, какъ тамъ вообще возникъ звукъ *x* (изъ иде. *s*), тѣмъ болѣе, что въ этомъ словѣ мы находимъ довольно производительный суффиксъ, ср. Leskien, Gramm. d. altbulg. Spr. 84. А въ такомъ случаѣ оно ничего не доказываетъ въ пользу *x* изъ *kh*.

Праслав. **xlěbъ*: гот. *hlaiba-*, латинск. *libum*. Какъ лат. *klaips* безспорно заимствовано изъ германскихъ языковъ, такъ такимъ же заимствованіемъ можетъ быть и прасл. **xlěbъ*, какъ полагаетъ и Бернекеръ въ своемъ словарѣ, который принципиально признаетъ *x* изъ *kh* (у него указана и вся литература объ этомъ словѣ).

Р. *хлудъ*, црксл. *охладиѣ* «negligentia» и (р. изв.) *охланѣти* «debilem fieri» по своему значенію слишкомъ расходятся съ скр. *khavda-* «кусокъ, часть», такъ что Бернекеръ съ полнымъ правомъ рѣшительно отвергаетъ эту этимологию, правдоподобнѣе сопоставляя эти славянскія слова съ нижнен. *sluntern* «nachlässig, schlaff sein».

Црксл. *млахаѡ*: гр. *βληχρός* «слабый». Но рядомъ съ *βληχρός* мы находимъ (дор.) *βλάξ*, г. с. *βλαχός* «мягкій, вялый, лѣнивый», такъ что естественнѣе возводитъ *χ* въ *βληχρός* къ *жс* (передъ *ρ*!). Кромѣ того представляется возможность сблизать *βληχρός* съ р. *благой* и возводитъ его *χ* къ иде. *gh*, ср. словари Бернекера (стр. 58) и Voisacq'a (стр. 121 и 123).

Црксл. *хапати* или *хонити* «кусать», *охѡтити* «amplecti», ч. *choriti*, р. *ханатъ* и др.: арм. *харһанет* «препятствую». Но это армянское слово по своему значенію ничего общаго не имѣетъ съ только что приведенными славянскими словами, о которыхъ ср. словарь Бернекера 384 и 396.

Црксл. *хотѣти*, п. *cheś* и др.: арм. *xind* «радость», *xand* «страстное желаніе». Ср. однако словарь Бернекера 399, гдѣ это

славянское слово правдоподобно сопоставляется съ црксл. *хвтити* и *хытити*, которыя и по формѣ и по значенію слишкомъ расходятся съ упомянутыми армянскими словами.

Црксл. *спръ*, р. *спрый*, п. *szary*, ч. *šerý*: др.-исл. *hárr* «сѣдой», гр. *χοῖρος* «поросенокъ». По мнѣнію Педерсена одинъ этотъ примѣръ уже вполне убѣдительно доказываетъ, что слав. *х* можетъ восходить къ иде. *kh*. Можетъ быть, найдутся вѣрующіе въ это; я же пока сомнѣваюсь въ доказательной силѣ этого примѣра. Что проще всего было бы возводить всѣ эти формы къ праслав. **xěrz*, въ этомъ я съ Педерсеномъ согласенъ и считалъ бы это даже вполне возможнымъ¹⁾, если бы въ этомъ словѣ имѣлось *s* (а не *š*-) въ словацкихъ и тѣхъ моравскихъ говорахъ, которые въ юс. *s*. имѣютъ *-se* изъ праслав. *-xě*. Если бы тамъ дѣйствительно имѣлось *s*-, то праслав. **xěrz* могло бы, пожалуй, даже считаться доказаннымъ. Но мы вовсе не знаемъ далѣе, что *h*- въ др.-исл. *hárr* восходитъ къ иде. *kh*-, а не *k*-. Педерсенъ, правда, сопоставляетъ его съ гр. *χοῖρος*; родство названія поросенка съ названіемъ сѣраго цвѣта само по себѣ, пожалуй, возможно, но не можетъ считаться болѣе или менѣе убѣдительнымъ. И, что важнѣе всего, гр. *χ*- въ *χοῖρος* по всей вѣроятности восходитъ къ иде. *ǵh*-, такъ какъ предположенное Г. Мейеромъ родство его съ алб. *dèr* «свинья» (гдѣ *e* можетъ восходить къ иде. *oi*) слишкомъ убѣдительно. Напрасно это оспариваетъ Педерсенъ, нуждаясь въ доказательствѣ, что *h*- въ др.-исл. *hárr* восходитъ къ иде. *kh*-: въ алб. *dirk* (или *derk*) «поросенокъ» *i* можетъ восходить къ иде. *i* или *ei*, и если даже дѣйствительно *-r* въ *dèr* не восходитъ къ иде. *-ros*, то расширение на албанской почвѣ старой основы *ǵhoiro*- лишнимъ суффиксомъ еще не можетъ быть препятствіемъ для сопоставленія этого слова съ тождественнымъ по значенію и формѣ гр. *χοῖρος* (относительно алб. *-r* ср. впрочемъ Pekmezi, Gramm. d. alban. Spr. 25). Но даже

¹⁾ Этому противорѣчило бы п. *sierač* «трясти», если бы былъ правъ Zupitza, возводя ВВ. XXV, 93 *sierp*- этого слова къ праслав. *xěp*- изъ иде. *ksoip*-, сопоставляя его съ скр. *kšipáti* «бросаетъ». Но, даже признавая правильность этого сопоставленія, можно тутъ думать объ иде. колебаніи *ks* : *s*-, о которомъ ср. выше стр. 44 слл.

помимо гр. *χοῖρος* можно было бы возводить *x-* въ праслав. **xěřъ* къ иде *kh-*, если такое слово существовало и если оно было родственно съ др.-исл. *hárr*. И если оно дѣйствительно существовало, то трудно было бы отрицать его связь съ др.-исл. *hárr*. А развѣ возможность заимствованія предполагаемаго праслав. **xěřъ* изъ прагерм. **haira-z* совершенно исключена? Совершенно отрицать это было бы едва ли правильно въ виду безспорнаго заимствованія нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ названій цвѣтовъ, ср. наприм. словарь Бернекера подъ *alyj* и *brun*¹⁾. Но мнѣ кажется, что можно тутъ обойтись и безъ праслав. **xěřъ* (и исключена была бы мысль о такой праформѣ, если бы также словацкіе и всѣ моравскіе говоры имѣли²⁾ въ этомъ словѣ *š-*). Я при этомъ руководствуюсь правиломъ, преподаннымъ самимъ Педерсеномъ одному изъ его бывшихъ слушателей, «dass man immer zunächst den engeren kreis von sprachen zu vergleichen habe, ehe man sich an fernerliegende vergleichungen wagt», KZ. XL, 177. Славянскіе языки вѣдъ безспорно ближе родственны съ балтійскими, нежели съ германскими языками, и поэтому естественнѣе сближать црксл. *сѣръ* и пр. съ лит. *šėmas*³⁾ «aschgrau, blaugrau», гдѣ *šė-* восходитъ къ иде. *kē-* или *kīē-*, и далѣе съ скр. *śyāmá-s* «dunkelfarbig», *śyāvā-s* «schwarzbraun», *śārā-s* «bunt, scheckig», ав. *sāma-* «schwarz»; ср. наконецъ и црксл. *сѣдъ*, р. *сѣдой*, п. *szadawy, szedziwy*, ч. *šedý* и црксл. *сѣвъ* и р. *сѣзый*. Всѣ эти формы указываютъ на иде. *kīē-* (при *kē-*): *kī-*. Какъ въ санскритѣ мы находимъ *śyā-* рядомъ съ *śā-*, такъ и въ праславянскихъ говорахъ могли рядомъ существовать *sě-* (въ црксл. *сѣръ*, *сѣдъ*, р. *сѣрый*, *сѣдой* и др.) и *sīē- > ša-*, и западнославянскія формы вродѣ ч. *šerý, šedý* могли легко возникнуть путемъ контаминаціи однозначащихъ *sě-* и *ša-*. Возможно

¹⁾ Ср. Meillet, Études 403, Brugmann Grdr. II², 1, 349 и Walde, Lat. et. Wrtb.² 109.

²⁾ Судя по имѣющимся въ моемъ распоряженіи источникамъ дѣло дѣйствительно такъ обстоитъ: Бартошъ въ своемъ Dialektický slovník moravský приводитъ только формы съ *š-* (*šeřat sa* «býti šerým», *šedat sa* «býti šedým» и др.), и такъ же Мичатекъ въ Slovensko-ruský slovník даетъ *š-* въ *šarý* «темный», *šedivec* «сѣдой человекъ» и *šerý* «сѣрый».

³⁾ Такова интонація этого слова по сообщенію К. К. Буги.

также, что когда-то въ чешскомъ стояли рядомъ *šadý (или *šarý) и *sěry (или *sědý); тогда тоже легко было смѣшеніе этихъ параллельныхъ формъ въ šerý и šedý.

Праслав. *xolpъ, *xolkъ < *xolpkъ (sic!), *xolstъ < *xolpstъ: гот. *halbs* «половинный». Принимая эту предложенную Педерсеномъ этимологию, мы рискнули бы очутиться въ неловкомъ положеніи, такъ какъ самъ Педерсенъ могъ бы въ послѣдствіи отъ нея отказаться, какъ онъ уже отказался отъ своей этимологіи для *xolkъ и *xolstъ, предложенной имъ JF. V, 64. По соображеніямъ формальнаго (*xolpkъ!) и семасіологическаго (*xolpъ: halbs!) характера теперешнее мнѣніе Педерсена о происхожденіи этихъ славянскихъ словъ было бы слишкомъ сомнительно даже въ томъ случаѣ, если бы *x* изъ *kh* было доказано. Ср. о нихъ словарь Бернекера, относящагося къ толкованію Педерсена отрицательно. Кромѣ того, *h*-въ гот. *halbs*, можетъ быть, восходитъ къ иде. *k*, ср. съ гот. *halba* «половина, сторона» лит. *šalis* «сторона».

(«Vielleicht») р. *хвой*: лит. *skùjos* («denn eine alternation *ks:sk* ist nicht wahrscheinlich», KZ. XXXVIII, 394). Но относительно чередованія *ks:sk* ср. выше стр. 43 сл., гдѣ дается нѣсколько примѣровъ для него.

Р. *хрящъ*: лит. *kremslė*. Какъ это литовское слово произведено отъ *kremtù* «грызу», такъ *хрящъ* стоитъ въ связи съ *хрястѣть*, *хрястать*, *хрястъ*, и встрѣчающееся рядомъ съ *хрястъ* слово *хряскъ* показываетъ, что *ст* въ этихъ словахъ восходитъ не къ *-tt-*, но къ *-st-*. И рядомъ съ праслав. *xrestatì и *xrostatì мы находимъ сербо-хрв. *hřstatì* съ *hř-* изъ прасл. *xrъ-* или *xrъ-*, такъ что въ *xrestatì и *xrostatì вѣроятно заключается носовой инфиксъ, каковымъ служило *n*, а не *m*, между тѣмъ какъ въ балтійскомъ словѣ мы тутъ находимъ *m*. Можно, значитъ, согласиться съ Бернекеромъ, оспаривающимъ правильность этого сопоставленія. Кромѣ того, въ виду родственныхъ съ этими славянскими словами малор. *хрящ* и словинск. *hrěšč* «дресва» я считаю возможнымъ сближать лит. *kremtù* съ (лит. *krāmas* «парша» въ Хвейданахъ и) лат. *kramis*, которое очевидно родственно съ тождественнымъ по значенію рус. *кремень*.

Црксл. *плъшь*, ч. *plchý* и др.: лит. *plikas*, лат. *plik*s «голый», лит. *plikè* «плъшь» (Meillet, *Études* 174, *Les dialectes* 81). Считать балтійское слово заимствованнымъ, къ чему склоняется еще Uhlenbeck PBrV. XXX, 289 сл. и JF. XVII, 176, кажется, невозможно, какъ по причинѣ, указанной Лескиномъ Bild. d. Nom. 182, такъ и въ виду вокализма лит. *pleikè* въ Тверечѣ и лат. *pleik'is* «плъшь»¹⁾. Но такъ какъ рядомъ имѣются родственныя формы лит. *pleinė* «eine baumlose, unbedeckte Ebene», *plýnas* «frei, baumlos» (и *pleišė* «темя», собственно: «плъшь»?) и норв. *flein* «entblösst» (ср. Fick, Vrgl. Wrtb. III⁴, 252), то корнемъ можно считать одно *plei-* (ср. Persson BB. XIX, 261), а если это такъ, то не исключена возможность, что слав. *plěx-:plъx-* получились изъ *plois-:plis-*. Далѣе представляется возможнымъ возводить тутъ *x* къ *ks*: ср. лит. *plik-šas* (гдѣ *š* можетъ въ положеніи послѣ *k* восходить къ *s*) «Kahler» у Лескина Bild. d. Nom. 598; съ *plik-:plik-* ср. напр. лат. *depe* «Kröte, Tölpel»: *depsis* «ein kleiner, fatter Knabe» или лит. *raupai*: *raupsai* «проказа» и Leskien l. c. 597. Ср. еще и лат. *plaiskums* «ein leerer Platz», и *plisku pliskām* «kapp und kahl» (съ *-sk-* изъ *-ks-*? см. выше стр. 57).

Бернекеръ, наконецъ, въ своемъ словарѣ склоненъ возводить *x-* въ праслав. **xoldъ* къ иде. *kh-*, но родственные языки ничего тому подобнаго не знаютъ. Считать это слово заимствованнымъ изъ гот. *kalds* мѣшаетъ его *x-*; но, можетъ быть, оно восходить къ прагерманскому слову **haldá-s*, соотвѣтствовавшему лит. *šáltas*, ср. нидерл. *hal* «gefrogener Boden».

Итакъ, приведенные примѣры на мой взглядъ еще не доказываютъ прасл. *x* изъ иде. *kh*: скорѣе всего можно было бы сослаться на **soxa*, **plěšъ* и **xvojъ*, но и въ нихъ *x* двусмысленно. Съ другой стороны, правда, я не знаю также ни одного хоть сколько-нибудь убѣдительнаго примѣра для слав. *k* изъ иде. *kh*; но рѣшающаго значенія это обстоятельство не имѣетъ: вѣдь и для слав. *p* и *t* изъ иде. *ph* и *th* Uhlenbeck JF. XVII, 94 не могъ привести больше, чѣмъ по 3 примѣра. Да и если бы нашлся примѣръ для слав.

¹⁾ Ср. также лит. *atsiplaikstýti* «sich die oberen Kleider lüften, abwerfen».

k=скр. *kh*, ав., арм. *x*, гр. *χ*, «so würde das», заявляет Педерсенъ KZ. XXXVIII, 391, «bei dem grossen schwanken zwischen *tenues* und *tenues aspiratae* im Idg. gar nichts bedeuten».—На этомъ я могъ бы покончить съ вопросомъ о слав. *x* изъ иде. *kh*, если бы нѣкоторыя другія данныя меня не побуждали всетаки считать эту гипотезу Педерсена возможной и, пожалуй, даже вѣроятной (несмотря на мое первоначальное недовѣріе къ ней, которое явно сказывается въ предыдущемъ). Если отрицать слав. *x* изъ иде. *kh*, то остается слишкомъ много славянскихъ словъ съ загадочнымъ *x*. Въ словахъ вродѣ **xoditi* и, пожалуй, вродѣ **xromъ* (см. выше стр. 72) происхожденіе *x* изъ иде. *s* понятно. Но если Бернекеръ склоненъ возводить *x*- къ *s*- также въ **xormъ*, **xorna*, **xovati*, **xvĕjati*, то какъ же онъ объясняетъ ихъ *x*- вмѣсто единственно возможнаго въ такомъ положеніи *s*-? Затѣмъ, нѣкоторыя балтійскія слова съ *k* и нѣкоторыя германскія слова съ *h* очень похожи на славянскія формы съ *x*, причемъ мысль о заимствованіи, кажется, исключена. Такими я считаю слѣдующія слова:

Р. *хохолъ*, gen. s. *хохла*, п. діал. *chochół* «Ende der Garbe; Strauss»: лат. *cekul(i)s* «Zopf (des Vogels); Quaste, Strauss»; иначе смотрятъ на лат. *cekul(i)s* J. Schmidt, Neutra 178, Zubatý AfslPh. XVI, 386, Berneker подѣ *čečeriti*.

Р. *хомякъ*: лат. *kāmis*. Бернекеръ склоненъ считать лат. слово заимствованнымъ изъ русскаго языка, но р. о никогда не даетъ лат. *ā*, ср. Жив. Стар. IX, 293 слл. Но слово это мнѣ извѣстно только изъ словаря Ульмана, такъ что я навѣрно не знаю, дѣйствительно ли существуетъ такое латышское слово (и съ долгимъ *a*).

Праслав. **xorbrъ*: лат. *skarbs* «острый, строгій, суровый, задорный», др.-исл. *skarpr* «острый». По мнѣнію Meillet, Études 403, **xorbrъ*, можетъ быть, родственно съ скр. *khara-s* «твердый, острый» и гр. *χαῖρος* «острый». Относительно значенія ср. латинск. *acer* «острый, энергичный, рѣшительный, пылкій». Форма **xorbrъ*, можетъ быть, возникла изъ **xorbъ* подѣ вліяніемъ формъ вродѣ **dobrъ*, **bystrъ*, **ostrъ* и др.

Р. *хворостъ*, болг. *храст* «кустарникъ», серб. *храст* «дубъ», каш. *xařt* «Strandhafer» и др.: др.-англ. *hyrst* «лѣсъ», ср.-нижнен.

horst (или *hurst*) или *harst* «кустарникъ» ¹⁾, отъ иде. **kh(ǫ)orst- : *kh(ǫ)rst-*. Довольствоваться предположеніемъ, что эти славянскія слова—звукоподражательныя формы, какъ это дѣлаетъ Бернекеръ, едва ли правильно.

Нижнелуж. *chwjaś se* «sich bewegen (von den Ästen der Bäume)», старор. *хвѣяться*, чеш. *chvěti* и др. Бернекеръ сближаетъ съ средне-нижнен. *swāien* «sich schwingend bewegen» и др., не объясняя однако слав. *x-* (вмѣсто *s-*). Если признать *x-* изъ *kh-*, то можно это славянское слово скорѣе сопоставлять съ р. *хой* и др. (ср. значеніе малор. *хоїми*), приче́мъ его ё, въ виду лит. *skuja*, скорѣе восходитъ къ иде. *ē* (а не *oi*). Подъ вліяніемъ **khvĕjati* и **khvorstъ*, можетъ быть, первоначальное **gvostъ* (: **gvozdz* ²⁾ «лѣсъ», средне-верхнен. *quast* «Laubbüschel, Badwedel и др.) было измѣнено въ **khvostъ*.

Отношеніе праслав. **xrbъtz : *grъbtъ* лучше всего объяснялось бы предположеніемъ чередованія *kh- : gh-*.

Р. *хробость* и др. (у Бернекера подъ *chrobakъ*): лат. *krabināt* «krabbeln, *krabas* «eine Art magerer Butten», лит. *krebždėti* «leise rascheln».

Признавая *x* изъ *kh*, можно было бы дѣйствительно сближать праслав. **xormъ* съ скр. *harmya-m* «festes Gebäude, Wohnhaus» (если тутъ *har-* изъ иде. *gher-*), предполагая чередованіе *kh- : gh-*.

Праслав. **xъrtъ* можетъ относиться къ др.-врхн. *rudo* «Rüde» и др., какъ, наприм., др.-врхн. *hurst* къ норв. *rust* у Фика Vrgl. Wrtb. III⁴, 78, или др.-сакс. *hors* къ *hros* у Фика i. c. 79.

Послѣ всего этого, пожалуй, естественнѣе считать **soxa* тождественнымъ съ лит. *šakà*. А если это такъ, то въ отношеніи славянскаго *x* къ балтійскому *k* вѣроятно сказывается старое различіе между славянскими и балтійскими языками.

Что же до прочихъ праславянскихъ фонетическихъ явленій (вызванныхъ главнымъ образомъ стремленіемъ къ открытому слогу), которыми славянскіе языки отличаются отъ балтійскихъ, то можно было бы полагать, что они моложе окончательнаго распадёнія пред-

¹⁾ Родственными считаетъ эти славянскія и германскія слова также Младеновъ, Старитѣ германски елементи въ славянскитѣ езици, 122.

²⁾ Относительно *st- : zd-* ср. лат. *slasts : slazds* «ловушка» и др.

полагаемаго славяно-балтійскаго единства; а поэтому они въ данномъ вопросѣ никакой роли не играютъ. Если же мы съ другой стороны находимъ въ общемъ довольно мало общихъ для славянскихъ и балтійскихъ языковъ фонетическихъ измѣненій, то это можетъ быть объяснено тѣмъ, что тѣ говоры, къ которымъ восходятъ славянскіе и балтійскіе языки, были очень консервативны въ фонетическомъ отношеніи. Вѣдь, изъ всѣхъ современныхъ индоевропейскихъ языковъ литовскій языкъ въ общемъ лучше всѣхъ сохранилъ предполагаемые звуки индоевропейскаго праязыка (а вымершій нынѣ прусскій языкъ представлялъ въ этомъ отношеніи отчасти еще болѣе древнія черты).

В. Изъ области морфологіи.

Что касается именныхъ *суффиксовъ*, то Meillet, *Études* 201, пришелъ къ заключенію, что въ словообразованіи славянскіе языки весьма замѣтно отличаются отъ балтійскихъ языковъ. Съ этимъ нельзя не согласиться, не преувеличивая однако значенія этого факта для интересующаго насъ вопроса. Суффиксы вѣдь часто перестаютъ быть производительными и въ такомъ случаѣ смѣняются другими. Благодаря этому, даже столь тѣсно родственные другъ съ другомъ литовскій и латышскій языки по отношенію къ суффиксамъ нерѣдко расходятся между собою: есть литовскіе суффиксы, которые или совершенно отсутствуютъ въ латышскомъ языкѣ, или же сохранились лишь въ обломкахъ, и наоборотъ. Неудивительно поэтому большое различіе въ этомъ отношеніи между славянскими и балтійскими языками, столь давно уже отдѣленными другъ отъ друга. Какими именно суффиксами они различаются между собою, это намъ показываютъ извѣстные труды Бругмана, Лескина, Мелье и Вондрака, и поэтому я ихъ тутъ перечислять не стану, но приведу только тѣ суффиксы, которые представляютъ собою общее и исключительное достояніе славянскихъ и балтійскихъ языковъ. Таковы слѣдующіе суффиксы.

Уменьшительный суффиксъ *-ītjō-*, наприм., въ црксл. *отроचितъ* «puerulus», ч. *božic* «filius dei» и др., у Вондрака *Vrgl. slav. Gr. I, 452 сл.* (ср. Mikkola, *Roczn. Slaw. I, 18* и Zubatý

LF. XXIX, 227²), и лит. *sūnýtis* «сыночекъ», *Kumutýtis* «сынъ Kumutatis'a», лат. *cālītis* «цыпленочекъ» и др., у Лескина Bild. d. Nom. 572.

Суффиксъ *-tājo-* для *nomina agentis*, наприм., въ црксл. *pa-mai*, пр. *artoys*, лит. *artójis*, у Лескина l. c. 328 слл., ср. Meillet, Études 390 сл. и Hujer, Slov. dekl. jm. 61. Въ латышскомъ языкѣ старое **artāj(a)s* теперь утрачено, но что оно когда-то существовало въ латышскомъ языкѣ, это сказывается еще въ томъ обстоятельстве, что форма *arājs* (съ *ā!*) «пахарь» (отъ *art* «пахать») свойственна *всѣмъ* говорамъ, значитъ, и тѣмъ говорамъ, въ которыхъ отъ прочихъ производныхъ глаголовъ *nomina agentis* обыкновенно оканчиваются на *-ējs*.

Славянскій суффиксъ *-ьniko-* очень похожъ какъ на лит. *-inyka-*, пр. *-enīka-* (гдѣ *e*, если только оно не обозначаетъ открытаго *i*, подобно литовскому *e* въ *-enīka-*, у Лескина l. c. 521, можетъ быть обусловлено вліяніемъ родственныхъ образований, ср. црксл. *ученикъ*, старолит. *-eninka-* Mitteil. d. lit. liter. Ges. V, 47 и лат. *-enieka-* при *-inieka-*), такъ и на лит. *-iniñka-*. Но слав. *i* въ *-ьniko-* двусмысленно, и лит. *-inyka-* и пр. *-enīka-* могутъ быть заимствованы. Ср. Brugmann Grdr. II², 1, 486 сл., Leskien l. c. 520 слл., Meillet, Études 337 сл., Vondrák l. c. I, 460 сл.

Слав. *-ьba-*: лит.-лат. *-ībā-*, ср. v. d. Osten-Sacken JF. XXVI, 307 слл.

Слав. *-ěje-* для мужескаго и *-ěja-* для женскаго рода=балт. *-ēja-* для м. и *-ējā-* для ж. рода (*nomina agentis*), ср. Leskien l. c. 328 слл. и Vondrák l. c. I, 406 сл. (мнѣніе Вондрака, будто бы лит. *-ēja-* заимствовано въ виду восходящей интонаціи *ē*, совершенно неосновательно, такъ какъ восходящую интонацію имѣютъ литовскіе долгіе гласные иногда также въ незаимствованныхъ образованияхъ, какъ, наприм., въ глаголахъ типа *lėkti* и др.).

Слав. *-avo-*, *-ivo-*=лит. *-ova-*, *-yva-*, ср. Leskien l. c. 351 слл., Meillet l. c. 365 слл., Brugmann Grdr. II², 1, 204, Vondrák l. c. I, 409 слл.

Слав. *-et-*=пр. *-ent-*, ср. Leskien l. c. 383 сл., Meillet l. c. 429 сл., Brugmann Grdr. II², 1, 421, Vondrák l. c. I, 493 сл., Solm-

sen Deutsche Literaturzeit., 1906 г., стр. 1692 сл., Hujer, Slov. dekl. jm. 52.

Црксл. *тѣду*, *кѣду*, *ѣду* и др.: пр. *stwendau* «von dannen», *is-quendau* «откуда», ср. Trautmann, Altpr. Spr. 250 (Вондракъ I. с. II, 397 указываетъ, что вѣроятно и въ праславянскомъ встрѣчались формы съ *-end-*, рядомъ съ *-ond-*). Пр. *stwendau*, конечно, получило свое *-w-* подѣ вліяніемъ формы *-quendau*, возникшей вмѣсто **kendau* подѣ вліяніемъ формъ вродѣ *quai* «quae» (ном. s.) и «qui» (ном. pl.). Послѣднія же (рядомъ съ *kas* «кто», *ka* «что» и др.) объясняются вѣроятно слѣдующимъ образомъ: какъ по образцу ном. s. *gallū* < **galwū* (*-wū* изъ *-wā*) «голова»: dat. s. **galwai*, асс. s. **galwan* возникли формы вродѣ dat. s. *alkīnisquai* «Kummer» (къ ном. s. **alkīniskū*, съ *-kū* изъ *-kā*) вмѣсто **alkīniskai*, или асс. s. *mergwan* «дѣвушку» рядомъ съ *mērgan* (къ ном. s. *mergu*, съ *-gu* изъ *-gā*), ср. Trautmann I. с. 224 слл., такъ и къ ном. s. fem. g. **kū* изъ **kā* (при **kai*, ср. латинск. ном. s. fem. g. *qua* рядомъ съ *quae*, и арійск. *kā*) ¹⁾ могли возникнуть формы вродѣ dat. s. **kwai*, асс. s. **kwan* и, наконецъ, вышеупомянутое *quai*. Менѣе вѣроятнымъ мнѣ кажется непосредственное смѣшеніе ном. s. fem. g. **kū* и **kai* въ *quai*.

Слав. *-то-*, балт. *-та-* въ part. praes. pass., ср. Brugmann Grdr. II², 1, 232.

Инфинитивъ вродѣ црксл. *дати*, р. *даты*, л. *даć* и т. д., лит. *duoti(e)*, лат. *duôt* или (въ Зербигалѣ, Сепкулѣ и др.) *duōti*, пр. *dāt*, при суффиксѣ на **-tum*, ср. Vondrák I. с. II, 172 слл., Trautmann Altpr. Spr. 292 сл.

Общими глагольными образованиями являются основа настоящаго времени **dōd-* въ 2 pl. црксл. *дасте*, лит. *duoste* и др., основы наст. времени (извѣстныя отчасти и въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ) на *-āiō-* (при инфинитивѣ на *-ati* въ праславянскомъ и *-oti* въ литовскомъ), *-ēiō-* (при инфинитивѣ на *-ēti* въ праславянскомъ и *-eti* въ литовскомъ), *-uje-* въ славянскомъ и *-aija-* въ литовскомъ. Ср. также основы наст. времени на (слав.) *-i*, балт.

¹⁾ Откуда Бругманъ Grdr. II², 2, 349 взялъ лит. ном. s. fem. g. *kà*?

-i, чередующееся съ -iō- (въ 1 л. ед. ч.), при инфинитивѣ на -ēti въ праславянскомъ и -ēti въ литовскомъ, и iterativa и causativa на праслав. -iti, лит. -yti, при основѣ наст. времени на -i:-iō въ праславянскомъ, и -ia рядомъ съ -ā въ прабалтійскомъ, ср. Vopdrák l. c. I, 509 слл. и Brugmann KVG. 525 слл.

Въ области сложныхъ образований, какъ уже давно отмѣчено, общимъ достояніемъ славянскихъ и балтійскихъ языковъ являются опредѣленные прилагательныя, получающіяся путемъ прибавленія къ прилагательному надежныхъ формъ мѣстоименной основы iō-. Meillet однако оспариваетъ значеніе этого факта указаніемъ, что этотъ типъ прилагательныхъ «diffère notablement en baltique et en slave» (Études 202; ср. также его Les dialectes 43 сл.), и что подобнымъ образомъ употребляется мѣстоименная основа iō- также въ Авестѣ, приводя въ качествѣ примѣра ав. *tāiš šyaoθanāiš yāiš vahiš tāiš* «his operibus optimis». А чѣмъ именно отличаются эти славянскія прилагательныя отъ балтійскихъ, Meillet не указываетъ; если онъ при этомъ имѣлъ въ виду славянскія формы вроде црксл. i. s. *босымъ*, d. pl. *босымъ* и др., гдѣ только мѣстоименная основа снабжена надежнымъ окончаніемъ, то это возраженіе серьезнаго значенія тутъ не имѣетъ, такъ какъ только-что приведенныя формы должны считаться славянскими новообразованиями. Болѣе вниманія заслуживаетъ указаніе на сходное употребленіе ав. *ya-*. Какъ въ авестѣ *ya-* стоитъ *передъ* своимъ сказуемымъ, такъ и въ староли-товскихъ текстахъ мы находимъ *ja-* изрѣдка *передъ* прилагательнымъ (или причастіемъ).

Къ примѣрамъ, приведеннымъ въ Лат. предл. II, 19, прибавлю еще gen. s. *paioprasta* «привычнаго» Лхр. 54, 26, loc. s. fem. g. *praiaszókusioi* «въ прошлой» у Даукши, Post. 32, 4, gen. pl. *praiivszókusiv* l. c. 242, 30, n. s. *praiispūte's* «пропавшій» l. c. 226, 10, n. pl. m. g. *prīiēliēsti* «притѣсненные» l. c. 364, 22. Какъ показываютъ эти примѣры, основа *ja-* тутъ вставлена между префиксомъ и причастіемъ. Но языкъ Авесты отличается отъ славяно-балтійскихъ языковъ въ употребленіи этой мѣстоименной основы тѣмъ, что въ Авестѣ *ya-* такъ употребляется также *передъ* существительными, какъ, наприм., въ асс. s. *daēum yim araošəm* «den

Daēva Aраoša», и передъ gen. possessoris, какъ наприм. *daēnam... yam hudānaoš* «die d. des Einsichtigen», ср. Reichelt, Awest. Elementarb. § 749 слл. Итакъ, если только вообще можно признать связь въ этомъ употребленіи мѣстоименной основы *jo-* между языкомъ Авесты и славяно-балтійскими языками ¹⁾, исключительною примѣтою послѣднихъ является такое употребленіе основы *jo-* только для образованія *опредѣленныхъ прилагательныхъ*. Связь же въ этомъ употребленіи основы *jo-* между славянскими и балтійскими языками едва ли подлежитъ сомнѣнію, такъ что оно говоритъ въ пользу особой славяно-балтійской эпохи.

Изъ именной флексіи ²⁾. а) *Изъ склоненія основъ на -(i)o-*. Общимъ новшествомъ славянскихъ и балтійскихъ языковъ является окончаніе (праслав.) *-a*, прабалт. *-ā* для gen. (abl.) s. По господствующему (по крайней мѣрѣ, внѣ предѣловъ Россіи) мнѣнію, впервые, кажется, высказанному Гатталою (O ablativě ve slovančině a litvančině, въ časopis musea česk. за 1857 и 1858 гг.), это собственно—окончаніе древняго аблатива (=арійск. *-āt*). Это толкованіе однако сопряжено съ фонетическимъ затрудненіемъ, заключающимся въ томъ, что латинскому *-ō(d)* и греческому *-ω* (въ нарѣчіяхъ и дельф. *ῥοίχω* «domo», ср. Solmsen, Rhein. Mus. LI, 303 сл.) соотвѣтствуетъ въ литовскомъ *-o* (а не *-uo*) и въ латышскомъ *-a* (а не *-u*); славянское же *-a* само по себѣ могло бы соотвѣтствовать греч. и латинск. *-ō(d)*, но скорѣе оно тождественно съ **-ā* близко родственныхъ балтійскихъ языковъ. Въ виду этого затрудненія Погодинъ (Варш. Унив. Изв. 1903 г., IV, 4, 6 сл.), совершенно справедливо считая невозможнымъ возводить лит.-лат. **-ā* къ иде. *-ōt* (какъ это дѣлаютъ, напр., Wiedemann KZ. XXXII, 116 слл. и Handbuch 64, Brugmann KVG. § 463 и Grdr. I², 152, Meillet Introduction² 289 и также Vondrák l. c. II, 3), предпола-

¹⁾ Что это частичное совпаденіе этихъ языковъ можетъ быть и случайно, показываетъ намъ др.-перс. *tya-* «qui», употребляющееся подобно ав. *ya-*; примѣры даетъ Bartholomae Altiran. Wrth. 659.

²⁾ Книгу Гюера *Slovanská deklinace jmenná* я получилъ, уже написавъ этотъ отдѣлъ. Ознакомившись съ нею, я счелъ возможнымъ (въ виду значительнаго разногласія въ нашихъ взглядахъ) оставить текстъ безъ переработки и только въ выносахъ сослаться на нее.

гаеть для иде. gen. s. окончаніе $\bar{a}$ ¹⁾ (рядомъ съ $-os(i)o-$). Но на предложеніе такого новаго окончанія и на отдѣленіе слав. $-a$ и лит. $-o$ отъ арійск. $\bar{a}t$ я рѣшился бы лишь въ томъ случаѣ, если бы ихъ сопоставленію мѣшали непреодолимые фонетическія затрудненія, но такъ безнадежно, кажется, дѣло не обстоитъ. Нельзя, правда, съ этимъ справиться такъ легко, какъ это кажется Бернекеру AfslPh. XXV, 478, заявляющему, что въ балтійскомъ старое $\bar{o}$ въ этомъ окончаніи «scheint... durch $\bar{a}$ analogisch verdrängt zu sein» во время замѣны, напримѣръ, стараго $*\check{z}\bar{o}l\bar{e}$ новообразованіемъ $*\check{z}\bar{a}l\bar{e}$ «трава», и полагающему, что этимъ все объяснено. Возникновеніе $*\check{z}\bar{a}l\bar{e}$ (вмѣсто $*\check{z}\bar{o}l\bar{e}$) рядомъ съ $*\check{z}aljas$ «зеленый» и $*\check{z}\bar{e}l\bar{e}$ «зеленѣль» могло быть вызвано чередованіемъ стараго (иде.) a съ $\bar{a}$ и чередованіемъ e съ a (изъ иде. o). Но чѣмъ же вызвана замѣна $\bar{o}$ черезъ $\bar{a}$ въ этомъ окончаніи? вѣдь тутъ съ этимъ $\bar{o}$ никакой другой гласный не чередовался! А всякое старое $\bar{o}$, не имѣвшее рядомъ съ собою a въ родственныхъ образованіяхъ, въ литовско-латышскомъ даетъ uo , ср. по этому поводу Pedersen KZ. XXXVI, 101 слл. и XXXVIII, 404. Итакъ, замѣна $\bar{o}$ черезъ $\bar{a}$ «по аналогіи» тутъ немыслима, и лит. $-o$ и лат. $-a$ въ этомъ окончаніи могутъ восходить только къ старому $\bar{a}(t)$. Предположеніе же²⁾, будто бы прабалтійское $\bar{a}$ (вмѣсто $\bar{o}$) тутъ обусловлено вліяніемъ слѣдовавшего за нимъ зубного гласнаго, не можетъ быть фонетически обосновано и, сверхъ того, не согласуется съ литовскимъ $m\bar{e}nuo$ «луна» (ср. Zubatý LF. XIII, 368 и Brugmann Grdr. II², 2, 148). Поэтому нѣкоторые языковѣды правильно возводятъ лит.-лат. $*\bar{a}$ къ иде. $\bar{a}t$ ($\bar{a}d$); такъ, наприм., Mahlow, Die langen Vocale AEO. 130 слл. ($\bar{a}t$), Kretschmer KZ. XXXI, 457 сл., Hirt JF. I, 24

¹⁾ Погодинъ находитъ это окончаніе также въ германскихъ формахъ gen. s. вродѣ гот. *meina* «меня». Это сопоставленіе само по себѣ очень соблазнительно, но въ такомъ случаѣ мы ожидали бы $\bar{o}$ вмѣсто $-a$ въ окончаніи готскихъ формъ, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія преобладающей теперь теоріи о сохраненіи въ готскомъ языкѣ циркумфлектированныхъ конечныхъ долготъ; ср. Brugmann Grdr. II, 826 и II², 2, 416.

²⁾ Къ нему прибѣгаетъ, наприм., и Hujer Slov. dekl. jm. 116, считая возможнымъ выводить изъ иде. $\bar{o}d$ также $-o$ въ лит. *testo* «esto» (ср. однако Bezzenberger BB. XXI, 302).

(-ā*d*), Pedersen KZ. XXXVIII, 404 (-ā*d*), Streitberg, Urgerm. Gr. 229 сл. (-ā*d*), Bezenberger BB. XXIV 320 сл. (-ā*d*), J. Schmidt (ср. ¹) KZ. XXXII, 117), причемъ Mahlow, Hirt и Streitberg находятъ это же окончаніе также въ латинскихъ нарѣчіяхъ вродѣ *extra(d)*, *supra(d)* и др. Латинскіе же аблативы на -ō(*d*) Mahlow и Pedersen считаютъ новообразованіями. Съ этимъ можно было бы согласиться, если бы это -ō(*d*) не встрѣчалось также въ окаменѣлыхъ формахъ вродѣ *porro* ²) (прэнест. *porod*) и также внѣ италійскихъ языковъ — въ греческомъ. Значить, если вообще это -ō(*d*) новообразование, то оно восходитъ все-таки (какъ діалектическое явленіе) къ эпохѣ иде. праязыка, какъ склоненъ думать Streitberg I. с. Возможность такого новообразованія (подъ вліяніемъ другихъ надежныхъ формъ съ ō, противопоставившимся долготу *a* въ парадигмѣ женскихъ основъ на -ā) на праиндоевропейской почвѣ я допускаю, но нахожу также возможнымъ считать ā и ō въ этомъ окончаніи одинаково древними. Если дѣйствительно, какъ полагаютъ, наприм., Kretschmer I. с. и Karpus, Der idg. Ablativ 14, долгій гласный этого окончанія получился путемъ сліянія конечнаго гласнаго основы съ начальнымъ гласнымъ приставленнаго къ ней словечка (Karpus находитъ его въ прксл. *отъ* ³), рядомъ съ которымъ имѣлось *от-*), то качество этого гласнаго могло быть не во всѣхъ индоевропейскихъ говорахъ одинаково, вслѣдствіе ли различія въ качествахъ (о слав. *ot(ъ)* и балт. *at(a)-* ср. мои Лат. предл. I, 56 сл.) или количествъ начальнаго гласнаго приставленнаго слова, или же вслѣдствіе діалектическаго различія въ фонетическихъ законахъ сліянія (ср. напр. атт. -ō*v*: дор. -ā*v* въ ген. pl. изъ -ā'ō*v*, или атт. ō*ra*: дор. ō*re* изъ ō*rae*). Но для того, чтобы можно

¹) Festgruss an O. v. Böhtlingk, въ которомъ помѣщена статья I. Шмидта, не имѣется въ моемъ распоряженіи.

²) Можно, пожалуй, считать съ Педерсеномъ JF. XXVI, 293 также *prod-* за аблативъ; въ пользу этого говоритъ лит. *prō* (съ ō!), но ср. мои Лат. предл. I, 140 и относительно *prod-* Brugmann KVG. § 610.

³) Если это такъ, то слѣдовало бы писать -āt (-ō*t*), а не -ād (-ō*d*) по отношенію къ иде. праязыку. Но во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія считать съ Бругманомъ Grdr. II², 2, 164 -*d* за «näher liegend», какъ доказаль уже Кудрявскій въ Ж. М. Н. Пр., 1896 г., апр.; ср. также Karpus I. с. 2 сл.

было остановиться на этомъ толкованіи, необходимо разсмотрѣть отношеніе латинскихъ образованій на $-\bar{a}(d)$ и $-\bar{e}(d)$ къ праиндоевропейскому $-\bar{o}t$ и $-\bar{a}t$. Считать латинск. $-\bar{a}(d)$ въ нарѣчіяхъ вродѣ *supra(d)* тождественнымъ съ прабалт. $*-\bar{a}(t)$ и приписывать, такимъ образомъ, одному и тому же языку два окончанія для abl. s. основъ на $-o$ я рѣшился бы лишь въ томъ случаѣ, если бы я не видѣлъ никакой другой возможности объяснять эти латинскія нарѣчія на $-\bar{a}(d)$. А между тѣмъ ничто намъ не мѣшаетъ считать ихъ за instr. или abl. s. основъ на $-\bar{a}$ (ср. Brugmann. KVG. § 576 и Karpus l. c. 12 сл.) и предполагать эллипсисъ за ними существительнаго женскаго рода, какъ это не подлежитъ сомнѣнію въ *dext(e)ra (manu)*, *recta (via)* и др.; ср. гр. *μακράν, τὴν ταχίστην, ταύτην, ἰδίαν* и др., лат. *klusām* «тихо», *lènām* «медленно» и др. (у Мюленбаха, Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. IX, 3, 243 сл.), црксл. *ѣдиноѣ* «semel» и др. Что же до латинск. *circa* (отъ *circus*), на которое ссылается Маловъ въ подтвержденіе своей мысли, то оно другими (ср. словарь Walde подъ *circum*) уже удовлетворительно объяснено какъ новообразование, возникшее вмѣсто *circum* и *(id)circo* подъ вліяніемъ формъ вродѣ *recta*, *supra* и др. И если Гиртъ l. c. доказываетъ иде. $-\bar{trād}$ сопоставленіемъ латинск. $-\bar{tra}(d)$ (въ *extra*, *contra* и др.) съ гот. $-\bar{prō}$ (въ *jainprō* «оттуда» и др.), то онъ прежде долженъ былъ бы доказать, что это гот. $-\bar{prō}$ не можетъ восходить къ иде. $-\bar{trōd}$. Болѣе серьезнымъ препятствіемъ для моего взгляда на отношеніе прабалт. $*-\bar{a}(t)$ къ итал. $-\bar{o}d$ были бы предполагаемыя Бругманомъ формы abl. s. на $-\bar{e}d$. Если бы дѣйствительно когда-либо существовали такія формы, то можно было бы отстоять мою гипотезу развѣ только предположеніемъ, что въ части праиндоевропейскихъ говоровъ рядомъ съ $-\bar{o}t$ возникло $-\bar{e}t$ благодаря чередованію $-\bar{o}$ съ $-\bar{e}$ въ instr. s. этихъ же основъ. Педерсенъ, правда, усматриваетъ KZ. XXXVIII, 404 въ отношеніи прабалт. $*-\bar{a}(t)$ къ латинск. $-\bar{e}d$ одинъ изъ случаевъ чередованія $\bar{a}$ съ $\bar{e}$, подтвержденнаго имъ и другими примѣрами. Но въ склоненіи основъ на $-o$ мы въ instr. s. находимъ чередованіе $-\bar{e}$ съ $-\bar{o}$ (а не съ $-\bar{a}$), и, кромѣ того, по вышеупомянутымъ причинамъ едва ли правильно считать съ Педерсеномъ латинск. $-\bar{o}d$ за новообразование. Есть ли

однако вообще формы abl. s. основъ на -o, оканчивающіяся на -ēf? я, по крайней мѣрѣ, не увѣренъ въ ихъ существованіи. Скр. *paś-cā't* (при ав. *paskāt!*) «сзади» можетъ имѣть свое -c- вмѣсто -k- подъ вліяніемъ instr. s. *paścā'* (ав. *paśča*) «post». Считать же лит. ė «и» (ср. Лат. пред. I, 213) и слав. *i* «et» за abl. s. нѣтъ ни малѣйшаго основанія, и чтобы это слав. *i* восходило къ *ĕ, это по крайней мѣрѣ сомнительно ¹⁾. Остаются, значитъ, только италійскія нарѣчія на -d вродѣ старолат. *facilumed*, фал. *rected*, оск. *amprufid* «improbe» и др. Но ихъ значеніе насъ отнюдь не заставляетъ считать ихъ непременно за старые аблативы, и ничто намъ не мѣшаетъ видѣть въ нихъ старыя формы instr. s. основъ на -o (ср. Meillet, Introduction² 289), получившія свое конечное -d благодаря праиталійскому колебанію между -ō (въ instr. s.) и -ōd (въ abl. s.), а потомъ и между instr. s. на -ā, -ē, -ī, -ū и abl. s. на -ād, -ēd, -īd, -ūd (ср. Brugmann Grdr. II², 2, 166 и 189); это колебаніе должно было быть особенно сильно послѣ того, какъ формы abl. и instr. s. стали употребляться promiscue. Этимъ же колебаніемъ (вызваннымъ отчасти и чисто фонетическими причинами, о которыхъ ср. Brugmann JF. XXIII, 310) въ abl. s. между *med*, *ted*, *sed* и *me*, *te*, *se*, вѣроятно, и обусловлено возникновеніе латинскихъ формъ асс. s. *me(d)*, *te(d)*, *se(d)*; это, по крайней мѣрѣ на мой взглядъ,

¹⁾ Я самъ, хотя бы по мотивамъ авторскаго самолюбія, все еще увѣренъ въ правильности своего сопоставленія (Лат. предл. I, 40²) слав. *i* съ однозначимымъ балтійскимъ *ir*, хотя Бернекеръ въ своемъ словарѣ даже не упоминаетъ о немъ, предпочитая сопоставленіе слав. *i* съ гр. *ei* «если» и гот. *ei* «что, чтобы, ли». Но что въ семасіологическомъ отношеніи несравненно естественнѣе считать слав. *i* тождественнымъ съ балт. *ir*, объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній. И нѣтъ также никакихъ фонетическихъ препятствій для моей этимологіи. Если Зубатый, оспаривая ее JFA. XXII, 58, говоритъ, что въ славянскомъ ожидалось бы въ такомъ случаѣ ѡ- или jѡ- (а всякое начальное ѡ- вѣдь принимаетъ j-!), имѣя при этомъ въ виду вѣроятно данныя западнославянскихъ языковъ, то при этомъ онъ упускаетъ изъ виду староч. и староп. асс. s. *ji* «его» (съ j- вмѣсто *i подъ вліяніемъ прочихъ падежей), изъ праслав. *jъ (изъ иде. *jom* или же, ср. лит. *jī* «его», изъ иде. *im). Эта форма, значитъ, показываетъ, что также балтійскому *ir* можетъ соответствовать только сл. *i* (также въ западнославянскихъ языкахъ). И сопоставлять слав. *i* съ балт. *ir* естественнѣе, наконецъ, и по той причинѣ, что славянскіе языки ближе родственны съ балтійскими, чѣмъ съ греческими или германскими языками.

проще, нежели другія объясненія этихъ формъ. Итакъ, несомнѣнныхъ слѣдовъ иде. abl. s. на *-ēt* мы нигдѣ не находимъ, а поэтому и не обязаны признавать его.—Возвращаясь послѣ этого глоттонического экскурса къ славяно-балтійскому gen., abl. s. на **-ā(t)*, мы должны разсмотрѣть отношеніе къ нему прусскаго gen. s. на *-as* отъ основъ на *-o*. Если бы дѣйствительно, какъ полагаютъ Meillet, *Les dialectes* 45 (если я его правильно понимаю), и Trautmann *Altpr. Spr.* 216, эти прусскія формы на *-as* (наприм. *deiwas* «бога») восходили къ иде. формамъ gen. s. на *-os(i)o*, то отсюда слѣдовало бы, что нѣтъ никакой связи между славянскими и балтійскими языками въ употребленіи стараго аблатива взамѣнъ стараго родительнаго падежа. Но правильнѣе, кажется, смотрѣли на эти прусскія формы Лескинъ, *Declination* 31 слл., и Бернекеръ, *Preuss. Spr.* 186, считая ихъ новообразованіями подъ вліяніемъ род. п. основъ на *-ā*; возможность такого новообразованія они такъ отлично обосновали, что я тутъ могу ограничиться ссылкой на нихъ и указаніемъ на аналогичныя съ этимъ новообразованія gen. s. вродѣ пр. *amsis* «народа», *noseilis* «духа», *tawischis* «ближняго», *wismosingis* «всемогущаго»¹⁾. Возводитъ же пр. *-as* къ иде. *-osio* (противъ *-oso* говорятъ данныя прусской мѣстоименной флексіи) невозможно безъ серьезныхъ фонетическихъ затрудненій. Прежде всего подлежитъ сомнѣнію возможность безслѣднаго отпаденія конечнаго гласнаго: какъ въ 3 л. наст. врем. основъ на *-o* встрѣчается еще *-a*, такъ ожидалось бы также **-asja > *-asje* или **-aše* (ср. выше стр. 65 слл.) изъ *-osio* въ gen. s. (по крайней мѣрѣ, рядомъ съ *-as*). Но можно бы, пожалуй, объяснять безслѣдное отпаденіе *-a* въ данномъ случаѣ стремленіемъ имѣть въ gen. s. столько же слоговъ, какъ и въ прочихъ косвенныхъ падежахъ единств. числа. Но при отпаденіи конечнаго гласнаго въ **-asja > *-asje*, кажется, ожидалось бы въ результатѣ скорѣе **-asi*, судя по формамъ 3 л. наст. врем. вродѣ

¹⁾ Trautmann l. c. 236 совершенно справедливо отвергаетъ гипотезу Бернекера l. c. 187, по которой *i* въ этомъ окончаніи обозначаетъ неударяемое *ei*: gen. s. вродѣ *noseilis* (разъ съ знакомъ долготы: *noseilīs*!) возникъ рядомъ съ асс. s. *noseilin* подъ вліяніемъ отношенія асс. s. *teisin* «честь», *deiwan*, *gennan* къ gen. s. *teisis* (съ *-is* изъ *-ēs*), *deiwas*, *gennas* и др.

wūkawi «требуется» (при *rickawie* «управляет»), *giēidi* «ждутъ» (при *gēide*) и др. Наконецъ, при **-esja* въ мѣстоименной флексіи мы имѣли бы, пожалуй, *e* (а не *a*) передъ *s* также въ именной флексіи. Все это намъ показываетъ, что менѣе рискуемъ ошибиться, считая съ Лескиномъ и Бернекеромъ прусскія формы вродѣ *deiwas* «бога» за новообразованія. Разногласіе же въ gen. s. мѣстоименной флексіи (праслав. **togo*: лит. *tõ*: пр. *stesse*), на которое ссылается Мелье l. c., показываетъ только, что въ славяно-балтійскую эпоху старое окончаніе род. падежа основъ на *-o* было вытѣснено окончаніемъ аблатива пока лишь въ именной флексіи. Нѣтъ, значитъ, по крайней мѣрѣ никакихъ препятствій относить это явленіе къ славяно-балтійской эпохѣ.

Переносъ мѣстоименнаго окончанія пом. pl. masc. g. основъ на *-o* въ именную флексію мы находимъ не только въ славянскихъ и балтійскихъ, но также въ греческомъ, латинскомъ и кельтскихъ языкахъ, такъ что совпаденіе прабалтійскаго **vilkaĩ* съ праслав. **vylci* большого значенія не имѣетъ. Мало того, нѣкоторые ученые (J. Schmidt, KZ. XXVI, 363 сл., Neutra 227 сл., Mahlow, Die langen Vocale 81, Wiedemann, Handbuch 64, Hirt JF. X, 49, Gauthiot JF. XXVI, 356 сл., Bezzenberger *ГЕРАΣ* 156, Solmsen, Wochenschr. f. class. Phil. 1904 г., стр. 941, Mühlénbach JF. XIII, 238, Meillet, MSL. XV, 73, De quelques innovations de la décl. lat. 15 сл., Trautmann Altpr. Spr. 218 сл.) даже отрицаютъ тожество лит. *vilkaĩ* съ црксл. *вльци*, считая лит. *-ai* окончаніемъ среднего рода и отождествляя его съ латинск. *-ae* въ *quae*, *hae-c*! Что это однако неправильно, въ этомъ я совершенно увѣренъ. Такая замѣна окончанія основъ мужескаго рода окончаніемъ основъ среднего рода сама по себѣ не есть нѣчто естественное или вѣроятное (въ единственномъ числѣ мы встрѣчаемъ какъ разъ обратное явленіе!). И предполагаемая замѣна тѣмъ болѣе невѣроятна, что пом. pl. *существительныхъ* среднего рода на (иде.) *-āi* не встрѣчается ни въ другихъ индоевропейскихъ, ни въ близко родственныхъ славянскихъ языкахъ, ни въ прусскомъ ¹⁾ (ср. пр. *austo*

¹⁾ Считать съ Траутманомъ l. c. 218 сл. пр. окончаніе *-ai* въ формахъ вродѣ *wijrai* «мужи» рѣшительно нѣтъ никакого основанія (см. ниже) и никакой возможности, такъ какъ дѣйствительныя формы среднего рода указываютъ на *-āi*.

«уста», *warto* «ворота» и др. у Траутмана I. с. § 120; и *malnijkiki* съ *-ki* изъ *-kā* «дѣти», 2× въ III катехизисѣ, между тѣмъ какъ въ другихъ падежахъ это слово—старое уменьшительное—уже является съ окончаніями мужескаго рода¹⁾, что совершенно понятно при почти полной утратѣ существительныхъ средняго рода въ языкѣ III катехизиса, ср. напр. *stas... testaments* въ III кат.: *sta... testamentan* въ I кат. Ср. Berneker, Pr. Spr. 192). Что литовскія формы вродѣ *vilkaĩ*—собственно формы средняго рода, это по мнѣнію Meillet MSL. XV, 73 доказывается ихъ окончательнымъ удареніемъ (ср. также Hirt JF. X, 49 слл.) и обобщеніемъ правила *τὰ ζῶα τρέχει!* Такая аргументація со стороны Meillet меня поражаетъ. Во-первыхъ, какъ показываетъ грамматика Куршата, далеко не всѣ лит. пом. pl. на *-ai* имѣютъ удареніе на концѣ (ср. между прочимъ получившееся изъ старой формы средняго рода *vaĩtai*: рус. *ворота́!*), а мѣна ударенія въ словахъ вродѣ *diẽvas: dievaĩ* объясняется просто тѣмъ, что такія слова когда-то были охутона (ср. скр. *dēvā-s*), а пом., gen., dat. и асс. s. существительныхъ основъ на *-o* теперь въ литовскомъ почему-то никогда не можетъ имѣть ударенія на окончаніи. Что же до балтійскаго употребленія 3 л. ед. ч. также въ значеніи 3 л. множ. ч., то и оно не объясняется предположеніемъ Meillet. Оно восходитъ къ эпохѣ прабалтійской, а между тѣмъ прусскій языкъ, какъ уже указано, различалъ формы средняго рода на **-ā* отъ формъ муж. рода на *-ai*. И сохранившіе средній родъ близко родственные славянскіе языки вовсе не знаютъ 3 л. ед. ч. при подлежащемъ средн. рода множ. числа, такъ что эта особенность, можетъ быть, была совершенно чужда и балтійскимъ языкамъ. Да и вообще было бы странно, если бы вымиравшій въ балтійскихъ языкахъ средній родъ все же могъ еще оказать такое вліяніе на судьбу глагольныхъ формъ²⁾. И если даже признать, что *-ai* окончаніе средняго рода, все-таки еще оставалось много формъ пом. pl. не средняго рода, такъ что утрата 3 л. множ. ч. можетъ быть объяснена только особой при-

¹⁾ Да и само это *malnijkiki* уже имѣетъ при себѣ опредѣленіе прилагательное въ мужескомъ родѣ (на *-ai*).

²⁾ Ср. Поржезинскій, Къ исторіи формъ спряженія 46.

чиной. И причина эта, на мой взглядъ, заключалась въ томъ, что 3 л. множ. ч., оканчивавшееся, судя по 3 л. ед. ч. на *-a(t)*, въ прабалтійскомъ на *-an(t)*, формально совпадало съ ном. pl.¹⁾ masc. g. причастій на *-nt-* (объ этой формѣ причастій ср. J. Schmidt KZ. XXVI, 362 сл.), а совпаденіе это было крайне неудобно по той причинѣ, что причастія дѣйствительнаго залога въ балтійскихъ языкахъ въ косвенной рѣчи употребляются какъ особый *modus relativus* въ значеніи личныхъ глагольныхъ формъ (литовскіе примѣры у Куршата Gramm. § 1578, Барановскаго, Замѣтки о лит. яз. 70 и Гейтлера, Beiträge z. lit. Dial. 32 слл., латышскіе — въ нашей грамматикѣ § 218), ср. Zubatý JFA. XVI, 54. Нужна была, значитъ, форма, свойственная исключительно изъявительному наклоненію, и такъ какъ и раньше III л. ед. ч. иногда (при нѣсколькихъ подлежащихъ въ ед. числѣ, и если сказуемымъ былъ глаголъ *es-*; а въ желательномъ или условномъ наклоненіи искони, кажется, 3 л. ед. и множ. ч. имѣло общую форму, о чемъ ср. Zubatý l. c. 56) употреблялось вмѣсто 3 л. множ. ч., то двусмысленное 3 л. множ. ч. было окончательно замѣнено 3 лицомъ ед. ч.: объ утратѣ же 3 л. дв. ч. ср. Zubatý l. c. 54. Нѣтъ, значитъ, ровно никакихъ доводовъ въ пользу гипотезы, будто лит. *-ai* — окончаніе средняго рода. И не подлежитъ сомнѣнію, что она была придумана только съ цѣлью объяснить отношеніе этого *-ai* къ окончаніямъ тѣхъ же основъ *-iē* (въ мѣстоименной флексіи) и *-i* (при *-ie-jī* въ опредѣленной формѣ) въ склоненіи прилагательныхъ и къ гр. *-oi*. Если бы можно было удовлетворительно объяснить взаимное отношеніе этихъ окончаній, то вѣроятно никто болѣе не считалъ бы *-ai* окончаніемъ средняго рода. И я думаю, что такое объясненіе возможно. Тѣхъ языковѣдовъ, которые пришли къ заключенію, что лит. *-ai* — окончаніе средняго рода, озадачивало именно это *-ai*, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, всякое иде. *-oi* или *-ai* въ литовско-латышскомъ перешло въ **-ie*, и такъ какъ они полагали, что ном. pl. masc. g. всѣхъ основъ на *-o* въ прабалтійскомъ оканчивался

¹⁾ Что также въ латышскомъ языкѣ были формы, соотвѣтствующія литовскимъ ном. pl. на *-a*, показываетъ лат. *esu* (=лит. *ēsa*) у Мюленбаха въ Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. IX, 3, 262 сл.

на *-ai* (изъ иде. *-oi*). Но въ своей статьѣ о происхожденіи литовско-латышскаго *ie* (въ Изв. отд. р. яз. и сл. И. А. Н. XII, 1, 40 слл.) я доказываю, что это *ie* получается, по крайней мѣрѣ, въ корневыхъ слогахъ только изъ иде. *ei* и развѣ только въ конечныхъ слогахъ также изъ прабалтійскаго *ai*, перешедшаго въ неударяемомъ положеніи въ *ei*; и такъ какъ до сихъ поръ никто еще не опровергалъ моихъ доводовъ, то я тутъ имѣю нѣкоторое право сослаться на эту статью. Въ объясненіи нуждается, значить, не лит. *-ai*, но скорѣе *-ie*. Но и послѣднее окончаніе легко объясняется данными прусскаго языка. Между тѣмъ какъ существительныя основы на *-o* въ прусскомъ въ пом. pl. всегда оканчиваются на *-ai*, тѣ же прилагательныя и мѣстоименныя основы имѣютъ въ этомъ падежѣ рядомъ съ *-ai* также *-ei*¹⁾; примѣры даются Траутманомъ (но съ неправильнымъ освѣщеніемъ!) л. с. 242, 259, 261, 264, 265, 266,

¹⁾ Траутманъ л. с. 245 приводитъ (отъ основъ на *-jo* и *-i*) также пом. pl. на *-i*, но не подлежитъ сомнѣнію, что формы *packawingi* «friedsam», *poklusmingi* «gehorsam», *pomettīwingi* «untertan», *poseggīwingi* «gehorsam» и *weijsewingi* «fruchtbar» могутъ быть нарѣчія (самъ Траутманъ л. с. 244 и 246 указываетъ, что такія же формы пом. s. средн. рода на *-i* и *-ai* такъ же употребляются въ качествѣ нарѣчій; въ оборотахъ: *stai gennai boūsei poklūsmingi* (по Траутману пом. s. neutr. g.) «die Weiber seyen unterthan» и *joūš malnijkai seiti poklusmingi* (по Траутману пом. pl. m. g.) «Ihr Kinder seydt gehorsam», значеніе *poklusmingi*, очевидно, совершенно одинаково), а *ainawijdi* (*sta ast ainawijdi kaulei* «das ist doch Bein») даже не можетъ имѣть значенія прилагательнаго. Остается только *nidruwīngi* (*stai nidruwīngi* «die Ungleubigen»), гдѣ *-i* вѣроятно опечатка вмѣсто *-ei*, ср. три опечатки (съ *i* вмѣсто *ei*) у Траутмана л. с. 141. Такъ-же, по моему мнѣнію, ошибается Траутманъ, приводя л. с. 255 формы пом. pl. причастій прош. вр. дѣйств. залога на *-uns* или *-ons* и отождествляя ихъ съ скр. формами на *-vasas*: по моему эти пр. формы представляютъ собою просто пом. s., употребляемый (въ духѣ нѣмецкаго языка) вмѣсто пом. pl.; настоящія формы пом. pl. мы имѣемъ въ *imtusis* и *aipallusis*; ср. лит. діал. формы вродѣ *mirusys*. Вообще, чѣмъ чаще приходится пользоваться грамматикой Траутмана, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что новая прусская грамматика желательна и послѣ появленія труда Траутмана. Если бы самъ Траутманъ могъ намъ дать второе, переработанное изданіе своей книги, то было бы желательно, чтобы онъ безъ надобности не уклонялся отъ прусской грамматики Бернекера; такъ, наприм., Бернекеръ въ изложеніи пр. вокализма исходитъ отъ иде. звуковъ (еще лучше было бы исходить отъ прабалтійскихъ звуковъ), между тѣмъ какъ Траутманъ отчасти исходитъ отъ буквъ, которыми обозначаются прусскіе гласные, такъ что ориентироваться у него въ пр. вокализмъ не совсѣмъ легко.

268 (форму же *-di*, передающую нѣм. *man*, которую Траутманъ считаетъ за пом. pl. masc. g., я принимаю за пом. s. neutr. g.). Отъ мѣстоименной основы *sta-* пом. pl. въ III кат., правда, всегда является въ видѣ *stai* (и съ нимъ можетъ быть тождественно *stacy* въ I и II катех.), но *-ei-* въ косвенныхъ падежахъ (gen. pl. *stēison* и dat. pl. *stēimans*) и *tennei* «они» (только съ *-ei*, всего 7×; ср. еще gen. pl. *tenneison* и dat. pl. *tennēimans*) позволяютъ предполагать также пр. форму пом. pl. **stei*, ср. Brugmann Grdr. II², 2, 367 и Berneker Pr. Spr. 202. Итакъ, данныя прусскаго языка подтверждаютъ мое мнѣніе, что лит. *tiẽ* и лат. *tiẽ* восходятъ къ пра-балт. **tei*; и такъ же и dat. pl. лит. *tiems*, лат. *tiẽm* относительно вокализма соотвѣтствуетъ не црксл. *тѣмъ*, но пр. *stēimans*, отличаясь отъ этой прусской формы только своимъ акутомъ. Исторія пом. pl. основъ на *-o* мнѣ представляется, значить, слѣдующимъ образомъ: (не позже славяно-балтійской эпохи) подъ вліяніемъ мѣстоименныхъ формъ вродѣ **toi* въ говорахъ, къ которымъ восходятъ теперешніе балтійскіе и славянскіе языки, также въ именной флексіи пом. pl. сталъ оканчиваться на *-oi* (или *-ai*). А такъ какъ въ мѣстоименной флексіи (рядомъ съ *-oi*) встрѣчалось также *-ei* въ пом. pl. (исходнымъ пунктомъ послѣдняго Бругманъ l. c. считаетъ мѣстоименіе **ei*, откуда др.-ирл. *é* «они»), то могло случиться, что въ литовско-латышскомъ (а отчасти и въ прусскомъ) *-ei* было обобщено въ мѣстоименной флексіи и отсюда въ послѣдствіи перенесено и въ склоненіе прилагательныхъ, которыя въ литовско-латышскомъ вообще усвоили себѣ мѣстоименныя окончанія ¹⁾. Что также лат. *-i* въ пом. pl. прилагательныхъ сокращено не изъ *-ai*, но изъ *-ie*, это намъ показываютъ, помимо опредѣленныхъ формъ на *-ie*, формы вродѣ *plicī* (вмѣсто обычнаго *pliki*) «голые» BW. 3351⁴ (ср. еще i. pl. *šeicim* BW. 7411, 2=*sikiem* «мелкими»), гдѣ *-ci* можетъ восходить только къ литовско-латышскому **-k'ie*, а не **-kai* (ср. лат. 2 л. ед. ч. *saki* «говоришь»=лит. *sakaĩ*, рядомъ съ лат. *tec(i)* «течешь»=лит. *tekì*); обычное же *pliki* (и dat., i. pl. *plikiem*) получило свое *k* отъ другихъ падежей съ *k* не передъ гласными пе-

¹⁾ Если же ходъ развитія таковъ, то доводы Meillet Roczn. Sl. III, 163 становятся безпочвенными.

редняго ряда. Что же до лат. существительныхъ вродѣ *vilki*, то навѣрно мы не можемъ знать, восходить ли ихъ *-i* къ *-ai* (ихъ *-ki* можетъ быть однородно съ *-ki* въ *pliki!*), или же старое **vilkaī* было вытѣснено новообращеніемъ **vilkie*¹⁾ (ср. dat. pl. *vilkiem* и dat. s. *vilkam* съ мѣстоименными окончаніями!).—Остается разсмотрѣть различіе въ интонаціи между гр. *-oi'*, лат. *-iē* (въ *tiē* «тѣ» и *šiē* «эти») и лит. *-i*, *-ie-jī* съ одной стороны, и лит. *-iē* и *-ai* съ другой стороны. Что касается лит. *tiē*, то уже Гиртомъ JF. I, 31 и Бругманомъ Grdr. II², 2, 190 высказано предположеніе, что циркумфлексъ этой формы замѣнилъ собою первоначальный акуть (а это подтверждается лат. *tiē*), и такого же мнѣнія я держусь относительно лит. *-ai*. Судьбу акутованныхъ конечныхъ слоговъ въ литовскомъ языкѣ я представляю себѣ именно слѣдующимъ образомъ: въ словахъ неодносложныхъ конечные долгіе гласные и *-ie*, *-uo* подъ акутомъ подверглись сокращенію, на что впервые обратилъ вниманіе Лескинъ AfslPh. V, 188 слл.²⁾, между тѣмъ какъ прочія

¹⁾ Въ пользу этого говорятъ діалектическія формы вродѣ *tēvi* «отцы» съ узкимъ *ē*.

²⁾ Лескинъ однако предполагаетъ сокращеніе всевозможныхъ долготъ (значить, также дифтонговъ *ai*, *ei*, *au*) и также въ односложныхъ словахъ. Но этому противорѣчатъ формы вродѣ *tiē* и асс. pl. *tōs*, и нѣтъ вовсе примѣровъ (литовскихъ) для сокращенія дифтонговъ *ai*, *ei*, *au*. Иначе смотритъ на это явленіе Фортунатовъ (Сборн. отд. р. яз. и слов. LXIV, 11, 40 и 154; ср. также ВВ. XXII, 161 и AfslPh. XXIX, 422); по его мнѣнію акутованные долготы перешли въ краткость только въ открытомъ концѣ словъ (также въ односложныхъ словахъ!) и безъ ударенія также въ закрытомъ концѣ слова (примѣромъ служатъ формы вродѣ *bēris* «гнѣздо»); а подъ удареніемъ въ закрытомъ концѣ словъ эти долготы обратились «въ полудолготу съ восходящимъ качествомъ ударенія, откуда, наприм., въ среднелитовскомъ нарѣчій долгота съ восходящимъ удареніемъ» (такъ будто въ *mēs* «мы», *arklys* «лошадь» и др.). Такъ какъ статья Фортунатова о балтійскомъ удареніи и количествѣ, къ сожалѣнію, все еще не кончена, и вслѣдствіе этого я не знаю, какъ онъ объясняетъ противорѣчація его теоріи формы (вродѣ ном. s. *tō* или асс. pl. *gerās*), то полемика съ нимъ по этому поводу была бы преждевременна. Относительно приведенныхъ имъ примѣровъ замѣчу, что Фортунатовъ вѣроятно правъ, возводя *bēris* къ **bērys*; въ пользу этого говорятъ какъ данныя латышскаго языка, гдѣ литовскому *-ys* и *-is* одинаково соотвѣтствуетъ *-is* изъ **-īs*, такъ и данныя самого литовскаго языка, ср. Явнисъ, Понев. говоры II, 4 сл. и Барановскій, Замѣтки 14 сл. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что *-ys* восходитъ къ **-ūs*, такъ какъ *-is* въ *bēris* вмѣсто **bērys* можетъ быть объяснено

акутованныя конечныя долготы (*ie*, *uo* и долгіе гласныя въ односложныхъ словахъ и дифтонги съ *i* или *u* во второй части), не сокращаясь, получили взамѣнъ акута циркумфлексъ. Что въ односложныхъ словахъ всякаго рода долготы сохраняются (ср. Brückner AfslPh. III, 265, Hanssen KZ. XXVII, 613 и 616, Zubatý LF. XIII, 243, Wiedemann Handb. 43; иначе Bezzenberger BB. X, 203), показываютъ намъ, напримѣръ, ном. pl. *tiē* (при *geri*, *gerie-ji*; подъ вліяніемъ формъ *tiē*, *šiē*, *jiē* также *kokiē*, *kuriē* и др.); асс. pl. *tuōs* Jurkschat, Lit. Märchen 45, Лхр. 361, 16; 370, 28; 371, 28, *juōs* Jurkschat l. c. 76, Лхр. 367, 6, fem. g. *tōs* (при *geràs*) Поневѣжскій уѣздъ 140, Явнисъ, Понев. говоры II, 6, 10, *tās* (при *geràs-ias*) Jurkschat l. c. 7, *jēs* l. c. 131; ном., асс. du. *tuō-du* (при *geri*, *geri-ju-du*), fem. g. *tiē-dvi* (при *geri*, *gerie-ji-dvi*); ном. s. fem. g. *tō* (при *gerà*, *geró-ji*) Поневѣжскій уѣздъ 140, Явнисъ, Понев. говоры II, 4, 11; *ju's* «вы» (при лат. *ju's* и пр. *ioūs*, ср. Фортунатовъ BB. XXII, 161 и Сборникъ отд. р. яз. и слов. LXIV, 11, 16²). Что же до формъ вродѣ ном. s. fem. g. *tà*, *šì*, *jì*; i. s. fem. g. *tà*, *tù* Явнисъ, Понев. говоры II, 8; асс. pl. *tūs*, fem. g. *tàs*; *dù* «два», *dvi* «двѣ», то сокращеніе въ нихъ долготы вѣроятно произошло въ проклитическомъ положеніи, ср. KZ. XLII, 375 сл., причемъ возникновенію сокращенныхъ мѣстоименныхъ формъ (наприм. *tà*) могли содѣйствовать соотвѣтствующія имъ формы прилагательныхъ (наприм. *gerà*). А съ ном. pl. вродѣ *dievaĩ* изъ **dievái* ср. *geriui's* «melius» при *geriaus(iai)* «optime», *taĩp* «между» при *tárpas* «промежутокъ» (съ удареніемъ во всѣхъ падежахъ на начальномъ слогѣ), ср. Явнисъ, Понев. у. 100, и III л. буд. врем. вродѣ *ai'gs* (къ *augli* «расти»), *duōs* (къ *duoti* «дать»), *aĩs* (къ *arti* «пахать»), *keliai's* (къ *keliauti* «путешествовать»), *žinōs* (къ *žinoti* «знать»)

вліяніемъ формъ на старое (иде.) *-is*, о которомъ ср. Brugmann Grdr. II², 1, 197, Форму же *mēs* я въ виду пр. *mes*, *mas* (изъ прабалт. **mes*) и арм. *mekh* возвожу къ **mēs* (лат. *mēs*, — и, можетъ быть, и лит. *mēs*, — могло получить свою долготу подъ вліяніемъ *ju's* «вы»; старая краткость, можетъ быть, еще сохранилась въ Сауссенскомъ *mas* съ восточнолат. *a* изъ *e* BB. XII, 217; *mas* мнѣ извѣстно также изъ Лубана, Берзона, Зессевегена, Друвенена и др.), ср. Meillet MSL. VIII, 161, XV, 91, Recherches 95, Esquisse d'une gramm. comp. de l'arménien 65, и Leskien, Ber. d. sächs. G. d. W. XXXVI, 98 сл.

и др., ср. Schleicher Gramm. 228, Bezzenberger BB. X, 202 сл., Jurkschat, Märchen 8, 9, 10 и др., Барановскій, Замѣтки 53, Поржезинскій, Изв. отд. р. яз. и слов. I, 487, Фортунатовъ, Сборникъ отд. р. яз. и слов. LXIV, 11, 154 сл., Schulze KZ. XLIV, 131. Формы же съ конечнымъ акутомъ—новообразованія, возникшія или подъ вліяніемъ родственныхъ формъ съ акутомъ не на конечномъ слогѣ, или же вслѣдствіе утраты первоначальнаго конечнаго слога; таковы, напримѣръ, dat. s. *tám*, *gerám* при *tām̃ui*, *gerām̃ui* (Jurkschat, Gr. § 170); i. s. *túo* Лхр. 383, 7; 386, 35, Явнисъ, Понев. гов. ¹⁾ II, 11, *júo* Лхр. 380, 36, fem. g. *tá* или (восточно-лит.) *tú* Лхр. 358, 27 (ср. *gerúo-ju*, *gerá-ja*); n. pl. *éie* Лхр. 378, 36; 380, 45 (ср. *gerie-ji*); a. pl. *túos*, *tás* (ср. *gerúos-ius*, *gerás-ias*; Явнисъ, Понев. у. 101); *jéi* или (Jurkschat, Gramm. § 1597, и Юшкевичъ подъ *jágu*) *jeĩ* «если» (съ акутомъ подъ вліяніемъ сложныхъ формъ *jéigu* и *jéigi*, ср. Mikkola BB. XXII, 248¹⁾); подобно *jéi* вѣроятно объясняются *nái* (: гр. *raí*) «да» (въ Россіенск. у.) и *néi* «какъ, словно» рядомъ съ однозначашимъ *neĩ* (ср. Bezzenberger BB. XXI, 306¹⁾) и *visái* (при *visaĩ*) «совсѣмъ»; *véi* (также *vè*) «ессе», какъ и однозначашее съ нимъ лат. *vei*, вѣроятно сокращено изъ **véizdi* «смотри», ср. наприм. лат. *re(dzi)* или *rau(gi)* «смотри», *klau(si)* «слушай» и др.; dat. s. *mán*, *táu*, *sáu* изъ двусложныхъ формъ (Фортунатовъ, Сборн. отд. р. яз. и слов. LXIV, 11, 16²⁾). Если *jús* «вы» у Юркшата l. с., наприм., 37, 49 (3×), 99, не ошибочно вмѣсто *jũs* ²⁾, то я могъ бы себѣ его объяснить только вліяніемъ формы *júsũ* «васъ». Что же до нижнелит. формъ вродѣ *rašáu* «пишу», *rašáu* «я писалъ» (при *jauĩ*) ³⁾, и *rašá* «пишешь» изъ **rašái*, *rašé* «ты писалъ» изъ **rašéi*, *vilká* «ты влекъ» (при *vilkā* ³⁾) «волки» изъ *vilkaĩ*, указанныхъ Явнисомъ, Описание Россіенск. уѣзда 28 и Поневѣжск. у. 134, то различіе между ними и соотвѣтствующими имъ

¹⁾ Доставъ недавно (благодаря любезности моего коллеги проф. А. Л. Погодина) эту книгу, я нашелъ, что уже Явнисъ l. с. 14 правильно объяснилъ лит. *arjèkti* «ослѣпнуть», чего я не зналъ Изв. отд. р. яз. и слов. XV, 2, 218.

²⁾ Когда это было уже написано, я узналъ отъ К. К. Буги, что *jús* дѣйствительно встрѣчается въ нѣкоторыхъ говорахъ, ср., наприм., Kriaušaitis, Liet. kalbos. грам., стр. 23.

³⁾ Съ сильносерединной интонаціею.

верхнелитовскими формами съ циркумфлектированнымъ конечнымъ слогомъ, можетъ быть, объясняется предположеніемъ, что верхнелит. формы вродѣ *vilkaĩ* «ты влекъ» восходятъ къ пралит. **vilkā-i'e* > **vilkā-ì*, тогда какъ нижнелит. **vilkaĩ* (> *vilká*) можетъ восходить къ **vilkā'-ie* > **vilkā'-i* (съ удар. на *ā*), причемъ слияніе двухъ послѣднихъ слоговъ могло произойти уже послѣ того, какъ пересталъ дѣйствовать законъ о замѣнѣ конечнаго акута циркумфлексомъ¹⁾. Итакъ, есть основаніе думать, что, напримѣръ, лит. *dievaĩ* «боги» восходятъ къ **dievāi*. Но какъ въ такомъ случаѣ объясняются формы вродѣ *vaĩtai* «ворота» вмѣсто ожидаемаго **vartāi*²⁾ > *vartaĩ*, и *kelmaĩ* «пни» (при асс. pl. *kélmus*) вмѣсто ожидаемаго **kélmaĩ*? Вѣроятно такъ же, какъ формы буд. времени вродѣ *kèpsiu* (при восточнолит. *kepsiù*), т. е. какъ новообразованія. Такъ какъ у существительныхъ типа I б (у Куршата, § 536) удареніе во множ. числѣ во всѣхъ падежахъ кромѣ ном. и асс. pl. падало на корневой слогъ, то эти существительныя относительно ударенія были весьма похожи на существительныя типа II б (съ постояннымъ удареніемъ на начальномъ слогѣ); а вслѣдствіе этого могло случиться, что также въ ном. pl. удареніе въ словахъ типа I б было перенесено на корневой слогъ, тѣмъ болѣе что отношеніе ном. pl. *vaĩtai* : асс. pl. *vartūs* напоминало отношеніе ном. pl. *raĩkos*, *žvākēs* : асс. pl. *rankàs*, *žvakēs*. Слова же типа II а (вродѣ *kelmaĩ*), имѣя во множ. числѣ удареніе почти во всѣхъ падежахъ на окончаніи, могли въ ном. pl. попасть подъ вліяніе словъ типа I а, имѣвшихъ во всѣхъ падежахъ множ. числа удареніе на окончаніи. Но въ такомъ случаѣ ожида-

¹⁾ Возможно, впрочемъ, что первоначально стояли рядомъ **rašāusi* и т. д. и *rašai* и т. д., послѣ чего въ нижнелитовскомъ могла быть обобщена интонація возвратной формы, въ прочихъ же говорахъ—интонація дѣйствительнаго залога. И это, пожалуй, болѣе правдоподобно.

²⁾ Такая же форма съ конечнымъ удареніемъ ожидалась бы также въ томъ случаѣ, если бы *-ai* дѣйствительно представляло собою окончаніе средняго рода; ср. р. *vorotā* съ *-a* изъ акутованнаго иде. *-ā* и пр. *warto*, доказывающее, что въ прабалтійскую эпоху, знавшую уже переносъ ударенія съ циркумфлектированного слога на послѣдующій слогъ съ акутомъ (ср. Trautmann Altpr. Spr. 194 сл.), имѣлась форма средн. рода **vartā* (а не **vartai*), которая должна была имѣть удареніе на концѣ. Начальное удареніе лит. *vaĩtai*, значитъ, для меня ничуть не болѣе затруднительно, чѣмъ для считающихъ *-ai* окончаніемъ средн. рода.

лось бы также *kelmūs (вмѣсто *kélmus*) въ асс. pl.; и поэтому я считаю возможнымъ, что переносъ ударенія съ окончанія на акутованный корневой слогъ имѣлъ мѣсто только послѣ сокращенія конечной акутованной долготы ¹⁾, а если это такъ, то формы вродѣ *kelmaĩ* совершенно правильны. Но во всякомъ случаѣ отношеніе *kelmaĩ*:*kélmus* совершенно однородно съ отношеніемъ *minkštĩ*:*mĩnkštus*.—Итакъ, ничто намъ не мѣшаетъ предполагать, что прабалт. -*ai* (-*ei*) въ пом. pl. произносилось съ акутомъ, какъ и греч. -*oi*. Но для того, чтобы можно было остановиться на этомъ предположеніи, я тутъ долженъ еще разсмотрѣть условія возникновенія праславянскаго -*i* изъ -*ě*. Послѣ того какъ Streitberg JF. I, 295 выставлялъ «законъ» о переходѣ на славянской почвѣ иде. -*ě* ²⁾ въ -*i* (при -*ě* изъ акутованнаго -*ē*), Meillet MSL. VIII, 239 слл., Pedersen KZ. XXXVIII, 326 слл., Vondrák, Vrgl. slav. Gr. I, 59 слл., Фортунатовъ, ср. AfslPh. XXIX, 421¹, Ляпуновъ, Формы склоненія I, 18 слл. (ссылаясь на лекціи Фортунатова), и др., расширяя этотъ «законъ», полагаютъ, что всякое циркумфлектированное праслав. -*ě* измѣнилось въ -*i*, тогда какъ акутованное -*ě* сохранялось. И московскій профессоръ Поржезинскій AfslPh. XXIX, 421 доходитъ даже до внушенія, что въ правильности этого «закона» «*darf* (курсивъ мой) man... nicht zweifeln» ³⁾. Насколько сомнителенъ въ самомъ дѣлѣ этотъ «законъ», намъ показываетъ скептическое къ нему отношеніе Бругмана KVG. § 362 и Лескина, Gramm. d. altbulg. Spr. § 43. Мало того: данныя языка таковы, что Ягичъ AfslPh. XXVIII,

¹⁾ Исключенія вродѣ пом. pl. *mĩnkštĩ* или пом. s. *galvā* могутъ считаться легко понятными новообразованіями. Тутъ кстати замѣчу, что къ указаннымъ Мазингомъ (Hauptformen des serb.-chorw. Acc. 11 слл.) примѣрамъ типа *galvā* относятся и *žarnā* «кишка» у Шлейхера Leseb. 340 (=лат. *zarna* съ прерывистой интонаціею; у Куршата же *žárna*), gen. pl. *žarnú* ibid. 121, loc. pl. *žarnosě* (при асс. pl. *žárnas*) Leskien—Brugmann 234.

²⁾ Мѣна же праслав. -*ě* и -*i* изъ иде. -*ai* и -*oi*, по мнѣнію Штрейтберга, l. c. I, 282, можетъ быть, обусловлена различіемъ въ удареніи, но не въ интонаціи.

³⁾ Что касается новаго ученія Гюера Slov. dekl. jm. 62 слл., то я тутъ ограничусь краткой передачей его: иде. -*ě* > прасл. -*i* (*mati), иде. -*oi* > прасл. -*i* (*vylci, *mi), иде. -*oi* > прасл. -*ě* (*vylcě), иде. -*oi*/t > прасл. -*i* (*beri); пусть судятъ читатели сами, насколько это правдоподобно.

121 могъ прійти къ совершенно противоположному выводу, полагая, что акутованное -ѣ перешло въ -і, между тѣмъ какъ циркумфлексированное -ѣ сохранялось. Этому однако противорѣчатъ формы пом., асс. du. на -ѣ (отъ основъ на -ā), ср. лит. -і изъ *-іе. Но теорія Мелье и Фортунатова не обоснована лучше. Въ пользу перехода циркумфлексированнаго -ѣ въ -і скорѣе всего можно привести формы 2 и 3 л. ед. ч. повелит. наклоненія на -і (отъ основъ на -o), ср. лит. *te-sukiē* и гр. *παιδεύοι(ς)*, и црксл. dat. s. *ми, ти, си*, ср. гр. *οἱ*; хотя рядомъ съ *οἱ* имѣются *οοί* и *ἐμοοί* (акуть ихъ считается возникшимъ изъ циркумфлекса въ энклитическомъ положеніи; въ такомъ случаѣ однако скорѣе ожидалось бы отношеніе *ἐμοοί:*οοί, такъ какъ *οἱ* чаще всего встрѣчается въ энклитическомъ положеніи, *ἐμοοί* же всегда имѣетъ самостоятельное удареніе, и поэтому я считаю возможнымъ, что введенная греческими грамматиками акцентуація *οἱ*¹⁾ (вовсе не соответствовала дѣйствительному произношенію), а въ повелит. наклоненіи сербскія формы вродѣ *mrī*, *pēcī* указываютъ на акуть, ср. Pedersen KZ. XXXVIII, 328 (но также 329!) и Vondrák AfslPh. XXX, 288, такъ что пришлось бы допустить мѣну интонаціи, происшедшую притомъ послѣ возникновенія -і изъ -ѣ. Прочіе же примѣры, приведенные Педерсеномъ l. c. уже слишкомъ сомнительны. Объ *i* «et» ср. выше стр. 136¹, а что до -і въ пом. pl. основъ на -o, то въ греческомъ и въ балтійскихъ языкахъ мы тутъ находимъ какъ разъ акуть, а не циркумфлексъ! Выше мною показано, что лит. -*ai* можетъ восходить къ *-*ai*, тождественному съ гр. -*οοί* и соответствующему относительно интонаціи литовскому -і въ прилагательныхъ и латышскому *tiē*. А разъ это возможно, то это въ данномъ случаѣ и вѣроятно, такъ какъ существованіе въ иде. праязыкѣ (и даже еще въ пралитовскомъ!) циркумфлекса рядомъ съ акутомъ въ одномъ и томъ же окончаніи было бы совершенно непонятно. Не проводя, значить, во что бы то ни стало, предвзятой теоріи, но руководствуясь данными языка, я не могу не признать, что также слав. -і вѣроятно восходитъ къ тому же акутованному -*οοі*. Ссылаются, на-

¹⁾ Ради отличія отъ *οἱ* «qui»?

конецъ, еще на црксл. *мати*: лит. *mótė* ¹⁾), но доказательная сила этого слова не велика. Вѣдь, мы навѣрно не знаемъ, что праслав. *matě имѣло циркумфлексированное -ѣ, такъ какъ неизвѣстно, соответствуетъ ли праслав. *-*tě* литовскому -*tė*, или же гр. -*τήρ*. Въ виду отношенія црксл. *камы* къ лит. *akmiõ* скорѣе можно думать о тождествѣ прасл. *-*tě* съ гр. -*τήρ*. Если сербскимъ *kéi* дѣйстви-тельно доказывается праслав. циркумфлексированное -*tě*, то оно могло возникнуть подъ вліяніемъ словъ, соотвѣтствовавшихъ литовскимъ словамъ типа *žėmė*, ср. Pedersen KZ. XXXVIII, 326. И если бы даже праслав. *-*tě* соотвѣтствовало не греч. -*τήρ*, но лит. -*tė*, то можно съ Соболевскимъ, РФВ. XII, 21 и Древній црк.-слав. яз. 105, считать црксл. *мати* новообразованіемъ вмѣсто *матъ подъ вліяніемъ словъ женскаго рода на -и. Соболевскій полагалъ, что старая форма уцѣлѣла еще въ староч. *mátě*; теперь это считается новообразованіемъ, возникшимъ подъ вліяніемъ словъ вроде *dušě* (причемъ нѣсколько страннымъ является то обстоятельство, что это «новообразованіе» впослѣдствіи опять вытѣсняется «старымъ» *máti*, хотя возможности этого я не отрицаю). Признавая однако это староч. *mátě* новообразованіемъ, мы не можемъ отрицать возможности считать новообразованіемъ также праслав. *mati. Вондракъ относитъ сюда еще и ген. s. основъ на -i въ виду лит. -*iēs* и гот. -*aīs*. Но непременно къ иде. -*oīs* восходитъ только гот. -*aīs*, лит. же -*iēs* скорѣе къ иде. -*eīs*, сохранившемуся въ оск. -*eīs*, такъ что и праслав. -i можетъ восходить къ -*eīs*, какъ полагаетъ и Ляпуновъ I. с. 49.—А въ пользу сохраненія акутованнаго -ѣ можно привести только окончаніе пом., асс. du. основъ на -ā, ср. лит. *gankì*, и, пожалуй, еще и црксл. *въ* «мы оба», ср. греч. *ῥώ*, *ῥῶδῃ* «знаю», ср. греч. *φέρομαι*, и *цѣ*: гр. *καί*. Что также въ пом., асс. du. основъ средняго рода на -o имѣлось акутованное -ѣ, этого мы вопреки Педерсену KZ. XXXVIII, 328, не знаемъ. Противорѣчатъ же теоріи Фортунатова и Мелье, съ одной стороны, -ѣ въ dat. s. основъ на -ā, ср. лат. -*aī* и греч. -*ᾱ́*, и въ loc. s. основъ на -o, ср. греч. -*οῖ*, -*εῖ*, а съ другой стороны, -i въ пом. pl. основъ на -o,

¹⁾ Тутъ кстати укажу на Лит. хрест. 390, 5, гдѣ это слово еще значить «мать».

dat. s. основъ на *-и*, ср. греч. *δόμεναι*, и въ 2 л. ед. ч. прксл. *даси* и др., ср. греч. *δίδοσθαι*. Изъ этихъ исключеній вполне удовлетворительно объясняется только 2 л. ед. ч. на *-си* (Вондракъ, *Vrgl. slav. Gr.* I, 60 сл.). А *-ё* въ dat. и loc. s. Педерсенъ KZ. XXXVIII, 326 сл. объясняетъ предположеніемъ, что во время перехода *-ё* въ *-і* въ окончаніи dat. и loc. s. основъ на *-ā* еще не получилось *-ё* изъ *-āi* (а изъ loc. s. основъ на *-ā* по мнѣнію П.-а *-ё* было перенесено въ loc. s. основъ на *-о* и въ *тебѣ* и др.). Приходится, значить, допустить, что одинъ и тотъ же своеобразный звукъ *ё* получается въ разные времена, причемъ *k, g, x* передъ нимъ все-таки одинаково смягчаются въ *c, dz, s*. Вондракъ, отрицая это, полагаетъ, что *-ё* въ dat. s. основъ на *-ā* было восстановлено подъ вліяніемъ *-ё* въ loc. s., такъ какъ основы на *-і* въ dat. и loc. s. одинаково оканчивались на *-і*. Но и это объясненіе едва ли безукоризненно: вліяніе основъ на *-і* на основы на *-а* было бы совершенно понятно и естественно лишь въ томъ случаѣ, если бы всѣ основы на *-і* были женскаго рода; и если и допустимъ это вліяніе, то вѣдь, кажется, скорѣе ожидалось бы обобщеніе *-і*, а не *-ё*. Фортунатовъ, наконецъ (ср. Ляпуновъ I. с. 52), предполагаетъ въ окончаніи dat. s. основъ на *-ā* (и также въ loc. s. основъ на *-о*) «длительную» долготу, но я не знаю, какъ онъ при этомъ справляется съ противорѣчащими этому данными греческаго и балтійскихъ языковъ. Въ формахъ же типа прксл. *сынови* Педерсенъ объясняетъ *-і* вліяніемъ со стороны основъ на *-i*¹⁾; такое вліяніе однако понятно только въ склоненіи основъ на *-и, -г, -s* и *-nt*, отчасти получившихъ одинаковыя окончанія съ основами на *-і*. А если Вондракъ возводитъ *-и* въ *сынови* къ *-нѣ* съ циркумфлексомъ, полученнымъ изъ dat. s. основъ на *-ā*, то при наличности такого вліянія основъ на *-ā* я ожидалъ бы скорѣе **сыновѣ* въ dat. s. Ляпуновъ же I. с. 54 возводитъ *-и* въ *сынови* къ иде. *-ai*; но греческій языкъ указываетъ на *-ai*. Это поразительное разногласіе въ объясненіяхъ исключеній ясно показываетъ, что эти объясненія не очень убѣдительны. А *-і* въ пот. pl. основъ на *-о* можно было бы

¹⁾ Ср. Brugmann Grdr. II², 2, 170.

объяснить лишь предположеніемъ, что рядомъ съ *-oi* имѣлось и *-oĩ*. Послѣ всего этого достаточно ясно, что прочность теоріи Фортунатова и Мелье могла бы быть обезпечена только запретомъ сомнѣваться въ ея правильности; но сами они навѣрно меньше всѣхъ требуютъ слѣпого къ нимъ довѣрія.—Мнѣнію же Микколы, *Rocznik Slaw.* I, 7, по которому *-ě* восходитъ къ иде. *-āi*, *-ōi*, а *-i* къ иде. *-ē*, *-ai*, *-oi*, противорѣчатъ *-ě* въ пом., асс. ду. основъ на *-ā* (лит. *-i*, *-ie* тутъ не можетъ восходить къ *-āi*), въ црксл. *въ* «мы оба» и др.; кромѣ того, неудобно считать *ě* изъ *ai*, *oi* болѣе древнимъ, чѣмъ *ě* изъ *āi*, *ōi*.—Я самъ признаю правильной гипотезу Гирта *JF.* II, 350 слл., по которой *-ě* получается изъ ударяемаго *-oi* (*-ai*), *-i* же изъ неударяемаго *-oi* (*-ai*); никто, насколько мнѣ извѣстно, не опровергалъ ея, но тѣмъ не менѣе находили возможнымъ вовсе не считаться съ нею! Отлично ею объясняются *dat. s.* црксл. *ми*, *ти*, *си* (при *мьнѣ*, *тебѣ*, *себѣ*, ср. *Hirt* I. с. 351), *сынови*¹⁾, ср. скр. *sūnávē* и *Hirt* I. с. 358, и *nom. pl.* црксл. *ти* (съ *-и* изъ *-oi* въ проклитическомъ положеніи!). Изъ мѣстоименной флексіи это *-i* въ *nom. pl.* могло быть перенесено въ склоненіе прилагательныхъ (ср. аналогичное явленіе въ балтійскихъ и германскихъ языкахъ), а затѣмъ и существительныхъ, тѣмъ болѣе, что неударяемое *-oi* искони имѣлось также въ одной части именъ прилагательныхъ и существительныхъ. Въ другихъ же падежахъ, гдѣ ударяемое *-oi* (*-ai*) чередовалось съ неударяемымъ *-oi* (*-ai*), было обобщено *-ь*, что отчасти объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что за исключеніемъ пом., асс. ду. основъ на *-o* среднего рода и основъ на *-ā* мѣстоименная флексія въ этихъ падежахъ расходилась съ именной флексіей (ср. црксл. *томъ* *дѣбѣ*, *лѣтѣ*; *тои* *женѣ*). Что касается 2 и 3 л. ед. ч. повел. наклоненія на *-i*, то здѣсь съ точки зрѣнія современныхъ славянскихъ (русскаго и сербо-хорватскаго) языковъ ожидается скорѣе *-ě* (ср. *Vondrák, Vrgl. slav. Gram.* II, 142 сл. и *AfslPh.* XXX, 288 сл.), но слѣдуетъ имѣть въ виду, что по указанію греческаго и древне-индійскаго языковъ глагольныя основы типа *bhere-* первоначально имѣли (также въ оптативѣ) удареніе

¹⁾ Ср. *Hujer, Slov. dekl. jm.* 125 слл.

на корневомъ слогѣ, и что глагольныя формы вообще нерѣдко находились въ энклитическомъ положеніи. О формахъ 2 л. ед. ч. вродѣ прксл. *даси* ср. кромѣ того Vondrák, Vergl. slav. G. I, 60 сл. Относительно прксл. *вѣдѣ* ср. Hirt JF. II, 359. Какъ видимъ, эта гипотеза Гирта не нуждается ни въ какихъ натяжкахъ, объясняя данныя языка вполне удовлетворительно. Гиртъ самъ 1. с. выводитъ *-i* только изъ неударяемаго *-oi* (*-ai*), но не изъ *-ē*, и съ этимъ, кажется, можно согласиться. Нѣтъ по крайней мѣрѣ ни одного несомнѣннаго примѣра для *-i* изъ *-ē*, такъ какъ прксл. *мати* можетъ считаться морфологическимъ новообразованіемъ, а съ другой стороны, если бы *-i* получилось также изъ неударяемаго *-ē*, то въ 1 л. двойств. ч. скорѣе ожидалось бы не *-vě*, но **-vi* (въ крайнемъ случаѣ можно думать о вліяніи мѣстоименія **vě* «мы оба»). А если это такъ, то вліяніе ударенія сказалось, какъ полагаетъ и Гиртъ 1. с., еще до перехода *oi* въ *ě*, такъ какъ иначе получилось бы *-i* также изъ того неударяемаго *-ě*, которое восходитъ къ иде. *-ē*. Я расхожусь съ Гиртомъ только въ томъ, что предполагаю въ качествѣ переходной ступени между *-oi* и *-i* не *-ǫi*, но *-ei*, такъ какъ я не могу признать, чтобы неударяемое *o* въ праславянскомъ измѣнилось въ *ǫ*, между тѣмъ какъ *-ei* изъ неударяемаго *-ai* мы находимъ также въ латышскихъ говорахъ, ср. Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. XII, 1, 65. Смягченіе *k, g, x* передъ *-i* (изъ *-oi*) въ *s, dz, s* показываетъ, что *-ei* возникло изъ неударяемаго *-oi* уже послѣ перехода смягченныхъ *k, g, x* въ *š, dž, š*.

Затѣмъ тутъ еще укажу на совпаденіе славянскихъ и балтійскихъ языковъ въ окончаніи дат. п. множ. ч. (праслав. **-mъ*, лит. *-m(u)s*). Что до *-m-* (также въ творит. пад.), то мы его находимъ въ этихъ окончаніяхъ также въ германскихъ языкахъ; но *-us* за этимъ *-m-* въ dat. pl. свойственно только славянскимъ и балтійскимъ языкамъ. Накопившаяся объ этомъ окончаніи литература однако принуждаетъ меня тутъ посвятить цѣлый экскурсъ заподозрѣнному и даже отрицаемому тождеству лит. *-mis* съ праслав. **-mъ*¹⁾. Прежде всего нѣкоторые оспариваютъ происхожденіе лит. *-u-*

¹⁾ Совершенно правильно отождествлялъ ихъ уже Osthoff Morphol. Unters. II, 31 сл.

въ этомъ окончаніи изъ иде. *u*: Wiedemann, Handbuch 51, и Поржезинскій, Сборн. статей, посв. акад. Ф. Θ. Фортунатову, 622, отождествляютъ лит. *-mus* съ пр. *-mans*, а Гиртъ, JF. II, 346 и V, 254, возводитъ *-mus* черезъ **-muos* къ иде. **-mōs*. И та, и другая гипотеза опровергается литовскимъ удареніемъ: лит. *dievāms* можетъ восходить только къ **dievāmus*, между тѣмъ какъ ожидалось бы **dievamūs* ($> *dievaĩms$), если бы *-mus* восходило къ *-mōs*¹⁾ или **-mons* (кромѣ того слишкомъ сомнительно, чтобы изъ иде. **-mons* могло возникнуть лит. *-mus*)²⁾. Лескинъ, правда (у Бернекера Pr. Spr. 196), отрицаетъ происхожденіе лит. *-āms* изъ *-āmus*, ссылаясь на сохраненіе лит. *u* въ конечныхъ слогахъ и возводя *-āms* къ пралит. **-āmas*. Слѣдую аргументаціи Лескина, мы были бы принуждены отрицать также тожество dat. s. *tām*, *gerām* со старолит. *tāmuī*, *gerāmuī*, такъ какъ существительныя всегда сохраняютъ *-uī* въ dat. s. Не знаю, пришелъ ли Лескинъ дѣйствительно къ такому выводу, но нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что *tām*³⁾ тожественно съ *tāmuī*. Отпаденіе *-uī* вѣроятно сначала имѣло мѣсто въ мѣстоименныхъ формахъ, которыя часто являются въ неударяемомъ положеніи, а изъ мѣстоименной флексіи *-āt* было усвоено и прилагательными. Такъ-же и въ dat. pl. *-ms* могло возникнуть изъ *-mus* сначала въ неударяемыхъ мѣстоименныхъ формахъ и отсюда потомъ перейти также въ именную флексію, чему могло содѣйствовать стремленіе имѣть въ dat. pl. столько же слоговъ, какъ и въ большинствѣ остальныхъ падежей⁴⁾. И исторія литовскаго языка, насколько она намъ доступна по памятникамъ, говоритъ въ пользу того, что *-mus* древнѣе, чѣмъ *-ms*, или, иными словами, что *-ms*

1) Ср. наприм. i. pl. *sirdiĩms* изъ *širdimīs* при dat. pl. *širdĩms*.

2) Поэтому я не согласенъ и съ Гьеромъ Slov. dekl. jm. 17 и 155, возводящимъ *-mus* къ прабалт. *-mans* (=пр. *-mans*) и объясняющимъ это *-mans* контаминаціею окончаній **-man* (изъ иде. **-mot*) и *-mas* (изъ иде. **-mos*).

3) Приведенное Бугою (Kalbos dalykai 11) ἄπαξ εἰρηρένων (*tānuī*) *tawāmi* въ постиллѣ 1599 г. (при многочисленномъ *-amuī*) на мой взглядъ простая опечатка вмѣсто *tawāmuī*.

4) Можно также думать о возникновеніи *-ms* и *-m* въ слишкомъ длинныхъ формахъ вродѣ **gerāmuījamuī* и **geriemusjiemus*; ср. сокращенія loc. s. *geraĩm-iate* изъ **gerameiate* и loc. pl. *geruōsiuose* изъ **geruoseiuose*.

получилось изъ *-mus*: въ древнѣйшихъ памятникахъ это *-mus* встрѣчается еще часто, между тѣмъ какъ теперь оно, кажется, почти совсѣмъ вышло изъ живого употребленія (по сообщенію К. К. Буги въ Словикахъ, въ Сувалкской губ., въ «Отче нашъ» еще встрѣчается *dat. pl. saviemus kaltiemus*, и въ Водакляхъ, въ Вилкомирск. уѣз., старики иногда еще употребляютъ формы: *vilkāmus, mergómus, geríemus* и др. Если же *-ms* восходило бы къ иде. **-mos*, то въ старолитовскихъ текстахъ вѣроятно еще встрѣчалось бы **-mas* (два примѣра съ *-mas*, приведенные Беценбергеромъ Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 142, при огромномъ количествѣ формъ на *-m(u)s* скорѣе всего простыя опечатки). Meillet, наконецъ, Recherches 107, увѣренъ въ позднемъ происхожденіи окончанія *-mus*, ссылаясь на Бернекера Pr. Spr. 196 сл. Какъ же тамъ доказывается позднее происхожденіе этого *-mus*? Бернекеръ (и также Бругманъ Grdr. II², 2, 257) полагаетъ, что **-mas* было измѣнено въ *-mus* подъ вліяніемъ асс. pl. на *-us*, подобно тому какъ въ прусскомъ языкѣ старое *-mas* (сохранившееся въ мѣстоименной флексіи) измѣнилось въ *-mans* подъ вліяніемъ асс. pl. на *-ans*. Что пр. *-mans* такъ возникло, съ этимъ можно согласиться, такъ какъ такое смѣшеніе окончаній *dat.* и *асс. pl.* совершенно понятно при употребленіи въ прусскомъ языкѣ вин. пад. (въ качествѣ общаго косвеннаго падежа) послѣ предыдущаго *дат. падежа* въ значеніи *дат. падежа*; ср. наприм. у Траутмана Altpr. Spr. 210 обороты вродѣ *stēimans maldans; noūmas crixtiānans; wissamans wargans*. Если въ оборотѣ **wissamas wargans* «allen bösen» обѣ формы имѣли значеніе одного и того же падежа, то возникновеніе *wissamans* было почти неизбежно. Но какъ же объяснить лит. *-mus* изъ **-mas + -us*, когда въ литовскомъ языкѣ нѣтъ никакого смѣшенія дательнаго и винительнаго падежей? Не могло же возникнуть такое *-mus* изъ **-mas + -us* только благодаря тому, что въ школьныхъ грамматикахъ обыкновенно *дат.* и *винит. падежи* помѣщаются рядомъ! Прибѣгая къ аналогіи и контаминаціи, можно объяснить много формъ, но не слѣдуетъ этого дѣлать механически, не доказывая возможности ихъ примѣненія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. У Бернекера l. c. мы, правда, находимъ нѣчто похожее на объясненіе: «Ein Anstoss zu

der Neubildung kann das Verhältniß *smertis* zu *smertimis* gegeben haben: war hier im acc. und dat. der Vokal gleich, so sollte er auch im dat. und acc. der o- St. gleich sein» ¹⁾. И ради вящей убѣдительности Бернекеръ тутъ сочиняетъ пропорцію (*smertis* : *smertimis* =) *vaikūs* : *vaikamūs* (sic! это несчастное *vaikamūs* проникло и въ Бругмановъ Grdr. II², 2, 257). Жаль только, что *smertimis* (какъ слѣдуетъ писать вмѣсто *smertimis*) не dat., но instr. pl., *vaikamūs* ²⁾ же (съ такимъ удареніемъ) вообще не существуетъ. Изъ уваженія къ автору славянскаго этимологическаго словаря я охотно обошелъ бы молчаніемъ весь этотъ lapsus, если бы другіе не ссылались на него, какъ на научное объясненіе.—Итакъ, мы находимъ въ балтійскихъ языкахъ въ окончаніи dat. pl. (лит.) *-mus* рядомъ съ (пр.) *-mas* (какой гласный выпалъ между *m* и *s* въ старолит. *-ms*, не можетъ быть установлено); а съ лит. *-mus* вѣроятно тождественно праслав. **-mъ*. Я именно отношусь отрицательно къ мнѣнію Фортунатова ³⁾, что праслав. *-ъ* получается между прочимъ также изъ иде. *-os* (*-as*), ср. литературу объ этомъ у Кульбакина, Др.-црк.-сл. языкъ I § 50. Какъ указалъ Лескинъ JF. XXI, 335 слл., не только старая теорія, по которой изъ *-os* получается *-o*, но также гипотеза Фортунатова обязательно предполагаетъ цѣлый рядъ новообразованій по аналогіи. Въ фонетическомъ же отношеніи старая теорія гораздо правдоподобнѣе новой: между тѣмъ какъ суженіе гласныхъ вообще (и спеціально переходъ *o* въ *u*) передъ тавтосиллабическими носовыми согласными извѣстно изъ различныхъ языковъ,

¹⁾ Тамъ же Бернекеръ приводитъ указанныя Беценбергеромъ старолит. *mitūs* «намъ» : *mūs* «насъ»; но *ū* въ этихъ (встрѣчающихся всего одинъ разъ) формахъ по всей вѣроятности простая опечатка вмѣсто *u*.

²⁾ Ср. *waykamus* въ катех. 1605 г., перепечатанномъ Быстрономъ, стр. 68. Отсюда же приведу тутъ, вдобавокъ къ KZ. XLIV, 50 слл., еще слѣдующія формы: d. pl. *tūliemus* 30, *tūlomus* 57, n. pl. *téway* 69, g. pl. *téwu* 68, 3 praeter. *kełés* 37, 41, 44, 3 cond. *butū* 30, 52, 54, 62, 63, 70, 78, 79, *pažintū* 30, *nustotū* 30, *pastotū* 75, *detūs* 35, 61, *melstūs* 51, *atlaystū* 53, 61, *dūtū* 54, 61, 1 pl. cond. *butūmbime* 60, *ingitūmbime* 48, *nusidetūmbime* 54, *atmintūmbime* 57, *impuktūmbime* 76, nom. s. *rōmībē* 82.

³⁾ Оспариваютъ его также Mikkola, Rocznik Slaw. I, 10 сл. и теперь также (весьма подробно и убѣдительно) Hujer, Slov. dekl. jm. 12 слл. (съ исторіей и литературой этого вопроса).

для предполагаемаго Фортунатовымъ перехода *o* передъ *s* въ *u* я сейчасъ не знаю ни одной параллели. Нельзя, вѣдь, тутъ сослаться на латинск. *-us* изъ *-os*, такъ какъ это *u* представляетъ собою только одно изъ многихъ измѣненій неударяемыхъ латинскихъ гласныхъ, встрѣчаясь притомъ не только въ конечныхъ, но и въ неконечныхъ слогахъ, тогда какъ въ праславянскомъ судьба гласныхъ во всѣхъ слогахъ вообще одинакова, за исключеніемъ перехода неударяемаго *-oi* въ *-ei* (о чемъ см. выше стр. 152). Далѣе Лескиномъ уже указано, что въ пользу перехода *-os* въ *-z* въ сущности можно съ полною увѣренностью привести всего одинъ случай—*nom. s.* основъ на *-o*. Но и тамъ *-z* вполне удовлетворительно объясняется какъ морфологическое новообразование. Если же Кульбакинъ *l. c.* склоненъ думать, что теорія Фортунатова лучше объясняетъ *dat. pl.* на *-mъ* и *1 л. множ. ч.* на *-mъ*, то съ этимъ я могъ бы согласиться лишь въ томъ случаѣ, если бы не имѣлось литовскихъ формъ *dat. pl.* на *-mus*, и если бы въ *1 л. множ. ч.* рядомъ съ *-mъ* въ славянскихъ языкахъ не встрѣчалось *-mo*. Почему бы въ самомъ дѣлѣ *-mъ* имѣло больше правъ восходить къ **-mos*, нежели окончаніе *-mo*? Если Бернекеръ KZ. XXXVII, 371 отождествляетъ слав. *-mo* съ скр. *-ma*, возводя ихъ къ иде. **-mo*, то это, пожалуй, возможно, но нисколько не обязательно, такъ какъ ни въ одномъ индоевропейскомъ языкѣ нѣтъ несомнѣнныхъ слѣдовъ окончанія **-mo* (скр. *-ma*, какъ извѣстно, можетъ восходить также къ иде. **-me* или **-mē*). Въ пользу своего мнѣнія Бернекеръ еще выдаетъ скр. *-ma* за «Perfectendung» и указываетъ, что въ числѣ слав. формъ съ *-mo* есть, между прочимъ, одна (!) старая основа перфекта (*věd-*). Но, какъ извѣстно, нѣтъ ни малѣйшаго основанія приписывать скр. *-ma* исключительно или даже преимущественно перфекту; а считать праслав. **vě[d]mo* «знаемъ» исходнымъ пунктомъ для слав. *-mo* было бы возможно развѣ въ томъ случаѣ, если бы было извѣстно, что въ перфектѣ *1 л. множ. ч.* оканчивалось на *-mo*, но нѣтъ даже рѣшительно никакого повода предполагать это. Что же до гипотезы Педерсена KZ. XXXVIII, 321 относительно слав. *-mo*, то она едва-ли нуждается въ опроверженіи ¹⁾. По моему мнѣнію *-mъ*

¹⁾ Для значенія (излагаемыхъ обыкновенно съ большимъ англобонъ) научныхъ убѣжденій Педерсена весьма характерно ихъ непостоянство: JF. V, 73 онъ

въ 1 л. множ. ч. вѣроятно восходитъ не къ *-*mus* (такъ какъ въ родственныхъ языкахъ нѣтъ несомнѣнныхъ слѣдовъ такого окончанія: латинск. *-mus* скорѣе восходитъ къ **-mos*), но къ **-mon*¹⁾; какъ рядомъ съ *-mes* имѣлось *-mos*, такъ и рядомъ съ *-men* (извѣстнымъ изъ греч. языка) могло существовать *-mon*, которое могло получиться также путемъ смѣшенія окончаній *-mos* и *-men*. Возводя же въ dat. pl. *-mъ*²⁾ къ *-mos* ради сближенія его съ пр. *-mas* и (относительно вокализма) скр. *-bhyas*, старолатинск. *-bos* и старокельт. *-βo*, мы ничего не выигрываемъ, пока не доказано, что и въ лит. *-mus* можетъ и не восходить къ иде. *u*. Осталось бы *omъ*, которое отождествляется съ скр. *átas* «отсюда». Но въ виду црксл. *om-* (при *omъ-*) и скр. *atī* (ср. скр. *atirēka-s* съ однозначашимъ црксл. *отѣлькѣ*) позволительно думать, что подъ вліяніемъ предлоговъ на *-dъ* (со старымъ *-ъ*) старое **otъ* (при *ot-*) было точно такъ же замѣнено новообразованіемъ *otъ* (откуда, наприм., р. *ото-*), какъ и *obъ-* (при *ob-*) было замѣнено черезъ *obъ-* (откуда, наприм., р. *обо-*)³⁾, и какъ вѣроятно и предлоги на *-ъ* имѣютъ не старое *-ъ*,

находить, что Гиртъ «überzeugend nachgewiesen hat», что судьба слав. *o* въ конечныхъ слогахъ зависитъ отъ ударенія; а KZ. XXXVIII, 321 онъ увѣренъ, что Бернекеръ «definitiv zum sieg verholfen» (hat) теории Фортунатова. Другіе примѣры мною указаны выше на стр. 75 и 124.

¹⁾ Къ этому же заключенію приходитъ и Hujer Slov. dekl. jм. 16; ср. тамъ же объ окончаніи *-то*, которое, по мнѣнію Гуера, скорѣе изъ иде. *-то*.

²⁾ Гуеръ I. с. 17 сл. возводитъ *-mъ* къ иде. **-mot*, но такого окончанія нигдѣ не встрѣчаемъ, между тѣмъ какъ *-mus* имѣется въ литовскомъ языкѣ.

³⁾ Если Фортунатовъ (Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. XIII, 2, 9 слл.) указываетъ, что, судя по црксл. памятникамъ, *omъ* древнѣе формы *obъ*, то это не противорѣчитъ моему взгляду, такъ какъ нѣтъ надобности думать, что обобщеніе *-ъ* произошло одновременно во всѣхъ предлогахъ. Вліяніе предлоговъ съ *-dъ* на **-om(ъ)* сказывается также въ возникновеніи *od* въ части славянскихъ языковъ. Ср. теперь объ *otъ* также Hujer Slov. dekl. jм. 18 слл. (съ литературой вопроса), который также отрицаетъ связь *otъ* съ скр. *átas* и считаетъ его *-ъ* возникшимъ подъ вліяніемъ другихъ предлоговъ на *-ъ*. Не согласенъ я съ нимъ однако въ томъ, что онъ предполагаетъ для отдаленной эпохи славянскихъ и балтійскихъ языковъ только форму безъ гласнаго за *-t*. Относительно лит. *ata-* онъ полагаетъ, «že tu jde o vsunutí hlásky *a* mezi *t* a *d* (nebo *t*)», и относительно лат. *ata-*, — что «snadno tu lze vidět působení rhythmu». Но въ своихъ Лат. предл. I, 53 (которыми Гуеръ пользовался) я указалъ, что *ata-* въ нарѣчій *atastu* встрѣчается также въ разговорномъ языкѣ. И для того, чтобы можно было считать

такъ что въ концѣ концовъ въ славянскихъ предлогахъ было обобщено -ъ. Я прихожу, значитъ, къ заключенію, что теоріей Фортунатова данныя языка не объясняются лучше, чѣмъ старой теоріей Лескина, и поэтому предпочитаю послѣднюю, такъ какъ она не предполагаетъ никакого проблематическаго звуковаго процесса. Если Hirt JF. II, 344 возражаетъ, что при -ъ изъ -on ожидалось бы -ъ изъ -en, то это возраженіе имѣло бы значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы имѣлись славянскія формы на -e (чисто фонетическое) изъ -en. Но слова типа *pol'e* могутъ имѣть -e (послѣ смягченнаго согласнаго) изъ -o, полученнаго изъ словъ типа *dělo* съ -o (вмѣсто фонетическаго -ъ) изъ формъ типа *slovo* и *to*. Что изъ -en не получалось -ъ, этого мы, значитъ, вовсе не знаемъ; асс. s. (црксл.) *konъ*, можетъ быть, и получился изъ **konen* (есть однако и другія объясненія для этой формы).—Что же до гипотезы самого Гирта l. c. II, 345, по которой въ конечныхъ слогахъ ударяемое o сохраняется, неударяемое же o переходитъ въ ъ, то уже Ягичъ указалъ AfslPh. XV, 428 сл., что ей противорѣчатъ сербскія формы voc. s. *ženo*, *rūko* и др. (что -o тутъ восходитъ къ старому -a, это, вопреки Бернекеру KZ. XXXVII, 371, лишено въ данномъ вопросѣ всякаго значенія, такъ какъ a и o вполне совпали въ славянскомъ).

Перейдемъ теперь къ тѣмъ падежамъ, въ образованіи которыхъ славянскіе языки расходятся съ балтійскими. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ это различіе, вѣроятно, возникло только послѣ распадѣнія предполагаемаго славяно-балтійскаго единства. Сюда, вѣроятно, относятся дат. падежъ ед. числа. Балтійскіе языки еще представ-

ata- въ народныхъ пѣсняхъ вызваннымъ (вмѣсто *at-*) требованіями размѣра, слѣдовало бы привести примѣры вставныхъ гласныхъ внутри слова вообще и въ концѣ глагольныхъ префиксовъ *ai-*, *ap-*, *iz-*, *uz-* въ особенности. Пока такихъ примѣровъ нѣтъ, остается только считать второе a въ латышскомъ (и по аналогичной причинѣ и въ литовскомъ) *ata-* этимологическимъ, что подтверждается и литовской формой *atuo-*, понятной только при наличности стараго *ata-*, ср. мои Лат. предл. I, 208.—И если Гуеръ l. c. 19, рассуждая о первоначальномъ значеніи этого префикса, говоритъ, что лит. *atnėšti* и сл. *otnesti* «*nežnašená rūv. anī adferre anī auferre, nūbrī je perfektivem k ferre*», то онъ упускаетъ изъ виду, что первоначально всѣ глагольные префиксы имѣли то или другое мѣстное значеніе.—Неточно, наконецъ, его сообщеніе l. c. 21, будто бы я Лат. предл. I, 56 сл. высказался противъ родства слав.-балт. **at-* съ скр. *āti* и др.

ляютъ рефлексъ стараго иде. окончанія -ō(i). Къ -ōi вѣроятно восходитъ пр. -ai въ *wirdai* «слову», а къ -ō (ср. Trautmann Altpr. Spr. § 117) -u въ *stesmu* «тому», *malnīku* «ребенку» и (съ тѣмъ же -u, возникшимъ фонетически изъ -ō только послѣ губныхъ и задненебныхъ) *sīru* «сердцу» и *pīru* «прихожанамъ»; съ этимъ -u при -ai ср. наприм. гр. (лесб.) αὐτῶ при атт. αὐτῶ и др. Ту же двойственность мы находимъ и на литовской почвѣ. Къ -ōi вѣроятно восходитъ обычное -ui, причемъ переходной ступенью было *-uoī. Видеманъ KZ. XXXII, 119 находитъ еще эту переходную ступень въ приведенныхъ Беценбергеромъ (Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 65 и 128) старолитовскихъ формахъ *berneliūi*, *Demetriūi*, *giwa-mūiem* (*diewui*), (*tynklui*) *j̄mestamūiem*, *pirmamūiem*, *vszmuschta-mūiem* и др. Въ существительныхъ (какъ въ *berneliūi*) это -ūi (при обычномъ уже въ старолитовскихъ текстахъ -ui) вѣроятно опечатка вмѣсто -ui¹⁾; а въ окончаніи (опредѣленныхъ прилагательныхъ) -amūiem вѣроятно дѣйствительно сохранилось *uo* изъ *ō*, такъ какъ тутъ—въ концѣ слога—*uo* собственно и должно было сохраняться. Въ положеніи же передъ тавтосиллабическимъ -i *uo* правильно сократилось въ *u* (ср. *-ui изъ *-uōn въ gen. pl.), а не «infolge der gestossenen betonung», какъ страннымъ образомъ полагаетъ Wiedemann KZ. XXXII, 119, забывая при этомъ гр. -ō̃ (принято доказывать циркумфлектированную долготу лит. -ui также ссылкой на лит. *paskui* «потомъ, послѣ»; но формы *pāskun* и *paskutinis* предполагаютъ основу *pasku-*, такъ что естественнѣе считать *paskui* за loc. s. изъ **paskūjē*). Въ части говоровъ -ui далѣе сокращено въ -u²⁾, ср. Trautmann Agr. Spr. 217. Въ жемайтскихъ же говорахъ мы находимъ рефлексъ варианта -ō: -oi въ сѣверозападныхъ говорахъ (гдѣ изъ *uo* получилось *oi*) и -ū въ юговосточныхъ говорахъ, имѣющихъ ū изъ *uo* (совершенно непонятно, почему Траутманъ l. c. возводитъ это -ū къ -ui). Затруднительно объясне-

¹⁾ Ср. Leskien AfslPh. III, 501.

²⁾ Это -u возникло, можетъ быть, первоначально въ сложныхъ прилагательныхъ передъ -jami (**geramui-jami* > **gerāmu-jami*), ср. формы женск. рода *baltajai* у Куршата Gramm. § 952 или *māīajai* Лхр. 335, 34 и др. и ВВ. XXVII, 313.

ніе приведенныхъ Явнисомъ (Понев. гов. II, 6 сл.) формъ dat. s. вродѣ *výrai*¹⁾ (въ Добейской волости) и *výre* (съ -e изъ -ai) «мужу» (въ Вобольникскомъ говорѣ); думать тутъ о переносѣ окончанія (-ai) основъ на -ā или о вариантѣ -oi, сокращенномъ изъ -ōi (ср. гр. бэот. -oi при атт. -φ) не очень заманчиво, но ничего другого я не могу придумать.—Въ праславянскомъ изъ иде. -ōi, по моему мнѣнію, могло получиться только -oi > -ě²⁾, совпадавшее какъ съ окончаніемъ нѣкоторыхъ другихъ падежей основъ на -o, такъ и съ окончаніемъ (-oi > -ě изъ иде. -āi) dat. s. основъ на -ā. Совпаденіе dat. s. съ loc. s. вѣроятно не стѣсняло, такъ какъ отъ другихъ основъ сохранились однѣ и тѣ же формы для этихъ обоихъ падежей; но совпаденіе dat. s. основъ на -o съ dat. s. основъ на -ā было неудобно, не давая возможности различать, наприм., «рабу» отъ «рабѣ», или «доброму» отъ «доброй» (совпаденіе же этихъ же основъ въ loc. s. было менѣе неудобно, такъ какъ loc. s. названій живыхъ существъ употреблялся рѣже, по крайней мѣрѣ, не въ зависимости отъ предлоговъ; кромѣ того, можно думать о различіи въ удареніи въ loc. s. этихъ основъ). Ясно для меня также и то, что праслав. -и въ dat. s. основъ на -o перенято изъ парадигмы основъ на -и, причемъ ходъ развитія я представляю себѣ слѣдующимъ образомъ, близко сходясь съ Лескиномъ (Die Declination im Slavisch-litauischen 58) и отчасти съ Богородицкимъ (Очерки по языковѣдѣнію³ 406 сл.), ср. также Vondrák, Vergl. slav. Gr. II, 4. Въ литовскомъ языкѣ (ср. Kurschat Gramm. § 517 и Leskien Bild. d. Nom. 318), должно быть, имѣлись основы на -iо рядомъ съ однозначными основами на -iи, слѣдствіемъ чего было смѣшеніе этихъ основъ, сказывающееся, наприм., въ томъ, что основы на -iо отчасти принимаютъ падежныя окончанія основъ на -(i)и (чаще всего въ voc. s., а иногда и въ gen. s.). Позволительно, значитъ, предполагать такое смѣшеніе тѣхъ же основъ также въ праславянскомъ, и окончаніе (-ji) voc. s. основъ на -iо под-

1) К. К. Буга мнѣ пишетъ, что онъ такой формы не слыхалъ, такъ что не исключена возможность, что сообщеніе Явниса основано на какомъ-то недоразумѣніи.

2) Ср. Hujer, Slov. dekl. jm. 131.

тверждаетъ это предположеніе. Еще сильнѣе должно было стать это смѣшеніе послѣ совпаденія основъ на -о и на -и въ пом. и асс. s. Если Вондракъ и Богородицкій правильно предполагаютъ, что уже въ праславянскомъ окончаніемъ dat. s. основъ на -и было -и (рядомъ съ древнимъ -ovi), то слѣдовало бы думать, что основами на -iо было перенято окончаніе -iи у основъ на -iи не только въ звательномъ, но и въ дат. падежѣ ед. числа, и что затѣмъ подъ вліяніемъ основъ на -iо также основы на -о (во избѣжаніе совпаденія съ основами на -ā) стали оканчиваться въ дат. падежѣ ед. ч. на -и. Серьезныхъ препятствій для такого предположенія я не вижу. Въ древне-церковнославянскихъ парадигмахъ основъ на -и обыкновенно даются только формы dat. s. на -ovi; но, какъ указываетъ Вондракъ l. с., въ нашихъ памятникахъ прксл. языка dat. s. основъ на -и оканчивается гораздо чаще на -и, чѣмъ на -ovi, и также въ старочешскомъ встрѣчаются формы dat. s. вродѣ *domi*. Эти формы dat. s. на -и (отъ основъ на -и) могутъ представлять собою старый loc. s. тѣхъ же основъ, получившій также значеніе дат. падежа подъ вліяніемъ основъ на -i, имѣвшихъ въ dat. и loc. s. одно и то же окончаніе. А если бы, наприм., **vylki* было древнѣе, чѣмъ, наприм., **syni* (dat. s.), то пришлось бы полагать, что основы на -о (черезъ посредство основъ на -iо, чередовавшихся съ основами на -iи) переняли у основъ на -и окончаніе -и сначала въ loc. s. (какъ основы на -iо, можетъ быть, еще раньше въ voc. s.), такъ что было время, когда (да отчасти и теперь еще, ср. Vondrák l. с. II, 13) основы на -о въ loc. s. оканчивались и на (-oi>) -ě и на (ou>) -и ¹⁾. Благодаря этому чередованію въ loc. s., также въ dat. s. основъ на -о рядомъ съ древнимъ (-oi>) -ě могло возникнуть (-ou>) -и. И изъ именной флексіи это окончаніе могло перейти и въ мѣстоименную флексію, такъ что, наприм., рядомъ съ dat. s. (**tomoj>*) **tomě* возникло (**tomou>*) **tomu*. А такъ какъ послѣдняя форма была свойственна исключительно дат. падежу (при loc. s. **tomь*), то въ именныхъ (а потомъ и въ мѣстоименныхъ) основахъ на -о старое (-oi>) -ě въ

¹⁾ Нѣтъ, значить, надобности предполагать (ср. Hajer, Slov. dekl. jm. 131 слл.) для основъ на -о loc. s. на -ou.

dat. s. было совершенно вытѣснено окончаніемъ (-оцъ) -и во избѣжаніе неудобнаго совпаденія въ dat. s. основъ на -о и на -ѧ. Предоставляю теперь читателю выборъ между изложеннымъ мною морфологическимъ объясненіемъ окончанія -и и предложеннымъ нѣкоторыми языковѣдами фонетическимъ объясненіемъ его изъ -ōj.

Славянскимъ новообразованіемъ вѣроятно слѣдуетъ считать также окончаніе -у въ i. pl. основъ на -о. Отвергая—кажется, съ полнымъ правомъ ¹⁾—всѣ предложенныя другими объясненія этого окончанія, Бругманъ JF. XXII, 336 слл. (съ указаніемъ литературы) и Grdr. II², 2, 268 сл. полагаетъ, что это -у первоначально было свойственно основамъ на -и, сопоставляя это -у съ ав. -ишъ, -ūš и возводя эти окончанія къ иде. -ūs. Соглашаясь съ этой гипотезой Бругмана, можно было бы выводить изъ тѣхъ же иде. i. pl. на -ūs латышскія нарѣчія вродѣ *pārmaiņus* «поперемѣнно» LP. VII, 1, 16 (ср. Лат. предл. I, 166), *niopakal'us* «сзади» LP. I, 48 и VI, 456 (ср. Лат. предл. I, 137), *izklaidus* «порознь» LP. VI, 10 (ср. Лат. предл. I, 102), *apikal'us* «назадъ» BB. XVII, 284 (ср. Лат. предл. I, 59), *garšl'aikus* «врастяжку» LP. III, 23, *blakus* (при *blakām*) «возлѣ», *sāņus* «насторонь» и др., и это тѣмъ болѣе, что въ латышскомъ языкѣ весьма многія нарѣчія представляютъ собою формы i. pl. ²⁾, ср. статью Мюленбаха въ Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. IX, 3, 233 слл. Но для того, чтобы можно было принять это толкованіе Бругмана, необходимо провѣрить доказательную силу ав. формъ на -ишъ, -ūš. Бругманъ приводитъ, по словарю Бартоломэ, всего шесть или семь такихъ формъ. Но дѣло въ томъ, что нѣкоторыя изъ этихъ формъ вовсе не имѣютъ значенія творит. падежа. Въ оборотѣ *daēna... pērēnāyiš čīdām* («наказаніе») *dwārāsaiti* («предписываетъ») V. 3, 42 форма *pērēnāyiš* по мнѣнію Бартоломэ i. pl., но въ значеніи dat. pl. По моему, однако, это скорѣе асс. pl. masc. g.; тутъ можно думать о такой же конструк-

¹⁾ Ср. Hujer, Slov. dekl. jm. 161 слл.

²⁾ Таковы, между прочимъ, нарѣчія вродѣ *krieviskis* «по-русски», *latviskis* «по-латышски» и др., показывающія, что Вондракъ, Vergl. slav. Gr. II, 353, вѣроятно ошибается, предполагая, что (праслав.) нарѣчія на -ьску не представляютъ собою i. pl.

ціи съ двумя винит. падежами (изъ которыхъ одинъ, по опредѣленію Рейхельта Awest. Elementarb. 228, «bildet mit dem Verbum einen Tätigkeitsbegriff»), какую находимъ въ приведенныхъ Рейхельтомъ 1. с. оборотахъ *yō narəm vīxrūmantəm x^varəm ġainti* V. 4, 30 «wer einem eine blutige Wunde schlägt»; *āat tā hazō nivarəzayən daēva* Yt. 19, 80 «und die D. taten ihnen Gewalt an» и др. Значеніе винит. падежа (по мнѣнію самого Бартоломэ) имѣютъ формы на -uš въ параллельныхъ оборотахъ *kaṭ taṭ daṃa... hazanrağa anrō.mainyuš* (scil. *daṃa*) *paiti.ġasaiti* V. 13, 1, и: *kaṭ taṭ daṃa... hazanrağa spəntō.mainyuš* (scil. *daṃa*) *paiti.ġasaiti* V. 13, 5, и въ оборотѣ: *kahe vaša vanāi... kana zaya hukərətānhō mana daṃa anrō.mainyuš* V. 19, 8. Съ формою (masc. g.) на -uš при *daṃa* ср. съ одной стороны оборотъ *vīspanəmtša spəntahe mainyuš dā-tanəmt ašaonəmt ašaoninəmtša* Y. 1, 16, а съ другой стороны приведенные Рейхельтомъ 1. с. 293 обороты, гдѣ существительныя среднего рода имѣютъ при себѣ опредѣленіе (прилагательное) въ мужескомъ родѣ. Въ V. 13 есть и другія нарушенія синтаксиса, а въ оборотѣ изъ V. 19, 8 также *hukərətānhō* ошибочно. Остается только 4 примѣра съ значеніемъ i. pl.: *vī daēvāiš ayāiš avanhuš* ¹⁾ *anarətāiš... sarəm mruyē* Y. 12, 4; *vī (sarəm mruyē) daēvāiš... vī yātuš vī yātumaṭbīš* Y. 12, 4; *ratufriš pituš* ²⁾ *x^vāstāiš* N. 57; *ratufriš... vīzušča x^vāstāiš[ča]* N. 57. На основаніи этихъ 4 примѣровъ можно было бы съ нѣкоторою увѣренностью приписывать иде. праязыку i. pl. (отъ основъ на -u) на -ūs лишь въ томъ случаѣ, если бы въ тексты Авесты съ теченіемъ времени (когда уже плохо владѣли вымершимъ языкомъ) не вкралось столько ошибокъ: какъ вообще нѣтъ ни одного падежа, который бы иногда ошибочно не замѣнялся другимъ падежомъ, такъ и въ сочетаніи *srīrāiš nātan* Y. 15, 1 мы находимъ форму асс. pl. въ значеніи i. pl. Кромѣ того слѣдуетъ еще имѣть въ виду и то, что формы на -āiš, въ сосѣдствѣ которыхъ встрѣчаются вышеприведенные i. pl. на -uš, весьма часто встрѣчаются также въ значеніи асс. (и nom.) pl. (ср. J. Schmidt,

¹⁾ Такъ у Гельднера; Бартоломэ же даетъ *avanhīš*, и въ рукописяхъ также *avanhuš*, *avanhūš*.

²⁾ Такъ у Бартоломэ вмѣсто *patuš* рукописей.

Neutra 262 слл.), чѣмъ, пожалуй, могло быть вызвано употребленіе формъ (асс. pl.) на *-uš*¹⁾ въ значеніи i. pl. И если бы дѣйствительно когда-либо имѣлись i. pl. на *-ūs* (отъ основъ на *-u*), то ожидалось бы также i. pl. на *-īs* (отъ основъ на *-i*); ав. же формы *ašaonīš* и *nātənīš* произведены отъ основъ на *-n* и употребляются въ значеніи nom., асс. pl. ntr. g. Этими замѣчаніями, которыми весь вопросъ, разумѣется, далеко не исчерпывается, я тутъ долженъ ограничиться, такъ какъ сейчасъ не пишу монографіи о языкѣ Авесты, но рассматриваю вопросъ о славяно-балтійскомъ праязыкѣ. Достаточно ясно однако, на мой взглядъ, что указанная Бругманомъ *ex oriente lux* не освѣщаетъ даннаго вопроса, но скорѣе вводитъ въ заблужденіе. Латышскія же нарѣчія на *-us* могутъ считаться новообразованіями, ср. Zubatý JF. III, 136 и Мюленбахъ, Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. IX, 3, 264 сл.—Остается, кажется, объяснять слав. i. pl. на *-u* (какъ говоритъ Брюкнеръ KZ. XLIII, 301) «mit einfachen Hausmitteln». Несомнѣннымъ я считаю то, что это окончаніе — славянское новообразование, обусловленное совпаденіемъ *-oi > -ě* (=лит. *-aĩs* и ар. *-āiš*, въ основахъ на *-o*): *-ei > -i* (въ основахъ на *-io*) съ окончаніемъ нѣкоторыхъ другихъ падежей. Но откуда именно взялось это *-u*, сказать не легко. Рѣшаюсь тутъ высказать слѣдующую догадку, самъ отлично сознавая всю проблематичность ея. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно послѣ глаголовъ типа «считать, дѣлать, называть» (ср. Vondrák, Vergl. slav. Gr. II, 309, 311, 312, 346, 347, 349, 353 слл.), когда-то въ праславянскомъ винит. и творит. падежи вѣроятно употреблялись *pro-miscue*. Съ теченіемъ времени, когда въ извѣстныхъ оборотахъ творит. падежъ сталъ преобладать надъ винительнымъ, дольше могъ держаться винительный пад. множ. ч. отъ основъ на *-o* во избѣжаніе болѣе чѣмъ двусмысленной формы i. pl. на *(-oi >)* *-ě*. Могло, значитъ, наступить время, когда рядомъ, наприм., съ **dobrami* все еще употреблялся старый вин. падежъ **dobry*; но если отъ всѣхъ прочихъ основъ въ извѣстныхъ случаяхъ употреблялся исключи-

¹⁾ Bartholomae самъ, кромѣ того, принимаетъ это *-uš* за *-viš*, Zum altiran. Wörterb. 135; въ Grdr. же Бругмана, II², 2, 269¹, онъ уже склоненъ возводить это *-uš* къ **-ūs*, что не менѣе проблематично.

тельно или преимущественно i. pl., тогда какъ отъ основъ на -o въ такихъ случаяхъ еще являлся асс. pl., то формы (асс. pl.) на -y отъ основъ на -o въ этихъ случаяхъ съ теченіемъ времени могли получить значеніе творит. падежа¹⁾. А слѣдствіемъ этого могло затѣмъ быть употребленіе этихъ формъ на -y также въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ искони могъ примѣняться только творит. падежъ, и перенесеніе этого окончанія изъ парадигмы основъ на -o муж. рода въ парадигму основъ на -iō (гдѣ изъ -jy получилось -ji) и основъ на -o средн. рода и др.

Что касается литовскихъ формъ voc. s. вродѣ *dievè*, то нѣтъ надобности (изъ-за ихъ конечнаго ударенія) возводить ихъ -è непременно къ -ē': какъ показываютъ формы множ. ч. (и скр. *dēvā-s*), *dievè* можетъ представлять собою старое oxytonon, а подъ вліяніемъ формъ типа *dievè* могли затѣмъ возникнуть формы voc. s. вродѣ *ronè*; ср. также Bezzenberger ВВ. XXI, 294²⁾.

Старое различіе между славянскими и балтійскими языками скорѣе имѣется въ i. и loc. s.

Въ творит. пад. ед. ч. лит. и лат. -u < -uo (=скр. вед. -ā, ав. -a и др.) расходится съ праслав. -omъ. Вондракъ (Vergl. slav. Gr. II, 6), правда, Ляпуновъ (Формы склоненія I, 13 сл.; ср. Jagić AfslPh. XXVIII, 120) и Hujer Slov. dekl. jm. 150 сл. считают это -omъ славянскимъ новообразованіемъ; и это вполнѣ возможно²⁾. Но въ такомъ случаѣ, кажется, ожидалось бы также формы i. pl. на -omi взамѣнъ неудобнаго (-oi >) -ě; и славянскому -omъ соответствуетъ (за исключеніемъ различія въ согласномъ) гр. -οφι, арм. -ov. Не исключена поэтому возможность, что балтійское и славянское окончанія одинаково древни. При этомъ слѣдуетъ еще считаться съ возможностью, что въ «славяно-балтійскую эпоху» во всѣхъ славяно-балтійскихъ говорахъ употреблялось -ō рядомъ съ -omi, съ различіемъ, можетъ быть, въ значеніи.

¹⁾ Аналогичное явленіе мы находимъ въ латышскихъ говорахъ, гдѣ извѣстныя формы gen. s. женскаго рода пріобрѣли значеніе вин. и твор. падежей, ср. Mühlénbach JF. XIII, 244 сл. и мои Лат. предл. II, 12.

²⁾ Окончаніе -a (=лит. -u) совпадало бы съ окончаніемъ другихъ падежей. Ср. также лит. новообразованія вродѣ діал. *vilkūti*.

Между тѣмъ какъ славянскіе языки сохранили старую форму мѣстн. пад. ед. ч. на -ѣ изъ иде. -oi, въ литовскомъ языкѣ старое окончаніе почти вытѣснено новымъ, возникшимъ подъ вліяніемъ формъ loc. s. мѣстоименной флексіи и основъ на -ā, ср. объ этомъ, наприм., Leskien, Declination 47, Brückner AfslPh. III, 277, Gai-galat, Mitteil. d. lit. liter. Ges. V, 128, Zubatý JF. VI, 284 слл. (съ указаніями литературы), Поржезинскій Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. I, 484, Būga, Kalbos dalykai 27, Явнисъ, Россіенск. у. 36 сл. и Поневѣжск. гов. II, 9 сл. (Явнисъ, однако, неправильно объясняетъ происхожденіе формъ вродѣ *vūre*). Старыя формы на -iē сохранились въ старолитовскихъ текстахъ, особенно передъ -p(i), ср. Bezzenberger, Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 133 и 251 ¹⁾. Но это лит. -iē, согласно моей теоріи о возникновеніи лит.-лат. *ie*, скорѣе восходитъ къ иде. -eī, нежели къ -oi ²⁾. Видеманъ, Handb. 63 (и также Явнисъ l. c.), возводитъ къ -ie также -i въ старолитовскихъ формахъ loc. s. (въ которыхъ однако это -i правильнѣе объясняется изъ -e) и, принимая ихъ за формы loc. s., въ современныхъ нарѣчіяхъ вродѣ *tolì* «далеко», *artì* «вблизи», *ankstì* ³⁾ «рано». Я считалъ сначала *tolì*, *artì* и *ankstì* за ном. s. fem. gen. (ср. Kurschat, Gr. § 1340), но К. К. Буга мнѣ пишетъ, что въ восточно-литовскомъ вмѣсто *tižì eīti*, *jau šviesì* и др. говорятъ только: *tižù eīti*, *jau šviesù* и др., между тѣмъ какъ *tolì*, *artì* и др. и тамъ извѣстны, и указываетъ на формы вродѣ *iki gālì* у Даукши Post. 236, 25, *ik' mēti* 272, 20 и др., съ общелит. -i, вѣроятно изъ -ie. *mēti* вмѣсто *metì можетъ объясняться вліяніемъ *mētie. Что же до *metie (откуда *metì), то оно могло (при *mētie) получить акуть подъ вліяніемъ формъ, сложенныхъ съ -pi (ср. *pamiē* : *pamiēpi*; эту

¹⁾ Ср. также *prieg krikasztie* въ катехизисѣ 1605 г., вновь изданномъ Быстронемъ, стр. 31; ср. тамъ же *prieg stułpy* 85, гдѣ -y изъ -e.

²⁾ Но какъ въ греческомъ мы находимъ -oi при -eī, такъ вѣроятно когда-то и въ балтійскихъ языкахъ имѣлся loc. s. на -aī: такія формы loc. s. я усматриваю въ нарѣчіяхъ вродѣ пр. *labbai* «wohl», лит. *labaī* «очень», лат. *labi* «хорошо», ср. црксл. *добръ*, скр. *kšiprē* «быстро» и др. и лит. нарѣчія на -iē (изъ иде. -eī) вродѣ *tolīē* «далеко» въ Дусятахъ (ср. у Куршата *iš tólo* «издали») = *tolij* у Довконта (Geitler, Beitr. z. lit. Dialekt. 19).

³⁾ Иначе объясняются *artì* и *ankstì* Беценбергеромъ BB. XXVII, 157 сл.

форму находимъ, наприм., Лхр. 391, 36) и подъ вліяніемъ loc. s. на *-*ie* отъ основъ на -*i*.

Что же до асс. pl. основъ на -*o* (и также основъ на -*ā*), то праслав. -*y* (при -*e* отъ основъ на -*io*, -*iā*) сходится по крайней мѣрѣ съ прусскими формами на -*ans* вродѣ *gallans* (отъ *galla*-¹⁾ «смерть») и *rānkans* (отъ *rankā*- «рука»). И нѣкоторые языковѣды выводятъ также лит. -*uos* > -*ūs* (отъ основъ на -*o*) изъ иде. -*ons*, такъ, наприм., Leskien, ср. JF. III, 150 и JFA. XIII, 84, Mahlow, Die langen Vocale AEO. 123, Wiedemann, KZ. XXXII, 120 и Handb. 64, Streitberg JF. III, 150 сл., Mikkola, Rocznik Sl. I, 8 сл., и повидимому также Фортунатовъ KZ. XXXVI, 30² и Поржезинскій, Сборникъ статей, посвящ. ак. Ф. Θ. Фортунатову, 643, и Къ исторіи формъ спряж. 9. Изъ нихъ однако только Штрейтбергъ пытается показать, какимъ путемъ въ литовскомъ изъ иде. -*ons* получилось -*uos* > -*ūs* вмѣсто ожидаемаго -*as*; да и его попытка, по моему мнѣнію, совершенно неудачна. Штрейтбергъ именно полагаетъ, что въ прабалтійскомъ изъ иде. -*ons* (путемъ удлиненія гласнаго передъ *ns*) получилось -*ōns*, къ которому восходятъ, съ одной стороны, лит. -*uos*, а съ другой стороны, пр. -*ans* и лит. діал. -*uns*. А еще до возникновенія -*ōns* изъ -*ons*, но все же въ прабалтійскую эпоху, по мнѣнію Штрейтберга, иде. -*āns* измѣнилось въ -*ās*, причемъ прусскія формы вродѣ *genpans*²⁾ имъ принимаются за новообразованія. Возводитъ же лит. и лат. -*as* къ иде. -*ās*, сохранившемуся также въ арійскомъ, Штрейтбергу мѣшали гот. -*ōs* и метрическое растяженіе ведійскаго -*ās*, указывающія будто на иде. -*ās*. По моему, однако, при установленіи качества праиндоевропейскихъ долготъ слѣдуетъ скорѣе руководствоваться показаніями тѣхъ язы-

¹⁾ Переводъ нѣмецкаго «von den todtē» посредствомъ пр. *assa gallans* я объясняю себѣ недоразумѣніемъ прусскихъ толмачей, производившихъ н. *todten* отъ *tod* «смерть»; ср. правильный переводъ (*esse gallan*) этого же оборота 31, 16, 31; 79, 2 (по изданію Траутмана).

²⁾ Бругманъ Grdr. II, 2, 226 (ср. также van Wijk JF. XXII, 258) страннымъ образомъ находитъ «ein jüngerer» *-*āns* für *-*ans* не только въ формахъ вродѣ *pirmá(n)s-es*, но также, наприм., въ лит. *rankās* и *rankos-nā* и въ лат. *ruòkas*! Последнія формы, конечно, могутъ восходить только къ прабалтійскимъ формамъ на -*ās*, ср. Zubatý AfslPh. XV, 500¹ и Hujer Slov. dekl. jm. 99.

ковъ (славяно-балтійскихъ и греческаго), которые дѣйствительно въ историческое время знаютъ различіе въ интонаціяхъ, нежели «законами», придуманными нѣкоторыми языковѣдами. Что до метрическаго растяженія въ арійскихъ языкахъ, то ср. Zubatý LF. XXIII, 196 сл. и сказанное мною AfslPh. XXXII, 291; гот. же *-ōs* не можетъ служить достаточной причиной выводить лит. и лат. *-as* не изъ иде. *-ās*, но изъ *-āns*, такъ какъ достовѣрно не знаемъ, къ чему восходитъ это гот. *-ōs*. Гипотеза же о происхожденіи лит. *-uos* черезъ прабалт. *-ōns* изъ иде. *-ons* невѣроятна вслѣдствіе связанной съ нею необходимости цѣлаго ряда рискованныхъ предположеній: 1) приходится предполагать, что въ прабалтійскомъ сохранилось еще иде. *o*, ср. однако выше стр. 107); 2) приходится предполагать нѣсколько эпохъ исчезновенія *n* передъ *s* (сначала въ окончаніяхъ *-āns*, *-ēns*, затѣмъ въ *-ōns*, и, наконецъ, передъ неконечнымъ *s*); 3) приходится считать лит. причастія на *-ās* (=лат. *-us*) и *-es* (=лат. *-is*) литовско-латышскими новообразованіями, что далеко не такъ естественно, какъ это кажется Штрейтбергу (языкъ, сохраняющій пом. *s*. вродѣ *akmiō*, *mēniuo*, *sesuiō*, *šuiō* рядомъ съ прочими падежами, произведенныхъ отъ основъ *akmen-*, *mēnes-*, *seser-*, *šin-*, и имѣющій и теперь еще наприм. *sūkeš* при формахъ отъ основы *sukus-*, могъ бы сохранить также наприм. **sūkēs* и **sukiōs*); 4) приходится полагать, что лит. ген. *s*. вродѣ *manē̃s* (=лат. *manis*) моложе окончанія **-ōns*; 5) приходится въ виду лит. формъ вродѣ *spa'stas* (=лат. *spuosts*) «ловушка» допустить, что удлиненіе гласнаго имѣло мѣсто только передъ конечнымъ *ns*, для чего не вижу достаточнаго резона. Еще менѣе удачно, пожалуй, толкованіе Бругмана Grdr. II², 2, 224 сл. (съ указаніемъ литературы), по которому послѣ совпаденія окончаній *-ons* (въ основахъ на *-o*) и *-ans* (въ основахъ на *-ā*) возникли еще въ прабалтійскомъ новообразованія **-ōns*, **-āns*, **-ēns* и т. д. подъ вліяніемъ отношенія въ loc. pl. *-uos-* (въ основахъ на *-o*) къ *-ās-* (въ основахъ на *-ā*), причемъ это случилось, когда болѣе не дѣйствовалъ законъ о сокращеніи долготы передъ тавтосиллабическими носовыми и плавными (Grdr. I² § 933, 1)! Что же до лит.-лат. *-uos-* въ loc. pl., то Бругманъ l. c. II², 2, 252 выводитъ его изъ прабалт. *-ōs-*, возникшаго подъ

вліяніємъ -ās- въ основахъ на -ā. Но такъ какъ ō является долготою, соотвѣтствующею краткому о, но не а, то это объясненіе было бы мыслимо лишь въ томъ случаѣ, если бы во время возникновенія -ōs- (въ loc. pl. основъ на -o) въ балтійскихъ языкахъ еще существовало о (совпавшее, по мнѣнію Бругмана, съ а еще въ славяно-балтійскую эпоху). Поэтому гораздо естественнѣе считать, что -uos- въ loc. pl. возникло подъ вліяніемъ асс. pl. на -uos, ср. Leskien, Declination 106, Mahlow, Die langen Vocale 124, J. Schmidt KZ. XXVII, 307, Bezzenberger BB. XV, 295 и XXI, 295, Zubatý AfslPh. XV, 509 и JF. VI, 282 сл., Streitberg JF. III, 151 сл. и Wiedemann Handb. 64. Законъ же, указанный Бругманомъ Grdr. I² § 933, 1, и до сихъ поръ не пересталъ дѣйствовать: ср. лит. *aštuñtas* изъ **aštuõntas* (uo же возникло не раньше литовско-латышской эпохи) и указанные мною KZ. XLIII, 2¹ примѣры. Фонетическія затрудненія не устраняются также предположеніемъ Hanssen'a KZ. XXVII, 615¹ и Гирта JF. XVII, 57 сл.¹), что лит. -*uos* восходитъ къ иде. -*ōns* (причемъ Гиртъ это -*ōns* выводитъ изъ -*omns*!), такъ какъ изъ иде. -*ōns* получилось бы лит. -*as* или (если бы законъ о сокращеніи долготъ началъ дѣйствовать послѣ перехода ō въ uo) -*u(n)s*. Общебалтійскіе случаи утраты *n* между долгимъ гласнымъ и *s* намъ неизвѣстны. Остается на мой взглядъ только возможность возводить лит. -*uos* къ иде. -*ōs*, ср. Zubatý AfslPh. XV, 508 сл. и JF. VI, 273¹ (Зубатый однако считаетъ также возможнымъ выводить -*uos* изъ иде. -*ōns*), Mikkola BB. XXII, 249 (который однако считаетъ это -*ōs* за окончаніе *n*., а. pl. ntr. g. основъ на -*s*, не выясняя возможности такого дикаго смѣшенія окончаній) и Погодинъ, Варш. Унив. Изв. за 1903 г., IV, 4, 15 (который однако возводитъ къ этому же -*ōs* также слав. -*y*). Окончаніе -*ōs*, собственное первоначально имен. падежу, могло быть перенесено въ винит. падежъ благодаря тому, что основы на -ā имѣли -ās (вѣроятно съ различіемъ въ интонаціи) не только въ имен., но и въ винит. падежѣ²). Путемъ смѣшенія -*ons* и -*ōs* затѣмъ въ части говоровъ иде. пра-

¹) Ср. также JF. X, 67¹, гдѣ Meillet выводитъ лит. -*uos* изъ -*uos*.

²) Ср. съ этимъ ав. асс. pl. на -ā, -ānhō, -e, -a отъ основъ на -o.—Подобно теперь объясняетъ лит. -*uos* также Hujer Slov. dekl. jm. 107 сл.

языка возникло *-ōns*, откуда арийское *-āns* (также **-ons* прочихъ иде. языковъ, можетъ быть, восходить къ тому же *-ōns*). Что же до лит. діал. *-uns*, то Зубатый JF. VI, 273¹ полагаетъ, что оно возникло путемъ смѣшенія окончаній **-ans* (=пр. *-ans*) и *-úos* > *-us* или же восходить черезъ *-uons* къ иде. *-ōns*, между тѣмъ какъ прежде (AfsIPh. XV, 508 сл.) онъ допускалъ возможность, что *-uns* представляетъ собою восточно-литовское измѣненіе болѣе древняго *-ans*. А между тѣмъ формы съ *-uns-*¹⁾ мнѣ сейчасъ извѣстны только изъ жемайтскихъ говоровъ: напр. 1. pl. *darbunse* у Шлейхера Gr. 176; *tunse vargunse*, *Prūsunsi* у Куршата § 534; а. pl. *baļtūnsius* (sic!) § 953 (при *žodius* въ томъ же говорѣ § 532); *atskaitýtunsius... pīningus* у Гейтлера Lit. Stud. 21; *nešamunsjus dāktus* Лхр. 319, 40. Въ жемайтскихъ же говорахъ, ср. *Būga*, *Kalbos dalykai* 52, иногда между долгимъ гласнымъ и *s* (и также послѣ конечной долготы) развивается нефонетическое *n*; къ примѣрамъ, приведеннымъ 1. с., авторъ въ присланномъ мнѣ экземплярѣ прибавилъ еще *glūnsnis* (= *glúosnis*), *būnži* (= *búožė*), *šuiñ* (= *šuiō*), dat. s. *žmūōgun* (въ Ворняхъ). А если это такъ, то формы съ *-uns-* вѣроятно тоже имѣютъ такое нефонетическое *n*, возникновенію котораго могли содѣйствовать формы женск. рода на *-ans*, приведенныя Беценбергеромъ Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 155, ср. также Bechtel Lit. u. Lett. Dr. III, стр. XLIV, и жем. *raybanses* Schleicher, Lit. Leseb. 25²⁾.

¹⁾ Формы же вродѣ *vilkuns* (у Бругмана, Grdr. II², 2, 221 и др.) я въ печатныхъ источникахъ лит. языка нигдѣ не встрѣчалъ, и К. К. Буга подтверждаетъ мнѣ, что такія формы не существуютъ. Приводятся же онѣ вѣроятно по I. Шмидту KSB. IV, 268, который тамъ упоминаетъ «жем. *vilkuns*» (должно-быть, на основаніи какого-то недоразумѣнія).

²⁾ Mikkola BB. XXII 250 выводитъ непосредственно изъ **tāns* также діал. *táis* (Лит. народн. пѣсни, изд. Фортунатовымъ и Миллеромъ, 135), полагая, что і тамъ получилось фонетически изъ *n*. И также Беценбергеръ BB. XII, 75 сл., приводя діалектическія формы вродѣ *aižuols* «дубъ» или *káisti* «кусать», приходитъ къ заключенію, что въ части говоровъ акутованное *á* фонетически измѣняется въ *ái*. По моему это *ái* смѣнило правильное *á* благодаря колебанію между *ái* (изъ прабалт. акутованнаго *ai*) и *á* (изъ *ái*), подобно тому какъ діалектически старое *ā žuolas* «дубъ» (ср. Bezzenberger KZ. XLII, 263) было замѣнено черезъ *áu žuolas* благодаря колебанію между *áu* и *á*. Ср. съ этимъ Būga Aist. Stud. I, 99*).

б) *Изъ склоненія основъ на -ā.* Эти основы вѣроятно когда-то склонялись совершенно одинаково въ тѣхъ говорахъ, отъ которыхъ ведутъ свое начало теперешніе славянскіе и балтійскіе языки. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ славянскіе языки теперь расходятся съ балтійскими, это различіе вѣроятно вызвано сравнительно поздними новообразованіями. Такъ, въ асс. pl. праслав. *-y* расходится, какъ выше указано, съ лит. и лат. *-as*, но совершенно сходится съ пр. *-ans* и лит. *-ans-*, причемъ слѣдуетъ считаться съ возможностью, что когда-то не только въ прусскомъ (ср. *per-pettas*), но и въ славянскомъ (ср. Zubatý AfslPh. XV, 500) существовалъ рефлексъ праязычнаго *-ās*.—Въ пом. pl. слав. *-y* очевидно окончаніе асс. pl.¹⁾, проникшее въ пом. pl. взамѣнъ двусмысленнаго *-a* (изъ *-ās*)²⁾; этотъ переносъ окончанія могъ особенно легко произойти, если дѣйствительно когда-то и въ праславянскомъ асс. pl. оканчивался еще и на *-ā(s)*.—Также въ gen. s. праслав. *-y*, каково бы ни было его происхожденіе (ср. Finck, Ueb. d. verh. d. balt.-slav. nominalass. zum urindogerm., 33 слл., Ляпуновъ, Формы склоненія I, 36, Богородицкій, Очерки по языковѣдѣнію³ 398 сл.), по всей вѣроятности замѣнило собой болѣе древнее *-ā(s)*, которое по отпаденіи *-s* было неудобно, совпадая съ окончаніями другихъ падежей. Въ мѣстн. п. ед. ч. лит. *-oje* (=лат. *-ā*, діал. *-aī*) теперь расходится съ праслав. *-ě*, но лит. *-oje* разлагается на *-oj-* (=праслав. *-ě*) и постпозицію *-e* (ср. Zubatý JF. VI, 284 слл.), такъ что литовско-латышская форма³⁾ можетъ считаться новообразованіемъ.—Окончаніе **-ām* въ i. s. намъ достовѣрно извѣстно только изъ славянскихъ⁴⁾ и балтійскихъ языковъ. И также въ i. pl. эти языки вѣроятно отличались особымъ окончаніемъ **-mīs*⁵⁾, къ которому могутъ восходить праслав. *-mī*, лит. *-mīs* (ср. различіе въ удареніи между dat. pl., наприм., *naktims* изъ *naktimus*, и i. pl. *naktimīs*, которое вѣроятно обусловлено тѣмъ, что *-mīs* сокращено изъ аку-

1) Ср. Hujer Slov. dekl. jm. 74 слл. и 99 слл.

2) Старыя формы, можетъ-быть, сохранились въ чешскихъ *luka*, *tika* и др.

3) Прусской формы мѣстн. падежа мы не знаемъ.

4) Ср. Hujer, Slov. dekl. jm. 157 слл.

5) Также въ парадигмѣ основъ на *-i* и *-u*.

тованнаго *-mīs) и лат. діал. -mīs (ср. Мюленбахъ, Изв. отд. р. яз. и слов. II. А. Н. IX, 3, 233 сл.).

с) Изъ склоненія основъ на -i и -u. Также эти основы когда-то вѣроятно склонялись въ разсматриваемыхъ мною группахъ языковъ почти одинаково. Старое различіе, кажется, имѣлось только въ ген. pl. Тогда какъ литовскія формы вродѣ *nakšīū* (=лат. *nakši*) указываютъ на окончаніе -iōt, славянскія формы вродѣ црксл. *ношѣи* предполагаютъ окончаніе -iōt. Еще больше различіе между лит. *sūnū* изъ *sūnūōt и црксл. *сыновъ*; но окончаніе, соотвѣтствовавшее славянскому -ovъ, когда-то, можетъ-быть, имѣлось также въ балтійскихъ языкахъ, ср. ВВ. XXV, 276.—Основы на -u расходятся теперь также въ пом. pl. (лит. -ūs, лат. -us: црксл. -ове) и dat. s. (лит. -ui: црксл. -ови); но тутъ балтійскія окончанія (по крайней мѣрѣ, окончаніе dat. s.) могутъ быть сравнительно поздними новообразованиями¹⁾. Основы же на -i въ образованіи пом. pl. вѣроятно совершенно сходятся: лит. -ys, лат. -is, пр. -is (съ неизвѣстнымъ количествомъ гласнаго) могутъ быть тождественны съ црксл. -иѣ, восходя одинаково къ *-iēs, ср. гр. діал. *ὀφίης*. Теперь, правда, господствуетъ мнѣніе, что праслав. -ij- получилось фонетически не только изъ иде. -i-, но также (такъ въ пом. и ген. pl. основъ на -i) изъ -ei-; и по мнѣнію Ляпунова (Формы склоненія I, 42) это даже доказано Фортунатовымъ въ его Лекціяхъ, на которыя Ляпуновъ I. с. и ссылается. Эти лекціи однако въ продажѣ не имѣются, и поэтому не могу не сожалѣть, что проф. Ляпуновъ не выписалъ даннаго Фортунатовымъ «доказательства», такъ какъ теперь всѣ неимѣющіе Лекцій Ф. Θ. Фортунатова (въ томъ числѣ и авторъ этихъ строкъ) вынуждены или на вѣру принять это его объясненіе, или же, слѣдуя старому девизу «amicus Plato, magis amica veritas», на основаніи данныхъ языка сами пересмотрѣть весь этотъ вопросъ. Дерзаю предпочесть послѣднее.

¹⁾ Соотвѣтствующее црксл. -ове окончаніе пом. pl., кажется, сохранилось въ лит. говорѣ Барановскаго, ср. *lietous* «regengüsse» у Osthoff'a Morphol. Unters. II, 140 сл. (и лат. *lietavas* «anhaltendes Regenwetter», предполагающее, кажется, прабалт. *leitaves) и *stūm̃bous* и *grōžous* у Буги, Kalbos dalykai 16.

Гипотеза о славянскомъ переходѣ *-ej-* въ *-vj-* основывается, насколько я вижу, не на изолированныхъ образованіяхъ, но на флексійныхъ формахъ, да и то всего на двухъ категоріяхъ формъ: на глагольныхъ основахъ типа црксл. *въѣз* и на ном. и ген. рл. основъ на *-i*. Возникла же она вслѣдствіе привычки сопоставлять славянскія формы прежде всего не съ формами близко родственныхъ балтійскихъ языковъ, но съ формами болѣе отдаленныхъ арійскихъ и классическихъ языковъ Эллады и Рима: съ одной стороны, эти языки, благодаря своимъ древнимъ памятникамъ, сохранили сравнительно больше чертъ старины, а, съ другой стороны, греческій и латинскій языки намъ извѣстны еще изъ школьныхъ годовъ. А если ужъ приходилось обращаться къ балтійскимъ языкамъ, то считались обыкновенно только съ формами литовскаго языка (каковы онѣ въ трудахъ Куршата и Шлейхера). Поэтому-то отождествляютъ црксл. *трыѣ* не съ лит. *trỹs* и лат. *tris*, но съ скр. *tráyas*, гр. *τρεῖς* и латинск. *tres*, и црксл. *въѣз* не съ лат. *viju* и лит. діал. **vijù* (откуда 3 л. *vija* Лхр. 400, 25), но съ лит. *vejù*. Приведенныя мною балтійскія формы ясно показываютъ, что нѣтъ рѣшительно никакой надобности предполагать для славянскихъ формъ вродѣ црксл. *трыѣ* и *въѣз* специальный звуковой «законъ», такъ какъ *-vj-* тутъ можетъ восходить также къ *-ij-*. А что до родит. пад. *трыи*, то возводя его *-vj-* къ *-ej-*, можно сопоставлять эту форму развѣ съ ав. *ṭrayam* (которое считается арійскимъ новообразованіемъ), между тѣмъ какъ съ моей точки зрѣнія *трыи* тождественно не только съ лит. *trijũ* и лат. *triju*, но также съ ав. *ṭryam*, гр. *τριῶν* и латинск. *trium*. Въ пользу перехода *-ej-* въ *-vj-* скорѣе всего можно привести то обстоятельство, что въ славянскихъ языкахъ нѣтъ, кажется, несомнѣнныхъ примѣровъ, въ которыхъ *-ej-* восходило бы непосредственно къ иде. *-ei-* (въ формахъ вродѣ црксл. dat. s. *ѣи*, *сеи* и др. сочетаніе *-ej-* легко объясняется; труднѣе однако было бы справиться съ частицею црксл. *еи* «*vaí*»). Но это обстоятельство имѣло бы серьезное значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы можно было возводить *-vj-* къ *-ej-* въ цѣломъ рядѣ примѣровъ, а не только въ двухъ категоріяхъ флексійныхъ формъ. Если же рядомъ съ окончаніями (основъ на *-i*) *-ѣи* и *-ѣи* мы на-

ходимъ окончанія (основъ на *-и*) *-ове* и *-овъ*, то этимъ еще не доказывается, что *ь* въ окончаніяхъ основъ на *-і* получилось непосредственно изъ *е*. Для иде. праязыка, правда, можно предполагать параллельныя окончанія въ парадигмахъ основъ на *-і* и на *-и* (наприм., *-eĭes* : *-eĭes* для ном. pl., и *-(i)ĭōt* : *-(u)ĭōt* для ген. pl.); но послѣ распаденія общаго праязыка (или даже еще въ эпоху совмѣстной жизни?) эта параллельность отчасти нарушается (ср. dat. s. прксл. *кости* : *сынови* и ниже рассматриваемыя окончанія loc. s. *-ĕĭ* : *-ōĭ*): въ говорахъ, отъ которыхъ ведутъ свое начало славянскіе языки, въ парадигмѣ основъ на *-и* старое *-иĭōt* въ ген. pl. (подъ вліяніемъ *-eĭes* въ ном. pl.) измѣняется въ *-eĭōt*, а въ парадигмѣ основъ на *-і* старое *-eĭes* въ ном. pl. (подъ вліяніемъ *-iĭōt* въ ген. pl. и другихъ окончаній съ *i*) измѣнилось въ *-iĭes*¹⁾. Но, можетъ быть, меня спросятъ, почему въ основахъ на *-і* взялъ верхъ ген. pl., въ основахъ же на *-и* — ном. pl. Это разногласіе было бы странно лишь въ томъ случаѣ, если бы указанные новообразования были произведены одновременно въ парадигмахъ основъ на *-і* и на *-и*. Но считать ихъ непременно одновременными нѣтъ надобности: разница между *-eĭ-* и *-iĭ-* меньше, чѣмъ между *-eĭ-* и *-иĭ-*. Лескинъ, наконецъ (Gramm. d. altbulg. Spr. 44) приводитъ въ пользу перехода *-ej-* въ *-vj-* переходъ *-ev-* въ *-ov-*. Но, во-первыхъ, переходу *-ej-* въ *-vj-* соотвѣтствовалъ бы не переходъ *-ev-* въ *-ov-*, но переходъ *-ov-* въ *-zv-* (котораго однако не встрѣчаемъ), и, кромѣ того, этотъ же переходъ *-ev-* въ *-ov-*, ср. выше стр. 84 сл., имѣлъ мѣсто только передъ гласными задняго ряда, такъ что нѣтъ ничего общаго между *-ov-* изъ *-ev-* и предполагаемымъ переходомъ *-ej-* въ *-vj-*. Если, значитъ, возможно возводить всякое праслав. *-vj-* къ иде. *-iĭ-*, то я считаю неправильнымъ предполагать для двухъ категорій флексійныхъ формъ особый звуковой законъ только для того, чтобы можно было отождествлять эти формы не съ формами близко родственныхъ балтійскихъ языковъ, но съ арійскими и греческими формами.

¹⁾ Это было тѣмъ легче, что основы на *-ī* искони оканчивались въ ном. pl. на *-iĭes* и въ ген. pl. на *-iĭōt*.

Для большей полноты своей аргументаціи я тутъ еще долженъ коснуться образованія пом. pl. основъ на *-i* и на *-u* въ балтійскихъ языкахъ. По мнѣнію Видемана, Handb. 31 сл., 58 и 61, литовскія окончанія *-ys* и *-ūs* фонетически получились изъ *-ejes* и *-eues*; но ср. Leskien Bild. d. Nom. 242 сл. и упомянутыя мною на стран. 93 сл. латышскія формы на *-eve*. Мнѣнію же Гирта, PBrV. XVIII, 525 и JF. I, 7, по которому лит. *-ys* (какъ и праслав. *-i*, гот. *-eis*, латинск. *-īs* и вед. *-īś*) восходитъ къ иде. *īs*, и мнѣнію Бругмана Grdr. II², 2, 216, по которому рядомъ съ асс. pl. на *-is*, *-ūs* возникъ пом. pl. на *-ys*, *-ūs* подъ вліяніемъ отношенія пом. pl. на *-os*, *-ēs* къ асс. pl. на *-ās*, *-ēs*, одинаково противорѣчитъ латышское *trīs* (=лит. *trỹs*) «три», прерывистая интонація котораго понятна лишь въ томъ случаѣ, если эта форма получилась изъ **triēs*¹⁾. Остается, значитъ, только возводить лит. *-ys* (лат. *-is* и пр. *-is*) и *-ūs* (лат. *-us*) къ прабалт. *-iēs* и *-uēs*, возникшимъ вза-мѣнъ иде. *-ejes* и *-eues* подъ вліяніемъ падежныхъ формъ съ *i*, *u* въ концѣ основы и основъ на *-ī* и *-ū*, ср. Leskien, Deklination 78 и 80 и Bild. d. Nom. 242 сл. Возражать, можетъ быть, что этому толкованію противорѣчатъ (прусскія и) литовскія формы (gen. s. и пом. pl. основъ на согласные) на *-es*. Бругманъ Grdr. II², 2, 158¹, правда, сомнѣвается въ сохраненіи иде. *-es* на литовской почвѣ, но въ данномъ случаѣ такой скептицизмъ неумѣстенъ, особенно послѣ образцовой статьи de Saussure'a JF. IV, 456 слл. Къ формамъ, которыя de Saussure привелъ l. c. изъ Ширвида и Даукши, я тутъ изъ постиллы Даукши прибавлю еще слѣдующія: gen. s. *piemenēs* «пастуха» 231, 33, *piemenēs* 273, 16; 328, 17, 25, 27; *akmenēs* «камня» 246, 31; *akmenes* 351, 33; *wa'ndenes* «воды» 259, 28, *wāndenes* 335, 2; пом. pl. *piemenes* 53, 32; 69, 22; *akmenēs* 59, 29; *móterēs* «жены» 368, 26; *dūkteres* «дочери» 229, 12; *szirdēs*²⁾

¹⁾ По мнѣнію Микколы (Betonung und Quantität in den westslav. Sprachen I, 37) также праслав. **trъje*, судя по врх.-луж. *třo* и нижнелуж. *tśo*, имѣло удареніе на конечномъ слогѣ.

²⁾ Основу *šird-* встрѣчаемъ довольно часто также въ gen. pl. (наприм. 45, 36. съ окончательнымъ удареніемъ) и gen. s. (наприм. *szirdēs* 213, 14). Съ этимъ gen. s. *širdēs* тождественно лат. *sirds* (съ прерывистой интонаціею), тогда какъ литовскому окончанію (основъ на *-i*) *-iēs* соотвѣтствуетъ лат. *-is*, сохранившееся

«сердца» 240, 23; *dantes* «зубы» 90, 23; *priežastes* «причины» 204, 2; *szúnes* «собаки» 156, 16; 250, 15; *szúnes* 209, 15; *sémenes* «сѣмена» 123, 16. Ср. также формы на *-es* изъ постиллы 1573 г., приведенныя Гайгалатомъ Mitt. d. lit. liter. Ges. V, 128. Сохранились, наконецъ, формы на *-es* также въ нѣкоторыхъ современныхъ литовскихъ говорахъ: пом. pl. *duĩres* «двери» Лхр. 385, 30, 41 (при асс. pl. *duris* 386, 45), *daĩtes*, *žuiĩves* «рыбы», *žases* «гуси», *šuiĩnes*, *piemenes*, *duĩkteres* Būga, Kalbos dalykai 20, Aist. Stud. I, 72; gen. s. *šunēs* Būga, Aist. Stud. I, 140. Итакъ, могутъ ли, напримѣръ, *ākys*¹⁾ и *sūnūs* (рядомъ, наприм., съ *piemenes*!) восходить къ прабалт. **akiĩes*, **sūniĩces*? Никто намъ не мѣшаетъ думать, что *e* въ окончаніи *-es* стало «подвижнымъ» послѣ *i*, *u* раньше, чѣмъ послѣ прочихъ согласныхъ. Въ пользу такого вліянія *i*, *u* на послѣдующій краткій гласный говорятъ данныя латышскаго языка, гдѣ послѣ *i*, *u* выпадаютъ краткіе гласные даже въ такихъ формахъ, въ

какъ въ старолатышскихъ текстахъ, наприм. *naktis* «ночи» Undeutsche Psalmen 37, *pilis* «замка», *guovis* «коровы» (рядомъ съ *nakts*) Evangelia und Episteln 1587 г., *sirdis* Psalmen und geistliche Lieder 1615 г., 68a, 69a, 70a, 77a (при *sirds* 72b, 92b), *pilis* 79b, Manzel, Postille I, 154 (при *pils* II, 78), такъ и въ нѣкоторыхъ современныхъ говорахъ: *guovis* въ Кабилленѣ, *sirdis* въ Нидденѣ, *zivis* «рыбы» LP. VI, 881. А въ подавляющемъ большинствѣ латышскихъ говоровъ старое окончаніе (основъ на *-i*) *-is* вслѣдствіе смѣшенія основъ на *-i* и на согласные совершенно вытѣснено окончаніемъ (основъ на согласные) *-s*. Окончательному вытѣсненію окончанія *-is*, разумѣется, предшествовало колебаніе (замѣтное еще въ текстахъ 16 и 17 столѣтій) между *-is* и *-s*. А вслѣдствіе этого колебанія въ gen. s. и подъ вліяніемъ основъ на *-u*, оканчивающихся въ пом. и gen. s. одинаково на *-us* (въ gen. s. изъ *-aus*), также въ пом. s. основъ на *-i* рядомъ съ правильнымъ *-s* (изъ иде. *-is*) стало употребляться *-is*: *durvis* «дверь» Evangelia und Episteln 1587 г., *pilis* Psalmen und geistl. Lieder 1615 г., 83b (рядомъ съ *pils* 73b), *sirdis* 85a, *avis* «овца» Manzel, Postille I, 438 (рядомъ съ *pils* 301), *ausis* «ухо», *avis* Magazin der lett.-liter. Ges. XX, 2, 44, *zivis* LP. VI, 881, *guovis*, *avis*, *ausis*, *acis* «глазь», *zivis* «рыба», *siērdis* «сердце», *piertis* «баня» въ Кабилленѣ, *zivis*, *guovis* въ Замитенѣ.

¹⁾ Что же до приведенныхъ Бугою, Kalbos dalykai 21, пом. pl. *nākcies*, *aiĩsies*, *ākies*, *pācies*, *ānies* (изъ Тверечскаго говора), то я ихъ возникновеніе представляю себѣ слѣдующимъ образомъ. Подъ вліяніемъ *pātys* «ipsi» возникло (рядомъ съ *aniē* «illi») *ānys* (наприм., Лхр. 387, 38), и затѣмъ путемъ смѣшенія формъ *aniē* и *ānys*—*ānies*. Благодаря колебанію между *ānys* и *ānies*, рядомъ съ *pātys* возникло **pāties* > *pācies* и далѣе (въ именной флексіи) *ākies*, *nākcies* и др.

которыхъ эти гласные въ положеніи послѣ прочихъ звуковъ правильно сохраняются: *paùsarìs* «весна» изъ *pavazarìs*; *paùkars* «подвечерье» изъ *pavakars* BW. XVII, 276; *dìnaùdā* «въ полдень» BW. 425, 2 (стр. 829) = *dièn(a)vidā*, ср. также 30399, 2; *šùkor* «сегодня вечеромъ» BW. 16092 и 31759, 2 изъ *šùvokor* < *šuvòvakar*; *aùns* «баранъ» изъ *avins* BW. 11587; dat. s. *mundraim* «бодрому» (въ Каллетенѣ) изъ *mundrajam* или *mundrājam*; *vaiga* «нужно» изъ *vajaga*; *kreims* «сливки» изъ *krējums*; *sālīms* «разсолъ» изъ *sālījums* (какъ лит. *sólymas*, у Буги Aist. Stud. I, 131, изъ **sólyjimas*); nom. pl. part. praet. act. masc. gen. вродѣ *skrēši*, *gāši*, *staīgāši* ¹⁾ и др. (въ Вольмарѣ и другихъ мѣстностяхъ Лифляндіи; nom. s. *skrēš*, *gāš*, *staīgāš*), или *skrejši*, *gaīši*, *staīgaīši* (въ Нидерѣ-Бартау и другихъ мѣстностяхъ западной Курляндіи; nom. s.: *skrējis*, *gājis*, *staīgājis*) изъ *skrējuši*, *gājuši*, *staīgājuši* (тогда какъ въ тѣхъ же говорахъ и не послѣ *j* правильно сохраняется въ тѣхъ же причастіяхъ, ср. наприм. *dzimuši*, *dzinuši*, *likuši*, *zaguši* ²⁾ и др.).

Когда-то славянскіе и балтійскіе языки вѣроятно сходились также въ образованіи loc. s. Славянское *-i* въ парадигмѣ основъ на *-i* вѣроятно восходитъ къ иде. *-ēi*, рядомъ съ которымъ имѣлось *-ē*. И это *-ē(i)* очевидно перешло и въ балтійскіе языки. Если Бругманъ Grdr. II², 2, 176 говоритъ, что въ литовскомъ языкѣ нѣтъ несомнѣнныхъ примѣровъ окончанія **-ē(i)*, то въ этомъ сказывается только его недостаточное знакомство съ балтійскими языками. И въ нихъ имѣется рефлексъ этого окончанія. Изъ *-ēi* ³⁾ получилось *-ie*, а это *-ie* было измѣнено въ *-ieje* подъ вліяніемъ окончанія *-āje* (изъ *-āi-e*) въ парадигмѣ основъ на *-ā*. Къ этому **-ieje* восходитъ окончаніе *-ie* loc. s. основъ на *-i* и тѣхъ основъ на *-iō*, которыя въ nom. s. оканчиваются на *-is* изъ *-īs* ⁴⁾, единственно употребительное почти во

¹⁾ Отъ *skriēt* «бѣжать», *iēt* «итти», *staīgāt* «ходить».

²⁾ Отъ *dzimt* «родиться», *dzīt* «гнать», *likt* «класть», *zagt* «красть».

³⁾ Отношеніе праслав. loc. s. **rěči* къ dat. s. **rěči* съ удареніемъ на первомъ слогѣ (ср. Vondrák, Vergl. sl. Gr. II, 45 сл.) показываетъ, что окончаніе *-ēi* произносилось съ акутомъ.

⁴⁾ Эти основы въ литовско-латышскомъ въ loc. s. принимаютъ окончаніе основъ на *-i*.

всѣхъ извѣстныхъ мнѣ восточно-латышскихъ говорахъ, причемъ въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ всякое *ie* измѣняется въ *ī*, также это окончаніе измѣнилось въ *ī*. Вмѣсто того, чтобы привести цѣлый рядъ говоровъ, я здѣсь ограничусь указаніемъ на формы вродѣ *sirdie*, *ūdenie* ВВ. XII, 228, *akmenie* ВВ. XVI, 336, *jiud'īnī* Zbiór wiadomości XVI, 109. Въ литовскомъ же изъ акутованнаго *-ie* должно было получиться *-i* (ср. жем. *šali-p* «рядомъ», возникшее взамѣнъ **šalie-p* подъ вліяніемъ **šali*), которое подъ вліяніемъ окончанія *-oje* (въ парадигмѣ основъ на *-ā*) было расширено въ *-ije* (ср. *širdijē* у Куршата, Gramm. § 657) и (съ удлинениемъ *i*) далѣе въ *-yje*, съ которымъ тождественно лат. *-ī*. Рядомъ съ этимъ **-ieje* въ литовско-латышскомъ праязыкѣ имѣлось **-ēje* въ тѣхъ же основахъ, причемъ трудно рѣшить, разлагается ли это **-ēje* на *-ē + je* (съ *-je* подъ вліяніемъ лос. s. основъ на *-ā* и на *-iē*), какъ полагають І. Шмидтъ KZ. XXVII, 288 и Поржезинскій, Сборникъ статей, посвящ. ак. Ф. Θ. Фортунатову, 631 и Возвратн. форма глаголовъ 7, или же (какъ думаетъ Маловъ Die langen Vocale АЕО. 125) на *-ēi + e*, ср. **-āje* изъ *-āi + e*. Изъ литовскаго языка сюда относятся старолитовскія формы на *-eie*, указанные Беценбергеромъ Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 133 сл., жемайтскія формы на *-ie* и сѣвернолитовскія формы на *-ē*, *-ej*, приведенныя Куршатомъ Gramm. §§ 528 и 663, Барановскимъ, Замѣтки о лит. яз. и слов. 59, Явнисомъ, Россіенск. у. 38, Веберомъ AfslPh. IV, 593 и Беценбергеромъ *ГЕРАΣ* 185². Изъ латышскихъ формъ лос. s. къ **-ēje* восходятъ формы вродѣ *asei* (отъ *acs* «глазъ») и *skapei* (отъ *skapis* «шкафъ»), извѣстныя мнѣ изъ Гавезена, Лигуттена, Дубеналькена, Виргиналена, Цирау, Паддерна, Кацдангена, Рудбарена и др. въ западной Курляндіи и изъ Ленневардена въ южной Лифляндіи, и формы вродѣ *acē* и *skapē*, приведенныя Mag. d. lett.-liter. Ges. XIII, 2, 38 и Беценбергеромъ Sprach. d. preuss. Letten 63 и 122 и извѣстныя мнѣ изъ Амботена, Батена, Дурена, Ранкена, Вибингена, Ниграндена, Шрундена и др. въ западной Курляндіи, изъ Балдона, Линдена, Миссгофа, Олая ¹⁾, Вальгофа

¹⁾ Въ Олайскомъ говорѣ рядомъ съ лос. s. вродѣ *pirtē*, *sirdē* ном. s. еще сохраняетъ старую форму *pirts* («баня»), *sirds* («сердце»), между тѣмъ какъ во многихъ говорахъ западной Курляндіи, благодаря совпадению лос. s. на *-ē* отъ

и Нейгута въ средней Курляндіи, изъ Сунцельна, Кайпена, Кирхгольма, Линденберга, Рингмундсгофа, Ново-и Старо-Пебальга, Дростенгофа, Зербигала и др. въ Лифляндіи.—Что же до loc. s. основъ на *-и*, то Бругманъ, страннымъ образомъ, еще Grdr. II², 2, 176 сл. предполагаетъ для иде. праязыка только окончаніе *-ēц*, утверждая, что «weder für *-ōи* noch für *-ō* gibt es zuverlässige Belege»! Но если Бругману почему-то угодно было игнорировать давно уже указанныя балтійскія формы на *-ио*, то изъ-за этого сами эти формы не перестали существовать. На литовскія формы loc. s. съ окончаніемъ, восходящимъ къ пралитовскому **-ио(је)*, указали Беценбергеръ GGN. 1885 г., стр. 160 слл. и ВВ. X, 312², Гейтлеръ, Beitr. z. lit. Dialektologie 28, Барановскій, Замѣтки 58, и Явнисъ, Россіенск. у. 38. Это же окончаніе *-ио* въ loc. s. основъ на *-и* имѣютъ всѣ тѣ восточнолатышскіе говоры, въ которыхъ основы на *-и* не вытѣснены основами на *-о*¹⁾, ср. ВВ. XII, 227 и XVI, 336 и Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. XIII, 4, 185. Восходитъ ли *-ио* въ литовско-латышскомъ **-ио-је* къ иде. *ōц* или къ *ō*, не можетъ быть установлено, такъ какъ фонетически и то, и другое возможно. Праславянское *-и* можетъ восходить къ иде. *-ōц*, тогда какъ црксл. *дома* «*domi*» вѣроятно представляетъ собою иде. loc. s. **domō*. Ср. Bezzenberger ВВ. XXI, 302 слл., Meringer ВВ. XVI, 227, Wiedemann KZ. XXXII, 150, Lit. Präter 35 и Handb. 60 сл. (съ литературой), Zubatý AfslPh. XIV, 150 слл. и JF. VI, 292, Погдинъ РФВ. XXXV, 138 и Hujer Slov. dekl. jm. 141.

Окончаніе, свойственное исключительно славянскимъ и балтійскимъ языкамъ, мы находимъ въ instr. s.: лит. *-mi* (*-i* тутъ, впрочемъ, можетъ восходить также къ акутованному *-ī*, ср. различіе въ удареніи между i. s. *naktimī* и dat. pl. *naktim(u)s*) и праслав. *-тъ*.

d) Изъ склоненія основъ на согласные. Бругманъ Grdr. I², 21 отмѣчаетъ, какъ общую особенность славянскихъ и балтійскихъ

основъ на *-i* съ loc. s. на *-ē* отъ основъ на *-īē* (и совпаденію въ dat. и acc. s. и gen. pl.), всѣ основы на *-i* замѣнены основами на *-īē*, такъ что тамъ, напр., вмѣсто *pirts* и *sirds* говорятъ: *pīrte* и *sīrde*.

¹⁾ Рядомъ съ *-ио* въ парадигмѣ основъ на *-и* обыкновенно имѣется *-іе* въ loc. s. основъ на *-i* и *-īo* (съ пом. s. на *-is*); только въ Зербигалѣ я слышалъ, наприм., *viduo* «въ серединѣ» рядомъ съ *skapē* (отъ *skapis*).

языковъ, склоненіе причастій на *-nt* (и *-us*) въ большинствѣ падежей по образцу основъ на *-io*, а другихъ основъ на согласные въ части падежей по образцу основъ на *-i*. Но, какъ указалъ Meillet, Les dialectes 44, нѣчто тому подобное мы находимъ также въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ, и само это явленіе вообще столь естественно, что нѣтъ, можетъ быть, даже никакой исторической связи, наприм. между лит. *vẽžančio* и црксл. *везжита* и, наприм., между лит. *aktenims* и црксл. *каменьмъ*.

Изъ мѣстоименной флексіи. а) *Личныя мѣстоименія.* Въ склоненіи мѣстоименій славянскіе языки теперь значительно расходятся съ балтійскими языками. Но этому не будемъ придавать большого значенія въ данномъ вопросѣ, если припомнимъ, насколько въ этомъ отношеніи расходится даже прусскій языкъ съ литовско-латышскимъ. Какъ показали Zubatý LF. XIII, 369 слл. и Meillet Recherches 83 слл., когда-то личныя мѣстоименія склонялись славянами вѣроятно почти такъ же, какъ и балтійскими племенами. Старое различіе мы находимъ скорѣе всего между праслав. **(j)azъ* и лит. *àš* (старолит. также *ėš*), лат. *es* и пр. *as*; навѣрно, впрочемъ, не знаемъ, какова была первоначальная форма этого слова. Для gen. s. обѣ группы языковъ когда-то вѣроятно имѣли общую иде. форму **mene*, **tece*, **sece*, ср. Brugmann Grdr. II², 2, 415 сл. Въ dat. s. пр. *tebbeī*, *sebbeī* расходится съ црксл. *тебѣ*, *себѣ* только въ окончаніи; если пр. *-eī* тутъ древнѣе (ср. оск. *sifeī*), и если црксл. *-ѣ* тутъ изъ *-oī*, то это *-oī* могло возникнуть взамѣнъ *-eī* подъ вліяніемъ энклитикъ **toī*, **soī* или, ср. Roczn. Slaw. II, 228¹, формъ мѣстнаго падежа, если тѣ въ то время оканчивались на *-oī*. Что же до dat. s. личного мѣстоименія 1 лица, то лит. *mán*, лат. *man* и пр. *mennei* могутъ относительно корневого вокализма считаться новообразованіями, ср. Brugmann, Grdr. II², 2, 418. Первоначально славянскіе и балтійскіе языки, можетъ быть, имѣли для этого падежа форму **minei*, на которую еще указываютъ црксл. *мѣнѣ* (ср. Meillet, Recherches 93), жем. *mìn*¹⁾ или **mìnīe* (ср.

¹⁾ Это *mìn* вѣроятно восходитъ къ **mīnī* (ср. Фортунатовъ, Сборн. отд. р. яз. и слов. II. А. Н. LXIV, 11, 16²) съ такимъ же *-i*, какъ и въ формахъ dat. s. именныхъ основъ на согласные, ср. de Saussure JF. IV, 460 сл. и Zubatý LF. XXIII, 446 и XXIX, 222.

Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. XIII, 4, 186 и Bezenberger GGA. 1885 г. 927) и восточнолат. *min*, ср. Gautbiot MSL. XIII, 194. Относительно происхожденія этого *min*- (новообразованія, свойственнаго исключительно славянскимъ и балтійскимъ языкамъ) я, вслѣдъ за Meillet, Recherches 94, полагаю, что *и* въ *min*- возникло подъ вліяніемъ формъ 2 лица, начинавшихся съ **tu*ц-; такъ какъ въ дат. падежѣ имѣлась форма **tebhei*, то слѣдуетъ думать, что новообразование *min*- возникло первоначально въ какомъ-нибудь другомъ падежѣ (Meillet l. c. указываетъ на вед. loc. s. *tvē*, при которомъ могло быть и иде. **tu*цoj), къ чему препятствій не вижу, такъ какъ *min*- мы находимъ не въ одномъ дат. падежѣ. Для асс. s. въ праславянскомъ (ср. црксл. *ма*, *та*, *са*) имѣлись формы, повидимому, сходныя съ формами арійскихъ языковъ (ср., наприм., скр. *mā'm*, *tvā'm*). И вслѣдъ за Лескиномъ (Declination 143 и Ber. d. sächs. Ges. d. Wiss. XXXVI 95) я склоненъ считать тождественными съ црксл. *ма*, *та*, *са* пр. формы *mien*, *tien* или *tin*, *sien* или *sin*, читая ихъ: *mīn*, *tīn*, *sīn* изъ прабалт. **mēn*, **tēn*, **sēn*. Бернекеръ Pr. Spr. 207 сл., правда, которому слѣдуютъ Бругманъ Grdr. II², 2, 413 сл. и Траутманъ Altpr. Spr. 269 (ср. также Bezenberger BB. XXIII 304), оспариваетъ это, считая невѣроятнымъ, чтобы *ī* только въ этихъ формахъ обозначалось черезъ *ie*, и полагая, что въ такомъ случаѣ рядомъ съ *mien*, *tien*, *sien* (встрѣчающимися весьма часто) мы находили бы также **mīn*, **tīn*, **sīn*. Какъ самъ Бернекеръ представляетъ себѣ происхожденіе этихъ прусскихъ формъ, для меня не совсѣмъ ясно, и поэтому передаю тутъ его объясненіе дословно: «Nach einem dat. **mei*, **tei*, **sei*, letzteres vielleicht in *grīkisi*, lit. *mi ti si*, wurde nach Art der -*io*- St. für **men* **ten* **sen* Formen wie **mjēn* **tjēn* **sjēn* gebildet ...Eine Stütze dieser Auffassung ist vielleicht das Erscheinen der Nebenformen *sin tin*, ersteres viermal, letzteres ein mal: das wäre dann dasselbe Nebeneinander wie *dien—din*, *schin—schien*». Приблизительно такъ же выражается Бругманъ l. c.: «*sien sin* kann nicht wohl von *schien schin*, *dien*, *din* ...getrennt werden..., und so kann *sin* in nähere Beziehung zu ai. *sīm* ...gebracht werden..., um so eher, als *sin* viermal und daneben *tin* nur ein mal vorkommt. *sien* war

möglicherweise Neubildung für *sin*, wie *schien* für *schin* ...eingetreten ist. Aber alle drei Formen *mien*, *tien*, *sien* können auch Umbildung der urbalt.-slav. Formen sein, deren lautgesetzliche Fortsetzung aksl. *me*, *te*, *se* sind. So liegen eventuell in *sien*, *sin* zwei verschiedene Formationen vor, die gleichbedeutend geworden sind, nur dass *sien* haupttonig gebraucht wurde..., *sin* enklitisch...; *tin* .. wäre dann dem *sin* nachgeschaffen». Предполагаемые Бернекеромъ формы вродѣ **men* невѣроятны въ виду асс. s. на *-in* (наприм., *semmin*) отъ основъ на *-iē*: изъ прабалт. **mēn* вѣроятно должно было возникнуть **mīn*, откуда (если допустить сокращеніе гласнаго) **min*. Предположенію же, что рядомъ съ этимъ **min* возникло **mjēn* подъ вліяніемъ колебанія между *din* и *dien* и между *schin* и *schien*, не очень благопріятно то обстоятельство, что рядомъ съ *din* (7×) встрѣчается *dien* (и то въ значеніи женскаго рода!) всего одинъ разъ. И что до асс. s. отъ *schis*, то *schien* (2× m. g.; 1× fem. g.), кажется, болѣе поздняго происхожденія, нежели *schin* (3× fem. g.) и *schan* (3× m. g.; 13× fem. g.), и встрѣчается, во всякомъ случаѣ, рѣже, чѣмъ *schan*. И какъ объяснить въ такомъ случаѣ, что въ качествѣ самостоятельнаго слова мы встрѣчаемъ только *mien*, *tien*, *sien*, формы же *tin* и *sin* только въ энклитическомъ положеніи? Какимъ путемъ могло возникнуть такое распредѣленіе этихъ формъ? Траутманъ же, отвергая объясненіе Бернекера и Бругмана, полагаетъ, что *mien*, *tien*, *sien* получились путемъ сложенія формъ *mī*, *tī*, *sī* (изъ иде. **moj*, **toj*, **soj*) и пресловутой частицы *-an*. Но едва ли это правильно. Во-первыхъ, я считаю рискованнымъ прибѣгнуть тутъ къ такой частицѣ, которая въ балтійскихъ языкахъ нигдѣ не встрѣчается. Затѣмъ я сомнѣваюсь въ возможности перехода иде. **moj* или **mej* и др. въ пр. **mī* и др.: въ литовскомъ могли получиться *mī*, *tī*, *sī* черезъ **mie*, **tie*, **sie* изъ **mej*, **tej*, **sej* (можетъ быть, въ неударяемомъ положеніи изъ иде. **moj* и др.); въ прусскомъ же никакого *ie* не было. И такъ же и въ концѣ неодносложныхъ словъ прусскій языкъ сохраняетъ прабалт. *-ai* и *-ei* во всѣхъ ясныхъ случаяхъ (такъ что приведенные Траутманомъ и другими случаи съ пр. *-i* якобы изъ *-ei*, *-ai*, насколько они не ошибочны, могутъ имѣть это *-i* только изъ прабалт. *-i*, *-ī*, *-ē*;

см. выше стр. 141¹ и ниже). Пр. *-si* «-ся» (всего 4×; наприм., *dātunsi* «sich geben»), значить, я считаю возможным возводить только къ прабалт. и иде. *sē, ср. скр. *mā*, *tvā*. И если даже допустимъ, что на прусской почвѣ могло изъ прабалт. *mei или *mai въ неударяемомъ положеніи получиться *mi, то слишкомъ еще сомнительно, чтобы это *mi возникло уже въ ту отдаленную эпоху, когда (теперь совершенно утраченная ими) частица *an была въ балтійскихъ языкахъ еще продуктивна, какъ словообразовательный элементъ. И какъ, наконецъ, Траутманъ объясняетъ, что пр. *mien*, *tien*, *sien* имѣютъ исключительно значеніе винительнаго падежа, если въ нихъ кроется рефлексъ иде. *moi, *toi, *soi? Послѣ всего этого, кажется, было бы проще и естественнѣе всего принимать съ Лескиномъ пр. *mien*, *tien*, *sien* за *mīn*, *tīn*, *sīn* изъ прабалт. *mēn, *tēn, *sēn. Но возможно ли это вообще послѣ направленной противъ этого аргументаціи Бернекера? Она всецѣло построена на посылкѣ, что авторъ третьяго катехизиса (въ которомъ встрѣчаются *mien*, *tien*, *sien*), подобно современнымъ лингвистамъ, могъ передавать извѣстный звукъ повсюду только однимъ и тѣмъ же знакомъ. Траутманъ, считая, должно-быть, эту посылку не подлежащей сомнѣнію, выводитъ отсюда Altpr. Spr. 180 дальнѣйшее заключеніе, что, наприм., *bh* въ *bhe* «и; безъ» (при *beggi* «ибо») «lediglich als orthographische Schrulle anzusehen» не позволительно. А между тѣмъ AfslPh. XXXII, 293 мною уже указано, что это не только позволительно, но даже обязательно: это *h* въ *bhe* (какъ и въ *thu* или *thou* «ты», *pho* «по», *kha* «quod») вызвано стремленіемъ избѣгать на письмѣ слишкомъ коротенькихъ формъ, замѣтнымъ какъ, наприм., въ древне-ирландской письменности, такъ и въ латышскихъ текстахъ XVI и XVII столѣтій (гдѣ, наприм., вмѣсто *ne* «не» обыкновенно пишутъ *nhe*) и даже еще въ латышскомъ словарѣ Ульмана, гдѣ, наприм., рядомъ съ *tele* «телка» пишется *tē* «здѣсь», хотя это слово произносится съ тѣмъ же краткимъ *e*, какъ и первый слогъ слова *tele* (но *te* казалось какъ-то слишкомъ безтѣлеснымъ и поэтому было пополнено хотя бы знакомъ ударенія!). Формы вродѣ *bhe* доказываютъ, что и Вилль (авторъ III катехизиса) избѣгалъ на письмѣ слишкомъ коротенькихъ формъ. А если это

такъ, то я считаю возможнымъ, что по той же причинѣ онъ вмѣсто *mīn*, *tīn*, *sīn* писалъ (въ духѣ нѣмецкаго правописанія ¹⁾), гдѣ *ie=ī*) *mien*, *tien*, *sien* вездѣ, гдѣ эти формы являются самостоятельными словами (только 63, 31—по изданію Траутмана—мы находимъ *wartinna sin* ²⁾ «wende er sich», и 67, 22—*imma tin* «nehme dich»), между тѣмъ какъ въ качествѣ энклитики, слившейся съ предыдущимъ глаголомъ, пишется *-sin* (весьма характерно въ этомъ отношеніи *audāsin* «geschehe» 35, 23 рядомъ съ *audāst sien* «geschieht» 35, 3, 16, 25, 28: едва ли подлежить сомнѣнію, что въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же *sīn*). Что Вилль такъ послѣдовательно писалъ *mien*, *tien*, *sien* (съ *ie*), нисколько не болѣе удивительно, чѣмъ постоянное у него *bhe* (при *beggi*). И *tit* (чаще: *tīt* и *tijt*) «(al)so» (при *mien*, *tien*, *sien*) не болѣе странно, чѣмъ, наприм., частое *ka* «quod» (*kha* только въ I кат.) при *bhe*. Присоединяясь въ этомъ вопросѣ къ Лескину, мы избавляемся отъ необходимости считать пр. *tin* за новообразование, возникшее подъ вліяніемъ *sin*, и отдѣлять *tin* и *sin* отъ однозначныхъ *tien* и *sien*, и находимъ въ прусскомъ языкѣ старыя формы асс. s., тождественныя съ црксл. *мѣ*, *тѣ*, *сѣ*.—Первоначальныя формы *i*. и *loc. s.* трудно установить.—Во множеств. ч. балтійскіе языки сохранили рефлексъ старой формы (*iūs) им. пад. личн. мѣстоименія 2 лица, между тѣмъ какъ въ праславянскомъ начальное *i-* этой формы было замѣнено черезъ *ц-* подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей съ исконнымъ *ц-*. Что же до 1 лица, то славяно-балтійское *mes (ср. арм. *mekh* и Brugmann, Grdr. II², 2, 386), сохранившееся въ прусскомъ языкѣ, въ литовскомъ и латышскомъ получило долгій гласный подъ вліяніемъ формы *jūs*, тогда какъ въ праславянскомъ подъ вліяніемъ той же формы 2 лица *e* въ первоначальномъ **me(s)* было измѣнено не только количественно, но также качественно: ср. Meillet Recherches 95 (который однако допускаетъ также вліяніе вин. падежа *ny). Косвенные падежи имѣютъ въ праславянскомъ какъ *ц-* во всѣхъ формахъ 2 лица (гдѣ это послѣ новообразования съ *ц-* въ им. пад. совершенно естественно), такъ

¹⁾ Ср. *bietis* (съ *ie=ī*) въ I кат. и *styienuns* во II кат.

²⁾ Въ рукописи Вилля, можетъ быть, было собственно *wartinnasin*.

и *n-* во всѣхъ формахъ 1 лица. Въ прабалтійскомъ же въ мѣстоименіи 1 лица *m-* проникло также въ вин. пад. (ср. пр. *mans* и лит. *mùs*), а въ литовско-латышскомъ затѣмъ и въ остальные падежи; въ мѣстоименіи же 2 лица старое *ц-* отражается только прусскимъ вин. падежомъ *wans*, тогда какъ въ литовско-латышскомъ мы находимъ *j-* во всѣхъ косвенныхъ падежахъ, а въ *dat.* и *gen.* также въ прусскомъ. Отношеніе пр. *ioûs*, *ioûson*, *ioûmas* (*wans*) къ *mes*, *noûson*, *noûmas* (*mans*) и обобщеніе балтійскими языками гласнаго *и* (долгаго и краткаго) въ мѣстоименіи 2 лица, кажется, говорятъ въ пользу того, что когда-то также въ тѣхъ говорахъ, отъ которыхъ ведутъ свое начало балтійскіе (и славянскіе) языки, нѣкоторые косвенные падежи мѣстоименія 2 лица начинались съ *iu-*¹⁾ (ср., наприм., скр. *yušmát*, *yušmábhyam*, ав. *yūštaoyō* и гр. *ὑμῖν*); что въ праславянскомъ мы находимъ *ц-* во всѣхъ падежахъ, можетъ быть объяснено обобщеніемъ этого звука. Какъ въ праславянскомъ вмѣстѣ съ *ц-* обобщенъ (за исключеніемъ вин. падежа) и корневой гласный *а* (изъ иде. *ō*), такъ въ прабалтійскомъ вмѣстѣ съ *і-* обобщено и корневое *ū* (или *и*), и подъ вліяніемъ этого *ū* (или *и*) въ формахъ 2 лица въ прабалтійскомъ получили *ū* (или *и*) также соответствующія формы мѣстоименія 1 лица взамѣнъ рефлекса иде. *ō*, ср. Brugmann Grdr. II², 2, 389.—Общія новообразования славянскихъ и балтійскихъ языковъ мы находимъ въ формахъ вин. (ср. пр. *wans* и црксл. *вы*), род. (**nōssōm*, **цōssōm*) и дат. падежей (**nōtus*)²⁾, ср. Brugmann l. c. II², 2, 420 слл. Насколько древне различіе въ двойств. числѣ между црксл. *въ*, *ва* и лит. *vė(du)*³⁾, *jù(du)*, не можетъ быть установлено, такъ какъ возможно думать о новообразованияхъ. Изъ формъ притяжательныхъ мѣстоименій отмѣчу тожество пр. *mais*, *twais*, *swais* съ црксл. *мои*, *твои*, *свои*; различіе между ними и литовско-латышскими **manas*, **tavas*, **savas* вѣроятно объясняется тѣмъ, что въ прусскомъ и праславянскомъ возникли новообразова-

¹⁾ Это *iu-* возникло, можетъ быть, взамѣнъ первоначальнаго *и-*, ср. Brugmann Grdr. II², 2, 385.

²⁾ Это **nōtus* могло возникнуть при род. п. **nō(s)sōm* подъ вліяніемъ отношенія род. п. **tāsām* къ дат. п. **tāmus*.

³⁾ Ср. гот. *vi-t*.

нія по образцу стараго *mojos (ср. латинск. *meus*). въ литовско-латышскомъ же *manas (ср. Brugmann. l. c. II², 2, 405) рядомъ съ древними *tavas, *savas (=г. *τεός*, праитал. *tojos; ав. *hava-*, гр. *έός*, праитал. *sojos), такъ что для славяно-балтійской эпохи можно предполагать формы *majas, *tajas, *sajas.

б) *Указательныя и вопросительныя мѣстоименія*. Общимъ достояніемъ славянскихъ и балтійскихъ языковъ являются старыя основы иде. *to-*, *k' i-*, *i-:jo-*, *ono-*¹⁾ и *q^{wo}-*, причемъ основа *i-:jo-* какъ въ славянскомъ, такъ и въ литовско-латышскомъ употребляется въ значеніи личнаго мѣстоименія 3 лица.—Бругманъ Grdr. I² 21 въ числѣ общихъ примѣтъ славянскихъ и балтійскихъ языковъ приводитъ также форму ном. s. *tas, *tā вмѣсто иде. **so(s)*, *sā, но Meillet, Les dialectes 44 сл. уже указалъ, что это новообразование, будучи совершенно естественнымъ и встрѣчаясь также въ германскихъ языкахъ, не имѣетъ большого значенія при рѣшеніи вопроса о славяно-балтійскомъ праязыкѣ.

Въ образованіи род. п. ед. ч. славянскіе и балтійскіе языки теперь сильно расходятся между собою, но эти различія можно считать возникшими послѣ «славяно-балтійской» эпохи. Праслав. *togo, какъ указано Маретичемъ (ср. Meillet Recherches 116 и Vondrák Vergl. sl. Gr. II 90), замѣнило собою старую форму аблатива *ta (=лит. *tõ*, лат. *tā*), слившуюся съ частицею **go*²⁾, которую находимъ и въ срб. *нѣго*, ср. также скр. *gha* и пр. *an-ga*; эта замѣна стараго *tago новымъ *togo была вызвана какъ другими косвенными падежами, начинавшимися съ *to-* (напр. dat. и loc. s.), такъ и старою формою gen. s. **tosō*³⁾. Это вліяніе *tosō на *tago было почти неминуемо, когда, какъ и въ именной флексіи,

¹⁾ Ср. Meillet Roczn. Sl. III, 168.

²⁾ Что эту частицу мы находимъ только въ формѣ аблатива (который благодаря присоединенію этой частицы сталъ такимъ же двусложнымъ, какъ и другіе косвенные падежи), не болѣе удивительно, чѣмъ присоединеніе въ германскомъ частицы *-k* только къ формѣ винит. пад. личныхъ мѣстоименій.

³⁾ Ср. относительно окончанія црксл. *чесо* и относительно *to-* гр. *τοιο*. Meillet Recherches 115 сл., правда, въ виду црксл. *чесо* и пр. *stesse* предполагаетъ для праславянскаго форму *teso; но съ *чесо* ср. гр. (гом.) *τέο* при *τοιο*, а пр. *ste-* (вмѣсто **sta-*) можетъ быть вызвано формою, соответствовавшею црксл. *чесо* и гом. *τέο*; ср. также пр. *stesmi*: црксл. *тому*.

старыя формы аблатива основъ на -о стали употребляться также въ значеніи род. падежа, и когда -go въ *tago въ представленіи говорящихъ уже являлось падежнымъ окончаніемъ. Старыя формы gen. s. основъ на -о затѣмъ исчезли, и уцѣлѣлъ только gen. s. *česo, сохраненію котораго содѣйствовало то обстоятельство, что это *česo своимъ če- замѣтно отличалось отъ аблатива *ka-go (ср. латинск. abl. quo къ qui(s) и quid), который, кромѣ того, употреблялся также въ значеніи муж. рода; а такъ какъ въ пом. s. *kz(to) такъ замѣтно отличалось отъ *čz(to), то было желательно имѣть также въ gen.-abl. s. различныя формы для муж. и сред. родовъ¹⁾.—Изъ балтійскихъ языковъ только прусскій сохранилъ старую форму gen. s., наприм., *stesse*. Уже Лескинъ, Declination 31 и 113 слл., правильно отождествлялъ пр. -sse (должно быть, = *še* изъ прабалт. -sja; о *š* вмѣсто *š* ср. выше стр. 67) съ скр. -sya. И совершенно безъ надобности это оспариваетъ Траутманъ Altpr. Spr. 262, возводя -sse и встрѣчающіяся рядомъ съ нимъ -sei, -sai, -si къ -sjai, возникшему присоединеніемъ къ -sjo частицы -i. Но -sai и -si, изъ которыхъ и то и другое встрѣчается всего одинъ разъ, рядомъ съ частыми -se и -sei должны считаться простыми описками или опечатками вмѣсто -sei²⁾. Окончаніе же -sse, какъ показываютъ формы пом. pl. основъ на -о (см. выше стр. 141), правильнѣе возводить не къ -sjoi или къ *sjei, но именно къ -sjo. Что же до

¹⁾ Если уже въ древне-церковно-славянскихъ текстахъ *кого* представляетъ собою также форму вин. падежа (рядомъ съ *мъ!*), совершенно вытѣснивъ старое *кѣ, то это, можетъ быть, объясняется слѣдующимъ образомъ. Въ им. падежѣ старое *ко могло дольше держаться, чѣмъ, наприм., *то, такъ какъ средн. родъ *чѣ не совпадалъ съ этимъ *ко. Когда затѣмъ подъ вліяніемъ, наприм., пом. и асс. s. *мѣ* форма вин. падежа *кѣ стала употребляться также въ значеніи им. падежа—сначала рядомъ съ *ко, благодаря колебанію между *кѣ и *ко въ им. падежѣ *ко стало употребляться также въ значеніи вин. падежа (сначала рядомъ съ *кѣ), послѣ чего къ нему присоединилась та же частица *jo, что и въ аблативѣ. И такъ какъ въ вопросительномъ мѣстоименіи особенно желательно формальное различіе между им. и вин. падежами, то затѣмъ *кѣ(то)* было оставлено исключительно для имен., *ко(ю)* же—для винит. падежа. Если это такъ, то gen.-асс. s. *кого* могъ быть образцомъ при употребленіи формъ вродѣ *раба* въ значеніи вин. падежа, ср. Meillet Roczn. Slav. III, 159.

²⁾ Относительно -sai ср. впрочемъ также Berneker Pr. Spr. 199; -si и Бернекеръ l. с. 200¹ исправляетъ въ -sei.

-sei, то можно обойтись тутъ и безъ частицы: вслѣдствіе колебанія между *e* и (перенесеннымъ сюда изъ множ. числа) *ei* въ корневомъ слогѣ (*stesse : steise*) могло, пожалуй, возникнуть такое же колебаніе и въ окончаніи, перенесенное затѣмъ изъ парадигмы мѣстоименія *stas* въ другія мѣстоименія. Бернекеръ же Pr. Spr. 200 исходитъ отъ формъ gen. s. *maisei, twaisei*, считая ихъ возникшими рядомъ съ **maise, twaise* (получившимися, по мнѣнію Бернекера, изъ **moi-sjo, *tɔoi-sjo*) подъ вліяніемъ однозначашихъ **mei, *tei*; подъ вліяніемъ же колебанія между **maise, twaise* и *maisei, twaisei* далѣе будто возникло *stessei* рядомъ съ *stesse*. А между тѣмъ формы gen. s. *maise, twaise(i), swaise(i), ainontsi* (1×; -si вѣроятно ошибочно вмѣсто -sei), **schisse* (ср. *schieise* и *schisses*, Trautmann l. c. 264), *supsei, kawijdsa* ¹⁾, *iousai* (1×; -sai вѣроятно вмѣсто -sei) и dat. s. *twaismu* (ср. также dat. pl. *swāimans*), *ainontsmu, schismu, supsmu, kawīdsmu, stawīdsmu, noūsmu, ioūsmu, antersmu, tīrtsmu, ketwirtsmu, wismu* вѣроятно объясняются скорѣе такъ, что эти формы возникли рядомъ съ nom. s. *mais* (изъ прабалт. **majas*), *twais, swais, ainonts, schis, sups, kawīds, stawīds, ioūs, *noūs* (ср. nom. s. *nousā*), *anters* (ср. fem. g. *antrā*), *tīrts, kettwirts, *wiss* по образцу отношенія dat. s. *kasmu* и gen. s. **kasse* къ nom. s. *kas*: казалось, что *kasmu* = nom. s. *kas + smu*, **kasse* = *kas + se*. Въ такомъ случаѣ была бы понятна и долгота въ dat. s. *maiāsmu* (= nom. s. *maiā + smu*), *twaiāsmu, swaiāsmu* (эти формы имѣютъ значеніе какъ муж., такъ и женск. рода; ср. *stesmu* «тому» и «той»). Но относительно *maise, twaise(i), swaise(i), twaismu, swāimans* очень возможно (ср. Leskien, Declination 122), что эти формы утратили *a* ²⁾ послѣ *i* (о выпаденіи гласныхъ послѣ *i* см. выше стр. 176), ср. gen. s. *ainassei* и dat. s. *wargasmu*; въ такомъ случаѣ образцами для упомянутыхъ новообразованій въ gen. и dat. s. могли служить также эти формы притяж. мѣстоименій (*supsei, supsmu : sups = twaisei, twaismu : twais*).—Также

¹⁾ Ср. *ainessa*; можетъ быть, эти формы указываютъ на прабалт. -sa (при -sja); ср. также dat. s. *schissai* и *supsai* (при *stessiei*).

²⁾ *twaiasei* «tuaе» 65, 26, можетъ быть, имѣло долгое *a* послѣ *i*, какъ *twaiāsmu*.

для женск. рода прусскій языкъ сохранилъ старую форму gen. s. *stessias* или *stessies*; црксл. же *моѡ* (какъ и dat. и loc. s. *мои*)—новообразование подѣ вліяніемъ i. s. *моѡ* (ср. скр. *táyā*), Brugmann Grdr. II² 2, 360.

Въ образованіи dat. s. поразительно сходство лит. *tāmui* и лат. *tam* съ црксл. *тому* (при скр. *tasmāi* и умбр. *esmei*). Но такъ какъ въ прусскомъ еще находимъ старое окончаніе (*stesmu*, *kasmu*), то можно думать, что когда-то также въ праславянскомъ и литовско-латышскомъ имѣлся рефлексъ иде. окончанія *-smōi*. Что же касается утраты *s* какъ здѣсь, такъ и въ loc. s. (црксл. *томъ*, лит. *tame*), то Бругманъ Grdr. II² 2,362 склоненъ думать, что **-mōi* возникло взамѣнъ стараго **-smōi* подѣ вліяніемъ **-mi* въ i. s. **toi-mi*, и ссылается на црксл. *моѡ*, *мои*, возникшія подѣ вліяніемъ *моѡ*. Формы **toiās* и **toiāi* могли возникнуть (взамѣнъ **tosjās* и **tosjāi*) рядомъ съ **toiām* по образцу отношенія, наприм., **genās* и **genāi* къ **genām*; но чтобы *-mōi* возникло въ dat. s. (взамѣнъ **-smōi*) подѣ вліяніемъ *-mi* въ i. s., было бы понятно развѣ только въ томъ случаѣ, если бы въ обоихъ падежахъ передъ окончаніемъ (*-smōi* и *-mi*) имѣлась одна и та же корневая форма, между тѣмъ какъ въ dat. s. мы находимъ *to-*, а въ i. s.—*toi-*. Я поэтому согласенъ съ Фортунатовымъ ВВ. XXII 182 въ томъ, что *-m-* возникло рядомъ съ *-sm-* подѣ вліяніемъ колебанія между *-sī-* и *-ī-*. Но между тѣмъ какъ Фортунатовъ при этомъ имѣетъ въ виду формы gen. s. **tosjo* и **tojo*, я, не находя нигдѣ никакого **tojo*, исхожу тутъ отъ формъ женск. рода: вслѣдствіе колебанія между **tosjāi* и **toiāi* въ женск. родѣ могло возникнуть новое **tomōi* при старомъ **tosmōi* въ муж. родѣ. Аналогично объясняются формы loc. s. съ *-m-* вмѣсто *-sm-*. Соответствуетъ ли *ъ* въ црксл. *томъ* скр. *-in* въ *tāsmīn* или же ав. *i* въ *aē-tahmi*, не можетъ быть установлено. Въ балтійскихъ языкахъ встрѣчалось, можетъ быть, *-in* рядомъ съ *-i*, ср. Bechtel, Lit. u. lett. Drucke III, LXXIV, Brückner AfslPh. III 279 сл., Wiedemann Handb. 82, Zubatý JF. VI 286 сл., Brugmann Grdr. II² 2, 363.

Въ творит. падежѣ мы находимъ теперь между славянскими и балтійскими языками такое же различіе, какъ и въ именной

флексіи (см. выше стр. 165): прабалт. **tō* (=ав. *tā*): праслав. **tēmь* (=др.-исл. *heim*); только здѣсь передъ *-mь* имѣется не *to-*, но *tě-*, о чемъ ср. van Helten JF. XXVI 179 сл. Но когда-то, кажется, также въ балтійскихъ языкахъ имѣлись формы, тожественныя съ црксл. *тѣмь*, ср. Trautmann Altpr. Spr. 269 сл.

Въ части косвенныхъ падежей множ. и двойств. ч. мы находимъ въ прабалтійскомъ въ корневомъ слогѣ *-ei-* (пр. *ei*, лит.-лат. *ie*), въ праславянскомъ же *-ě-* (изъ иде. *-oi-*); но «въ славяно-балтійскую эпоху» этого различія, можетъ-быть, еще не было, ср. Brugmann Grdr. II² 2, 369.

Изъ глагольной флексіи. Въ области спряженія славянскими и балтійскими языками съ теченіемъ времени утрачено много старыхъ формъ (формы перфекта и имперфекта и формы конъюнктива и стараго средняго залога) и создано много новообразованій, но не сообщая (что можетъ быть объяснено предположеніемъ о возникновеніи ихъ послѣ распада славяно-балтійскаго единства), такъ что формы спряженія мало освѣщаютъ вопросъ о славяно-балтійскомъ праязыкѣ. Скорѣе всего еще тутъ можно указать на то, что въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ нѣсколько личныхъ окончаній иде. средняго залога стало употребляться въ дѣйствительномъ залогѣ; но и это явленіе столь естественно, что оно не можетъ служить доказательствомъ славяно-балтійскаго единства.

С. Изъ области синтаксиса.

✓ Синтаксисъ славянскихъ и балтійскихъ языковъ въ общемъ отзывается древностью, и поэтому неудивительно, если мы въ нихъ находимъ довольно мало общихъ новшествъ. Весьма характерно для этихъ языковъ значительное развитіе предикативнаго творит. падежа, ср. Vondrák Vergl. sl. Gr. II, 353 слл. и Brugmann-Delbrück Grdr. II², 2, 537 слл. и III, 263 слл. (и латышскіе примѣры у Мюленбаха JF. XVII, 411). Что оно указываетъ на эпоху совмѣстной жизни славянскихъ и балтійскихъ племенъ, можетъ быть допущено даже въ томъ случаѣ, если бы это употребленіе творит. падежа было вызвано вліяніемъ финскихъ языковъ (ср. Meillet JFA. XXI,

105), или если бы оно восходило къ иде. праязыку¹⁾, ср. Rozwadowski, Quaestionum gramm. atque etym. series II, 5 слл., Brugmann KVG. 429 и Neckel JF. XXI, 189 слл. Затѣмъ я тутъ приведу еще слѣдующіе случаи сходнаго употребленія творит. падежа: лит. *tu dabar man skalnas* («долженъ», ср. Būga, Aist. Stud. I, 72) *trim kapeikom Viltis* 1908 г., № 75, ср. твор. п. при црксл. *длѣжѣнъ* у Дельбрюка l. с. 270 и Вондрака l. с. 350; лит. *rūpinkimeš swetimais wārgais* у Даукши Post. 158, 5, *tu nesirūpink... mūsų sunkėjs darbėlejs* у Юшкевича Liët. dājnos 955, 14, ср. твор. п. при црксл. *нештити сѧ* у Дельбрюка l. с. 255 и Вондрака l. с. 351; лит. *iū ne dukšėdamieš* у Даукши Post. 168, 26, *duksetiš savimi pacīiū* l. с. 200, 21, *tikėk manim, kaip pats savim Viltis* 1908 г., № 75, ср. твор. п. при црксл. *нѣвати* у Дельбрюка l. с. 255 и Вондрака l. с. 351.

Относительно дат. падежа отмѣчу тутъ: лит. *stėbekiš... tam'* у Даукши Post. 179, 17 и лат. *brīnītiēs* съ дат. п. Latweeschu grammatika 176, ср. дат. п. при црксл. *чудити* и *дивити сѧ* у Дельбрюка l. с. 285 и Вондрака l. с. 362; лат. *smiētiēs* Latw. gram. 176 и црксл. *смияти сѧ* у Дельбрюка l. с. 284; лат. *uotra nelaimēi nepriēcājiēs* «бѣдѣ другого не радуйся» (Трейландъ, Матеріалы по этногр. лат. племени; дополн., послов. 64), Delbrück l. с. 284; лат. *piērast* «привыкнуть» и *mācīt(iēs)* «учить(ся) Latw. gram. 177, ср. Delbrück l. с. 287 (а съ лит. *mókia*²⁾ *mus piņnūmo* у Даукши Post. 202, 34, см. также 175, 36 и 316, 9, ср. р. *учитися добрыхъ нравовъ* у Будде, Энцикл. слав. филол., вып. 12, 106). Dativus absolutus (латышскіе примѣры Latw. gram. 147) встрѣчается, правда, также въ германскихъ языкахъ, но ср. Delbrück l. с. IV, 495 сл. и Streitberg, Gotisches Elementarbuch⁴ 174 сл., и относительно слав. языковъ³⁾ Vondrák l. с. 408 слл.

¹⁾ Можно бы привести также ав. *vərazyatamča ida vohu vāstrya uyatna anuyatnāiš daste* Vr. 15, 1, если бы ав. формы на -āiš такъ часто не встрѣчались въ значеніи вин. (и имен.) падежа.

²⁾ Также въ перепечатанномъ Быстронемъ лит. катехизисѣ 1605 г. этотъ глаголѣ постоянно имѣетъ за собою род. п., наприм., на стр. 33 и 48 въ изданіи Быстроня.

³⁾ Богородицкій (Очерки по языковѣд. и р. яз. ³408 и 410 слл.) почему-то полагаетъ, что въ иде. праязыкѣ имѣлся только loc. absol. и не только

Въ употребленіи *genit. (ablat.)* замѣчательны тутъ слѣдующія совпаденія: род. п. при сущинѣ, ср. Vondrák l. c. 323, Meillet *Recherches* 162 сл. и Zubatý *Rocznik Slaw.* II, 19; род. п. «*in positiven Existenzialsätzen*», ср. Delbrück l. c. III, 318 сл. и Vondrák l. c. 322 сл. (латышскіе примѣры даются Мюленбахомъ JF. XIII, 227 и *Latw. gram.* 172), и род. п. послѣ отрицанія, ср. Delbrück l. c. 341 сл., Vondrák l. c. 338 сл., Кудрявскій, Ж. М. Н. Пр. CCCX и Zubatý *Rocznik Slaw.* II, 19. Тутъ же можно упомянуть и о двойномъ отрицаніи, извѣстномъ, впрочемъ, также изъ другихъ языковъ, ср. Delbrück l. c. IV, 535 слл. и Vondrák l. c. 401 сл., и о дополненіи инфинитива въ имен. падежѣ, ср. Delbrück l. c. IV, 460 слл.

Д. Сходство словарнаго состава.

Едва ли ошибемся, сказавъ, что столь распространенная гипотеза о славяно-балтійскомъ праязыкѣ возникла главнымъ образомъ на основаніи большого сходства въ словарномъ составѣ славянскихъ и балтійскихъ языковъ. Въ этомъ отношеніи весьма характерно то, что Погодинъ, который когда-то раньше, подобно Бодуэну-де-Куртенэ, считалъ этотъ праязыкъ «ученой фикціей», призналъ особую славяно-балтійскую эпоху въ предисловіи книги ¹⁾, посвященной разбору корней славянскихъ (и балтійскихъ) языковъ. Чтобы наглядно показать, насколько эти языки сходятся въ своемъ словарномъ составѣ, я считаю нелишнимъ помѣстить тутъ списокъ словъ, свойственныхъ исключительно славянскимъ и балтійскимъ языкамъ (несколько не претендуя на полноту, ср. также Meillet, *Les dialectes* 46 слл.). При этомъ буду ставить въ скобкахъ тѣ слова, *корень* которыхъ хорошо извѣстенъ также изъ другихъ иде. языковъ. И такъ какъ желательны указанія на удареніе и интонацію, то по мѣрѣ возможности представителемъ славянскихъ языковъ будетъ служить не древне-церковнославянскій, но одинъ изъ

предполагаетъ его для славянскихъ языковъ (ср. балт. *dat. abs.*), но находитъ его и съ латинскомъ (ср. *ablat. absol.* въ осско-умбрекомъ, гдѣ мѣстн. п. не совпалъ съ аблативомъ!). Приведенный же имъ по Явнису литовскій оборотъ (l. c. 408¹⁾) не *loc. absol.*, но обычный *loc. temporalis*.

¹⁾ «Слѣды корней-основъ въ славянскихъ языкахъ».

современныхъ славянскихъ языковъ (по преимуществу сербо-хорватскій или русскій).

ГЛАГОЛЫ:

- (лит. *álkti*: ч. *lákati*).
- (лат. *baŕu bārt*=р. -*бoрю -бoрoтъ*).
- (лат. *bēgu*, лит. *bēgti*=р. *бѣгѹ*, діал. *бѣчѹ*).
- (лит. *budėti*, лат. *baudīt*=р. *бoдѣтъ*, срб. *búdit*).
- (лит. *dūsėti*=р. *дышѣтъ*).
- (лат. *dūrāt*=р. -*дурѣтъ*).
- (лат. *dēju dēt dētiēs*: малор. -*дiю*, -*дiмѹ*).
- (лат. *gaditiēs*=р. *гoдитѣся*).
- (лат. *gādat*: р. *гaдѣтъ*).
- (лит. *ganėti*=црксл. *гонѣти*).
- (лит. *ganýti*=срб. *gòniti*).
- (лат. *grābāt*=малор. *грѣбати*).
- (лит. *ieškoti*=р. *искѣтъ*).
- (лит. *imù*=црксл. -*ѣмѣ*).
- (лат. *kal' u kal't*=р. *колѹ колoтъ*).
- (лит. *karóju karóti*=р. *кoпѣю кoпѣтъ*).
- (лат. *kaŭju kaūt*=р. *кѹю'*, ч. *kouti*).
- лат. *klanīt*=р. *клонѣтъ*.
- (лит. *klúpoti*=р. *кльпѣтъ*, v. d. Osten-Sacken AfslPh. XXXII, 330).
- (лат. *kúpēt*=р. *купѣтъ*).
- (лит. *laupýti* у Буги Aist. Stud. I, 187=р. *лѹпѣтъ*).
- лит. *leñkti*, лат. *luòcit*=црксл. *лѹтитѣ*, срб. *lúčiti*.
- (лит. *lieti*=срб. *liti*).
- (лит. *mainýti*=срб. *mijèniti*).
- (лит. *maišýti*=р. *мѣсѣтъ*).
- (лат. *mānīt*: р. *манѣтъ*).
- (лат. *mērīt*=р. *мѣрѣтъ*).
- лит. *metù*, лат. *mētāt*=црксл. *мѣтѣ*, -*мѣтѣти*.
- лит. *miegóti*=р. *мигѣтъ*.
- (лит. *minù*=црксл. *мѣнѣ*).
- (лит. *mojoti*=црксл. *мѣяти*).

- (лит. *nér̃ti* = црксл. -нр̃н̃ти).
(лит. *ovytis*, ср. Изв. XV, 2, 216 = црксл. авити сѧ).
(лит. *pelnỹti* = срб. *plijèniti*).
(лит. *pinù* = црксл. н̃н̃ж).
лит. *pyškėti* = р. ниц̃а̃м̃ь.
(лит. *prašýti* = р. прос̃у̃м̃ь).
(лат. *radit* = р. род̃у̃м̃ь).
(лит. *raišýti* = р. р̃н̃ш̃у̃м̃ь, см. выше стр. 69¹).
(лит. *sėsti, sėdėti* = црксл. с̃ьс̃ти, с̃ьд̃н̃ти).
(лит. *smirdėti* = р. смер̃д̃н̃'м̃ь).
(лит. *sukù* = р. ску̃).
(лит. *šáuju* = р. с̃у̃ю).
(лит. *švaitýti* = р. св̃н̃т̃у̃м̃ь).
(лат. *vāl'at* = р. валя̃'м̃ь).
(лат. *vadit* = р. вод̃у̃м̃ь).
пр. *waitiāt* = р. -в̃н̃ч̃а̃м̃ь.
(лит. *žiedžiù* = црксл. зижд̃ж̃).
лит. *žvėngli* = црксл. зв̃ж̃ити.

ИМЕНА:

- лит. *vākaras* = р. в̃еч̃ер̃ь.
(лит. *žiemà žiẽm̃a* = срб. *zima zīmu*).
(лит. *šalnà* = срб. *slána*).
(лит. *anglis* = црксл. ж̃ал̃ь).
(лит. *degùtas* : р. д̃ег̃от̃ь).
лит. *geležis* : црксл. жел̃ьзо.
лат. *krams* или *kr̃ems* : црксл. крем̃ь.
(лит. *lėdas* = црксл. лед̃ь).
(лит. *mėlas* = црксл. м̃ьл̃ь).
лат. *smėli* «смолистая полѣнья» : р. смола̃.
(лит. *taukaĩ* : црксл. тук̃ь).
(пр. *semmē* = р. земля̃').
(лит. *kermùšė* : р. чер̃ем̃ш̃а̃).
лит. *kr(i)áušė* = болг. кр̃у̃ша.
лит. *lėpa* = срб. l̃pa.

- (лит. *papártis* : р. *náporomъ*).
лит. *riešutas* : црксл. *оръхъ*.
лит. *šermùkšlè* : словинск. *srě mša*.
пр. *lunkan* = црксл. *лыко*.
(пр. *pelwo* = црксл. *плъва*).
(лит. *váltis* = малор. *волóтъ*).
(лит. *ãvinas* = црксл. *овънъ*).
(старолит. *elenis* = црксл. *ѣлень*).
(лит. *ežỹs* = р. *ѣжъ*).
(лит. *kárvè* : р. *корóва*).
(пр. *caune* : срб. *kúna*).
лат. *sirna* (см. выше стр. 5) = р. *сёрна*.
лат. *tel's* : црксл. *телъ*.
лат. *vepris* = црксл. *вепрь*.
(пр. *weware* : црксл. *въверница*).
(лит. *putýtis* = црксл. *пътишитъ*).
лат. *dzilna* (съ прерыв. инт.) = р. *желна́*.
(лит. *gegužė* : староч. *žezhule*).
(лит. *krauklỹs* : црксл. *крыкъ*).
лит. *pýlė* : срб. *pīle*.
лит. *slankà* = ч. *sluka*.
(лит. *šárka* = р. *сорóка*).
лит. *várna* = р. *ворóна*.
лит. *vaĩnas* = р. *вóронъ*.
лат. *kuovārna* : малор. *каворон*.
(пр. *angurgis* : р. *уоръ*).
лат. *līnis* = ч. *líň*.
лит. *šãmas* = р. *сомъ*.
(лат. *gnīda* = р. *мíда*).
(лат. *ikri* : р. *икра*).
лит. *naĩštas* = р. *нóростъ*.
(лит. *bóba* = срб. *bàba*).
(лит. *drauĩgas* = срб. *drûg*).
(лит. *jaunìkis* = р. *юнѣцъ*).
(лат. *rads* = црксл. *родъ*).

- (лат. *saime* : црксл. сѣмья).
лит. *šeiryš* : црксл. сирѣ.
пр. *tisties* : црксл. тѣстѣ.
лат. *smirds* (ср. KZ. XLII, 379) = р. смердѣ.
пр. *wutris* = црксл. вѣтрѣ.
лит. *dėl̃na* : срб. dl̃an.
лит. *galṽa* = р. голова.
(лат. *gũrste* : срб. g̃r̃st).
(пр. *insuwis* : црксл. ѡзыкъ).
(лит. *nag̃a* = р. ног̃а).
(пр. *nagutis* = црксл. ногѣтъ).
лит. *pent̃inas* : црксл. пѣтъно.
лит. *p̃entis* : црксл. пѣта (ср. о-пѣтъ).
лит. *p̃iř̃štas* : срб. p̃ř̃st.
(лит. *p̃iř̃š̃es* (въ Хвейданскомъ гов.) «грудь у лошади» : срб. p̃ř̃si).
(лит. *plaũčiai* : срб. pl̃ū̃ca, ср. лат. *plaukšas*).
(лат. *pl̃eksna* или *pl̃ezna* = малор. плесна или плезна).
лит. *r̃āgas* = црксл. роу̃г̃.
лит. *rank̃a rañka* = срб. r̃uka r̃ūku.
(лит. *akst̃is* = р. остѣ).
(лит. *ākstiñas* = црксл. остѣнѣ).
лит. *aldia* (у Даукши Post. 107, 25) : црксл. ладии.
(пр. *dalptan* = р. долотѣ).
лат. *dandzis* : р. дуна.
лит. *kañkalas* = р. ко́локолѣ.
лат. *kārba* = бѣлор. корѣба.
пр. *creslan* = малор. крісло.
(лит. *kújis* = црксл. кѣи).
(лит. *kūrp̃es* = срб. k̃r̃pl̃e).
лит. *lañkas* = срб. l̃ūk.
лит. *l̃óra* = р. лава.
лат. *lemesis* = црксл. лемешѣ.
лат. *merga* (съ прерыв. инт.) : р. мерѣга, мерѣжа.
лат. *nazis* = црксл. ножѣ.
лит. *nýtys* = срб. ñiti.

лат. *puõsms* : срб. *pãsmo*.

лит. *sietas* : срб. *sĩto*.

лат. *šk'ēps* = прксл. *uimanъ*.

лит. *temptyva* = срб. *tetiva*.

(лит. *vainìkas* = р. *вънѣцъ*; лат. *vaiñuks* BW. 5774, 2 вар. : р. *вънѣкъ*).

(пр. *warto* = прксл. *врата*).

лит. *véntaris* : р. *вя'теръ*.

(лит. *virvė* : р. *вервь*).

лит. *klėtis* = прксл. *клѣтъ*.

лит. *pirtis* = древнер. *нѣртъ*.

(лит. *barnis* = прксл. *бранъ*).

(лит. *bėgas* = р. *бѣгъ*).

(лит. *brādas* = р. *бродъ*).

(лат. *daba* = р. *доба*).

(лат. *dal'a* = р. *доля*).

(лит. *daũsos* : срб. *dũha*).

(лит. *dūsas* = малор. *дох*).

лит. *drugỹs* : р. *дрожь*.

(лит. *duonis* = прксл. *данъ*).

пр. *eyswo* : прксл. *язва*.

лит. *ėžeras* (пр. *assaran*) = срб. *jězero*.

(лит. *grúodas* = срб. *grād*).

(лат. *kams* = р. *комъ*).

(лит. *kaĩtas* = прксл. *кратъ*).

лит. *lankà* = срб. *lúka*.

лат. *lausks* (ср. словарь Ульмана и *Etnografiskas ziņas par latwee-scheem* 39 и 58) = малор. *[no]луск*.

лат. *lauska* = р. *луска*.

(лат. *maina* = р. *мѣна*).

лат. *miēlasts* : срб. *mĩlōst*.

лат. *miērs* = ч. *mír*.

(лат. *nāve* : прксл. *навъ*).

(пр. *panto* : р. *нѣты*).

(лит. *peĩnas* = срб. *plĩjen*).

(лат. *prieds* = словинск. *prid*).

лат. *remesis* : р. *ремесло*.

лат. *rinda* : срб. *rěda*.

лит. *siela* (Būga Aist. Stud. I, 82) = срб. *sīla*.

(лат. *sliēnas* = срб. *slīne*).

(лат. *smards* = цксл. *смадръ*).

(лат. *šk'irba* = словинск. *ščrba*).

лит. *talkà* = бѣлор. *молокà*.

лит. *tuĩgus* = срб. *tĩg*.

лат. *vaĩna* : цксл. *вина*.

(лат. *val'a* = р. *воля*).

(лат. *valsts* съ нисход. инт. = р. *во́лостъ*).

лит. *vietà* : цксл. *вумати*.

(лит. *viršùs* = срб. *vĩh*).

лат. *dàrgs* = р. *до́рогъ*.

(лит. *glodùs* : цксл. *гладъкъ*).

(лит. *jáunas* = цксл. *юнъ*, ср. Osthoff MU. VI, 293 слл.).

лит. *kietas* = срб. *čĩtĩ*.

лит. *kiĩštas* = срб. *čēst*.

(лит. *(s)kýstas* = срб. *čĩst*).

(лит. *kreĩvas* = срб. *krĩv*).

(лит. *krùvinas* = р. *крóвный*).

лит. *liesas* = цксл. *лихъ*.

(пр. *malda-* = цксл. *младо-*).

(лит. *mandrùs* = цксл. *мѣдръ*).

лит. *mielas* (или *mylùs*) = срб. *mĩo*.

(лат. *nuògs* = р. *нагóй*).

пр. *pausto-* = цксл. *нѣсто-*.

лит. *raiškus* : цксл. *ръснъ* (см. выше стр. 55).

(лит. *saldùs* : цксл. *сладъкъ*).

(лит. *šývas* = срб. *sĩv*).

лат. *vešēls* = цксл. *веселъ*.

лит. *visas* = цксл. *вьсь*.

лит. *kelĩ* : цксл. *коль*.

лит. *abù* = цксл. *оба*.

(лит. *ašmas* = цксл. *осмъ*).

(лит. *deviñtas* = р. *девя́тый*).

(лит. *kõks, tõks* : црксл. *какъ, такъ*).

НАРѢЧІЯ, ПРЕДЛОГИ И ЧАСТИЦЫ:

лит. *nūnai* : р. *ны́нѣ*.

(лит. *bè* : црксл. *без*).

лат. *iz* = црксл. *из*.

лит. *ũž* = црксл. *вѣз*.

(лит. *prĩẽ* = црксл. *при*).

лит. *ažuo-* : црксл. *за*.

(пр. *no* = црксл. *на*).

(лит. *ĩ* = црксл. *и*).

(лит. *jaiũ* = црксл. *ю*).

Очень возможно, что въ этотъ списокъ попало нѣсколько такихъ словъ, сходство которыхъ объясняется не ихъ родствомъ, но заимствованіемъ; и для нѣкоторыхъ словъ, можетъ быть, найдутся соотвѣтствующія формы также въ другихъ родственныхъ языкахъ. Но зато при болѣе тщательномъ пересмотрѣ словарей славянскихъ и балтійскихъ языковъ вѣроятно можно было бы прибавить нѣсколько соотвѣтствій къ этому перечню, такъ что общее число ихъ значительно не измѣнится. Особенно замѣчательно частое совпаденіе въ названіи частей тѣла, и это тѣмъ болѣе, что въ этомъ отношеніи отдѣльные индоевропейскіе языки значительно расходятся между собою (ср. названія головы, руки, пальца, груди). Затѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду еще и то, что мною тутъ пропущены славяно-балтійскія слова, отличающіяся своимъ значеніемъ отъ тождественныхъ по формѣ словъ родственныхъ языковъ, какъ, наприм., лит. *nešũ* = црксл. *несѣ* : скр. *naśāmi* «достигаю». Весьма значительно сходство въ значеніи предлоговъ и префиксовъ прабалт. **ažō*, слав. *za* (ср. мои Лат. предлоги I 17 слл. и II 20 слл.), прабалт. **apĩ*, слав. *o* (I с. I 27 слл. и II 28 слл.), прабалт. **ata*, праслав. **ot* (I с. I 58 сл. и II 34 слл.), прабалт. **už*, праслав. **vžž* (I с. I 110 слл. и II 55 слл.), прабалт. **pa*, слав. *po* (I с. I 141 слл. и II 71 слл.), прабалт. **per*, праслав. **per* (I с. I 155 слл. и II 81 слл.).—Но для того, чтобы правильнѣе оцѣнить

степень сходства въ словарномъ составѣ, необходимо сопоставленіе его съ общимъ достояніемъ словъ въ какихъ-нибудь двухъ другихъ группахъ языковъ. Наиболеѣ подходящимъ объектомъ сравненія, пожалуй, являются италійскіе и кельтскіе языки, для которыхъ Meillet (см. выше стр. 2) предполагаетъ особый итало-кельтскій праязыкъ. И вотъ каковъ результатъ моего сопоставленія: *Urkeltischer Sprachschatz Stokes'a* содержитъ всего приблизительно 65 словъ, свойственныхъ исключительно кельтскимъ и италійскимъ языкамъ, между тѣмъ какъ мой списокъ славяно-балтійскихъ словъ заключаетъ въ себѣ слишкомъ 200 словъ; и при этомъ слѣдуетъ считаться еще и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что памятники италійскихъ и кельтскихъ языковъ гораздо древнѣе, чѣмъ памятники славяно-балтійскихъ языковъ, такъ что въ италійскихъ и кельтскихъ языкахъ можно искать больше старыхъ словъ.

Заключеніе.

Итакъ, мы нашли нѣсколько, кажется, весьма древнихъ различій между славянскими и балтійскими языками: первые изъ нихъ своимъ *x* изъ иде. *s* и *kh* рѣзко отличаются отъ балтійскихъ языковъ, примыкая въ этомъ отношеніи къ арійской вѣтви; ср. еще і. *s.* основъ на *-o* и ген. *pl.* основъ на *-i*. Съ другой же стороны, есть и цѣлый рядъ совпаденій; изъ нихъ наиболеѣ древними я считаю *ur*, *ul*, *ut*, *un* рядомъ съ *ir*, *il*, *it*, *in* въ корняхъ ряда *e* и окончаніе *-tus* для *dat. pl.* Затѣмъ еще отмѣчу сходное развитіе сочетанія *ec*, образованіе опредѣленныхъ прилагательныхъ посредствомъ основы *io-*, употребленіе въ парадигмѣ основъ на *-o* стараго аблатива въ значеніи родит. падежа, возникновеніе въ мѣстоименной флексіи новообразованія *min-*, ген. *pl.* **nōs(s)ōm*, сильное развитіе предикативнаго творит. падежа и дополненія въ родит. падежѣ послѣ отрицанія и, наконецъ, значительное сходство словарнаго состава. Въ виду всего этого я представляю себѣ доисторическую эпоху славянскихъ и балтійскихъ языковъ слѣдующимъ образомъ. Уже въ эпоху общаго индо-европейскаго праязыка «славянскій» говоръ кое-чѣмъ отличался отъ «балтійскаго» говора, занимая приблизительно срединное положеніе между «арійскимъ»

и «балтійскимъ» говорами. Когда же при распаденіи общаго праязыка арійцы отдѣлились территоріально отъ славянъ, послѣдніе, оставаясь ближайшими сосѣдями балтійскаго племени, вступили съ нимъ въ эпоху совмѣстной жизни, во время которой ихъ языки были еще настолько близки другъ къ другу, что славяне еще понимали балтійскую рѣчь и наоборотъ. Въ то время ихъ языки обогатились цѣлымъ рядомъ общихъ имъ новыхъ словъ и подверглись нѣкоторымъ (немногимъ!) общимъ измѣненіямъ въ области фонетики, морфологіи и синтаксиса. Можно, значитъ, на мой взглядъ, говорить о «славяно-балтійской эпохѣ»; терминомъ же «славяно-балтійскій праязыкъ» лучше будетъ не пользоваться, такъ какъ это выраженіе легко порождаетъ мысль о полномъ единствѣ въ лингвистическомъ отношеніи.—Въ пользу того, что славянская рѣчь отличалась отъ балтійской уже въ эпоху иде. праязыка, говоритъ и то обстоятельство, что нѣтъ, кажется, различныхъ степеней близости отдѣльныхъ славянскихъ языковъ къ отдѣльнымъ балтійскимъ языкамъ (нѣкоторыя балтійскія нарѣчія, правда, вымерли, не оставивъ за собою никакихъ памятниковъ). Относительно славянскихъ языковъ врядъ ли можно сомнѣваться, что всѣ они одинаково отдалены отъ балтійскихъ языковъ (если въ русскомъ, кашубскомъ и полабскомъ *-or-*, какъ и въ балтійскихъ языкахъ, не подвергается перестановкѣ, то это въ данномъ вопросѣ лишено всякаго значенія, такъ какъ это не новшество, но сохраненіе старины, и въ праславянскую эпоху вѣроятно еще всѣ славянскіе говоры сохраняли внутри слова *e* и *o* передъ плавными). Что же касается балтійскихъ языковъ, то прусскій языкъ, какъ отчасти выше указано (ср. также Trautmann Altpr. Spr., стр. IX и XIII сл.), кое въ чемъ расходится съ литовско-латышскимъ и сходится съ славянскими языками. Но за исключеніемъ пр. *twais*, *swais* (=црксл. *твои*, *свои*), гдѣ совпаденіе, можетъ-быть, случайно (см. выше стр. 185), въ случаяхъ спеціальнаго сходства прусскаго языка съ славянскими въ области грамматики мы имѣемъ дѣло не съ общими новообразованіями, но съ сохраненіемъ старины (ср. наприм. пр. *poūson*, *tebbeī*, *wans*: црксл. *насъ*, *тебѣ*, *вы* и сохраненіе средняго рода), такъ что эти совпаденія не доказываютъ болѣе тѣснаго (по

сравненію съ литовско-латышскимъ) родства прусскаго языка со славянскими. И какъ мы находимъ въ прусскомъ языкѣ нѣсколько словъ, соотвѣтствія которымъ имѣются въ славянскомъ, но не въ литовско-латышскомъ, такъ и въ литовскомъ и латышскомъ есть слова, сходныя не съ прусскими, но славянскими формами. А если это такъ, то я не рѣшаюсь только на основаніи пр. *twais* и *swais* предполагать болѣе тѣсное родство прусскаго языка со славянской вѣтвью: ср. праслав. *koti, лит. *kāti*, лат. *kat*: пр. *kasmi*. Последнее слово науки о славяно-балтійскомъ сродствѣ мною, конечно, не сказано: дальнѣйшая разработка ударенія и синтаксиса, а также словарнаго состава, вѣроятно, еще болѣе освѣтитъ этотъ вопросъ. Но смѣю думать, что и въ настоящее время мои выводы не слишкомъ поспѣшны.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Къ стр. 5¹. По сообщенію К. К. Буги вмѣсто *sirgti su* слѣдуетъ писать *siĩgti su* (= *siĩgti* «хворать»).

Къ стр. 9. Вмѣсто лит. *kūli veĩsti* слѣдуетъ читать *kūli veĩsti* (*i=i* назализованное).

Къ стр. 11, 17. Вмѣсто *w* слѣдуетъ читать *ц*.

Къ стр. 12. О латинск. *simpulum* см. теперь второе изданіе словаря Walde 713.

Къ стр. 16, 22. Вмѣсто *dzemi* чит. *dzemi*, и 16, 25 в. *delu* чит. *delu*.

Къ стр. 17². *и* изъ *uo* имѣется, кажется, также въ лит. *purvai* «Strassenschmutz» и въ лат. *purvs* (откуда въ части говоровъ *purs*, ср. *ciris* изъ *cirvis* «топоръ», или *spārs* изъ *spārvs* «слѣпень») «болото», ср. ниже-луж. *para* «Kot», полаб. *poro* «Kot, Morast» (рядомъ съ *p-* мы находимъ тутъ и *b-*, ср. словарь Бернекера подъ *bara*). Въ пользу этого говорятъ лат. діалектическія формы этого слова: *puors* BW. 29678 вар. (изъ Нидеръ-Бартау, гдѣ *ur* не измѣняется въ *uor*) и *pūrs* BW. 25915, 7 и 28885 (изъ инфлянскихъ говоровъ, гдѣ *ū* изъ *uo*).

Къ стр. 18. Также Зубатый LF. XXIII 453 считаетъ *ur* (*ѳr*) и т. д. за «нулевую ступень» сочетанія *or* и т. д.

Къ стр. 19. К. К. Буга мнѣ пишетъ, что изъ лит. говоровъ, различающихъ *ś* отъ *s*, онъ знаетъ только *siũsti* и *siuĩtinti* (а не *sũsti* и *suĩtinti*, взятые мною изъ словаря Куршата), и что онъ сомнѣвается въ существованіи лит. *dramstis* «хмуриться» (взятого мною изъ словаря Юшкевича), указывая на то, что Юшкевичъ иногда ошибочно пишетъ *am*, *an* вмѣсто *um*, *un*.

Къ стр. 22. Во второмъ изданіи своего словаря Walde сопоставляетъ (подъ *curvus*) арм. *kuon* (вслѣдъ за Lidén'омъ) съ гр. *γυρός* и др.

Къ стр. 30, 17. Послѣ XLIV надо вставить 58.

Къ стр. 32. По мнѣнію К. К. Буги лит. *versmẽ*—въ виду *verdẽnẽ*. «ключъ» (*Salõčiai*)—можетъ быть, восходитъ къ *verd-smẽ; по его же сообщенію вмѣсто *vẽversỹs* «жаворонокъ» слѣдуетъ писать *vieversỹs* (gen. s. *vieversio*, наприм. въ Поневѣжск. говорѣ).

Къ стр. 35. Въ лит. *bálkšvas*, какъ мнѣ указываетъ К. К. Буга, можетъ быть, не вставное, но корневое *k*, ср. глаголѣ *bálkstu*.

Къ стр. 36, 5. К. К. Буга, указывая на *šmẽkla* «привидѣніе» и др. въ Дусятахъ, полагаетъ, что вмѣсто *šmieksóti* слѣдуетъ писать *šmẽksóti*.

Къ стр. 38, 6. К. К. Буга оспариваетъ правильность интонаціи въ *vaĩkstas* (у Куршата въ скобкахъ), указывая на синонимное *váistas* (въ Купишкахъ) и *váistras* «способъ, средство» (въ Дусятахъ).

Къ стр. 38, 9. На долготу *u* въ *aduksis*, по сообщенію К. К. Буги, указываетъ тождественное съ нимъ *ãduksis* въ Хвейданахъ.

Къ стр. 41². Др.-ирл. *gair* значитъ (не «длинный», но) «короткій», ср. Osthoff MU. VI 197.

Къ стр. 42¹. К. К. Бугѣ извѣстно только *šiũpti* (наприм. въ Хвейданахъ), а не *šũpti*, какъ читаемъ у Куршата въ скобкахъ.

Къ стр. 43, 10. Вмѣсто *šk'evas* чит. *šk'ėvas*.

Къ стр. 50¹. Вмѣсто *siubóti* Куршата К. К. Буга знаетъ только *siubúoti* (напр. въ Дусятахъ, Хвейданахъ и Владиславовѣ).

Къ стр. 52². Вмѣсто *vecs* чит. *vėcs*.

Къ стр. 52². Вмѣсто *vētušas* чит. *vetūšis*.

Къ стр. 53. Вмѣсто *truša* и *trišti* (у Куршата въ скобкахъ), какъ мнѣ указываетъ К. К. Буга, слѣдуетъ писать *trašà* (= *trušà* въ Дусятахъ) и *trešti* (*trỹšt* въ Дусятахъ), какъ установлено уже Явнисомъ, Поневѣжскій у. 123.

Къ стр. 56, 2. Существованіе формы *ýskiai* К. К. Буга мнѣ удостоверяетъ ссылкой на словарь Юшкевича (стр. 720) и на свои личные наблюденія.

Къ стр. 76. Рядомъ съ *juožmiõ*, на что мнѣ указываетъ К. К. Буга, имѣется и *juožėti* въ словарѣ Юшкевича подъ *jũsėti*.

Къ стр. 90, 11. Слово *laidaras* извѣстно К. К. Бугѣ только съ *aĩ* (а не *ái*) и только изъ сосѣднихъ съ латышскимъ краемъ мѣстностей, такъ что оно, можетъ быть, заимствовано изъ латышскаго языка, ср. Bezzenberger GGA. 1885 г., 918.

Къ стр. 91, 14. Лит. *vėselas*, по мнѣнію К. К. Буги, заимствовано изъ р. *вѣшало*.

Къ стр. 97, 5 (о лат. *i* изъ *u* передъ *v*, *b*). Переходъ *u* въ *i* вѣроятно имѣлъ мѣсто только передъ такимъ *v*, *b*, за которымъ слѣдовало *i* (или *e*?): *divi*, *zivs* изъ **zivis*, *sivēns* (вѣроятно произведено отъ **suvis* > **sivis* «свинья», возникшаго взаменъ болѣе древняго **sūs*), *dibins* (подъ вліяніемъ этого слова могло возникнуть *Dignāja* < **Dibnāja* изъ **Dubnāja*, ср. нѣмецкое названіе этой мѣстности «Dubena» и лит. *dūgnas* изъ **dūbnas*), но *tuvu druva* (въ *tivu i*, можетъ быть, перенесено изъ формъ съ *i* за *v*, а восточно-лат. *driva*, если оно свойственно говорамъ съ *i*ц изъ *ū*, можетъ восходить къ **driuva*, ср. KZ. XLIII 40 сл.).

Къ стр. 97, 23. Что въ пр. *weware* было долгое *e* въ первомъ слогѣ, въ пользу этого говоритъ также лит. *vėveris*, асс. s. *vėveri* у Буги Aist. Stud. I 62.

Къ стр. 98. Уже послѣ того, какъ седьмой листъ былъ отпечатанъ, вышла апрѣльская книжка журнала Göttingische gelehrte Anzeigen за 1911 г., гдѣ на стр. 249 Trautmann даетъ такую же этимологію праславянскаго *drev-*, какъ и я.

Къ стр. 99¹. К. К. Буга мнѣ пишетъ, что вмѣсто лит. *drėvis* (съ *ė*) онъ знаетъ только *drėvė* (въ Хвейданахъ и др.).

Къ стр. 101, 18. К. К. Буга сопоставляетъ суффиксъ лат. *gliēmēzis* съ суффиксомъ лит. *gl'ēmėžius* «слизь» (въ Дусятахъ).

Къ стр. 125, 14. Въ лит. *plikšas š*, по мнѣнію К. К. Буги, въ виду *drībšas* Ю., *gōbšas* Ю. и др. скорѣе восходитъ къ иде. *k*.

Къ стр. 125, 24. Въ прагерм. **haldá-s d* слѣдуетъ замѣнить буквой, обозначающею соотвѣтственный звонкій спирантъ.

Къ стр. 126. Также Траутману GGA. за 1911 г., стр. 256, лат. *sekul(i)s* напоминаетъ р. *хохолъ*.

Къ стр. 141¹. Въ скр. *-vasas* а должно получить знакъ долготы.

Къ стр. 144, 32. Вмѣсто *jus* чит. *jūs*.

Къ стр. 155². Доставъ лишь недавно *ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΑ* (Сборн. статей въ честь Θ. Е. Корша), я теперь долженъ добавить къ своей статейкѣ KZ. XLIV 49 слл., что уже Поржезинскій (въ упомянутомъ сборникѣ, стр. 532 слл.) отмѣтилъ удареніе лит. «желательнаго» наклоненія и существительныхъ на *-itas* у Даукши.

Къ стр. 163, 13. Въ *tainuēiš* а должно получить знакъ долготы.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВЪ.

1. Прусск. яз.

<i>gewineis</i> 95.	<i>dáugsinti</i> 37.	<i>kùmstè</i> 20.
<i>gewinna</i> 95.	<i>dāvē, dēvē</i> 86 сл.	<i>kūrti</i> 19.
<i>crausy</i> 66 ¹ .	<i>drėkštīnė</i> 35.	<i>kuzdėti</i> 112.
<i>culczi</i> 34 ¹ .	<i>duksinti</i> 37.	<i>kuzúoti</i> 112.
<i>quai</i> 130.	<i>dùlkės</i> 18.	<i>laikštus</i> 55.
<i>aulausė</i> 66 ¹ .	<i>gewenti</i> 95.	<i>laiškas</i> 54 ³ .
<i>menschon</i> 68.	<i>gīrsa</i> 30.	<i>laizdyti</i> 111.
<i>mien</i> 181 слл.	<i>gleiznóti</i> 112.	<i>lašišà</i> 60.
<i>penpalo</i> 90.	<i>glūmzdyt'</i> 112.	<i>maišas</i> 58.
<i>seweynis</i> 96.	<i>gruzdinti</i> 112.	<i>mēs</i> 144.
<i>sien, sin, -si</i> 181 слл.	<i>inkštīras</i> 34.	<i>mótė</i> 149 ¹ .
<i>sompisinis</i> 61.	<i>instīras</i> 34.	<i>mūn</i> 180 слл.
<i>āuschautins</i> 65.	<i>iščias</i> 55.	<i>paskuī</i> 159.
<i>schlāit</i> 63.	<i>juozmuō</i> 76.	<i>plėiskanos</i> 55.
<i>schlūsitwei</i> 63.	<i>jūšė</i> 59.	<i>plėiskės</i> 55.
<i>semmė</i> 66 ¹ .	<i>kaĩšti</i> 29.	<i>plikas</i> 125.
<i>tawisch-</i> 68.	<i>káušas</i> 59.	<i>pokštė</i> 36.
<i>tien, tin</i> 181 слл.	<i>kermūšė</i> 59.	<i>purvaĩ</i> 203.
<i>uschts</i> 64.	<i>kevekštys</i> 88.	<i>pūsevaitė</i> 94 сл.
	<i>kiáušė</i> 59.	<i>pušnīs</i> 61.
	<i>kiaušis</i> 59.	<i>rapšnóti</i> 36.
	<i>Kiĩkšnis</i> 31 ² .	<i>riėšutas</i> 58.
	<i>Kirsnà</i> 31.	<i>sárgas</i> 44.
	<i>kr(i)áušė</i> 59 ² .	<i>selėti</i> 44.
	<i>krĩkštlyti</i> 60.	<i>síena</i> 44.
	<i>kr(i)ušà</i> 58 сл.	<i>sirgti su</i> 5 ¹ и 203.
	<i>kūli veĩsti</i> 9.	<i>skaláuti</i> 43.
	<i>kulkš(n)īs</i> 33.	<i>stirna</i> 44.
	<i>kùlšė, kùlšis</i> 34 ¹ .	<i>stūmti</i> 17 ² .

2. Лит. яз.

<i>áižuols</i> 170 ² .	<i>kr(i)áušė</i> 59 ² .	<i>selėti</i> 44.
<i>ankštiraĩ</i> 34.	<i>krĩkštlyti</i> 60.	<i>síena</i> 44.
<i>apušė</i> 59.	<i>kr(i)ušà</i> 58 сл.	<i>sirgti su</i> 5 ¹ и 203.
<i>arzėti</i> 112.	<i>kūli veĩsti</i> 9.	<i>skaláuti</i> 43.
<i>áužuolas</i> 170 ² .	<i>kulkš(n)īs</i> 33.	<i>stirna</i> 44.
<i>blakstienos</i> 38.	<i>kùlšė, kùlšis</i> 34 ¹ .	<i>stūmti</i> 17 ² .

stuomuõ 44.
sù 45.
súolas 44.
šáltas 40 сл.
šiaudaĩ 39 сл.
šlamštai 36.
šúdas 39.
šulnas 17².
trišti 53 и 204.
tursóti 32.
tùščias 55.
vāškas 57.
vè, véi 145.
vētušas 58 сл. и 205.
vēzdas 111.
viksnóti 37.
žiēgzdros 113.
žvai(g)zdē 113.

3. Лат. яз.

arājs 129.
astuótais 64².
brīve, brīvs 95.
burkšis 20.
cauls 84¹.
ceķul(i)s 126 и 205.
ceŗturtais 64².
deve 86 сл.
Dignāja 205.
ĩķsis 38.
kāmis 126.
krabas 127.
kùlenis 9.
kūlētiēs 9.
kūliņš, kūlis 9.
kuņšk'is 20.
kuŗt 19.
kuŗtēt 19.

kuorns 19.
lauska 197.
lausks 197.
lēgzds 110 сл.
ligzds 110¹.
mēs 144.
mun 180 сл.
pāksts 36.
pāteŗa 93¹.
pazuse 108.
pledināt 85¹.
plevināt 85.
plidināt 85¹.
plivināt 85.
puõsms 197.
purvs 203.
sirna 44.
skaluoť 43.
skarbs 126.
skumt 20.
sm(a)udrs 8².
smidrs, smīdrs 8².
smidzināt 85¹.
smuidrs 8².
sn(a)idrs, snīdrs 8².
stiŗna 44.
stuĩnt 17².
šk'ēvas 86.
šl'aubums 109¹.
šmaigans 8².
vēz(d)a 111.
zvaĩgzne 113.

4. Праслав. яз.

gr̃bьtь 127.
i 136¹.
(j)ustro 75².
xoldь 125.

xorbrь 126.
xormь 127.
xr̃bьtь 127.
xvostь 127.
xьrtь 127.
voskь 57.

5. Црксл. яз.

древьнѣ 98 и 205.
дрьзь 78.
исть 55.
кръха 58.
мръзньти 77.
мънѣ 180 сл.
пазуха 108.
плъшь 125.
ръштити 69¹.
скакати 46¹.
скорь 46¹.
слуды 109¹.
сръна 44.
страхь 70.
стньна 44.
сърь 122 сл.
хвала 72.
хворь 72.
хромь 71 сл.
шесть 48 сл.

6. Сербск. яз.

krt 19.
pàsmo 197.

7. Русск. яз.

лу́ска 197.
плѣснѣть 55¹.
стѣрѣчь 44.
хворостъ 126.

хвѣяться 127.

хомякъ 126.

хохолъ 126 и 205.

хробость 127.

8. Малор. яз.

полуск 197.

9. Польск. яз.

kulsze 34¹.

szary 122 сл.

10. Чешск. яз.

šerý 122 сл.

11. Санскр. яз.

kṣālayati 43.

tsārati 43².

tsaru- 44.

ṣaṭ 47.

12. Авест. яз.

xšvaš 46 сл.

13. Греч. яз.

κνλί(νδ)ειν 9.

ξέστης 47 сл.

ξέστροις 47 сл.

ξύν, σύν 46.

πρύμνη 9 сл.

στελεά 44.

σῶμα 44.

14. Латинск. яз.

stellio 44.

15. Др.-ирл. яз.

dluigim 13.

16. Готск. яз.

hardus 19.

saurga 5¹.

stilan 44.

stōls 44.

17. Др.-врхн. яз.

rudo 127.

zagēn 43².

zougen 43².

18. Др.-англ. яз.

hyrst 126.

stela 44.

39443

6

7

32 33 35 2 42 45 70 71 200

29

28

200

41

72

45

49

53

53

